

Билет № 979

для пропуски

НА ПАРАДНЫЙ СПЕНТАНДЬ

312

РУССКИЕ СПЕЦНАЗ

ВЫСТРЕЛ В ТЕАТРЕ

**РУССКИЕ
ТРАГИИ**

**ЮРИЙ
САМБУРСКИЙ**

**ПЕТР
САМБУРСКИЙ**

**ВЫСТРЕЛ
В ТЕАТРЕ**

МОСКВА

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОЛИМП
1997

Серия основана в 1997 году.

Самбурский П. Ю., Самбурский Ю. Ю.

С 17 **Выстрел в театре: Роман.** — М.: Олимп; ООО «Издательство АСТ», 1997. — 480 с. — (Русские тайны).

ISBN 5—7390—0381—4 (общ.)

ISBN 5—7390—0402—0 («Олимп»)

ISBN 5—7841—0398—9 (ООО «Издательство АСТ»)

История только кажется незыблемой. А на самом деле ее приговоры отменяются, а индульгенции перечеркиваются.

Убийство в 1911 году министра внутренних дел и председателя Совета министров Петра Аркадьевича Столыпина называют точкой отсчета трагических лет России.

Что происходило тогда, кому была нужна смерть реформатора, кого она огорчила, кого обрадовала? Что за личность Богров, кто подталкивал его к убийству и какие силовые нити тянулись от этого террористического акта к политическим, экономическим, моральным и духовным институтам России... Об этом повествуется в книге, об этом был фильм, показанный Телекомпанией НТВ.

ББК 84(2Рос-Рус)6

© «Олимп», 1997

© Оформление.

ООО «Издательство АСТ», 1997

© Идея серии. Телекомпания НТВ, 1997

ВЫСТРЕЛ В ТЕАТРЕ

---

1 сентября 1911 года. 21 час
Киев

Взвился вверх тяжелый бархатный занавес, и в зале погас свет. Грянула увертюра к опере Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане». Это лучшая, «парадная» постановка Киевского оперного театра. Ее дают только в самых торжественных случаях. Сегодня как раз такой: в театре присутствует сам государь император Николай Второй с августейшим семейством — Романовы приехали в Киев по случаю открытия в первой русской столице памятника императору Александру Второму. Их императорские величества занимают места в генерал-губернаторской ложе.

Капельдинеры со значением переглядываются: хороши! Как хороши великие княжны Татьяна и Ольга! Жаль, не приехали императрица с наследником.

Другие почетные гости Киева занимают кресла в первом ряду партера. На месте под номером пять — премьер-министр нынешнего правительства Столыпин Петр Аркадьевич. Поговаривают, будто ее величество императрица Александра Федоровна его недолюбливает. Будто он больно крут и непокорен. Это как сказать: России необходима твердая рука.

Столыпин поднял голову и кивнул царю. Государь из своей ложи милостиво ему улыбнулся.

Увертюра продолжалась.

Как раз в это время к театру подъехал экипаж, и из него выскочил запыхавшийся молодой человек в черном фраке.

— Куда? — капельдинер загородил ему вход. — Сегодня пускать опоздавших не велено.

Молодой человек умоляюще посмотрел на старика:

— Голубчик, поймите...

— Не велено, — строго повторил капельдинер.

— У меня есть билет, — молодой человек помахал перед носом служащего бумажкой, — и вот еще... — он сунул в руки старику серебряный рубль. — Пустите, голубчик... Мне надо... Меня дама ждет...

Капельдинер проворно спрятал рубль в карман и неохотно посторонился.

— Только тихо, — предупредил он. — Не мешайте государю...

— Извините. — Молодой человек, стараясь на шуметь, пробирался к своему месту в шестнадцатом ряду партера. — Простите...

Он не смотрел на сцену. Его внимание привлекала генерал-губернаторская ложа, где в глубине был едва заметен профиль его величества Николая Александровича. Молодой человек ощущал на боку холодную сталь браунинга.

В антракте зажегся свет, и Петр Аркадьевич поднялся в генерал-губернаторскую ложу.

Принесли шампанское. Николай Александрович взял в руки запотевший бокал.

— Что-то, Петр Аркадьич, вы нынче не в духе, — заметил император.

— Нездоровится. — Столыпин зябко поежился. — Вероятно, простудился в поезде...

— Поезжайте отдыхать, — посоветовал государь.

Но премьер-министр отрицательно покачал головой:

— Эка невидаль — простуда. Да и театр покидать неудобно: киевские власти обидятся. Генерал-губернатор после спектакля лично на банкет приглашал. Я уж лучше потерплю...

— Ваше дело. — Николай Александрович отхлебнул шампанского.

Во втором отделении Петр Аркадьевич отчего-то чувствовал себя неуютно. Он постоянно ощущал на своем затылке чей-то взгляд. Столыпин несколько раз оборачивался, забыв о приличиях, но так и не понял, кого это так заинтересовала его персона.

Неужели охранники были правы? Они еще утром донесли премьеру о готовящемся на него покушении. Но Петр Аркадьевич не то чтобы не придал этому значения, а отреагировал так... невнимательно.

Он пережил уже одиннадцать покушений, и каждый раз Господь оберегал его.

Всплакнули напоследок скрипки, зал заплодировал, и начался второй антракт.

Петр Аркадьевич подошел к оркестровой яме и облокотился на обитый красным бархатом барьер. Музыканты торопливо покидали свои места: антракт длился не дольше десяти минут. И тут Столыпину показалось, что на него опять кто-то смотрит. Он резко обернулся. По проходу откуда-то из задних рядов партера прямо на него шел человек в парадном черном фраке.

Незнакомец улыбался Петру Аркадьевичу странной нехорошей улыбкой. Премьер поднял глаза к генерал-губернаторской ложе. Она казалась пустой: их величества скрылись в глубине.

Незнакомец в черном фраке приблизился к оркестровой яме.

Столыпин недовольно покосился на него. Удивительно неприятная и наглая физиономия! Молодой человек еще раз доверительно, как старому знакомому, улыбнулся премьеру и вдруг выстрелил из браунинга прямо ему в грудь. А потом еще раз.

— Ах! — выдохнула толпа.

Незнакомец бросился по проходу к дверям. Но на встречу ему уже бежали люди. Кто-то подставил подножку. Человек в черном фраке упал, а на него навалилась гряда еще чьих-то тел.

Убийцу били долго и остервенело.

Его императорское величество, услышав звук выстрелов, выглянул из ложи вниз и увидел возле оркестровой ямы своего премьер-министра. По белой манишке Петра Аркадьевича растеклось кровавое пятно. Столыпин посмотрел на царя и слабо взмахнул рукой.

«Будто хотел перекрестить воздух», — запишет потом царь в своем дневнике.

В зале уже появилась полиция. Убийцу вырвали из рук разъяренной толпы и повезли в Канонирскую тюрьму.

Петра Аркадьевича спешно отправили в частную

клинику. Врачи ставили его жизнь под сомнение: слишком серьезна рана, слишком велика потеря крови.

Вызвали телеграммой из Петербурга жену.

— Не плачь, Олюшка, — задыхаясь, слабым голосом попросил ее муж. — Я знал, что меня убьют. Агенты охранки... Детей береги...

Проститься с Петром Аркадьевичем приехал монарх. Несколько минут царь простоял на коленях у ложа умирающего. Он был потрясен спокойствием и мужеством Столыпина.

Перед самой смертью Петру Аркадьевичу называли имя его убийцы — киевский адвокат Дмитрий Богров.

Через несколько часов Столыпина не стало.

*9 сентября 1911 года. 10 часов утра
Канонирская тюрьма*

Здесь началось заседание военно-окружного суда. Решено было сделать его закрытым, чтобы не спровоцировать в городе массовые беспорядки. Тот факт, что убийца премьер-министра был евреем, вызвал в Киеве панику. Многие евреи бежали из города, опасаясь погромов. На вокзале скопились тысячи людей, во всех направлениях отправлялись дополнительные поезда. Чтобы успокоить население, Николай Второй повелел объявить непреклонную свою волю: «Его Величество воспрещает толпе, обществам и отдельным лицам проявление своеволия, могущего вызвать беспорядок, дабы пребывание Его в древнем Киеве, на берегах днепровских и на Вольни не было ничем омрачено».

Власти предприняли решительные меры, и погрома в Киеве не допустили, однако обстановка в городе продолжала оставаться напряженной.

Убийца Столыпина, двадцатичетырехлетний Дмитрий Богров, помощник присяжного поверенного, был сыном богатого киевского домовладельца и внуком писателя Г. Богрова. На допросах он отвечал:

— Ни к какой партии я не принадлежу... Преступление совершено мною без предварительного сговора с другими лицами... Я решил убить Столыпина, так как

считал его главным виновником реакции и находил, что его деятельность для блага народа очень вредна...

Когда на одном из допросов Богрову задали вопрос, не хотел ли он лишиться жизни самого государя, тот отвечал:

— Да, у меня была мысль совершить покушение на жизнь государя, но отвергнута из боязни вызвать еврейский погром. Я, как еврей, не считал себя вправе совершить подобное деяние...

И на предварительном следствии, и на суде настоящие мотивы покушения на Столыпина так и остались невыясненными. Возможно, Богров желал реабилитировать себя перед революционерами, которые подозревали его в сотрудничестве с охранным отделением полиции. Известно, что он просил согласия эсеров на убийство премьер-министра, но не получил его.

В газетах сообщали:

«В течение нескольких лет Богров состоял сотрудником охранного отделения, оказывая ценные услуги и пользуясь полным доверием. Билет в театр он получил от начальника киевского охранного отделения подполковника Кулябко».

В городе заговорили о том, что убийство премьер-министра организовано высшими чинами министерства внутренних дел. Многие в это верили.

Заседание военного суда продолжалось три часа. От защиты Богров отказался. После короткого совещания суд приговорил его к смертной казни через повешение.

В ночь на 12 сентября приговоренного повели на Лысую гору.

— Хотите исповедаться перед смертью? — спросили его, показывая на присутствовавшего здесь раввина.

— При всех или мне позволено будет остаться с реббе наедине? — вопросом на вопрос ответил Богров.

— При всех. Наедине не положено.

— Что ж, — усмехнулся смертник. — В таком случае вешайте.

Группа представителей правых партий, присутствовавшая при казни, встретила Богрова насмешками.

— Тот ли это человек, который стрелял 1 сентября в премьер-министра Столыпина? — спросил, обращаясь к присутствующим, конвоир.

— Точно! — раздались голоса из толпы. — Мало мы ему в театре всыпали, паскуде!

— Кто это? — спросил осужденный у своего конвоира.

— Свидетели. Следят, чтобы казнили именно вас, а не куклу.

— Так что же вы тянете? Доставьте им удовольствие. — И Богров наклонил голову.

На него набросили мешок, затянули петлю. Толпа притихла. В полной тишине послышался хруст — сломались под тяжестью тела шейные позвонки. Человек на виселице дернулся и затих.

Тело вытащили из петли. Врач констатировал смерть. Рядом стояли свидетели.

Труп Богрова закопали в яме на Лысой горе. Могилу сровняли с землей.

Свидетели расходились по домам, унося с собой по куску веревки на память.

Сегодня, когда двадцатый — суровый, трагический для России — век на исходе, мы все чаще оборачиваемся туда, в начало, когда в предстоящую столетнюю жизнь страны, материка и всего мира закладывался ген насилия, террора, революций и войн.

И вдруг за каждым, даже малозначительным фактом той жизни открываются нам страшные и далеко идущие последствия. словно бес овладел людьми, народами, словно вела его к миллионным жертвам невидимая рука лукавого.

А им-то казалось, что они делают какое-то важное дело, что они борются за справедливость, за равенство и братство. К сожалению, мы слишком хорошо знаем, чем закончилась эта борьба.

Но сейчас мы на пороге нового века, и поэтому необходимо важно (как выражались в начале века) объяснить самим себе, детям и внукам, куда ведет путь убийств, насилия, террора, дьявольской войны «за идею».

К счастью, жизнь богаче любых идей, к счастью, у человечества еще есть шанс выжить, нужно только совсем немного — опровергнуть известное изречение:

«История учит нас только тому, что она нас ничему не учит».

2. ХУДОЖНИК В ДЕЛЕ ТЕРРОРА

---

1 декабря 1901 года

Старуха с красным, обветренным лицом зянула тонкой папирской и закашлялась:

— Что вы думаете, батюшка, пять лет каторги даром прошли? Отнюдь. Здоровье стало ни к черту. Но пусть не думают — нас не запугаешь! Мы свое, кхе-кхе, еще возьмем!

— Вашими бы устами, Екатерина Константиновна, — с сомнением отозвался чернявый мужчина лет тридцати — тридцати пяти. — Создавая Боевую организацию, мы не просто бросаем вызов, но подвергаем реальной опасности и свою собственную жизнь, и жизни идущих за нами людей. То, что мы затеяли, — не игрушки, и на вашем месте я не стал бы рассуждать об этом с такой легкостью.

— Ах, Гришечка, — ностальгически вздохнула старуха, выпуская дым из ноздрей. — Вы позволите называть вас так? Не нужно доказывать мне очевидное. Вы сами прекрасно понимаете, если не мы, то кто же? Террор необходим — это признано всеми социалистами-революционерами. Только кровью можно расчислить путь к победе.

Старуха страстно вздохнула и пристально посмотрела на собеседника.

Григорий Гершуни недовольно поморщился и отвернулся к окну.

— Ну простите, Гришечка, меня, старую. — Из голоса Екатерины Константиновны исчезли патетические

нотки. — Конечно, вы, молодые, мыслите иначе. Заботитесь в первую очередь о собственной шкуре...

— Да не о том речь! — горячо перебил собеседницу Гершуни. — Я согласен рисковать жизнью. Знать бы, ради чего!

— Ради людей, — отрезала «бабушка русской революции», легендарная каторжанка Брешко-Брешковская. — Я молодость свою отдала революции, а если надо, и жизнь отдам! Впрочем, батюшка, не хотите — не надо. Хозяин — барин.

И Екатерина Константиновна так нехорошо посмотрела на Григория Гершуни, что у того по спине побежали мурашки. Он знал: люди, подобные «бабушке», шутить не любят. И лучше самому возглавить Боевую организацию эсеров, чем бесславно погибнуть от руки какого-нибудь революционного фанатика.

— Вот и ладненько, — успокоенно улыбнулась Брешко-Брешковская. — Значит, согласны, Гришечка? В таком случае, мы должны обсудить кандидатуру. Кто у нас первый по списку? Господин Сипягин? Очень хорошо...

*3 мая 1902 года
Шлиссельбург*

Степана Балмашева вывели из камеры перед рассветом. На фоне серого неба темнела перекладина виселицы.

— Вы можете сказать последнее слово, — разрешил прокурор.

Балмашев усмехнулся и промолчал.

Молоденький конвоир нервно хихикнул. Прокурор строго взглянул на него и отвернулся. Солдат надел на голову приговоренному мешок и накиннул петлю. Присутствующий при казни священник перекрестил воздух. Под ногами у Балмашева рухнул помост. На брюках появилось мокрое пятно.

— Готов, — сказал врач через несколько минут.

— Аминь, — отозвался батюшка.

— Слышь, Петрович, а за что ентого? — Молоденький конвоир кивнул в сторону виселицы.

— За смертоубийство, — печально отозвался пожилой солдат, закуривая самокрутку. — Он в министра стрелял.

— Да что ты? — Круглые голубые глаза едва не выкатились из орбит. — Насмерть али как?

— Насмерть, — подтвердил Петрович. — Паскуда, царствие ему небесное, переоделся, слышь, в офицера и сказался адъютантом его превосходительства великого князя Сергея. Его, злодея, к министру-то, господину Сипягину, и допустили. Убивец, значит, пакет ему вручил с приговором какого-то Бе О и застрелил сердечного.

Конвоир испуганно перекрестился.

— Революционер, видать, — глубокомысленно заключил он. — А кто ентот Бе О?

— То нам неведомо. — Петрович пожал плечами.

*4 июля 1902 года
Харьков*

В приемной харьковского губернатора князя Оболенского толпился народ. Секретарь ненавидел эти приемные дни: слезы, бумаги, духота... Крестьяне повалили толпами. То из одной деревни представители общины приезжают, то из другой... Голодно им, видите ли... Так всем теперь голодно.

— По какому вопросу? — спросил он, не поднимая головы, у очередного посетителя.

— По вопросу собственности, — ответил серый, невзрачный мужичок. — Качура фамилия наша. Федор Качура. Из крестьян.

— Проходите, — не поднимая глаз от бумаг, разрешил секретарь.

— Благодарствую. — И мужичок бочком протиснулся в роскошный кабинет его высокопревосходительства.

Князь Оболенский сидел за столом. Вид у него был утомленный. До конца приема оставалось еще два часа.

— Я вас слушаю, — сухо сказал он посетителю.

Невзрачный мужичок откашлялся и негромко, но четко проговорил:

— За жестокость и бесчеловечность при подавлении крестьянских восстаний, за пролитую вами кровь невинных жертв Боевая организация социалистов-революционеров приговаривает вас, господин Оболенский, к смертной казни.

— Что? — Губернатор зажмурился и помотал головой, словно пытаясь избавиться от наваждения. — Что вы сказали, голубчик? Быть может, вы нездоровы?

— Мне поручено привести приговор в исполнение, — негромко добавил Качура.

Князь побагровел.

— Убирайтесь вон! — крикнул он. — Вон отсюда! Сергей Ива...

Секретарь проворно выскочил из-за стола и распахнул дверь в кабинет. На его глазах посетитель дважды выстрелил в губернатора. Князь Оболенский схватился за спинку стула, пытаясь удержаться на ногах, но грузно рухнул вниз.

Он умер мгновенно.

— Охрана! — завопил секретарь, отскакивая назад и закрывая дверь кабинета, где оставались убитый и убийца. — Охрана! Вызывайте полицию!

Убийца сдался без всякого сопротивления. Он лично передал арестовывавшему его полицейскому револьвер с выгравированной надписью: «Смерть царскому палачу и врагу народа».

*4 июля 1902 года
Петербург*

— Ваше величество, беда. Сегодня в Харькове убит губернатор, князь Оболенский, — доложил царю встревоженный министр внутренних дел Вячеслав Константинович Плеве, назначенный на этот пост два месяца назад после убийства прежнего министра Сипягина.

— Опять? — побледнел Николай Александрович.

— Опять, ваше величество, — сокрушенно покачал головой министр. — Похоже, эти революционеры начали настоящую войну. Правда, убийца из крестьян, некий Качура, ответственность всю берет на себя

лично, однако почерк чувствуется тот же, что и при убийстве его высокопревосходительства господина Сипягина. Это эсеры, ваше величество. Это Гершуни.

— Гершуни? — нахмурился царь. — Мне не докладывали об этом человеке.

— Григорий Гершуни из киевских евреев. Был арестован после киевских студенческих волнений в прошлом году по обвинению в организации массовых беспорядков, но отпущен за недостаточностью улик. Уехал в Цюрих. В феврале этого года вернулся в Россию. Активно участвует в работе партии так называемых социалистов-революционеров. Руководит их Боевой организацией, которая насчитывает около сорока человек. По нашим данным, имеет непосредственное отношение к подготовке убийства моего предшественника и, судя по всему, к печальным событиям сего дня. Увы, арестовать мы его не можем — не за что... К тому же, вероятно, он уже скрывается...

— Этого человека нужно убрать. — Николай Александрович взглянул на министра и поспешно добавил: — Нет-нет, я не о том говорю, о чем вы подумали, Вячеслав Константинович. Озолочу того, кто арестует Гершуни. Он нужен мне живой, а не мертвый.

*Ночь на 5 июля 1902 года
Петербург*

— Директор департамента полиции господин Лопухин, — доложил дежурный.

— Проси, — отозвался министр и даже поднялся навстречу посетителю. — Несколько часов назад, Алексей Александрович, я имел беседу с государем. Гершуни должен быть арестован.

— Увы, господин министр, — вздохнул Лопухин. — У нас нет против него ни прямых, ни косвенных улик. Все, чем мы располагаем, — это секретная информация, полученная от наших агентов. К тому же на данный момент нам неизвестно местонахождение Григория Гершуни. Зато доподлинно известно, что руководитель Боевой организации эсеров готовит новые покушения.

— Это на кого же? — поинтересовался Плеве. — Согласно логике, сей кровожадный господин должен охотиться за мною: ведь господа революционеры не думали, что со смертью Сипягина репрессии против них будут продолжаться. У вас есть карточка Гершуни?

Лопухин молча протянул Плеве фотографический снимок, добытый из архивов полицейского управления города Киева.

— Типичная внешность, — пробормотал министр. — Взгляд фанатика, бр-р... Да, такой не остановится ни перед чем... Оставьте это у меня. — Он бережно спрятал карточку в ящик стола. — А его приметы разошлите по всем губерниям. Переверните всю Россию, но Гершуни доставьте мне в ближайшее время. Вы поняли? — От волнения министр перешел на фальцет.

— Так точно. Разрешите идти? — И начальник департамента полиции щелкнул каблуками.

11 октября 1902 года

Директор департамента полиции еще раз перечитал совершенно секретное письмо из Парижа от заведующего заграничной агентурой департамента полиции Леонида Александровича Ратаева:

«Дорогой Алексей Александрович! Боевой организацией выработан план покушения на жизнь министра внутренних дел, статс-секретаря фон Плеве. Предполагается открытое нападение на улице на карету министра двух всадников, вооруженных пистолетами большого калибра системы «Маузер», подысканы исполнители, изъявившие готовность пожертвовать собой. Это два офицера, проживающие в Петербурге, причем один должен убить лошадей, в то время как другой стреляет в министра. Автор вышеприведенного плана — некий Мельников, который и назвал моему секретному сотруднику одного из вышеуказанных офицеров. Это поручик Тридцать третьей артиллерийской бригады Евгений Григорьев, слушатель Михайловской академии...»

Евгения Григорьева арестовали в тот же день. Он дал показания против Мельникова и некоего Виноградова как главных вдохновителей готовящегося теракта. Не-

медленно связавшись с Ратаевым, Лопухин приказал установить слежку за Мельниковым и Виноградовым.

— За Виноградовым нельзя, — предупредил Ратаев. — Это наш агент. Близок к эсеровским кругам, пользуется полным доверием членов Боевой организации.

— Вы должны немедленно отправить его в Петербург, — распорядился Лопухин.

1 ноября 1902 года

Петербург, департамент полиции

Настоящая фамилия Виноградова была Азеф. Евно Азеф еще в студенческие годы предложил полиции свои услуги. Теперь он вступил в партию эсеров и стал членом ее центрального комитета. В полицейских документах Азеф фигурировал как Виноградов, Раскин, Филипповский, Валентин, Николай Николаевич, Толстый.

Увидев его, Лопухин непроизвольно передернулся.

«Мерзость какая», — подумал директор департамента.

Толстый гнусавый человек на тонких ножках приблизился к столу и грузно плюхнулся в кресло. Маленькие свинячьи глазки уставились на Лопухина из-под клочковатых нависших бровей.

— Вам передал Леонид Александрович мою просьбу? — спросил Лопухин.

— Да.

— Знакомы ли вы с человеком по имени Григорий Гершуни?

— Да.

— Известно ли вам его настоящее местонахождение?

— Только то, что он теперь в России... — Толстые, мясистые губы Азефа растянулись в улыбке. — Это вопрос, Алексей Александрович? К чему лукавить? Скажите, что он вам нужен...

— Он нам нужен, — автоматически повторил Лопухин.

Азеф не спешил с ответом. Он, словно хороший актер, тянул паузу сколько мог.

Лопухин тоже молчал.

Наконец Виноградов вздохнул и поднялся из кресла.

— У меня к вам небольшая личная просьба, Алексей Александрович.

— Слушаю, — сухо отозвался полицейский.

— По моему разумению, я заслуживаю повышения жалованья.

— Мы обсудим этот вопрос.

— Благодарю. — Азеф слегка наклонил голову. — Надеюсь, мы еще встретимся.

— Я тоже. — Лопухин взглядом проводил посетителя и, когда за Азефом закрылась дверь, пробормотал себе под нос: — Удивительный подлец. Но Гершуни теперь в наших руках.

25 ноября 1902 года
Киев

— Господа, хочу представить вам моего преемника, который возглавит нашу организацию в случае моего ареста. Прошу любить и жаловать. Евно Филиппович Азеф.

И Григорий Гершуни указал на маленького толстого человечка, уютно устроившегося в глубоком кресле около камина.

«Бабушка русской революции» выпустила дым из ноздрей:

— Да мы вроде знакомы... Помните меня, батюшка?

— Разумеется, Екатерина Константиновна, — кивнул Азеф. — Мы ведь с вами встречались в Женеве, у Гоца.

— Точно так, — старуха благосклонно кивнула. — А Гоц для меня — лучшая рекомендация. Правда, Гришечка, дай тебе Бог здоровья и удачи, лет до ста без арестов, но ежели что случится, лучше товарища Азефа и в самом деле не найти.

Молодая женщина с короткой стрижкой, хозяйка конспиративной квартиры, бесцеремонно перебила старуху:

— Гоц, конечно, рекомендация, но позвольте полюбопытствовать, чем все же товарищ... э-э...

— Азеф, — услужливо подсказал Гершуни.

— ...Азеф заслужил такую честь?

Толстый человечек в глубоком кресле иронически усмехнулся.

— Вера Павловна... — укоризненно покачал головой Гершуни. — Сия должность не столько почетна, сколько ответственна...

— Все равно, — упрямо тряхнула волосами Вера Павловна. — Я этого человека впервые вижу. Объясните мне, почему именно он становится вашим приемником.

Гершуни развел руками:

— Евно мой давний товарищ. Он принимал участие в разработке плана покушения на министра внутренних дел Сипягина, князя Оболенского, на теперешнего министра Плеве...

Вера Павловна немного смутилась, но все-таки горячо возразила:

— Но ведь план с Плеве провалился! Исполнителей арестовали! Кто-то донес!

Азеф шумно высморкался.

— Досадное недоразумение, — пояснил Гершуни. — Но Евно Филиппович тут, разумеется, ни при чем. Как и я, впрочем. Или у вас есть основания подозревать кого-либо из членов нашей организации?

Вера Павловна обиженно отвернулась к окну.

«Бабушка» закурила новую папироску.

— Вера, — рассудительно сказала она. — Без сомнения, мы должны крайне придирчиво обсуждать каждую новую кандидатуру, но тут ты не права. Если за товарища Азефа ручаются Миша Гоц, Гришечка, я, наконец, какого ж черта тебе еще надо?

— Давайте прекратим обсуждение, — попросил Гершуни. — Тем более что у нас на повестке дня еще несколько вопросов... Я хочу обратить ваше внимание на фигуру уфимского губернатора Богдановича. По его приказу в Златоусте солдаты стреляли в рабочих-стачечников. Среди убитых женщины и дети...

26 ноября 1902 года
Гродно

— Петя, чай остынет.

Петр Аркадьевич Столыпин послушно отложил в сторону газету и отхлебнул из чашки.

— Непокойная обстановка, Олюшка, — сказал он. — Везде восстания, демонстрации...

— Господи, хоть бы у нас было спокойно, — отозвалась жена. — Петя, я давно хотела тебе сказать...

— Что?

— Только ты не смейся, пойми меня правильно... Губерния сложная, здесь много инородцев... В других губерниях легче...

— Оля, к чему ты клонишь?

— Я хотела тебе сказать, чтобы ты был осторожен. Эти социалисты, о которых теперь так много пишут... это опасные люди. Прошу тебя, прими меры для своей защиты...

Столыпин рассмеялся:

— О, призрак смерти! Олюшка, не забивай свою хорошенькую головку такой ерундой! Ей-богу, не читай газет, писаки все врут. Кого мне бояться? Мужика? Да я всю свою жизнь среди мужиков жил, я их понимаю, как себя. Кому и что дурного я сделал?

— Но все-таки, Петя...

— Только не плачь, — поспешил успокоить жену Петр Аркадьевич, заметив, что у нее дрожит голос. — Я сделаю все, что ты хочешь. Я... я положу в портфель фолиант!

— Зачем? — изумилась Ольга Борисовна.

— Защищаться. У меня будет портфель вместо щита.

— О Господи! — рассердилась жена. — Тебе бы все шутить!

В приемной губернатора уже ждали. Секретарь передал Столыпину длинный список лиц, записавшихся на сегодня. Петр Аркадьевич пробежал его глазами.

— А это что за депутация? — Он кивнул на длинный перечень фамилий, объединенных скобкой и надписью «крестьяне».

— А это... — Секретарь поглядел на очередь в приемной и что-то прошептал Столыпину на ухо.

— Да? — удивился губернатор. — Пусть зайдут первыми.

Мужики в нерешительности топтались у дверей кабинета.

— Проходите, проходите, — гостеприимно разрешил губернатор.

Нестарый еще мужчина с окладистой бородой, где среди черных волос поблескивали первые серебряные признаки возраста, мял в руке шапку.

— Мы это, ваше превосходительство... Мы из Семёновки. На сходе, значить, постановили нас послать... Нам бы жидов обратно... — И он протянул Столыпину бумагу, исписанную корявым почерком. — Это прошение, значить...

— Любопытно. — Губернатор положил прошение на стол перед собой. — Что означает сие выражение: жидов обратно?

— Так всех же повыселяли, — горячо заговорил чернобородый. — Мы против них ничего не имели — жид, он жид и есть. Он чем у нас занимался-то? Борух лавку держал, Мойша, значить, по сапожному делу... Фира его ученая, наших детишек грамоте обучала... Теперь-то, как их, значить, повыселяли, керосину негде стало купить...

— А помещик-то, Федор Никитич, говорят, имение заложил... — подал голос щуплый мужичонка с хитрым лицом. — Раньше-то он у жиданов деньги брал налоги платить, а таперича, выходит, не с кого...

— Я понимаю, — прекратил прения Столыпин. — Только, к сожалению, решить этот вопрос не в моей власти. Существующие правила не позволяют евреям селиться в сельской местности. Подобное положение не только у нас...

— Но нашим-то дозвольте, — попросил чернобородый. — По прошению-то...

Петр Аркадьевич вздохнул. Дальнейшие объяснения были бесполезны.

— Мы подумаем, — пообещал он. — Если у вас все, можете идти.

Мужики, кланяясь, покинули его кабинет.

Губернатор перечитал прошение и вызвал к себе секретаря.

— Подготовить цифры для отчета в Петербург. Меня интересует следующее: выплата казенных сборов, поступление земских сборов, скот, безлошадные дворы, смерти от пьянства, задолженности помещиков... И как можно скорее.

— Слушаюсь, — ответил секретарь.

*13 мая 1903 года
Петербург*

Директор департамента полиции А. А. Лопухин вскрыл конверт и пробежал глазами сообщение секретного агента:

«Дорогой Алексей Александрович!

Довожу до Вашего сведения, что интересующий Вас человек в данное время проживает в Киеве по Мещанской улице в доме купца Калашникова у некой Веры Павловны Розановой. Сей господин непосредственным образом причастен к убийству в Златоусте уфимского губернатора Н. Богдановича 8 мая с. г. Известный Вам человек скрывается в данное время под фамилией Крафт. В его планы входит покушение на жизнь его превосходительства обер-прокурора Синода г-на Победоносцева. В Петербург должны прибыть исполнители, их имена сообщу Вам позднее. Остаюсь с наилучшими пожеланиями, преданный Вам

Н. Филипповский».

— Каков все-таки подлец, — вздохнул Лопухин. — Никогда не поверю, что он не знал о готовящемся покушении на Богдановича. И ведь не сообщил. Видать, теперь этот Гершуни здорово ему насолил.

Директор департамента снова вздохнул и снял телефонную трубку:

— Алло! Барышня? Соедините меня с господином Плева. Благодарю... — Лопухин немного подождал и потом прокричал, почти не делая пауз: — Здравствуйте, Вячеслав Константинович! Мы наконец нашли этого художника в деле террора! Григорий Гершуни в настоящее время живет в Киеве, скрывается под фамилией

Крафт. Что? Естественно, я немедленно распоряжусь. Да-да, сию же минуту.

Он повесил трубку и вызвал секретаря. Нужно было срочно дать телеграмму в Киев.

— Все? — спросил секретарь.

— Нет еще. Свяжитесь по этому адресу с человеком по имени Азеф, то есть... — запнулся Лопухин, — Филипповский. Передайте, что я просил его зайти...

*28 февраля 1904 года
Нью-Йорк*

«Вместо казни — каторга.

Как уже сообщалось, в Петербурге состоялся суд над одним из организаторов террористических актов, захлестнувших в прошлые годы Россию. Григорий Гершуни был приговорен к смертной казни через повешение, однако после рассмотрения кассационной жалобы казнь была заменена пожизненной каторгой. В настоящее время Григорий Гершуни отбывает ее в Петропавловской крепости».

26 ноября 1906 года

— Тпру! — Мужик натянул поводья, и кобыла остановилась.

Белая дорога вилась между черными кедами и пропадала вдалеке. По обеим сторонам лежали непролазные сугробы.

Мужик обошел телегу со всех сторон и постучал по бочке с квашеной капустой.

— Фу, какая мерзость! — Весь облепленный рваными прокисшими листьями, оттуда высунулся чернявый человек в арестантской робе. — Ну?

Мужик протянул ему фляжку:

— Глотни-ка. Умаялся, поди... Ну уж потерпи, брат, еще немножко.

Арестант отхлебнул из фляжки и закашлялся.

— Хороша? — подмигнул ему мужик. — Знай наших, сибирских... Я все тебя, Гриш, спросить хотел:

как же тебя поймали? Столько лет ловили — не могли. А тут р-раз — и взяли! Аль донес кто?

— Может, и донесли, — равнодушно кивнул Гершуни. — Только теперь это уже не важно. Мне б только товарищи помогли до Японии добраться, а уж там... Ну их к черту, революционеров этих, террористов... Жизни на них жалко, ее уж совсем мало осталось...

— Иди ты, — отмахнулся мужик. — Мало... Коли б мало, сил бы не хватило на побег, а так глянь что придумал — в бочке... Да тебе, Гриш, еще лет до ста жить...

— Ладно, Ерофеич... — усмехнулся Григорий. — Мне виднее. Двигай, что ли...

И он снова скрылся в бочке с капустой. Мужик с сомнением покачал головой и занял свое место в телеге. Кобыла понуро тронулась дальше.

Григорий Гершуни благополучно перебрался в Японию, а оттуда в Париж. Через несколько лет он умер от саркомы.

Боевая организация эсеров насчитывала уже восемьдесят человек. Руководил теперь ею умный и дерзкий человек Евно Азеф.

3. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПАСТОРАЛЬ

---

25 декабря 1901 года

Колноберже, близ Ковно, усадьба Столыпиных

Проходя около зеркала, Ольга Борисовна мимоходом глянула на свое отражение и поправила кружевные воротнички на груди. Для матери семейства — немного легкомысленно, а впрочем — ничего.

Обычно на зиму Столыпины перебирались в город Ковно, который, несмотря на его глухую провинциальность (особым предметом для шуток в семье неизменно оставалась совершенно гоголевская лужа перед ковенским домом Столыпиных), все же давал какую-то пищу уму, какие-то впечатления, особенно для подрастающих дочерей. А у Петра Аркадьевича там дела. Как-никак он уездный предводитель дворянства. И ей, Ольге Борисовне, удастся в Ковно не закисать, не погрязать в домашней работе, хотя она и не стремится особо блистать в обществе.

Но нынче они задержались в деревне из-за болезни Леночки. Дочь уже поднялась с постели и бегала по зале, весело топая толстенькими ножками и оглашая дом пронзительными криками. За ней бегала Маша и шикала на нее.

— Уймись! — Ольга Борисовна поймала Лену и несколько минут подержала ее в объятиях, чтобы девочка поостыла. — Нельзя так кричать. Что станется, если ты помешаешь папá?

Леночка мгновенно стихла. Ольга Борисовна ощутила некое подобие ревности. Авторитет отца был для дочерей непререкаем. Больше того, они обожали его. А

ведь сколько бы времени ни уделял Петр Аркадьевич семье, в основном детьми занимается она, мать. Может быть, все дело в том, что она придерживается более строгих взглядов на воспитание? А муж в этих вопросах неисправимый либерал с несколько анархическим оттенком.

Вчера, к примеру, в канун Рождества, она усадила девочек за работу. Надо было наряжать елку. Они усердно резали, клеили, раскрашивали самодельные игрушки, заворачивали орехи в золотую и серебряную бумагу от чая и конфет, которую бережно копили вот уже столько недель, прилаживали нитяные петельки к фигурным пряникам, приготовленным кухаркой, и к мандаринам, привезенным из города... Но тут явился отец и затеял делать игрушки из яичной скорлупы. Принесли десятка два яиц, и Петр Аркадьевич принялся учить дочерей выдувать их содержимое. Сколько было восторгов, особенно у младшей, Оленьки! В конце концов они могли похвастаться одним удачным клоуном, одной рыбкой и двумя балеринами... Но все с головы до ног были перемазаны белком, желтком, клеем и красками... Ольга Борисовна пыталась протестовать, но ее никто не слушал. А Петр Аркадьевич в ответ на все ее резонные возражения подхватил жену и прошелся с нею по детской в шутовском туре вальса, да так лихо, что девочки захлопали в ладоши, а сама Ольга Борисовна покраснела и была вынуждена поправлять прическу... Она и сейчас улыбнулась, вспомнив вчерашние проказы. Если Петя чем-нибудь увлечен, его не остановишь. Таким он был и много лет назад, когда они познакомились, таким же оставался и сейчас. За это она его и любит.

— Маман, а когда снова зажгут свечи? — вывел мать из приятной задумчивости голос Наташи. — Со свечами елка еще красивей, еще нарядней!

— Но, моя милая, это опасно, — возразила Ольга Борисовна. — Погляди, отец распорядился, чтобы в углу стояли ведра с водою и песком на случай пожара. И без него мы не будем зажигать свечи.

— А скоро папа освободится? — разочарованно протянула Маша.

— Обещал до обеда управиться, — ответила Ольга

Борисовна. — И просил ему не мешать, — подчеркнула она. — А что там за шум?

В самом деле, в коридоре раздавались чьи-то возбужденные голоса. Хозяйка отворила дверь залы. И услышала шаркающие шаги няньки Аграфены.

— Че разорался-то? Умерь голосок! — сердито выговаривала она молодому слуге. — Сказано тебе: барин работают. Не велено их беспокоить.

Гришка виновато оправдывался, путаясь в литовских, польских и русских словах.

— В чем дело? — строго спросила Ольга Борисовна. — Доложи вразумительно, Григорий.

— Так рази ж я виноват, пани? — Слуга неловко поклонился. — Они пришли и не уходят... Пана требуют... Я гнал-гнал, а они не уходят...

— Да ты толком, толком докладывай! — проворчала нянька, тряся в воздухе сухоньким пальчиком. — Талдычишь себе под нос, ничего не разберешь у тебя... Кто пришел, зачем? Па-а-ни... — передразнила старушка. — Как басурмане разговаривают, прости Господи! То политвински, то по-польски... Барышня не понимают твоей тарабарщины...

— Что, Григорий, люди пришли? — Ольга Борисовна невольно улыбнулась.

Все эти годы Аграфена упорно называла ее «барышней». С тех самых пор, как она стала невестой студента физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета.

— Поздравить барина с праздником?

— Так ест, пани! — обрадовался Гришка. — Ждут, чтобы приняли... На черном крыльце...

— Я сама позову Петра Аркадьевича, — решила Ольга Борисовна — А ты, Григорий, ступай в людскую.

— А дети малые без присмотра, — проворчала нянька и зашаркала в залу. — Полон дом народу, а служить господам некому...

Ольга Борисовна пропустила ее слова мимо ушей. Старушка уверена, что, не будь ее, вся жизнь у Столыпиных разладилась бы. Вот и вмешивается во все. Все ей мерещится, что слуги ленивы и вороваты, что блюда недостаточно вкусны, а гувернантки не умеют сладить с девочками...

Нянька Петра Аркадьевича, которую он почитал как родную, была в доме на особом положении. Никто ей не перечил, все просто поступали по-своему.

Ольга Борисовна еще раз поправила кружевные воротнички и осторожно открыла дверь кабинета. Муж сидел в глубине комнаты за письменным столом. Видны были его несколько склоненные широкие плечи, затылок с редеющими волосами да правая рука, мерно исписывающая бумаги.

Как ни бесшумно отворилась дверь, Петр Аркадьевич все же услышал. Он мгновенно обернулся, отложил ручку на бронзовый письменный прибор, отодвинулся вместе с креслом и встал.

— Прости, Бога ради, — смутилась жена. — Не хотелось отрывать тебя от дел. Но там депутация пришла... Люди с поздравлениями... Ждут у черного крыльца, и давно уже...

— Это хорошо, что ты меня оторвала... — Столыпин надел сюртук. — Все дела не переделаешь. Да и, по правде говоря, грех работать на праздники.

Ольга Борисовна с удовольствием смотрела на мужа. Несмотря на возраст, он нес свое большое тело легко и изящно.

Сзади кто-то затеребил ее за юбку. И в дверь кабинета просунулась озорная мордашка младшей дочери, Оленьки.

— Хлистос восклес, папа!

Родители переглянулись и засмеялись.

— Прибереги это до Пасхи, егоза. — Петр Аркадьевич взял младшую дочь на руки. — Пойдешь со мной на крыльцо?

Оленька взвизгнула от радости и обхватила отца за шею обеими руками.

— Как бы не простыла... — Ольга Борисовна принесла и накинула на плечи дочери шубку.

— Ничего нам не сделается, верно, Олюшка? — Отец пощекотал усами нежную детскую шейку. — Мы, Столыпины, холода не боимся. Да и мороза настоящего нет...

— Мы тоже хотим на крыльцо! — Старшие дочери выбежали из залы.

— Папа, ведь можно же, правда?

— Баловницы! — семенила за ними нянька. — Взрослые барышни, а сдержанности никакой... Совсем ты их разбаловал, Петруша, — попеняла она хозяину.

— Да будет тебе ворчать, Грушенька! — Отец спустил Оленьку на пол. — Можно-то можно. Только одевайтесь, да поскорее, — велел он дочерям. — Не заставляйте себя ждать.

И уже через минуту все семейство показалось на черном крыльце. Столыпин распорядился зажечь фонари. И теперь стало видно, что перед входом темной толпой стоят колнобержские крестьяне.

Увидев самого хозяина усадьбы, они зашущукались между собой. Потом от толпы отделился и выступил староста. Он стянул с головы шапку и низко поклонился. Остальные последовали его примеру.

— Лаба диена... — высоким бабьим голосом начал староста, осекся и поправился: — Добрый день, пан! Целуем ручки, пани, — отдельно поклонился он барыне. — И вам, и семейству вашему... Примите поздравления с праздником!

Толпа одобрительно загалдела.

Ольга Борисовна с досадой наблюдала всю эту сцену. Она находила ее несколько пародийной. Допотопный какой-то обычай. Странно, что муж, при всем его уме и здравом смысле, с таким вниманием относится к подобным ритуалам, уместным разве что до отмены крепостного права.

— Вы для нас все равно как отцы родные, — продолжал между тем староста. — Вашими заботами... Пшепрашам не побжезговать...

Он сделал знак, и из толпы сконфуженно вышла белобрысая девка с румяными щеками. На вытянутых руках она с трудом удерживала большой каравай.

— Благодарствуйте, люди добрые! — Столыпин тоже поклонился, принял каравай и передал его жене. — Мы тоже поздравляем вас с праздником Рождества Господа нашего Иисуса. И приглашаем всех желающих в народный дом. Там увидите представление «Младенец Иисус и волхвы», его разыграют для вас приглашенные из Ковно артисты-любители. Затем вас ждет угощение...

— Дзенкуем, пан добрый! — Крестьяне оживились,

они переглядывались и подталкивали друг друга локтями. — Бардзо пшеемне!

— Благослови вас Бог!

— А живые картины будут? — крикнул кто-то по-смелее.

— Непременно! — пообещал Петр Аркадьевич. — И живые картины. Правильно это называется — фильма. На этот раз мне удалось раздобыть две фильмы — «Рокковая страсть» и комедию с участием лучших французских комиков. Еще будет бал для крестьянской молодежи...

— Отцы родные! — с еще большим энтузиазмом заголосил староста. — Дзенкуем! Бога за вас молить будем! Премного вам благодарны!

Кланяясь и отступая задом, депутация удалилась.

— Маман! — умоляюще сказала Маша. — А мне можно будет фильму посмотреть?

Ольга Борисовна вопросительно взглянула на мужа.

— Отчего же нет? — удивился Петр Аркадьевич. — Любопытная техническая новинка, между прочим. Говорят, — обратился он к жене, — что когда-нибудь кинематограф оттеснит театр, а то и вовсе заменит его. Впрочем, в это трудно поверить.

— По-моему, ты все же перебарщиваешь, Пьер, — осторожно заметила Ольга Борисовна. — Я понимаю и разделяю твои хлопоты по созданию, допустим, сельскохозяйственного общества для крестьян. Или организацию совместного склада орудий труда... Рада, что теперь у них есть библиотека и ночлежный дом... Но, помилуй, не в коня корм! Все, что ты для них сделал и делаешь, они ни в грош не ценят! Кинематограф все перевешивает!

— Я удивился бы, если бы дело обстояло иначе, — ничуть не обидевшись, отозвался муж. — Если людей наших на протяжении столетий превращали в забитую скотину, то было бы странно требовать от них высокого интеллекта или утонченных чувств. Между прочим, кинематограф как раз апеллирует к эмоциям... И крестьяне реагируют на фильму ничуть не менее эмоционально, нежели дворяне или мещане. Ведь на самом деле они гораздо умнее, хитрее и живее, чем хотели бы ка-

заться по старой привычке придуриваться перед барин-ном и барыней...

— А на балу мы будем танцевать? — вмешалась в разговор родителей Оленька.

— А как же? — подмигнул малышке отец. — Готовьте, девицы, бальные наряды!

— Баловство! — проворчала Аграфена. — Слыханое ли дело эдакое позволять?

— Ну чего ты расшумелась, Грушенька? — Столыпин с нежностью обнял няньку, которая с возрастом стала совсем маленькой. — Праздник же у детей!

— Да я не о барышнях! — Старушка сердито высвободилась из его объятий. — Людей ты балуешь, вот что, Петруша!

Петр Аркадьевич, смеясь, обернулся к жене:

— Вот, пожалуйста, Оля, самая нелицеприятная критика справа! Чем же ты, Грушенька, недовольна? — снова обратился он к няньке. — И отцы, и деды с мужиком не ссорились, на праздники угощали чем Бог послал...

— А кроме угощения? — Старушка укоризненно поджала беззубый рот. — Театры зачем, танцы? И этот... киме... кинема... тьфу! Баловство, одно слово! Благодарений твоих не поймут, Петруша. Народ крепкую руку любит.

— Муж и управляет людьми крепкой рукой, — поспешила вмешаться Ольга Борисовна, заметив, что Столыпин огорчился. — Только в будни, Аграфена Саввишна, в будни! Но ведь нынче праздник, радоваться надо... — И про себя добавила: а не портить друг другу настроение...

25 декабря 1901 года

Баку

Кудрин убедился, что «хвоста» за ним нет, и торопливо зашагал по узкой улочке.

Этот район, прилегающий к порту, он, бывший матрос, знал как свои пять пальцев. Никакому шпику здесь с ним не справиться. Да и побоятся сюда сунуться гороховые пальто: только свистни — набежит воинствен-

ная толпа рабочего люда. И так отделают, что второго раза не понадобится.

На углу Михаил еще раз остановился и бросил взгляд через плечо.

Все чисто. Можно идти.

Он вошел во дворик, вежливо поздоровался с меланхоличного вида стариком в папахе, сидящим на лавке и опирающимся на клюку, и прошел в дом.

— Здравствуй, дорогой! — Шаумян крепко обнял его. — Дорогой мой товарищ Медведев!

— Зачем звал, Степан? — Кудрин похлопал друга по спине. Медведев — это был псевдоним Михаила по одному из бесчисленных паспортов, которыми ему приходилось пользоваться для конспирации. — Договаривались же на послезавтра... Что-то экстренное?

Шаумян кивнул. Его подвижное армянское лицо мгновенно стало грустным, выпуклые черные глаза наполнились слезами.

— Достал оружие, дорогой? — трагически шепнул он.

— Ага, — Михаил вытащил из-за пазухи завернутый в чистую тряпку браунинг. — Вот.

— Хорошая машина, дорогой. — Степан уважительно взвесил на ладони револьвер. Развернул тряпицу. Тускло блеснули металлические цифры 389965. — Я уверен, Миша-джан, что ты не промахнешься.

— Да в чем же дело, скажи толком! — встревожился Кудрин-Медведев. — Кого казнить надо?

— Провокатора, дорогой! — Шаумян совсем понизил голос и выкатил глаза. — Продажную сволочь, понимаешь! Который и нашим, и вашим... Охранка специально засылает таких негодяев в наши сплоченные ряды...

— Погоди, Степан... — Михаил отнял у товарища браунинг. — Ты вообще подозреваешь, что нас выдают, или кого-то конкретно имеешь в виду?

Лицо Шаумяна страдальчески сморщилось. Густые черные брови сошлись на лбу домиком.

— Подозрения у меня давно. — Он всхлипнул. — Стыдно не доверять друзьям, да, дорогой? Но еще стыднее, что нас всех обманывают, понимаешь!

— Кто же это? — Кудрин-Медведев тоже нахмурился. — Имя... Не томи душу, назови имя!

Шаумян утер кулаками слезы. Глубоко вздохнул и, прижав свои толстые губы к самому уху Михаила, что-то прошептал.

— Да не может быть! — отшатнулся тот. — Ты ничего не путаешь, Степан?

— Ошибки быть не может, — глухо отозвался Шаумян. — Я десять раз себя перепроверял, понимаешь, прежде чем вообще заговорить об этом. Ночи, понимаешь, не спал. Но теперь у меня нет сомнений. Все сходится. Это он.

— Что ж... — Кудрин-Медведев спрятал оружие за пазуху. — Если факт измены доказан, рука у меня не дрогнет. Предателю революции — смерть!

— Смерть! — эхом отозвался Шаумян.

Михаил, согнувшись, вышел во дворик.

Небо обложили тучи, моросило. Старик в папаше не обращал на дождь никакого внимания: все так же сидел на лавке перед домом. Мелкие капли стекали по его изрезанному морщинами лицу.

— Вы бы зашли, папаша, — заботливо сказал Кудрин. — Промокнете насквозь...

Старик, словно очнувшись ото сна, моргнул и, опираясь на клюку, встал. Заковылял к дверям. Михаил проводил его взглядом.

«Это хорошо, что ненастье, — подумал он. — В такую погоду легче остаться незамеченным».

Он огляделся по сторонам и выскользнул из двора Шаумянов.

Смеркалось. Дождик моросил все так же лениво, но Кудрин чувствовал, как пиджак на спине постепенно промокает. Он поднял воротник и сунул руки поглубже в карманы. И двинулся туда, где проживал человек, которого только что они со Степаном приговорили к казни.

Это был грузинский товарищ, скрытный, хитрый и честолюбивый.

Открытый, сердечный Шаумян невзлюбил его сразу.

— Семинарист, понимаешь! — наморщив нос, отзывался он о грузине.

Тот и в самом деле учился когда-то в семинарии.

— Опиум, понимаешь, народа!

Вот эта-то нелюбовь Степана к «семинаристу» и настораживала сейчас Михаила. Горячий армянин мог поддаться чувству личной неприязни. С другой стороны, Шаумян был скорее доверчив, чем подозрителен. Как он мучился, бедняга, прежде чем обвинить предполагаемого провокатора! К тому же в последнее время в городе участились аресты подпольщиков. А сколько еще товарищей пойдут под расстрел, на каторгу, если не остановить тайного агента охраны!

Размышляя так, Кудрин быстро, не останавливаясь, шагал по узким улочкам. Он знал, что сделает. Зайдет к Кобе — такова была кличка «семинариста» — якобы по делу. Посмотрит ему в глаза. Тогда решит: стрелять или не стрелять. Интуиция подскажет.

Михаил одолел невысокий холм и увидел в низине квартал, в котором снимал угол Сосо Джугашвили. Дождь лил уже вовсю. Не хватало еще простудиться.

В окошке Кобы слабо светила керосиновая лампа. Кудрин заглянул в комнату. Джугашвили скорчившись сидел на табуретке и подстригал перед зеркалом усы. Лицо у него было сосредоточенное и напряженное. Михаил постучал в стекло условным стуком. «Семинарист» оторвался от своего занятия и выглянул в окно.

Совсем близко Кудрин увидел его низкий лоб, небольшие прищуренные глаза, разглядел даже оспины на щеках.

«Такой может, — вдруг сказал он сам себе. — Такой все может. И предать товарищей — тоже».

В этот момент с другой стороны к воротам подъехала пролетка.

С нее соскочили жандармы. Ничуть не скрываясь, переговариваясь во весь голос, они прошли во двор.

Михаил бесшумно отступил в глубь переулка, нащупывая браунинг за пазухой. Укрывшись за забором, он видел, как Кобу вывели из ворот. Его посадили посредине, жандармы устроились по бокам, пролетка укатилась.

Кудрин в задумчивости стоял под дождем, не замечая, как по спине катятся холодные капли.

— Что бы это значило? — пробормотал он. — Кобу арестовали! Значит, Степан все-таки ошибся... Или?

Или «семинарист» разнюхал, что его подозревают, и предпочел скрыться под видом арестованного?

Сам этот арест показался Михаилу плохой инсценировкой. Почему за Кобой прибыли всего только двое — двое! — жандармов? Почему не было обыска? Почему, почему, почему? — бились в висках бесконечные вопросы без ответа.

Понурившись, Кудрин-Медведев побрел к себе на квартиру. Он расскажет Степану все, что видел. Пусть тот сам решает, была ли излишней их бдительность. И надо проследить, не будет ли новых арестов.

Он вспомнил темное лицо Сосо Джугашвили, прикившее к стеклу. И почувствовал холодок озноба. Так и есть, простудился.

Шаумян выслушал рассказ Медведева-Кудрина с напряженным вниманием.

— Подозрительно все это, — наконец сказал он. — Ты тоже ведь так считаешь, Миша-джан?

— Да, — согласился Михаил. — Арест Кобы мог быть и случайностью... Но все эти обстоятельства... Это могла быть дешевая инсценировка, разыгранная охранкой для того, чтобы вывезти из города агента-провокатора, находящегося на грани разоблачения.

— То-то и оно. — Степан задумчиво побарабанил пальцами по столу. — Любопытно, где теперь всплывет имя нашего сомнительного товарища Сосо Джугашвили? И услышим ли мы о нем вообще, а, Миша-джан?

— Сомневаюсь, — покачал головой Кудрин. — Боюсь, он больше не рискнет здесь показаться... А что мне делать с оружием, а, Степа? — Он вынул из-за пазухи завернутый в тряпицу браунинг и протянул Шаумяну.

— Пригодится, — решил армянин. — Спрячь пока. С собой не носи, схорони в надежном месте. А когда придет срок, достанешь... Такая хорошая игрушка, понимаешь... Всегда пригодится, — повторил Степан.

Пройдет одиннадцать лет, и Михаил Медведев-Кудрин припомнит слова Шаумяна. Браунинг выстрелит, и не раз, — в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге, во время расстрела последнего русского царя Николая Александровича Романова, его семьи и приближенных. Пуля Медведева-Кудрина тоже попадет в Нико-

лая, ведь каждый из чекистов непременно первым делом будет целиться в ненавистного «кровавого» монарха и потом станет с пеной у рта оспаривать свое право считаться его убийцей...

Но пока что ни Миша-джан, ни Степан Шаумян еще не знают об этом. Так же как и о том, что Шаумян будет расстрелян в том же восемнадцатом году в числе двадцати шести бакинских комиссаров.

25 декабря 1901 года

*Киев, Бибиковский бульвар, 4, собственный дом
присяжного поверенного Григория Богрова*

Родители собирались в театр. Митя сидел в кресле развалившись, демонстративно дожидаясь их ухода. В руках он держал потрепанный томик Ницше.

— Мишигинер, — ласково упрекнула его мать, надевая перед зеркалом шляпу и прикалывая ее к прическе длинной булавкой. — Оставь свои умные книжки, пойдешь погуляй. Сегодня все-таки праздник.

— Ах, мамаша, — поморщился Митя. — Бросьте эти местечковые обращения, раз уж мы претендуем называться интеллигентным семейством...

— Ну-ну... — Отец иронически посмотрел на своего высокоученого сына-гимназиста. — Легко сказать... А поскреби любого из нас — и найдешь все того же на смерть перепуганного местечкового жида... Взять, к примеру, тебя, Дувид...

Митя вскочил, роняя Ницше.

— Я не Дувид! — закричал он, краснея. — Раз уж вы называли меня Дмитрием, так извольте называть по имени!

— Герш, Герш... — Мать встревоженно потянула отца за рукав. — Не трогай этого припадочного... И вообще — мы опаздываем в театр. Поговорите как-нибудь в другой раз...

— Непременно поговорим, момалэ, — кивнул Григорий Дмитриевич, протирая платком стекла пенсне. — Если этот господин удостоит нас беседы. Ты же видишь, какого принца мы родили. Он уже цивилизовался до такой степени, что почти перестал быть евреем... И

Дувид его не назови, и «мишигинер» для него оскорбление... Погоди, момалэ, мы еще дождемся от него радости: выкрестится без согласия родителей и плюнет в наши жидовские морды...

— Герш, прошу тебя, не нервничай... — И мадам Богрова напустилась на сына: — Ах ты неблагодарный! Папа работает с утра до ночи, чтобы у нас все было как у людей, а ты ему устраиваешь такие представления! Посмотри вокруг — ты живешь не в гетто, а, слава Богу, в приличном доме за четыреста тысяч рублей... Ты пьешь чай от Высоцкого с сахаром Бродского... Ты учишься не у сапожника, а в первой гимназии...

Митя хотел было возразить, но мать не дала ему сказать ни слова.

— Молчи, — замахала она руками, — а то я потеряю нить... Да, так вот: никто не требует, чтобы ты с утра до вечера говорил за все, что у тебя есть, спасибо... Но надо-таки иметь совесть...

— Что ты распинаешься перед этим оболтусом! — возмутился Григорий Дмитриевич. — Не хочет быть жидом — его право. Только пусть помнит, что бьют не по документам — по физиономии... Мы еще успеем в театр, майдалэ, если выйдем именно сейчас!

И, подхватив мать под руку, Богров удалился.

Митя поднял с ковра том Ницше. Он не столько читал, сколько листал его. Много было непонятно. Но то, что он разобрал, произвело на него сильное впечатление. Чтобы возвыситься над толпой, мало одного желания: надо переступить через всевозможные запреты и табу. Первую попытку он уже сделал. Но родители до такой степени не поняли его желания подняться над обстоятельствами своего еврейского происхождения, что все дальнейшее превратилось в бессмыслицу. Жаль стариков, они хорошие, добрые люди, но, к сожалению, совершенно погрязли в рутине. И для него, сына, они предполагают точно такой же путь: гимназия, университет, карьера адвоката... Никакого полета мысли! Нет, он, Дмитрий Богров, не желает становиться жалким, дрожащим подобием предков! Он вырвется из этого проклятого замкнутого круга и станет...

Кем именно он станет, Митя еще не придумал. Да и

времени для этого не оставалось, потому что к Анюте пришел ее солдат.

Митя отложил Ницше и отправился подглядывать.

Когда Богровы-старшие отправлялись куда-нибудь по своим делам, Анюта не упускала случая. Солдат каждый раз оказывался другим, но все равно назывался «Анютин солдат» — кухарка Богровых питала неистребимую привязанность к служивым.

На этот раз солдат оказался крепким красавцем с пшеничными усами. Держа на растопыренной пятерне блюдце, он шумно пил чай от Высоцкого, а Анюта, подперев подбородок кулаком, молча любовалась своим избранником.

Митя в неудобной позе припал к тонкой перегородке. Они могли начать прямо здесь, на кухне.

Допив чай, солдат степенно отставил в сторону чашку и блюдце.

Анюта застенчиво бросила на него восхищенный взгляд и вздохнула.

Служивый покашлял в кулак.

«Чего они тянут? — думал Митя, от волнения пальцем выковыривая из стенки кусочки известки. — Приличия соблюдают, что ли?»

— Вкусный чаек, — одобрил солдат, взглядом показывая на пустую чашку.

— Еще желаете? — встрепенулась Анюта, прижимая руки к обширной груди.

— Можно, — согласился ухажер. — Но чуть погодя.

— А теперь что? — Кухарка с шумом перевела дыхание.

— Прогуляемся?

Солдат усмехнулся и расправил указательным пальцем правой руки свои роскошные усы.

Анюта залилась краской.

«В будущем, — подумал Митя, истомленный ожиданием, — не будет места для этих мешанских, буржуазных предрассудков. Отправление половых потребностей станет таким же естественным, как утоление голода или жажды. Никто не будет находить ничего постыдного в том, что охваченные страстным порывом пары начнут совокупляться прямо в общественных местах...»

И он представил себе, как Анюта с очередным сол-

датом резвится прямо на газоне перед домом Богровых. А папаша с мамашей, скользнув по ним равнодушным взглядом, отправляются в театр.

— Ой, — взвизгнула Анюта, — какие вы баловники!

Пока Митя размышлял о половом вопросе, кухарка и ее поклонник продвинулись довольно далеко.

— Ну чего ты, чего ты? — уговаривал Анюту солдат, ловко расстегивая пуговицы на ее кофточке. — Ну вот так-то лучше...

Анюта сконфуженно пискнула и затихла.

Груди у нее и в самом деле были хороши: полные, белые, с крупными темными сосками.

— Чистая смородинка, — умилялся служивый, тиская кухарку. — Ишь, белая какая... Все равно как сметана...

Он посадил Анюту к себе на колени и запустил руку ей под пестрые юбки.

— Ой, ой, ой! — затрепыхалась Анюта. — Ой, мамочки!

Из-под юбки торчала ее толстая ляжка. Солдат, выпучив глаза и встопорщив усы, сделал что-то такое, от чего женщина залилась мелким подпрыгивающим смехом. Потом ловко подложил ее под себя и устроился сверху.

Митя расстегнул ширинку. Член был уже твердый. Он взял его обеими руками. Сквозь дыру в переборке было видно, как мерно двигается тощий солдатский зад между раздвинутых ног Анюты.

Половой вопрос пока приходилось решать вот так вот, подручными средствами.

25 декабря 1901 года

Санкт-Петербург, Зимний дворец

Рождество Романовы справляли тихо, по-семейному. Николай поднес жене жемчужные серьги.

— Какая торокая вещч, — растроганно попеняла мужу Аликс. — Нато пыть економней, Ники.

И вручила императору собственноручно вышитый кисет.

Подарки получили и девочки: шестилетняя Ольга —

нарядную куклу, четырехлетняя Татьяна — игрушечный домик, двухлетняя Мария — мяч. И даже крохотная Анастасия, которую вынесла к родителям кормилица, пуская пузыри, потянулась ручонками к яркой английской погремушке.

Пока в столовой накрывали к праздничному обеду, заглянула на огонек родня. Прибыл длинный Николаша — великий князь Николай Николаевич — с женой Станой, черногорской принцессой.

Мужчины удалились в кабинет покурить, а женщины уединились в будуаре.

— Ну что? — заговорщически зашептала черногорка. — Как ты себя чувствуешь? Еще не беременна?

— Мсье Филипп телает фсе фосмошное. — Аликс подняла к потолку ясные голубые глаза. — Он коворит: нато пытаться еще раз.

Ни для кого не составляло секрета, что императрица мечтает о сыне и наследнике. Мсье Филипп был лионский знахарь, врачующий ее. За свои рекомендации и заклинания он уже получил звание доктора медицины и чин действительного статского советника. Но у Александры Федоровны по-прежнему рождались девочки.

— Ах, оставь, — нетерпеливо махнула рукой Стана. — По-моему, он просто шарлатан.

— Неушели? — изумилась Аликс. — Но ведь ты ше сама его рекоментофала...

— У меня есть кое-что поинтересней, — посулила черногорская княжна. — Митя Юродивый.

— Что такое есть *уротлифый*? — высоко подняла тонкие светлые брови царица. — Он очень сильно нехорош сопой? Или калека?

— Да нет же! — с досадой на ее непонятливость объяснила Стана. — Юродивый в этой стране значит — блаженный... Ну как бы безумный, понимаешь?

— Сумасшетший? — догадалась Аликс. — Несторофый на колофу?

— Это только с виду, — растолковала черногорка. — Юродивые творят порой непотребства, ходят в рубище или даже голые. Но лишь для того, чтобы посмеяться над жалким миром, получить поношение от людей. На самом же деле они носители истины Божьей. И в их

словах надо искать слово Господа. Им дано пророчествовать и совершать чудеса.

Женщины одновременно перекрестились.

— Солнышко, ты долго еще? — В приотворенную дверь просунулась голова Ники.

Заметив, что жена не одна, он смутился:

— Извини, но соловья баснями не кормят. По моему, пора приглашать к столу...

— Сейчас, мой торокой малшик, — с нежностью отозвалась царица. — Отну минутотшку.

Николай скрылся.

— Верное дело! — заверила царицу Стана. — Затяжелеешь как миленькая. И запомни мои слова: это будет сын.

Александра Федоровна прижала руки к груди:

— О майн готт! Я отдала бы все на свете, только бы у меня ротился малшик!

В столовой их ожидал сюрприз: внезапно нагрянул великий князь Сергей Александрович со своей женой, Елизаветой Федоровной.

Едва кивнув зятю, Аликс бросилась обнимать сестру.

Элла улыбнулась, как всегда, грустно.

— Привет, Шпицбубе. — Поцеловала Александру в щеку. — Хорошо выглядишь.

Услышав свое детское прозвище (в переводе с немецкого — Забияка), царица едва не расплакалась. Но сдержала слезы. В присутствии Эллы они были бы крайне неуместны. Уж если кто и имеет право горевать, то это сестра! И детей Бог не дал, и с мужем не повезло...

Сергея Александровича Аликс недолюбливала — и не столько за его истинные или мнимые пороки, сколько за то, что Элла не была с ним счастлива. Она перевела взгляд на мужа. Ники, милый Ники, ее дорогой мальчик! Ей грех жаловаться, не надо гневить судьбу.

— Здравствуй, мин херц. — И Александра Федоровна так искренне и порывисто обняла сестру, что та взглянула на нее с удивлением — обычно царица была куда сдержанней. — Как дети? Здоровы?

Речь шла о сыне и дочери великого князя Павла — младшего брата покойного императора Александра III.

Их мать умерла в родах, а отца за скандальную связь с женой адъютанта великого князя Владимира Николай был вынужден выслать из России. Дмитрий и его сестренка воспитывались в семье бездетных Елизаветы Федоровны и Сергея Александровича.

— Дамы, довольно болтать! — командирским тоном приказал «грозный дядя» Николаша, окидывая алчным взором горячительные напитки на столе. — На улице морозище, надо же чем-нибудь согреться!

— И в самом деле! — поддержал его Сергей Александрович. — Труба зовет!

Аликс переглянулась с мужем. Ники тоже не одобряет эти грубые гвардейские нравы. Сам он пьет очень умеренно. Рюмка водки перед обедом — и достаточно. Стана тоже не дура выпить. А они с сестрой, гессендармштадтские принцессы, воспитаны в воздержанности.

А вот про Сергея Александровича Бог знает что говорят. Он, разумеется, бравый командир, видный, рослый мужчина... Но эти гвардейские шалости! Пьянство, кутежи, разврат... Ходят слухи, будто бы пьют гвардейцы совсем уж не по-людски. То пьют «локтями» — ставят рюмки на длину локтя и враз опорожняют. То употребляют «лестницей» — по всей лестнице расставляют рюмки и поднимаются наверх, осушая их... Правда, многие не добираются до верхних ступенек, а падают, мертвецки пьяные, гораздо раньше... А то вообще ужас — допиваются «до волков»! Сие означает — раздевшись донага, выскакивают на лютый русский мороз, а расторопный буфетчик выносит господам лохань, наливает в нее водку или шампанское и крошит хлеб... Офицеры же хлебают из означенной лохани и воют при этом по-волчьи, пугая обывателей... Поговаривают, будто эту странную забаву придумал не кто иной, как великий князь Сергей Александрович... А ведь какой религиозный и богобоязненный человек — в трезвом, конечно, виде! И как его любит сестра Элла! Впрочем, как говорят русские на своем трудном языке, сердцу не прикажешь... А муж изводит ее скандалами, беспричинной ревностью, непробудным пьянством...

Аликс вздохнула.

Бесконечному терпению сестры можно только позавидовать. Но такова уж доля гессенских принцесс. Они знали, на что шли, отправляясь в эту чудесную, сильную, богатую, но — увы! — варварскую страну. Что там говорила Стана об этом местном святом — Митя Уродливый, так, кажется, его зовут? Она, Аликс, встретится с ним, горячо помолится и будет молиться снова и снова, пока Бог не дарует ей желанное дитя...

Император, а по-домашнему — Ники, видел, что жена не слишком довольна. Она держится, как всегда, приветливо-ровно, но он-то хорошо знает свою Шпицбубе. Легкая морщинка залегла между бровей, еле заметная гримаска сморщила губы...

Очаровательного дядю Сержа Аликс едва терпит, и то ради сестры. А вот он, Ники, питает к нему слабость. Ведь Сергей Александрович был братом отца, а кроме того, первым полковым командиром наследника престола, введшим его в гвардейский мир. Царь с восторгом смотрит на своих дядей — оба настоящие богатыри! Рослые, статные красавцы. Рядом с ними он, человек в общем-то хорошего среднего роста, кажется недомерком. Но испытывает от этого не зависть или неприязнь, а восхищение.

— Сейчас бы к цыганам закатиться, — понизив голос, мечтательно произносит Николаша. — Эх, да с актрисками бы пронестись на тройке!

— Фи, мон шер, — брезгливо отзывается Серж. — У тебя какие-то купецкие замашки...

— Разумеется, ты предпочитаешь не актрис, а актеров, — едко парирует Николай Николаевич. — Что ж, у каждого свой вкус...

Ники чувствует, что эта легкая перепалка грозит перерасти в скандал, и торопливо предлагает:

— Умерьте страсти, господа! Не забывайте, для чего мы сегодня собрались. Давайте выпьем за Рождество Христово!

Это предложение не встретило возражений. Только на лицах Эллы и Аликс выразилось легкое недовольство. Однако Стана лихо выпила вместе с мужчинами.

«Майн готт! — Александра Федоровна почувствова-

ла, что еще полчаса — и у нее начнется мучительная мигрень. — Скорей бы уж эти brave вояки надрались и отправились по домам!»

Она мило улыбнулась гостям и предложила:

— Пошайлуста, не запывайте закусыфать!

25 декабря 1901 года

Воронежская губерния, деревня Средний Мамон

— Сука ты бесстыдная, — Тимофей выпил самогону и занюхал рукавом, — мало тебе своего мужа, все на сторону глядишь, блядишша ненасытная!

— Заладил... — Варвара в сердцах грохнула чугуном об пол. — Что ни день, все одно...

— А ты бы меньше юбками трепала! — с обидой отозвался муж. — Имя мое доброе порочишь! Я как-никак староста!

— От тебя только и корысти, что староста... Ни на что больше не гожд...

— Молчи, тварь! — Тимофей хватил кулаком по столу. — Не гневи меня!

— Да кто ты таков? — Варвара встала перед мужем, уперев в бока кулаки. — Ишь разошелся!

— Кто я таков, говоришь? — Староста вскочил и грозно надвинулся на жену. — Счас узнаешь!

— Не сильно напугал! — огрызнулась Варвара. — Только попробуй руку на меня поднять!

— Что, защитничка позовешь? — Глаза у Тимофея недобро сузились, и он со всего маху ударил жену в ухо.

Варвара отлетела в угол. Теперь она пожалела о том, что дала волю языку, да было уже поздно. Молча выдержала побои мужа, старалась только укрыть от него лицо, грудь и живот. Изредка стонала, сцепив зубы.

Тимофею стало неинтересно так вот мутузить ее по плечам и по заднице. Он опрокинул еще стакан самогона и, сильно хлопнув дверью, вышел из избы.

Женщина полежала несколько минут без движения, чтобы унялась боль. Потом попыталась приподняться. Ноги ее не держали.

Варвара ползком добралась до лавки, оперлась на

нее обеими руками и встала. Голова кружилась, сильно мутило. Даже дышать было трудно. Она кулем повалилась на лавку.

— К вам староста, — доложил Эразм.

Вообще-то его звали Прошкой, но смеху ради барин перекрестил слугу в Эразма, и неожиданно имя прижилось.

— По делу? — Всеволод Васильевич с трудом оторвался от увлекательного романа Эжена Сю. — Сегодня же праздник...

— Сильно выпивши, — уклончиво ответил слуга. — У них не разберешь. Мужики-с...

— Гони в шею, — распорядился помещик. — Пусть приходит, как протрезвеет.

— Это невозможно-с, — шмыгнув носом, высказал свое мнение слуга. — Тимоха, когда наклюкавши, ни в жизнь не успокоится, пока не поскандалит.

— А чего ж ему скандалить? — с неудовольствием заметил Всеволод Васильевич, закладывая страницу закладкой. — Разве ж я народ обижаю?

— Гм. — Эразм задумчиво поковырял в носу.

— Может, он из-за Варьки рассерчал?

Помещик слегка покраснел.

Варвара... Действительно, она жена Тимофея. Он вспомнил румяные щеки горничной, ее улыбочивые губы...

— Да ведь староста молчал до сих пор, — невольно сказал он вслух. — Ни разу ничего не сказал...

— Тверезый был, — лаконично резюмировал Эразм. — А нынче выпивши.

— Что же теперь делать? — растерянно спросил Всеволод Васильевич.

— А прочить, — посоветовал слуга. — Чтоб впредь неповадно было.

— Да ну, — усомнился барин. — Выйду поговорю с ним.

Он запахнул на груди домашний халат с брандебурами и спустился в вестибюль.

Уже здесь были слышны крики неугомонного Тимохи.

— Доколе... — доносились отдельные фразы. — Бабу мою еть... Кровушки попили... Не крепостное право...

— Да он бунтарь! — возмутился Всеволод Васильевич. — Да это мятеж! Эразм, зови Севастьяна и Аверкия, вяжите старосту да на конюшню его!

— Ну, с праздничком тебя, Гаврюша! — Егор выпил беленькой и облобызался с кумом.

— Мужики! — В избу вбежал возбужденный Степка, помощник конюха. — Такое деется... Староста напился, в усадьбу попер счеты сводить за Варьку... Так барин велел его выпороть!

— Да, — философски заметил Гаврюша. — Как было встарь, так все и осталось...

— Нет уж, кум! — неожиданно взвился Егор. — Не позволим! Не крепостные, чай! Мало этому кровососу баб наших мочалить, так еще и за нас взялся...

— А я что говорю. — Гаврюша налил Степке. — Нака выпей да по дворам пойди. Ежели старосту вот так вот ни за что ни про что секут, значит, нас воще за людей не считают... Пошли в усадьбу, хозяину ребрышки посчитаем...

— Христьяне пришли, — доложил Эразм. — Требуют Тимоху отпустить.

От негодования Всеволод Васильевич даже выронил из рук роман Эжена Сю.

— Это что же — революсьон? — на французский манер спросил он. — Ну-ка собери всех мужчин покрепче...

— Похоже на революсьон. — Эразм поскреб в затылке. — А может, в Богучар за подмогой послать?

— Еще чего! — Всеволод Васильевич почувал в себе боевой задор. — Своими силами справимся.

...Через полчаса, избитого, окровавленного, его заперли в кабинете.

Мужики потоптались на скрипучем от мороза снегу. Расходиться не хотелось. Душа просила веселья.

— Пустить бы красного петуха... для сугрева... — высказался вслух Гаврюша.

— Дело, кум, говоришь, — одобрительно кивнул Егор. — Золотые твои слова.

Подоженная со всех сторон, запылала помещичья усадьба. Мужики полюбовались пламенем, в которое с треском обрушивались горящие балки.

— Хорошо занялось, — заметил Гаврюша. — И тепло сразу стало.

— Верно, кум, — отозвался Егор. — А помещик как же?

— Сгорит, должно быть, — предположил Гаврюша. — Нечего баб наших трогать.

— Ну, пошли допьем, — предложил Егор. — А то душа просит.

Из полицейского донесения:

«...Вследствие возмущения крестьян местный помещик В. В. Григорович был жестоко избит и заперт в собственном доме, впоследствии подоженном, отчего и сгорел. Пожар захватил часть села Средний Мамон. Огонь уничтожил 17 крестьянских дворов. Виновные в мятеже и беспорядках арестованы и подлежат суду...»

4. НАТУРА ЧИСТО АФЕРИЧЕСКАЯ

---

*2 марта 1903 года
Петербург*

Господин Шуманн, приехавший из Берлина и поселившийся в отеле «Англетер», вышел на улицу и взял извозчика. Молодой человек в пальто горохового цвета, внимательно изучавший афишную тумбу, проводил его взглядом и остановил следующий экипаж.

— Трогай, — велел он. — За той коляской.

Женщина под вуалью, сидевшая у окна ресторана наискосок от гостиницы, о чем-то быстро переговорила с официантом и тоже поспешила занять место в карете, дожидавшейся ее у самого входа. Извозчик свернул за угол, в переулок, где только что скрылись два наемных экипажа.

Господин Шуманн доехал до Невского и расплатился. Постукивая щегольской тростью по мостовой, он двинулся вдоль проспекта, туда, где под яркими лучами весеннего солнца нестерпимо блестел шпиль Адмиралтейства.

Молодой человек в гороховом пальто последовал за ним, прячась за спинами прохожих и делая вид, будто рассматривает витрины модных дорогих магазинов.

Подпрыгивая на рессорах, по Невскому ехала карета с задернутыми занавесками. Сквозь едва заметную щель в шторке за господином Шуманном внимательно наблюдала женщина.

Внезапно господин Шуманн повернул в обратном направлении и нос к носу столкнулся с молодым чело-

веком в гороховом пальто. Тот уперся взглядом в витрину.

— Простите, — с легким акцентом произнес господин Шуманн. — Который теперь час?

Молодой человек заметно смутился. Он расстегнул пальто и достал из жилетного кармана дешевые часы на цепочке.

— Без четверти три.

— Премного благодарен, — кивнул немец и пошел дальше.

Молодой человек проводил его растерянным взглядом и остался на месте.

— Бездари, — пробурчал себе под нос господин Шуманн. — Принимают на службу черт знает кого.

Он оглянулся. Молодой человек по-прежнему торчал около витрины. Чуть дальше, на мостовой, застыла карета с плотно задернутыми шторками. Господин Шуманн не стал ждать, пока она развернется, юркнул в проходной двор и, перебежав улицу, кликнул извозчика. Ровно в три часа десять минут экипаж остановился около дешевого трактира на окраине города.

Господин Шуманн вошел в трактир и сел за угловой столик. Ждать ему пришлось недолго. Через несколько минут к нему подошел хорошо одетый господин в круглых очках.

— Не понимаю, зачем этот маскарад, Евно Филиппович, — недовольно сказал он, усаживаясь рядом.

— Шуманн, — поправил его немец. — Отто Шуманн, коммерсант из Берлина. Торговец готовым платьем. И у меня к вам претензии, уважаемый Алексей Александрович.

— Какие? — Директор департамента полиции господин Лопухин поправил очки, которые сползли у него на самый кончик носа.

— Ваши люди работают непрофессионально. Давеча у гостиницы я обнаружил филера, который следовал за мною до самого Невского. Молодой человек так явно демонстрировал внимание к моей персоне, что пришлось подойти и дать ему понять, что я тоже не лыком шит. Ай-ай-ай, уважаемый Алексей Александрович, не ожидал, что ваше ведомство халатно отнесется к моей деятельности как члена Боевой организации эсеров.

Лопухин поморщился. Его раздражал развязный тон Азефа и сам стиль беседы.

— Я укажу его начальству, — сухо сказал он. — Однако же, Евно Филиппович, вы звали меня не за этим...

— Естественно, — кивнул Азеф-Шуманн. — Простите, я вовсе не собирался учить вас работать. Сдается мне, Алексей Александрович, ваши люди делают все возможное, чтобы разоблачить мою двойную игру.

— Что вы имеете в виду? — не понял Лопухин.

— А вот что. Мало я работаю? Сдал вам типографию Северного союза, литературу, Вербицкую, Селюк... Просил не трогать хозяйку конспиративной квартиры Розанову. Нет же, ее взяли на другой день после ареста Вербицкой, подержали неделю и отпустили. Розанова и так подозревает меня в провокаторстве. Эта дамочка взялась лично следить за мною. Полдня карета, которую она наняла специально для охоты за мною, стояла у гостиницы. Потом Розанова последовала за мной на Невский... Вы что, хотите, чтобы меня убрали так же, как они обычно убирают? Выстрел в грудь или бомба на улице?... Я докладывал обо всем этом господину Рачковскому... Говорил о подозрениях на меня еще до ареста Розановой. И вот на тебе... Вы спрашиваете, зачем я для встречи с вами затеял весь этот маскарад. Затем, что я не хочу, чтобы товарищи вздумали мне отомстить...

— Хорошо, — сдержанно кивнул Лопухин. — Я приму к сведению ваши претензии. Господину Рачковскому будет указано... Но и у меня имеется к вам вопрос, Евно Филиппович. Помнится, мы с вами говорили о выдаче Гершуни. Однако же этот господин до сих пор не у нас...

— О Господи! — патетически воскликнул Азеф. — Я вам только что рассказывал об опасности, которой подвергается моя жизнь! Будет вам Гершуни... В самом скором времени...

— Кстати. — Лопухин выразительно взглянул на часы. — У нас с вами, Евно Филиппович, не так уж много времени. Я должен спешить...

— Да-да. — Азеф внезапно сменил тон. В его голосе послышались нотки подобострастия. — Я хотел предупредить вас об осторожности: готовится покушение на вашу жизнь.

Лопухин снял очки и рассеянно протер вдруг вспотевший лоб носовым платком. Азеф внимательно следил за его реакцией.

— За вами установлена слежка, террористы наблюдают за вашим домом и за вашими выездами. Будьте предельно осмотрительны по дороге от дома до департамента.

— Вы можете назвать имена? — хриплым голосом спросил Лопухин.

— Пока нет. — Азеф был явно доволен впечатлением, произведенным его информацией. — Что же касается господина Плеве, то после разоблачения мною, — провокатор сделал многозначительную паузу, — плана покушения на его превосходительство новых проектов пока нет. Так и можете передать господину министру.

— Благодарю, — отозвался Лопухин. — Я обязательно передам господину министру. Что еще?

— Небольшая личная просьба. Я уже говорил вам, что в связи с обстоятельствами значительно увеличились мои расходы...

— Я помню, Евно Филиппович, — проговорил Лопухин, подымаясь. — Мы обсудим вопрос о повышении вам жалованья. Простите, я не могу долее задерживаться. Мне пора в департамент.

Азеф наблюдал через окно, как директор департамента полиции сел в наемный экипаж и уехал.

— И все-таки я его поймал, — задумчиво пробормотал себе под нос господин Шуманн. — Во всяком случае, напугал. Должны же у меня быть какие-то гарантии... Эй, любезный, — подозвал он официанта. — Принеси мне, братец, рюмку водки...

*10 марта 1903 года
Петербург*

Его величество Николай Александрович с утра был не в духе. По сообщениям из министерства внутренних дел, снова начались волнения на заводах и фабриках. Готовилась забастовка на Златоустовском казенном оружейном заводе. Господин Плеве считал, что в ней примут участие не менее полутора тысяч человек.

А вчера в руки к государю попала газета «Бессарабское слово», привезенная из Кишинева. Даже он, воспитанный на государственном антисемитизме, поморщился, читая истерические статьи о «жидовском засилье в промышленности и экономике». Одна из статей, подписанная редактором газеты П. Крушеваном, кончалась такими словами: «Сбросим жидов с колеса истории».

Царь вызвал к себе министра финансов господина Витте. Талантливый царедворец, сделавший себе головокругительную карьеру еще при деде нынешнего монарха, покойном Александре Втором, не раз говорил о необходимости пересмотреть политику в отношении евреев.

— Ваше величество, — сказал Витте, усаживаясь на стул. — Позвольте повторить то, что я говаривал еще вашему батюшке, государю Александру Александровичу. Можно ли перетопить всех евреев в Черном море? Если можно, то я принимаю такое решение еврейского вопроса. Если же нельзя — дальнейшее решение еврейского вопроса заключается в том, чтобы дать им возможность жить. То есть предоставить им равноправие и равные законы. С тех пор мое мнение не изменилось. И я считаю, что нынешнее унижительное положение инородцев само по себе толкает их в террор и революцию. Посудите сами, ваше величество, сколько уж лет волнуется студенчество в Киевском университете. А кто зачинщики?

— Не знаю, не знаю, — задумчиво проговорил Николай Второй, расхаживая по кабинету, — что там студенты, но пресса ведет себя неподобающе. Как бы не вышло чего в Бессарабии...

— Надеюсь, господин Плеве проследит за событиями, — с иронией в голосе отозвался министр финансов. — И не допустит беспорядков...

— Несомненно, — кивнул царь. — Если у вас есть какие-либо соображения по поводу евреев в черте оседлости, будьте любезны сообщить их мне.

— А я, собственно, все уже сообщил, — пожал плечами Витте. — Могу добавить только, что, с тех пор как евреям запретили селиться в больших городах, а также в деревнях черты оседлости, многие губернаторы при-

слали доклады, из которых следует, что насильственное выселение инородцев приводит к разрушению экономики. Еще год назад Столыпин сообщал из Гродно...

— Столыпин? — прервал монарх. — Это который Столыпин?

— Петр Аркадьевич, — подсказал Витте. — Просвещенный помещик с университетским образованием. У него родовое имение под Ковно, он завел там весьма культурное хозяйство. Такое, каким и должно быть передовое крестьянское хозяйство в России. Был уездным предводителем дворянства. Два года губернаторствовал в Гродно, где как раз и поднимал еврейский вопрос... Нынче переведен в Саратов. Там был когда-то губернатором мой дед по материнской линии...

— Вспомнил. — Николай Александрович остановился перед министром. — Я подписывал назначение Петра Аркадьевича Столыпина. Ну а что сие означает — «весьма культурное хозяйство»?

— Искусственный полив земель, улучшение сельскохозяйственных орудий, выделение хуторов... Много всего... Кстати, в Саратовской губернии его двоюродный брат владеет землей, так он завел там опытное хозяйство, и знаете, ваше величество, результаты превосходят все ожидания...

— Любопытно. — Царь снова прошелся по кабинету. — Запомню фамилию — Столыпин. А насчет еврейского вопроса надо подумать, надо крепко подумать, Сергей Юльевич.

13 марта 1903 года

Златоуст

Член стачечного комитета рабочий Фрол Лебедкин пришел на завод еще в начале пятого утра. Но перед закрытыми воротами уже толпились люди. Многие привели с собой жен и детей, другие принесли из дому иконы. Надя Резунова, девчонка совсем, которая и работала всего без году неделя, сделала из кумача большое знамя.

— Держите, Фрол Кузьмич, — она передала Лебедкину тяжелое древко.

— Спасибо, Надюша. — Фрол обеспокоенно огляделся по сторонам и, понизив голос, сказал: — Зачем же ты-то пришла? Демонстрация — дело опасное. Могут военных на нас выпустить, как в Петербурге-то было, на Обуховском. Шла бы домой лучше.

— Как это — домой! — широко распахнула глаза Надя. — Вы же, Фрол Кузьмич, член стачкома, а такие вещи говорите...

— Так я тебе не от имени стачкома говорю. А от себя. Девушка ты молодая, красивая...

Надя покраснела.

— Иди домой лучше...

— Не пойду! Другие детей привели, а я буду на печке отсиживаться? И вы меня не заставьте!

Фрол вздохнул. Он хотел еще что-то сказать, но тут из толпы раздался голос председателя стачкома.

— Наше дело правое!.. — доносилось сквозь шум толпы. — Наши права!.. Стройтесь, товарищи!

Бесформенная темная людская масса начала выстраиваться в ровные колонны.

*13 марта 1903 года. 10 часов 25 минут
Петербург*

Шифрованная телеграмма его превосходительству министру внутренних дел России фон Плеве от начальника полиции Златоуста Н. Богдановича:

«С о в е р ш е н н о с е к р е т н о .

Сообщения наших агентов подтвердились. Сегодня в пять часов утра началась всеобщая стачка рабочих казенного оружейного завода. По нашим сведениям, в ней приняли участие около одной тысячи трехсот человек. Колонны рабочих движутся от завода к центральной части города, выкрикивая по пути лозунги антиправительственного содержания. Ждем ваших распоряжений».

*13 марта 1903 года. 12 часов 17 минут
Петербург*

Шифрованная телеграмма начальнику отделения полиции города Златоуста господину Н. Богдановичу от начальника департамента полиции господина Лопухина:

«С о в е р ш е н н о с е к р е т н о .

Согласно распоряжению министра внутренних дел господина фон Плеве решено ввести войска в 1 час пополудни. Войскам дать возможность стрелять без предупреждения. Демонстрацию разогнать. Виновных арестовать и отдать под суд».

*13 марта 1903 года. 13 часов 30 минут
Златоуст*

— Даешь восьмичасовой рабочий день! — Фрол Лебедин, размахивая красным флагом, шел во главе колонны.

— Даешь! — звонким девичьим голоском поддержала его Надя.

— Даешь! — подхватила толпа.

— Мы требуем сменить администрацию завода! — в восторге вопила Надя. — Долой штрафы!

— Доло-ой! Доло-ой! — эхом откликнулись демонстранты.

Несколько часов они ходили по улицам города. К ним присоединялись все новые люди: мальчишки — разносчики папирос и газет, крестьяне из окрестных сел, приехавшие торговать на рынок, ремесленники, просто прохожие... Вдоль тротуаров толпились зеваки.

Наконец Фрол свернул на центральную улицу и вдруг замедлил шаг. Прямо на демонстрантов цепью надвигались военные с оружием на изготовку.

— Эй, гольгьба! А ну разойдись! — зычно крикнул один из полицейских, стоявших рядом с солдатами.

— Стрелять будем, — предупредил другой, с широкой красной физиономией.

В толпе демонстрантов произошло смятение. Фрол слышал, как за его спиной переговариваются люди, как по одному выходят из колонны мальчишки-газетчики, крестьяне, просто прохожие.

Фрол обернулся.

— Товарищи! — зычно крикнул он растерявшейся толпе. — Товарищи! Нас хотят запугать! Нас хотят заставить замолчать! Нас хотят превратить в быдло! В бессловесную скотину! Не позволим, товарищи! Не дадим себя в обиду! Впере-ед!

И он ринулся прямо на солдат. Раздался грохот.

Надя видела, как Фрол внезапно остановился, согнулся, сделал еще несколько неуверенных шагов, волоча за собою знамя по грязному мартовскому снегу, и вдруг рухнул как подкошенный.

В толпе раздался истошный крик. Люди в панике бросились бежать. Кто-то схватил Надю за рукав и потащил в сторону ближайшего дома. Надя вырвалась. Она подбежала к мертвому Фролу, подняла с земли знамя. Тяжелое древко тянуло ее назад.

— Товарищи! — отчаянно призывала она, пытаясь перекричать грохот выстрелов. — Товарищи! Всех не перестреляешь! Не позволим нас...

Рядом с ней один за другим падали люди. Стонали раненые. Вопили женщины. Плакали дети. Надя, сжимая в кулаках древко, фанатично шла вперед, размахивая красным кумачом над головой. Она наступала на чьи-то потерянные при бегстве шапки, платки, под ее ногами хрустели святые образа. Надя шла, не разбирая дороги.

— Стой! — закричал ей из цепи молоденький солдатик. — Стой, дура! Куда идешь? Застрелят!

Надя шла прямо на направленные на нее дула.

— Сто-ой! — орал солдатик. — Не ходи-и!

Надя вскинула голову:

— Что, против своих пошел! Стреляй, гадина! Стре...

Солдатик зажмурился и выстрелил.

Что-то горячее ударило Надю в грудь. Она покачнулась и упала, выпустив из рук знамя. Перед глазами расстилось серое, мрачное небо. Потом его заслонила чья-то кованая подошва. Надя захватила в кулак грязного, истоптанного снега и умерла.

Бойня продолжалась.

Что вело этих людей на смерть, под пули, что заставляло их забыть о нормальном человеческом инстинкте самосохранения?

Бог ведает...

20 марта 1903 года

Петербург

В дверь позвонили. Вера Павловна открыла и в полумраке подъезда не сразу узнала посетителя.

— Вы позволите, Вера Павловна? — прозвучал голос с легким акцентом.

— Проходите, — растерянно произнесла хозяйка и вдруг сердито нахмурилась: — Ах, это вы, товарищ Азеф?

— А вы, как я погляжу, разочарованы, — усмехнулся Азеф, проходя в комнату.

— Отчего же? — Розанова зашла следом за посетителем и плотно прикрыла за собой дверь. — Но, признаться, я не ожидала увидеть вас сегодня...

Азеф без приглашения плюхнулся в кресло и бесцеремонно принялся разглядывать хозяйку из-под своих насуспенных, клочковатых бровей. Розанова почувствовала некоторую неловкость и, чтобы скрыть ее, закурила. Но выдержать паузу так, как делает это Азеф, она не смогла.

— Так что же привело вас ко мне, уважаемый Евно Филиппович? — нетерпеливо спросила она.

Азеф усмехнулся.

— А вы сами не догадываетесь?

— Нет, — с ненатуральным безразличием отозвалась Вера Павловна, не глядя на гостя. — Но полагаю, вас привело сюда какое-то важное дело...

— Давайте начистоту. — Азеф оторвал кончик сигары и тоже закурил. — Вы ведь по-прежнему не доверяете мне, Вера Павловна...

— Почему вы так решили?

— Во-первых, это ни для кого не секрет, об этом знают все товарищи по партии. Во-вторых, — тут Азеф полез в карман и вытащил оттуда лист бумаги, исписан-

ный мелким, бисерным почерком, — вы организовали за мною наблюдение...

— Чушь! — Вера Павловна иронически усмехнулась и выпустила дым к потолку. Она казалась абсолютно спокойной, но папироса, зажатая между ее пальцами, задрожала. — И как вам такое могло взбрести в голову? Товарищи...

— Товарищи здесь ни при чем, — мягко возразил Азеф. — Скорее всего, они даже не знают, на что уходят партийные деньги, вернее, та их часть, которая временно передана вам на хранение. У меня, дорогая Вера Павловна, записано абсолютно все. — Он заглянул в бумажку. — Вот, второго марта сего года вы на весь день наняли дорогой экипаж, чтобы следить за моими встречами в гостинице «Англетер» и передвижениями по городу. Четвертого марта вы снова наняли этот же экипаж, который и сопровождал меня до Александровского вокзала, откуда я ездил на несколько дней в Лозанну навестить жену и детей. Третьего дня, не успел я вернуться, наткнулся на вас при входе в гостиницу «Палас», но вы успели скрыться за колонной. У меня и в мыслях не было, что это простое совпадение. Я из Лозанны телеграфировал Савинкову о своем возвращении, а вы воспользовались доверительным отношением к вам Бориса, чтобы вызнать у него все сведения, касающиеся меня. Или я не прав, Вера Павловна?

Розанова немного помолчала, а потом неожиданно вспыхнула:

— Да! Да, я не верю вам! У меня есть подозрения, что вы провокатор, работаете на охранку! Почему, едва вы где-то появляетесь, начинается волна арестов наших товарищей?! Почему покушения, спланированные с вашей помощью, непременно проваливаются? Почему меня арестовали, а потом отпустили? И наконец, в тюрьме я получила записку от Вербицкой, где черным по белому сказано, что вы выдали и типографию в Томске, и литературу, и людей...

— А где доказательства, что именно я выдал Вербицкую и всех остальных? — спокойно парировал Азеф. — Так думает Вербицкая? Но вы же понимаете, что все это бред: во время волны арестов членов Северного союза я находился за границей, в Женеве... И потом, да, про-

валился план покушения на Плеве, вы ставите это мне в вину, но почему вы не вспоминаете о тех террористических актах, которые были организованы мною, при этом весьма успешно?

Вера Павловна открыла было рот, чтобы ответить, но промолчала.

— Так что же вы? — настаивал Азеф. — Видите, вам нечего сказать!

— Да, мне нечего сказать! — Лицо Розановой исказила злобная гримаса. — Пока! Но я женщина, и интуиция много значит для меня. Я чувствую, что вы провокатор, и, придет время, я найду доказательства вашей двойной игры!

— Ах вот как... — с ненавистью прошипел Азеф, поднимаясь из кресла. — Что ж, Вера Павловна, я принимаю ваш вызов! Только смотрите — воюем на равных. У меня тоже есть кое-что о вас, что любопытно было бы узнать товарищам по партии!

Горничная в гостинице с обворожительной улыбкой передала Шуманну записку от какого-то господина, который не назвался.

— Данке. — Господин Шуманн пробежал глазами коротенький текст и протянул горничной медяк. — Данке, фрейлейн.

Горничная сделала книксен и убежала. Господин Шуманн взглянул на часы и начал торопливо собираться.

— Черт побери, — бормотал он себе под нос, — все идет как по маслу. Хотя... чего не ожидал, того не ожидал...

Он вышел из гостиницы и первым делом хорошенько огляделся. «Хвоста» не было. Даже Вера Павловна с ее женской интуицией не разнюхала еще, что Азеф сменил отель, переехав в плохонькую, дешевую гостиницу «Астория». Евно Филиппович взял извозчика и велел ехать на Фонтанку.

Молчаливый дворецкий проводил его в приемную и попросил немного подождать.

— Я извещу о вашем визите господина министра.

Несмотря на то что фон Плеве сам через Лопухина изъявил желание лично познакомиться с одним из самых активных и удачливых работников охранного от-

деления полиции, он заставил Азефа прождать себя в приемной не менее получаса. Когда министр наконец вспомнил о визитере, Евно Филиппович начал раздражаться.

— О, я представлял вас совсем другим, — заявил Плеве, бесцеремонно разглядывая посетителя. — Совершенно!

— Я вас разочаровал? — Азеф не мог удержаться от иронии.

— Помилуйте. — Но в маленьких глазах господина министра застыло выражение брезгливости, будто перед ним был таракан. — Помилуйте, господин...

— Азеф...

— Ну конечно же... Присаживайтесь. — И Плеве первым опустился в кресло и закинул ногу на ногу. — Итак, я наслышан о ваших успехах и потому захотел лично пожать руку человеку, однажды спасшему меня от смерти, — проговорил он, но руки Азефу не протянул. — Буду с вами откровенен, господин Азеф, меня интересует дальнейшая моя судьба. Вы, вероятно, наслышаны о событиях в Златоусте?

Азеф кивнул.

— Хотелось бы знать, что говорят по этому поводу ваши эс-эры — так, кажется, вы себя величаете?

— Что они могут говорить? Возмущаются действиями правительства, которое послало солдат против безоружных людей.

— Ай-ай-ай! — Плеве сложил на животе руки и по бабьи поцокал языком. — Как это было жестоко со стороны государя и правительства — шестьдесят девять трупов, сударь мой! Только не думайте, — тут он склонился прямо к самому лицу Азефа и поводит белым пальцем перед его носом, — только не думайте, что мы на этом остановимся. Мы эту революцию... — он стукнул кулаком по хрупкому инкрустированному столику, — вот здесь зажемем! Народ должен в страхе жить, знать должен, что царь словно отец родной: он накажет, но он же и приласкает, коли хорошо себя вести будут... Впрочем, ближе к вашим эс-эрам. И кого же они винят? Кого собираются убивать? Меня?

— Вас, господин министр, — тихо ответил Азеф, глядя в глаза Плеве. — Вы необычайно прозорливы...

— А ваши товарищи на редкость однообразны. Меня ж недавно уже убивали...

— Я не шучу, — серьезно сказал Азеф.

— Я тоже. — Плеве тоже перестал улыбаться. — Кладу вам жалованья тысячу рублей, но вы отвечаете за каждый волос на моей голове.

— Благодарю. — Лицо Азефа оставалось непроницаемым. — Но, к сожалению, господин министр, ни за что не могу поручиться.

— То есть?

— Я доносил господину Лопухину о моем пошатнувшемся положении. Боюсь, я не смогу снова предотвратить покушение на вашу жизнь...

— А сможете ли вы сделать так, чтобы ваши господа обо мне забыли? Сможете ли доказать им, что златоустовская бойня дело рук... скажем... уфимского губернатора Богдановича?

— О! — Азеф и не подозревал, что этот надменный человек, развалившийся в кресле напротив, эта персона, сделавшая головокружительную карьеру, одного с ним поля ягода. — Я вижу, вы умеете быть азартным, господин министр.

— Так кандидатура Богдановича вас устраивает? — нетерпеливо переспросил Плеве. — Кровавый губернатор... Гора трупов... Десятки арестованных... Две сотни уволенных... Семьи остались без кормильцев, без средств к существованию... Нет, посмотрите, какая зловещая фигура этот Богданович!

— Да, — немного подумав, вынужден был согласиться Азеф. — Я постараюсь убедить в этом товарищей по партии.

— Вот видите, я знал, что вы своей выгоды не упустите, — довольно рассмеялся Плеве. — И жалованье получите весьма и весьма приличное, и восстановите свое реноме в среде революционеров. Да еще, когда мы одного за другим будем вешать ваших товарищей, вас добрым словом помянем...

Попрощавшись с Азефом, но не подав ему руки, министр подошел к окну и через тонкую занавеску проследил за своим посетителем, который шел, о чем-то задумавшись, низко опустив голову.

— Настоящий жид, — вполголоса усмехнулся Плеве. — Натура чисто аферическая...

5

ПОГРОМ В КИШИНЕВЕ

---

*29 марта 1903 года
Петербург*

— Я поражен, ваше величество, я поражен до глубины души! — Всегда уравновешенный господин Витте возбужденно ходил из угла в угол. — Вашей высочайшей волей были отменены временные правила и для евреев был снят ряд ограничений при расселении, увеличена квота для поступающих в университеты, расширено поле торговых операций. Вы и правительство делаете все, чтобы уравнивать инородцев в правах с остальным населением, и я был уверен, что министерство внутренних дел, на чью долю, несомненно, выпала самая тяжелая работа в этом направлении, придерживается законов, но что же на самом деле?..

— Успокойтесь, уважаемый Сергей Юльевич, — царь недоуменно смотрел на министра финансов, — не следует все принимать так близко к сердцу... Чем вам не угодило ведомство господина Плеве?

— Вот, ваше величество. — Витте вынул из папки бумагу и прочел: — «Православные! Приближается жидовская Пасха. Берегите ваших детей! Не дадим евреям осквернять наши города и деревни! Сбросим их с колесницы истории! Бей жидов, спасай Россию!» И знаете, кто печатает эти прокламации, мерзость эту? Департамент полиции! И тайно переправляет их в провинцию. Ваше величество, не сегодня завтра грянет бунт, начнутся погромы. Один чиновник из департамента, чье имя я обязался хранить в тайне, рассказал мне, что христианского ребенка, чей труп обнаружили в Дубос-

сарах Харьковской губернии, убили не жида, как это пытаются доказать следствие, а его собственный дядя, так на суде его принудили взять свои показания обратно и заявить, что мальчика зарезали именно евреи для своих ритуальных нужд! Ваше величество, вы знаете, я не юдофил, но, если не прекратится это безобразие, без крови не обойтись!

— Вашего чиновника, вероятно, захватили революционные идеи, — спокойно возразил царь. — Ну сами посудите, Сергей Юльевич, какой прок от этих прокламаций департаменту полиции? Им там что, работы не хватает?

— Так-то оно так, — с сомнением покачал головой министр. — Логика никакой. Но факты...

— Увы, мой друг, вас ввели в заблуждение. Недавно, как вы помните, я отправлял с инспекцией по губерниям господина Клопова — выявить причины неурожаев и злоупотреблений чиновников на местах. Вы знаете, это наивный чистый человек, провинциал, которому нет дела до наших дворцовых интриг и вашей личной антипатии к господину фон Плеве. Титулярный советник Клопов сообщил буквально следующее: «Министр внутренних дел и его министерство одушевлены наилучшими намерениями». В интересах господина Плеве поддерживать правопорядок, верьте мне. А эти ваши прокламации печатают какие-нибудь революционеры. Вот их искать надо. Вреда эти бумажки никому не принесут, но и безнаказанными оставлять их тоже нельзя... Советую вам не беспокоиться...

— Вашими бы устами, — вздохнул господин Витте, приступая к докладу о положении русского рубля после обеспечения его золотом.

30 марта 1903 года

Гродно

— Смотри, папа! — Старшая Маша подбежала к абрикосовому дереву и пригнула веточку. — Тут уже зацвело!

— Хорошо! — блаженно вздохнула Ольга Борисов-

на, потягиваясь в плетеном кресле. — Весна! Я люблю, когда весна!

— Я как будто десяток лет скинул, — признался Петр Аркадьевич, — как все-таки в мире все разумно устроено, как прекрасна жизнь!

— Романтик ты у меня. — Ольга Борисовна нежно погладила мужа по плечу. — Такой взрослый и такой ребенок одновременно! Маша! — Вдруг голос у нее стал строгим. — Ты что? Не ломай ветку!

— Да я и не ломаю, мам, — отозвалась Мария. — Я только понюхать хотела.

— Ты понюхаешь, а дерево погибнет, — назидательно сказала Ольга Борисовна. — Иди вон лучше с девочками поиграй...

Петр Аркадьевич с улыбкой наблюдал за дочерьми, которые принялись играть в мяч на полянке. Их белые платица мелькали между темными стволами деревьев. Ольга Борисовна зябко поежилась.

— Что-то похолодало, — заметила она. — Надо за шалью сходить...

— Я схожу, — поднялся Петр Аркадьевич. — Где она? На веранде?

— У Параша во флигельке. Я там с нею занималась хозяйственными расчетами...

Петр Аркадьевич легко, словно мальчишка, пробежался по посыпанной песком дорожке и скрылся во флигеле. Ольга Борисовна проводила его взглядом и осмотрела старый, покосившийся домишко.

«Нужно бы его в порядок привести, — подумала она. — И ступеньки там шатаются».

На крылечке показалась фигура мужа. Петр Аркадьевич захлопнул за собой дверь, и в тот же момент что-то хрустнуло, зазвенело и раздался грохот. Столыпин испуганно спрыгнул с крыльца и растерянно остановился. Потом снова поднялся, приоткрыл дверь и тут же отпрянул снова.

— Петя! — встревожилась Ольга Борисовна, поднимаясь и направляясь к флигельку. — Петя, что случилось?

Петр Аркадьевич снова осторожно потянул на себя дверь, и Ольга Борисовна побледнела. Видимо, от удара захлопнувшейся двери рухнула потолочная балка, раз-

ломав надвое старый деревянный стол и разбив окно. Многопудовое бревно загородило вход. Оно упало как раз туда, где только что был Петр Аркадьевич.

— Петя, какой кошмар! — У Ольги Борисовны дрожали руки. — Господи, какое счастье! Ведь ты только что... Нет, не дай Бог! Петя...

— Ну, Олюшка, успокойся, — Петр Аркадьевич обнял жену, — ну не надо, Олюшка...

— Петя, ну ведь тебя же могло... Ты же мог...

— Значит, не судьба, — задумчиво проговорил Петр Аркадьевич, — значит, я живучий... Слышишь, Оля, я живучий...

*6 апреля 1903 года
Кишинев*

Первый день Пасхи и последний день еврейского праздника Песах. В синагоге закончилась служба. Реббе Залман аккуратно запер дверь, тщательно проверил замок и вышел на улицу. Его внимание привлек странный шум, доносившийся со стороны Свечного переулка. Старик направился было туда, но в этот момент дорогу ему преградил молдаванин-ремесленник Мирча, который держал скобяную мастерскую как раз напротив синагоги.

— Батюшка, — Мирча схватил раввина за руку, — не ходите туда. Убьют.

Старик недоуменно посмотрел на молодого человека.

— Там, вероятно, что-то случилось... — Он осторожно попытался высвободить руку из цепких пальцев Мирчи. — Или требуется помощь...

— Никакой помощи, батюшка. — Ремесленник подтолкнул старика к дверям своей мастерской. — Сюда скорее. Да быстрее же, Господи...

Он силой затащил Залмана в мастерскую и запер за ним дверь.

— Таки я не понимаю, молодой человек, что вы от меня хотите? — Старик был совершенно сбит с толку.

— Ничего, отец. Сидите здесь. Там погром.

— Какой погром? Кого?

— Господи, до чего бестолковый! — в сердцах сплюнул Мирча. — Да там жидов ваших убивают! Что, совсем глухой?

Все еще не веря, старик прислушался. Действительно, со стороны Свечного переулка все явственнее слышались крики и звон разбитого стекла. Шум приближался.

— Не может быть, — белыми, как бумага, губами прошептал Залман. — За что?

Мирча пожал плечами:

— «За что, за что»... За то, что Христа нашего распяли, за то, что жидаы... Но вы не беспокойтесь, батюшка, я вас не выдам. Ни вы, никто другой из вашего племени ничего плохого мне не сделали...

Раздался вопль под самыми окнами мастерской:

— Вейз мир! Вейз мир! Не надо! Не бейте! Убива-а...

— Господи, Господи, — крестился Мирча. — Душегубы проклятые!

Старик вдруг бросился к дверям.

— Откройте мне, откройте! — закричал он и принялся колотить по двери. — Выпустите меня! Там Сарра! Там дети! Выпустите меня отсюда! Их убьют!

Мирча схватил его за плечи и оттащил в глубь мастерской.

— Сидеть, — приказал он. — Молчи, дед. Беду накликаешь и на себя, и на меня...

Залман дико посмотрел на него, схватился за голову и принялся раскачиваться из стороны в сторону, будто от сильной боли.

— Боже, Боже, — причитал он. — Там Сарра... Там дети... Боже, они осквернят синагогу... Там книги... там Тора... Молодой человек, выпустите меня отсюда, они осквернят синагогу, там Книга... Что с моей Саррой, с девочками?.. Прошу вас, молодой человек...

С улицы снова послышался звон стекла, который сменили мерные удары топора. Разбивали ворота синагоги.

— ...поганого бога, — доносилось оттуда, — жидовскую мерзость...

Реббе Залман заплакал. Мирча открыл кладовую и вытащил на свет Божий все ее содержимое.

— Лезьте сюда, — велел он старику. — Ну хватит

сопли-то распускать, сюда, я вам сказал! — И он сам втолкнул старика в тесную каморку и закрыл дверь на ключ. Потом, воспользовавшись всеобщей суматохой, которая царила на улицах, смешался с толпой и побежал на Кузнечную, туда, где оставалась семья реббе Залмана.

*6 апреля 1903 года
Петербург*

Фон Плеве как раз собирался на званый обед к обер-прокурору синода господину Победоносцеву, когда поступило срочное донесение из Кишинева.

— Доигрались евреи, — заметил он, пробежав глазами телеграмму. — Я же предупреждал, ничего хорошего от послаблений в политике не будет...

— Какие будут распоряжения, ваше высокопревосходительство? — спросил секретарь.

Плеве пожал плечами:

— Нужно вводить войска. Но я должен посоветоваться с государем. Он уже знает?

— По всей видимости, нет.

Плеве немного подумал.

— Сообщите директору департамента полиции Лопухину. А государя, пожалуй, не ставьте пока в известность. Не будем портить праздник.

— А войска?

— Подождем до вечера. Возможно, кишиневский губернатор сможет обойтись собственными силами. Я вернусь в девять часов. Тогда и решим.

— Какой ответ отправить в Кишинев?

— Пока никакого. — Плеве удовлетворенно осмотрел себя в зеркале. — Вы не находите, что фрак меня несколько полнит?

— Нисколько, ваше превосходительство, — ответил секретарь, удивленный столь резким переходом.

Плеве спустился вниз и сел в карету.

Рысаки зацокали копытами по мостовой. По бокам кареты покатали велосипедисты. Следом двинулись экипажи с охраной.

Высокого роста мужик с длинными нечесаными во-

лосами, хитрым прищуром светло-голубых глаз и в длинной холщовой рубаше проводил взглядом кортеж и вдруг быстро-быстро забормотал:

— Смерть ходит за ним с косою кровавой. Ох, не жить ему, не жить...

Звали мужика Григорий Распутин.

Апрель — май 1903 года

Газеты мира пестрели возмущенными статьями о еврейском погроме в Кишиневе.

«Это была не случайная вспышка пьяной разгулявшейся толпы мужиков, а заранее продуманное нападение организованной шайки на еврейское население целого города. С первых часов погрома солдаты местного гарнизона были выведены на улицы Кишинева, но они бездействовали и равнодушно глядели на зрелище грабежа и разбоя...»

«Звон разбиваемых стекол, треск рам и дверей, свист и дикий рев из тысячи полупьяных глоток слились с криками ужаса избиваемых евреев, воплями женщин и детей...»

«Толпа бушевала с утра до позднего вечера, даже ночью врываются в дома, и били, и убивали на виду у всех...»

«То, что грабители не могли уничтожить или унести, они обливали керосином и сжигали...»

«Пух из еврейских перин носился в воздухе и, словно иней, покрывал улицы и крыши домов; облепленные им деревья походили на абрикосы в цвету...»

«Евреев избивали в домах, погребах и на улице, срывали с конки и тут же на глазах публики топтали ногами и умерщвляли... Завидев издали сидящего в вагоне еврея, толпа кричала, обращаясь к пассажирам-христианам: «Бросьте нам жида!» И жид выбрасывался из вагона на растерзание толпы.»

«Одному столяру отпилили руки его же пилой. Одному еврею распорол живот, вынули внутренности и набили живот пухом из перин...»

«Ординатор земской больницы сообщил: «Суре Фонаржи вбили два гвоздя в ноздри, которые прошли

через голову; Харитону отрезали губы, потом вырвали клещами язык вместе с гортанью; Зельтцеру отрезали ухо и нанесли двенадцать ран на голове; на углу Свечной и Гостиной улиц беременную женщину посадили на стул и били палками по животу; на Кировской улице выбрасывали со второго этажа на мостовую маленьких детей; известно много случаев изнасилования несовершеннолетних... найдена также разорванная надвое девочка».

«Я видел в больнице несчастного калеку, у которого вырвали единственный глаз... Я видел девяностолетнюю старуху, которую изуродовали ножками от железной кровати. Я видел изувеченных стариков и молодых, у которых от кровоизлияния в мозгу помутился разум, и они выкрикивают бессвязные слова».

«Лица покойников до такой степени обезображены, что родные их узнают лишь по платью».

Погром продолжался два дня. Лишь к концу второго дня из Петербурга пришло распоряжение навести порядок. Войска принялись разгонять толпу, и не потребовалось ни единого выстрела, чтобы зверства прекратились. Новый губернатор Кишинева князь Урусов, назначенный после погрома, писал в воспоминаниях: «В первые часы погрома одна рота в руках дельного человека могла остановить и потушить погромный пожар. Вместо этого весь кишиневский гарнизон два дня подтверждал своим бездействием справедливость легенды о разрешенном царем трехдневном разбое».

Итог погрома — сорок девять убитых, пятьсот семьдесят шесть раненых.

Певец Федор Шаляпин пожертвовал сбор с концерта на нужды пострадавших кишиневских евреев. Епископ Антоний Волынский осудил погромщиков с церковной кафедры: «Под видом ревности о вере они служили демону корыстолюбия... Так поступают людоеды, чтобы насытиться и обогатиться».

Писатель В. Короленко побывал в Кишиневе и написал документальный очерк «Дом номер 13». Очерк не был пропущен цензурой.

Министр внутренних дел России Плеве отказал ев-

реям Петербурга, обратившимся к правительству с просьбой выделить некоторую сумму для помощи вдовам и сиротам, пострадавшим от погрома. Министр счел невозможным обращаться к царю с подобным ходатайством.

8 апреля 1903 года
Петербург

Мясистое лицо Азефа исказила гримаса злобы. Он отшвырнул газету и вскочил.

— Я убью его! — воскликнул он, потрясая над головой сжатыми кулаками. — Я задушу Плеве собственными руками!

8 апреля 1903 года
Киев

— Эль мале рахамим Сарра, Двойра, Хаим, Давид... — нараспев перечислял раввин имена кишиневских мучеников.

В синагоге шла панихида по погибшим.

Наверху, на втором этаже, плакали женщины.

Богров видел, как по лицам мужчин тоже текли слезы. Сам он едва сдерживал рыдания. Не дождавшись конца поминальной молитвы, он выскочил на улицу и нервно зашагал в сторону Крещатика.

— Я убью царя, — процедил он сквозь зубы. — Я вырасту и убью царя!

15 мая 1903 года
Уфа

Егор Дубов ждал с половины восьмого утра. Все маршруты уфимского губернатора были ему хорошо известны. Товарищ по партии, назвавшийся Павлом Ивановичем, передал ему приговор Боевой организации. И добавил, что 15 мая в девять утра начнется

заседание городской думы, на котором будет выступать и губернатор.

— Обычно, — подчеркнул Павел Иванович, — Богданович приезжает за десять минут до заседания.

И точно, без десяти девять к зданию думы подъехала карета губернатора. Почему-то он был один, без охраны.

— С Богом. — Егор размашисто перекрестился и шагнул к карете. — Ваше превосходительство, — окликнул он Богдановича.

Тот недовольно обернулся:

— В чем дело?

— У меня прошение. — Дубов протянул губернатору сложенную вдвое бумагу с приговором Боевой организации эсеров.

Богданович нахмурился:

— Придете ко мне в приемный день.

— Ну ваше превосходительство... — заныл Дубов, низко кланяясь и одновременно нащупывая за пазухой револьвер. — Христом-Богом молю...

Губернатор неохотно принял у него «прошение», и в тот же момент Егор выстрелил.

*20 мая 1903 года
Киев*

Вера Павловна напряженным взглядом следила за Азефом.

— Вечером я уезжаю в Женеву, — торопливо проговорил он. — Теперь, когда убит Богданович и арестован Гершуни, мы все должны на время затаиться. Так и передайте товарищам. Никакой самодеятельности, надеюсь, вы понимаете всю сложность положения?

Вера Павловна, по обыкновению своему, молча закурила.

— Сменили бы вы табак! — в сердцах воскликнул Азеф. — Ужас! Запах как у денщика!

Также молча Вера Павловна затушила папиросу и снова выжидательно уставилась на Евно Филипповича.

— Все распоряжения будете получать через посылъ-

ных, — продолжал новый руководитель Боевой организации эсеров. Со мною будете связываться только в самом необходимом случае через книжный магазин господина Крафта в Женеве. Почему вы молчите?

— Все думаю, кто у нас следующий на очереди, — насмешливо проговорила Вера Павловна.

— Плеве, — коротко бросил Азеф.

— Я не о том. Кто следующий из наших товарищей будет выдан охранке и отправится на каторгу или на виселицу.

Азеф в бешенстве хлопнул дверь и скатился по лестнице.

ЗАСЕДАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

---

*Июнь 1903 года
Саратов*

— Ты волнуешься, Петя? — спросила Ольга Борисовна, заметив, что между бровями мужа залегла глубокая вертикальная морщинка.

— Есть немного, — признался Столыпин.

— Отчего же?

— Видишь ли, дорогая... — Петр Аркадьевич походил по гостиной, уставленной еще не распакованными ящиками и коробками. — Одно дело — Гродно... А Саратов — это совсем другое.

— Но ведь на прежнем месте тебе казалось тесно, разве не так? — мягко напомнила жена. — Ты сам говорил, что способен на большее.

— Совершенно верно, — кивнул Столыпин. — Только и ответственности тут намного больше. Сама посуди, Олюшка, мой дед был здесь губернатором, и еще живы люди, которые помнят его. Сравнения неизбежны, и боюсь, они окажутся отнюдь не в мою пользу.

— С каких это пор тебя стало волновать чье-то мнение? — слегка улыбнулась Ольга Борисовна. — То, что вас, Столыпиных, здесь знают и помнят, на мой взгляд, огромное преимущество, а не недостаток. Здесь ваши родовые земли, здесь живет твоя родня. Неужто ты останешься без поддержки и понимания?

— Пока ты со мной рядом, не останусь! — Петр Аркадьевич наконец-то засмеялся, и жена просияла. — Как себя чувствуешь, Олюшка? — показал он глазами на высокий живот Ольги Борисовны.

— Превосходно, — немного покраснев, ответила она. — Больше всего меня пугала дорога. Но, как видишь, все обошлось. И вот мы дома.

— Да, моя дорогая. — Столыпин подошел к распахнутой настежь балконной двери и осмотрелся. — Господи, какие же здесь огромные возможности! У меня просто руки чешутся взяться скорее за работу!

— Сперва следовало бы распаковать вещи, — улыбнулась Ольга Борисовна. — А потом уже браться за дела государственной важности.

— Извини, я сейчас распоряджусь... Ты устала? Поди к себе в комнату, приляг, отдохни. А я займусь кабинетом.

Из сада, окружавшего губернаторский дом, доносились звонкие девчоночьи голоса. Это осваивались на новом месте дочери.

По распоряжению Столыпина письменный стол передвинули поближе к окну.

— Отсюда Волгу видать, барин, — тараторил Гришка. — Чудно! А по ней пароходы плывут, баржи всякие... Гу-у-удят! Местные говорят, по гудкам можно различить, какое судно идет. Да... Богатые места. Земли много...

Казимир молча выгружал из коробок стопки книг.

— Читать — не перечитать! — присвистнул Гришка. — Это ж надо ж, сколько народу училось, потом сидело, старалось и писало! Как их раскладывать, барин, — по размеру иль по цвету?

— А не так и не так, — неволью усмехнулся Столыпин. — Книги мне понадобятся для работы, поэтому расставляю я их по шкафам без вашей помощи.

Он взял в руки первый попавшийся томик и раскрыл его. Это были стихи Апухтина.

— «Я ждал тебя... Часы ползли уныло, — прочитал Петр Аркадьевич знакомые строчки, — как старые, докучные враги... Всю ночь меня будил твой голос милый и чьи-то слышались шаги...»

— Глянь-ка, в рихму! — восхитился неугомонный Гришка. — Про любовь!

— Стихи, — кратко резюмировал Казимир.

— Еще стишки почитайте, — мечтательно шмыгнул носом Гришка. — Сами небось, барин, сочинили?

— Нет, — печально качнул головой Столыпин. — Их поэт написал, друг нашей семьи. Да вы, верно, слышали его романсы... «Пара гнедых», например...

— А как же! — обрадовался Гришка. — Грек из Одессы и жид из Варшавы, — закатив глаза, фальшиво затянул он, — юный Корней и седой енерал...

— Корнет, — поправил скупой на слова Казимир. — Генерал.

— А еще песни ваш знакомый пишет? — не обращая на него внимания, поинтересовался слуга. — Чтобы про любовь, чтобы за сердце брали...

— Александра Николаевича уж десять лет как нет в живых, — Столыпин со вздохом захлопнул томик. — Так что пой, Григорий, то, что он успел написать.

— А не врут, барин, — не унимался Гришка, — будто бы у вас в роду был этот... ну который про Бородино сложил?

— Это правда, — отозвался Петр Аркадьевич, расставляя на полках тома Толстого. — Его бабка моему деду сестрой приходилась. Так что, считай, мы с Михайлой Юрьевичем троюродные братья...

В коридоре послышалось торопливое старушечье шарканье, и в дверях показалась запыхавшаяся Аграфена.

— Ох, Петруша, кажись, начинается, — взволнованно сообщила она. — Надо б за дохтуром послать...

— Ты распорядись, Грушенька, — попросил няньку Столыпин. — Да воды пусть побольше вскипятят на кухне...

И он поспешил к жене.

— У мамы схватки, — бросилась к отцу бледная Маша, старшая дочь.

— Знаю, знаю. — Столыпин поцеловал ее в лоб. — Ты шла бы к сестрам, Машенька, не девичье это дело — роды принимать. Я уж распорядился...

— Маман, я пойду девочек успокою... — Дверь за дочерью затворилась.

— Пьер... Петя, не оставляй меня. — Жена сжала пальцами крупную ладонь мужа. — Мне страшно отчего-то...

— Ну полно, полно, — успокаивал ее Столыпин, но, как и всякий раз, когда наступали сроки, сердце у него

сжималось от дурных предчувствий. — Уж не впервой... Все обойдется, моя дорогая!

— Хорошо бы. — Ольга Борисовна жалобно смотрела на мужа. — Вот бы сына дал Бог...

— Кто бы ни появился на свет, — Петр Аркадьевич погладил жену по спутанным волосам, — я буду тебе бесконечно благодарен, Олюшка...

— Нет, я знаю. — Ольга Борисовна изо всех сил стискивала руку мужа, сдерживая стоны. — Ты никогда не говорил, но я знаю наверное: тебе мальчика хочется.

— Ты успокойся, расслабься. — Столыпин услышал, как жена скрипнула зубами от боли. — Скоро доктор приедет... А может, повитуху позвать?

— Не надо, — Ольга Борисовна попыталась улыбнуться. — В крайнем случае ты повитуху заменишь... Так ведь, Петя? Если придется?

— Ну, при необходимости, конечно... — Петр Аркадьевич был глубоко растроган мужеством жены. — И все же, Олюшка, доктор — это как-то надежнее...

— Я тебя не подведу. — Ольга закусила бледные губы. — Я... мальчика... сына тебе рожу, Петя...

Вскоре приехал врач, классический провинциальный доктор с седенькой бородкой клинышком и коричневым кожаным саквояжем.

— Никольский, — представился он. — Павел Сергеевич. А это моя помощница, фельдшерица Кукуева, — указал он на крупную женщину в пенсне. — Где тут можно помыть руки?

Несмотря на протесты Столыпина, ему не позволили оставаться рядом с женой, и битый час он мерил шагами неустроенный кабинет, молясь Богу, чтобы все обошлось благополучно и Олюшка скорей разродилась.

Наконец, не выдержав пытки неизвестностью, он бросился к спальне жены. Под дверью у нее крестилась Аграфена.

— Слава те Господи, — бормотала старуха. — Разрешилась от бремени...

Отстранив нянюку, Столыпин распахнул дверь. Первое, что бросилось ему в глаза, было бледное, бескровное лицо Ольги Борисовны, по цвету почти слившееся с подушками. Она слабо шевельнула губами, но сказать ничего не смогла.

— Поздравляю вас, батенька, — вытирая руки полотенцем, подошел Никольский, — с сыном и наследником. Это, смею заметить, весьма счастливое предзнаменование, что губернаторство ваше начинается с такого радостного события.

Фельдшерница в пенсне поднесла Столыпину туго спеленутый сверток.

Петр Аркадьевич заглянул в бессмысленные младенческие глаза и не удержался от слез. Бросившись к жене, он поцеловал ее маленькую бессильную руку и только после этого прижал к груди сына.

Большая радость была омрачена большим горем: в тот же день скончалась старенькая нянька. Ее похоронили на маленьком кладбище на высоком волжском берегу.

1 июля 1903 года
Женева

— До свидания, Павел. — Гоц крепко пожал Савинкову руку. — Удачи тебе. И будь осторожен.

— Не волнуйся, Миша. — Борис слегка нахмурился, глядя на неподвижную фигуру товарища, прикованного к инвалидному креслу. — Береги себя.

— Что мне сделается? — Гоц невесело усмехнулся. — Я тут в полной безопасности. А тебе предстоит ежеминутно рисковать собственной головой. А ты куда собрался, Иван?

— Провожу Павла, — отозвался Азеф. — Проверю, все ли чисто, нет ли «хвоста».

— Счастливо, — напутствовал их Гоц, и в голосе его послышался легкий оттенок зависти.

Павел и Иван неторопливо двинулись по узкой улочке, сбегаящей вниз, к озеру.

— Прогуляемся? — предложил Азеф, щелкая крышечкой карманных часов. — Времени еще полно.

— Почему бы и нет? — согласился Савинков, вешая тросточку на сгиб локтя. — Места тут красивые. Вернусь в Россию — будет уже не до прогулок.

Они дошли до берега и двинулись вдоль озера. Невысокому и сухощавому Борису все время хотелось ус-

корить шаг, но, когда он заметил, что Евгения мучает одышка, пришлось сбавить темп. Азеф благодарно перевел дух. Ему нравился Савинков. Двадцать четыре года, а за спиной уже целая биография. Производит впечатление слабого и нервного человека, но способен на очень и очень многое.

— Изучаешь меня? — обернулся, усмехнувшись, Борис. — Ну и как?

Азеф тоже хмыкнул. Ему припомнился разговор с Ратаевым.

— Кого еще вы назовете, Евгений Филиппович? — вкрадчиво поинтересовался тот. — Вот этот господин, к примеру, вам знаком, не так ли? — И он придвинул к Азефу папку, на которой красовалась надпись: «Дело-производство о дворянине, студенте Санкт-Петербургского университета Борисе Викторовиче Савинкове».

— М-м, — неопределенно промывчал Евно, листая страницы дела.

Что-то такое слышал...

После кратких сведений об аресте и ссылке были указаны «приметы Бориса Савинкова». Азеф скользнул взглядом по строчкам, выхватывая отдельные слова: «не больше двух аршин семи вершков...», «сутуловат, плечи гнутые вперед...», «глаза беспокойно бегающие, близорук. Взгляд суровый, часто прищуривается...»

— Хорошо работаете, черти! — с невольным восхищением воскликнул он. — Все, вплоть до родимого пятна, обрисовано... Да еще и фотография прилагается... Непонятно, к чему вам еще и я? Да по одному вашему описанию давно можно было взять!

— Следовательно, этот господин вам знаком, — удовлетворенно констатировал Ратаев. — Он чрезвычайно опасен, Евгений Филиппович. А что, если мы и в самом деле его возьмем?

Азеф навалился всем телом на стол, так что Ратаев невольно отшатнулся.

— Савинкова я вам не отдам! — брызжа слюной, прошипел Евно. — Вы и так меня подставляете все время... Это вызывает подозрения, разве не понятно?

— Заботитесь о своей шкуре? — холодно и презрительно спросил Ратаев.

— Да-с, забочусь! И ваше ведомство, кажется, тоже

во мне заинтересовано? В таком случае будьте любезны соблюдать хотя бы элементарные правила предосторожности!

— А при чем здесь господин Савинков? — поднял брови Ратаев.

— А при том, что мы с ним работаем вот как, — Евно сцепил согнутые мизинцы. — Вместе ставим динамитные мастерские, вместе отбираем людей, вместе... — Он чуть не сказал: «организуем акты», да вовремя удержался и выкрутился: — ...Составляем планы... И потом, я уже не раз просил членов ЦК не трогать. Их безопасность — гарантия моей неприкосновенности.

— Ну ладно. — Ратаев как будто резко потерял интерес к разговору. — Есть еще какие-нибудь вопросы?

Азеф сполз брюхом со стола и деловито произнес:

— Деньги.

— Сколько? — так же кратко спросил собеседник.

— Шестьсот, — быстро назвал сумму Евгений Филиппович.

— Пятьсот, — так же быстро скостил ее Ратаев.

— Только немедленно и наличными, — согласился провокатор.

...Сейчас, глядя на Савинкова, Азеф вспомнил строки из полицейского досье: «Руки при походке обыкновенно держит прямыми, опущенными вперед и при походке наклоняет весь корпус вперед... Походка тихая, и при ходьбе слегка приседает, в особенности на левую ногу, поэтому вся часть тела совместно с головой раскачивается вперед, благодаря такой походке сутулость его становится более заметной...»

Исключая полицейский стиль изложения, все было верно. Даже пробел над верхней губой среди редких усов не упустили из виду, даже немного утолщенные и морщинистые верхние веки, из-за которых лицо Савинкова приобретало несколько монголоидный характер.

Удивительно даже, как он ухитрился оставаться на свободе при такой характерной внешности и таком подробном досье в полиции. Нет, уж он-то, Евно, позаботится, чтобы Бориса не взяли. С кем тогда работать?!

Борис между тем подобрал с песка несколько мелких плоских камешков и рассеянно запустил в воду.

— Послушай, — вдруг спросил его Азеф, — а почему ты ушел от социал-демократов?

Он знал, что до ареста Савинков входил в Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса и его там высоко ценили.

— Скучно стало, — пожал плечами Борис, ничуть не удивившись вопросу. — А вот боевая организация — это по мне. Делаешь бомбочку, — он подобрал камень побольше и размахнулся, — готовишь акт и устраиваешь ого-го какой переполох! — Камень тяжело плюхнулся в воду, взметая фонтан брызг. — Чувствуешь себя человеком, а не тварью дрожащею! — Савинков брезгливо отряхнул ладони от прилипшего к ним песка.

— Достоевского почитываете, господин эсер? — прогнусавил Азеф, изображая жандарма на допросе. Он тоже взял камень и бултыхнул его в воду. — Бунтуете, господин эсер? А мы вас за это — на каторгу!

— А мы вам за это — еще бомбочку! — Худощавое веснушчатое лицо Бориса раздумянилось. Он отправил на дно Женевского озера еще несколько увесистых булыжников. — И еще, и еще! Вот вам от нас!

— Мсье, мсье! — Вдоль берега к ним торопливо бежал полицейский. — Прекратите безобразничать! Такие достойные господа, и вдруг...

— Ке вуле ву? — холодно спросил Савинков. — Что вам угодно?

— Вы нарушаете правила поведения в общественном месте. — Полицейский отдышался. — Извольте заплатить штраф.

— Хорошо, что мы не в России, Иван, — иронически пробормотал Борис, роясь в карманах. — А велик ли штраф?

— Сто франков, — почтительно козырнул полицейский.

— Вот досада, у меня же почти ничего не осталось. — Савинков выгреб из портмоне билеты на поезд и горсть мелочи. — Выручай, Евгений Филиппыч, не то в Сибирь отправят и меня и тебя, брат.

Азеф с видимой неохотой отсчитал деньги.

— Больше не делайте так, мсье, — попросил полицейский, выписывая квитанцию. — Загрязнять озеро категорически воспрещается, и я поражен, что такие

важные господа позволили себе такое... Это единственный случай на моей памяти...

— При таких штрафах — оно и понятно, — проворчал Евно с недовольной миной.

— А ты скуповат, Иван, — заметил с ласковой усмешкой Борис, когда они ехали к вокзалу.

— Станешь тут бережливым, — отозвался, хмурясь, Азеф. — Знаешь, с каким трудом приходится добывать средства на борьбу? Погоди, сам тоже приучишься считать каждую копейку. Он обшарил глазами улицу. Никто за ними не следил. Да, это не Россия. — Ну, счастливого пути. — Он обнял Савинкова и похлопал его по спине. — На перрон я, пожалуй, не пойду. Жадничать так жадничать: сэкономлю на перронном билете.

Борис склонил лысую голову:

— До свиданья, брат. — И не оборачиваясь, зашагал к вагону.

Евно немного прошелся пешком. На углу стояла девица. Приподняв юбку, она поправляла подвязку над пухлым коленом.

— Сколько ты берешь? — спросил Азеф по-немецки.

Девица опустила юбку и оценивающе смерила его профессиональным взглядом. Приличный толстый господин в светлой фетровой шляпе и добротном легком костюме нетерпеливо облизывал толстые вывернутые губы.

— Сто, — с сомнением сказала проститутка. — Сто франков, — уже смелее повторила она. — И ваше угощение.

— Больше получишь, если постарайшься, — посулил Евно.

Девица была еще молода, не слишком потрепана, из-под помятой шляпки спускались на полные белые плечи рыжеватые локоны.

— Не пожалеете, господин хороший, — уже бойко затараторила в ответ проститутка. — Останетесь довольны.

И она зацокала каблучками по тротуару, не оборачиваясь, в полной уверенности, что клиент следует за ней.

2 июля 1903 года
Царское Село

Победоносцев дрожащими руками повязал салфетку. Он терялся в догадках: почему его пригласили к завтраку в узком императорском кругу?

— Та фы ешьте, ешьте, Константин Петрович. — Александра Федоровна собственноручно налила ему в чай сливок. — Чем покаты, тем и раты.

Обер-прокурор синода терпеть не мог сливок. И ту, что их наливала, тоже. Да и с Николаем Вторым, бывшим своим воспитанником, Победоносцев никогда не был в близких отношениях. Чего они от него хотят?

— Вы, вероятно, слышали о старце Серафиме? — покашляв, начал царь. — Он был монахом в Саровской пустыни... Гм...

— Чутеса тфорил, — подхватила царица. — Сфятым тухом питался...

— Да, припоминаю, — наморщил лоб Победоносцев. — Но, насколько мне известно, этот старец лет семьдесят назад почил в бозе...

— Необходимо его воскресить, — еще раз прокашлялся Николай.

— В каком же смысле, ваше величество? — изумился обер-прокурор.

— Представьте мне проект указа о провозглашении Серафима Саровского святым. — Когда император говорил таким непререкаемым тоном, это означало приказание.

— Но ведь это не в моей власти! — воскликнул Победоносцев. — Вашему величеству, вероятно, известно, что к лику святых причисляет только Святейший синод после длительных исследований... Изучают биографию лица, которое обратило на себя внимание своею святою жизнью... Расспрашивают население — существуют ли о сем предмете легенды и предания... В один день такое не делается.

— Фсе телается, — поджала тонкие губы Аликс, — ешели косутарю уютно.

Николай покосился на августейшую супругу, но ничего не сказал. Вместо этого он обратился к Победоносцеву:

— Ваши доводы резонны и убедительны, Константин Петрович. Благодарю вас за то, что любезно согласились с нами позавтракать.

Эти слова означали, что визит окончен.

Трясаясь в карете по дороге домой, обер-прокурор проклинал свою близость к нынешнему монарху. В свои семьдесят лет он уже не боялся царской немилости. А вот милость царская обходилась куда дороже...

Дворецкий помог ему разоблачиться. Скинув парадный мундир, Константин Петрович облегченно вздохнул. Но ненадолго. Потому что тут же доложили: приехал фельдъегерь с письмом от императора.

«Дорогой Константин Петрович! — писал Николай. — Не могу не согласиться с Вами во всем, что касается процедур Святейшего Синода по процедуре утверждения святых. Тем не менее моя просьба остается в силе: убедительно прошу Вас, чтобы ко дню празднования Серафима Саровский старец получил статус православного святого».

За этим следовала собственноручная подпись монарха.

— Тыфу ты, немка проклятая! — сплюнул Победоносцев. — Настояла-таки на своем!

Из воспоминаний С. Ю. Витте:

«Государь и императрица изволили ездить на открытие мощей. Во время этого торжества было несколько случаев чудесного исцеления.

Императрица ночью купалась в источнике целебной воды. Говорят, что были уверены, что саровский святой даст России после четырех великих княжон наследника. Это сбылось и окончательно и безусловно укрепило веру их величеств в святость действительно чистого старца Серафима. В кабинете его величества появился большой портрет — образ святого Серафима.

Во время революции, после 17 октября, обер-прокурор Святейшего Синода князь А. Д. Оболенский несколько раз мне сетовал, что черногорки все вмешиваются в духовные дела и мешают Святейшему Синоду и что как-то раз по этому предмету он заговорил с его величеством о святом Серафиме Саровском, на что государь ему сказал: «Что касается святости и чудес свя-

того Серафима, то уж в этом я так уверен, что никто никогда не поколеблет мое убеждение. Я имею к этому неоспоримые доказательства».

Их величества пробыли в Сарове несколько дней. Эти торжества имели большое влияние на укрепление расположения его величества к двум лицам: к министру внутренних дел Плеве и к губернатору Лауницу. Оба эти лица были впоследствии убиты. Должен по совести сказать, что, будучи против всяких убийств, а особенно анархических, я тем не менее не могу не сознаться, что беспринципность этих двух лиц во многом содействовала такой трагической их смерти».

30 июля 1903 года
Брюссель

— И где ее искать, эту РСДРПу... тьфу, язык сломаешь! — проворчал филер Букашкин.

— Не пойму, чем ты недоволен? — беззаботно пожал плечами филер Канашкин. — Не так уж часто начальство за границу посылает. Хоть посмотрим, как в Европах люди живут.

— А задание? — хмуро возразил Букашкин. — Мы, чай, не прохлаждаться сюда приехали.

— И то верно, — вздохнул Канашкин. — На те деньги, что нам выдали, не сильно-то и разгуляешься.

— Может, в здешнюю охранку обратиться? — продолжал мыслить вслух ответственный Букашкин.

— Ну и что? — Канашкин пожал плечами. — Они в наши дела не вмешиваются. Скажи еще спасибо, что позволили вот так в чужой стране бегать за нашей шушерой.

— Не за шушерой, — поправил напарник, — а за государственными преступниками.

— Тю! — презрительно присвистнул Канашкин. — Были б, я понимаю, всякие бомбисты, а то — РСДРПе, Съезд у них — значит, окромя разговоров, ничего другого не ожидается.

— Ну не скажи, — не согласился Букашкин. — Среди наших подопечных и ссыльные, и каторжные есть. Подрывной элемент, одним словом.

Так они переругивались привычно и беззлобно. В департаменте дразнили эту парочку, пользуясь некоторым сходством фамилий, но все отдавали им должное. А особенно ценили, что вместе работали они гораздо результативней, чем поодиночке. Вечно недовольный чем-то, зато серьезный Букашкин и легкомысленный, зато наблюдательный и удачливый Канашкин прекрасно дополняли друг друга.

— Да русских тут вычислить — раз плюнуть, — философски заметил Канашкин. — Сильно мы отличаемся от здешней публики.

— А ежели по-европейски оденутся? — из чувства противоречия ехидно поинтересовался Букашкин. — И на иностранных языках начнут чесать? Ни хрена ты не отличишь!

— Ха! — лихо отозвался напарник. — Я нашего по запаху за версту учую. И вообще — по признакам...

— По каким таким признакам? — не сдавался Букашкин. — По носам, что ли, картошкой? А вдруг то наш жидовин? У него и нос будет нерусским...

— Словами не объяснить... — Канашкин пошарил глазами по прохожим. — Ну у нашего человека все иное... И выражение лица, и всей фигуры... Искательность какая-то присутствует, что ли... Самодовольства того нет, как в немцах этих...

— Бельгийцах, — поправил педантичный Букашкин. — Мы же в Брюсселе. А немцы — те в Берлине.

— Один черт! — махнул рукой Канашкин. — Мне без разницы, кто они. Мое дело — наших, русских углядеть.

— Вот и гляди, — снова помрачнел Букашкин. — А то растрянделся...

Филер Канашкин хотел что-то сказать в ответ, но взглянул на кислую физиономию напарника и передумал.

Вот уже несколько часов они таскались по улицам. Можно было бы, конечно, взять извозчика, да казенных средств, отпущенных на поездку, оставалось в обрез. Да и кто их знает, местных «ванек», какую цену заломят? Не владеешь языком, как торговаться? И лишнее внимание к себе привлекать нельзя: спугнешь этих РСДРП...

— Глянь-ка, дамочка какая идет, хвостом вертит, — вдруг снова оживился Канашкин. — Эх, были б денюжка в кармане! Непременно попробовал бы, как они целуются! Мне Фищенко знаешь что рассказывал... — И, хихикая, он что-то прошептал на ухо своему хмурому напарнику.

— Да ну тебя! — оттолкнул его Букашкин, морщась. — Тьфу, гадость какая, прости Господи!

— Не скажи... — Канашкин со вздохом проводил взглядом дамочку.

— В жизни, как я мыслю, всего надо попробовать. А то и вспомнить потом будет нечего...

— Охальник! — огрызнулся Букашкин, еще больше мрачней. — Тебе бы не в департаменте служить, а канканы в кабарегах отплясывать! Пустой ты человечиска, никчемный. Нет в тебе основательности, определенности...

Вдруг он замолк, внимательно глядя на Канашкина. Потому что напарник сделал стойку, весь сразу подобрался, даже легкомысленности как будто поубавилось.

— Тш-ш! — прошипел Канашкин. — Кажись, клюнуло... Нашего вижу, расейского...

Букашкин проследил за его пристальным взглядом. И разочарованно пожал плечами.

Улицу пересекал приличный господин совершенно европейского вида. Вот он подошел к даме, что-то сказал по-иностранному и трижды с ней расцеловался.

— Точно наш, — выдохнул Канашкин.

— Где ж это написано? — пренебрежительно отозвался напарник. — Он же ничем от других не отличается.

— Целуется, — коротко бросил Канашкин.

— Так, может, у них шуры-муры, — предположил Букашкин. — Рандеву. Чего ж не поцеловаться?

— Троекратно целуются только у нас, — не сводя глаз с подозрительного прохожего, объяснил Канашкин. — Больше нигде так не делают. Не принято у них. В Европах, чтоб ты знал, только к ручке прикладываются.

Довод напарника показался Букашкину несерьезным.

— Так кого угодно можно за РСДРПу принять, — проворчал он. — Мало ли какая у человека привычка!

— А давай проследим, — предложил Канашкин. — Вдруг эта пара нас куда-нибудь да выведет!

Лавируя среди праздной, веселой толпы, они ускорили шаг. Господин с дамой о чем-то оживленно беседовали. У модного магазина дама остановилась, поправляя перед витриной шляпку. Канашкин быстро нырнул за афишную тумбу, увлекая за собой напарника.

— Проверяет, нет ли «хвоста», — возбужденно прошептал Канашкин. — Ну, что я тебе говорил!

— Похоже... — с сомнением откликнулся Букашкин. — Но достоверно-то неизвестно...

Взяв даму под руку, господин помог ей войти в трамвай. Филеры едва успели вскочить на заднюю площадку.

Букашкин, в котором не было особой уверенности, что они правильно взяли след, присматривался к объектам. Оба нестарые еще, лет так за тридцать. У женщины — мягкий овал лица и большие серо-голубые глаза. Мужчина снял шляпу и обнажил облысевшую не по годам голову. Что-то негромко говоря даме, он обвел глазами салон.

Букашкин случайно столкнулся с ним взглядом и поспешно опустил ресницы.

Канашкин с безразличным видом смотрел в окно.

— Слезают, — прошипел он напарнику. — Айда за ними! Кажись, ничего не заподозрили.

Сойдя с трамвая, господин и дама двинулись в переулок. Прижимаясь к стенам домов, филеры последовали за ними. Господин, судя по всему, предложил своей спутнице зайти в небольшой ресторан.

— А мы как же? — растерялся Букашкин. — Туда так просто не пускают. А франков — кот наплакал.

— Подождем здесь, — решил Канашкин. — Сколько они закусывать будут? Не целый же день! Через полчаса появятся снова, никуда не денутся...

Он попытался заглянуть в ресторан через окно, но, кроме темных силуэтов, ничего нельзя было различить. Канашкин прислонился к фонарному столбу и, вынув из кармашка пилку, занялся ногтями.

— Ишь ферт какой! — недовольно одернул его Букашкин. — Денди замоскворецкий!

— Так это же для конспирации, — стал оправдываться напарник. — Иначе любой подумает: чего это они под дверью околачиваются?

Шло время. Из ресторана выходили люди — группами и поодиночке, но подозрительных русских не было видно. Канашкин начал нервничать.

— Я все-таки зайду, — наконец решил он. — Сквозь землю они провалились, что ли?

— Погоди, — заторопился Букашкин. — Я с тобой.

Подскочившему к филерам метрдотелю они никак не могли растолковать, что им надо.

— Ням-ням — нихт, — Канашкин показал на свой рот и отрицательно помахал рукой. — Мы ищем... мадам и мсье. Он такой лысый, — постучал он себя по макушке, — а мадам в шляпке.

— Же ву при сорти, — балакал по-иностранному метрдотель. — Же ву при...

— В зале их нет, — хмуро сказал Букашкин. — Может, в кабинетах сидят? Или в номера поднялись?

— Какие, к чертовой матери, номера! — Глаза Канашкина налились кровью. — Это тебе не русский трактир, это приличное заведение... Ушли, право слово, ушли! Вычислили нас еще подле витрины, а потом уж следы заметали... Через черный ход либо через кухню... Ищи теперь ветра в поле!

— Мсье, мсье! — все кружился вокруг них метрдотель. — Же ву при...

— Да отвяжись ты, бельгийская морда! — вспылил наконец и Букашкин. — «Мсье, мсье»... — передразнил он. — Все, уходим, не бойся, не обожрем тебя.

Кипя от злости, филеры вышли на улицу.

— Куда теперь? — Букашкин был темнее ночи. — Что начальству доложим?

— Еще попытаем счастья, — предложил отходчивый Канашкин. — Пойдем куда глаза глядят. Авось встретим других РСДРПов. Но на этот раз не будем такими лопухами...

Пара, за которой они следили, была уже далеко. Входя в подъезд двухэтажного дома, женщина с серо-голубыми глазами сказала спутнику:

— А ловко мы от «хвоста» ушли. Верно, Володя?

Мужчина снял шляпу и промокнул носовым платком обширную лысину.

— Не велика хиткость, — озабоченно заметил он с легкой картавостью. — Меня другое тревожит — годог пегеполнен филегами, Надюша...

— Ну и что? — рассмеялась женщина беззаботно. — Здесь же они за два квартала бросаются в глаза.

— И все же... — покачал головой мужчина. — В такой напряженной атмосфере пговодить съезд пагтии невозможно. Для габоты необходима спокойная обстановка. Нам нужно гешительно газмежеваться с господином Плехановым и пгочими оппогтунистами. Я поговою с товагищами... В ктайнем случае пегенесем заседания в Бгитанию.

Через несколько дней по предложению Ильича Второй съезд РСДРП продолжил свою работу. Но уже в Лондоне. Здесь, как и собирался сделать Ильич, большинство делегатов решительно размежевалось с оппортунистическим меньшинством. С этих пор Г. В. Плеханова и примкнувших к нему социал-демократов так и стали называть — меньшевики. А к названию РСДРП прибавилась в скобках небольшая буква «б», что означало: большевики.

Филеры, оставшиеся в Брюсселе, бегали, суетились. Но пока заработала тяжелая бюрократическая машина, пока был получен следующий приказ — передислоцировать силы охраны в столицу туманного Альбиона было уже поздно.

— Эх, не упусти мы тогда зловредную парочку, может, награду бы какую получили, — сокрушался Букашкин.

— Ты чего суетишься? — пожимал плечами Канашкин. — Что, тебе больше всех, что ли, надо? Пусть у начальства голова болит, а наше дело маленькое.

— Ну все же, — не соглашался Букашкин. — Мы же их спугнули... А задержали бы — глядишь, от РСДРПы этой остались бы только рожки да ножки. Чует мое сердце...

— Да лысый тот, — успокаивал Канашкин, — невелика сошка...

БОМБА ДЛЯ МИНИСТРА

---

*5 января 1904 года
Царское Село*

Николай Александрович нервно барабанил пальцами по столу. Ее величество Марья Федоровна была раздражена.

— Николай, это безумие, повторяю. Твоего отца не зря называют в народе миротворцем — в сложившейся ситуации Александр Александрович никогда не допустил бы войны. Сегодня, когда Россия только-только начинает выходить из экономического кризиса не без усилий нашего верного Сергея Юльевича, — тут вдовствующая императрица метнула красноречивый взгляд в сторону скромно сидевшего министра финансов, — сегодня развязывать войну — значит обречь себя на гибель! Николай, угроза революции слишком реальна, народ нищенствует, тебе необходимо поднять свою популярность. Ваше величество, подумайте, на какой шаг вы решаетесь! Сергей Юльевич, ну скажите и вы!

— Ваше величество, — вкрадчиво начал Витте. — Наша внешняя политика направлена сегодня на завоевание восточного рынка, вам это прекрасно известно. Персия сдает свои позиции. Мы завоевываем нефтяной рынок, и даже удалось уладить трения с Англией. Русский рубль занял соответствующее положение в ряду других твердых валют. Мы наконец разобрались с дорогами, начали поднимать промышленность...

— Но претензии японцев... — неуверенно прервал царь, — их лозунг «Азия для азиатов»...

— Ваше величество, но ведь все возможно решить

мирным путем, — горячо возразил Витте. — Если вы согласны, я составлю проект урегулирования отношений с Японией...

— Да! — опередила сына Марья Федоровна. — Да, дорогой Сергей Юльевич, причем в самые кратчайшие сроки! Переговоры должны быть мирными!

Несмотря на то что Марья Федоровна добилась своего, за обедом она была мрачна и неразговорчива. Аликс понимающе усмехнулась: ни для кого не секрет, что свекровь ее недолюбливает. Ну и пусть! После обеда Александра зашла к мужу в кабинет и устроилась на подлокотнике его кресла.

— О чем это вы так долго секретничали с мамá? — как бы между прочим спросила она.

— Мамá хочет видеть Россию великой державой, — неохотно ответил муж. — Она до сих пор следит за всеми политическими событиями и дает советы. Они с Витте пытались отговорить меня от войны с Японией.

— И удалось?

— Витте предложил составить проект договора...

Александра Федоровна порывисто поднялась.

— Ники, ты слишком, слишком мягок. Твой министр черестчур мноко себе позволяет. Война — это всегда плоко, но ты, майн либэ, правишь окромной тержавой, и все твои эти мирные токофоры будут расценены как слабость. Ты не можешь позволить себе пьть трусом, Ники, я никогда не поверю, что ты есть трус! Тем полее избегать столкновений с Японией! Что есть Япония, скажи мне, торокой? Разве это страна? Это косударство? Не знаю, Ники, но я бы сильно-сильно потумала, прежде чем соглашаться на предложение министра и твоей матери.

— Ты полагаешь?

— О, я уверена, что, если начнется эта война, мы выикраем ее в считанные тни и тем самым укрепим свое мокущество. Кстати, знаешь ли, что сказал Вячеслав Константинович Плевэ, человек, которому нельзя не доверять? Он сказал: «Чтопы избежать революсии, нам нужна маленькая попедоносная война». О, он очень умный, твой Плевэ! Николай! — В порыве чувств Аликс взяла мужа за руки. — Потумай хорошо, прежде чем

предпринимать какие-то шаги! А еще лучше — поезжай на охоту.

Брови Николая Александровича медленно поползли вверх.

— Что?

— Нет, в самом теле! Лес, морозный востух, снег... Ники, тебе нужно отдохнуть, ты выглядишь весьма утомленным... А охота, мой друг...

— Ты удивительная женщина, — проговорил император, целуя жену.

25 января 1904 года
Женева

— Я отправляюсь в Петербург нынче же ночью, — сказал Азеф. — Найдешь меня в отеле «Палас» под именем бельгийского промышленника Пуаро. Следом за мною отправится Алексей. Ради Бога, предупреди, чтоб он был осторожен, перевозка в поезде бикфордова шнура — дело чрезвычайно опасное. Алексей должен спрятать его за спинкой скамьи, и если он случайно облокотится...

— То все взлетят на воздух, — закончил за Азефа Савинков. — Не беспокойся, Иван Николаевич, все будет хорошо.

— Я не Иван Николаевич уже, — поправил его Азеф. — Я со вчерашнего дня Пуаро. — И он протянул Савинкову паспорт бельгийского подданного.

Борис повертел паспорт в руках:

— Все-таки согласись — хорошо сработали наши товарищи, — он посмотрел документ на свет, — даже водяные знаки есть.

— А чего бы им плохо работать? — пожал плечами Азеф. — Они получают неизвестно от кого огромные субсидии, а их типография — это верх конспирации. Заходишь в квартиру — ни звука, ни запаха. Открываешь шкаф — ничего особенного, висит верхнее платье. И вдруг задняя стенка шкафа отодвигается, а за нею и есть типография!

— Да-а, — завистливо протянул Савинков. — У нас такой конспирации нет.

— Нам такая и не нужна, — успокоил его Азеф. — Умение работать с гримом для нас важнее... Впрочем, — он озабоченно поглядел на часы, — тебе пора, как мне кажется...

Азеф проводил гостя, подошел к окну и убедился, что Савинков уехал на съемном экипаже. После этого он проверил, тщательно ли заперта дверь, пододвинул к себе листок бумаги, взял ручку и тщательно вывел:

«Дорогой Леонид Александрович!

Я нашел мебель, подходящую для вас. В книжном магазине Крафта продается старинный платяной шкаф. Думаю, он вам приглянется.

Целую крепко, *Иван*».

Азеф заклеил конверт и написал на нем парижский адрес заведующего русской заграничной агентурой Л. А. Ратаева.

*27 января 1904 года
Петербург*

Плеве вернулся от царя в хорошем расположении духа и немедленно вызвал к себе директора департамента полиции Лопухина.

— Ну-с, господин директор, — сказал он, потирая руки, — как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Я слышал, государь чуть было не пошел на переговоры с этими макаками, вот была бы потеха! Но япошки его опередили бомбардировкой Порт-Артура, и слава Богу!

— Помилуйте, Вячеслав Константинович, чему вы так радуетесь?

— Война же, война, как вы не понимаете! При нашей победе — а она будет несомненно — либералам конец. Мы им покажем, что такое монархия! Они у нас вот где будут! — Он потряс в воздухе кулаком. — А то понахватались, понимаете ли, революционных идей! Свободу им подавай, равенство, братство! Какое, скажите на милость, братство у меня может быть с мужиком или с жидом? Нет, диктат, только диктат. Твердая власть. Чтобы никто пикнуть не посмел...

— Но вы, вероятно, вызвали меня не для обсуждения этих вопросов, — с улыбкой отозвался Лопухин.

— Естественно. На каком-то этапе война вызовет единение и подъем духа. А нам нужны беспорядки...

— Простите, — растерялся директор департамента, — но вы же противоречите сами себе. Только что вы говорили о диктате, о твердой власти...

— Твердую власть надо про-де-мон-стри-ро-вать! С одной стороны, победа русской армии на фронте, с другой — наведение порядка в стране. А чтобы навести порядок, должен быть беспорядок. Мне нравится, как работают ваши агенты в революционных организациях. Но агентов должно быть больше. И основная их задача — не столько доносить, сколько провоцировать. Несколько организованных убийств, бунтов, стачек — и наша с вами работа, наша власть видна. Вы поняли задачу, Алексей Александрович?

*30 января 1904 года
Саратов*

— Боже мой, война! — Ольга Борисовна прижала к себе полугодовалого Адю. — Это безумие какое-то! Погибнут тысячи людей, десятки тысяч останутся калеками... И ради чего? Что им Маньчжурия, что им Япония?

— Успокойся, Олюшка, не то молоко пропадет. — Столыпин обнял жену и поцеловал сына в младенчески пахнущую макушку. — Ты, разумеется, права... Да кто нас слышит, кто нашим мнением интересуется? Вообще не следовало доводить дело до войны... Промашка дипломатов... Вечная угроза со стороны Германии — и вдруг Дальний Восток... Непонятно!

— Мне страшно, Петя. — Ольга Борисовна подняла к мужу залитое слезами лицо. — Эти эшелоны, без конца идущие через Саратов, эти серые шинели... Песни поют, кричат: «Мы япошек шапками закидаем!» И того не понимают, что для кого-то там, наверху, они всего лишь пушечное мясо...

— Да что это с тобой, Олюшка? — Столыпин вытер

жене щеки. — Нервы разгулялись... Возьми себя в руки! Ну моя дорогая, улыбнись! Ну прошу тебя!

Ольга Борисовна через силу улыбнулась. От вида ее вымученной улыбки Петр Аркадьевич нахмурился. Но бодро сказал:

— Ну вот и славно! Вот и умница!

К счастью для него, явился Гришка и доложил:

— Екипаж подан! Ехайте, барин! Наши доблестные солдатики ждут вас на вокзале!

— И ты поедешь поддерживать в них боевой дух? — с упреком спросила Ольга Борисовна.

— Что я могу поделатъ? — Столыпин развел руками. — Ноблесс оближ — положение обязывает! Хотя гораздо разумнее было бы начать разворачивать лазареты... Скоро пойдут встречные эшелоны — с востока на запад, полные раненых...

Он застегнул сюртук и, не оборачиваясь, вышел.

На перроне играл оркестр. Махали кружевными платочками патриотически настроенные девицы и дамы. Подходил очередной эшелон. К Столыпину подскочил градоначальник:

— Ваше превосходительство, не откажитесь сказать несколько теплых напутственных слов нашим доблестным солдатам!

— О Господи! — вздохнул саратовский губернатор. — Да их везут как скотину на убой. Кто бы остановил ненужную, бессмысленную войну?

— Антрэ ну, — интимно склонился к уху Столыпина градоначальник, — исключительно между нами, ваше превосходительство, его величество питает к япошкам личную неприязнь. Ходят упорные слухи, что когда он был юн и путешествовал за границами, то, находясь в Японии, подвергся вероломному нападению и был спасен только чудом. Сугубо антрэ ну — ему пришлось спастись бегством.

— Но при чем здесь они? — страдальчески морщась, Петр Аркадьевич показал вытянутой рукой на молодые солдатские лица, выглядывающие из вагонов. — Им бы землю пахать, а не под пули лезть Бог знает в каких краях.

Заметив этот жест, офицер принял его за приветст-

венный взмах и подал нижним чином команду. Они тут же дружно грянули:

— Ура-а-а! — И затем: — Здра-а-а... жела-а-а... ва-ше-е... дитства-а...

Теперь уж Столыпину пришлось на самом деле и рукой махать, и говорить приветственные речи. Словом, повторялось то же, что каждый день с начала войны — с 27 января. Но он никак не мог избавиться от досады и ощущения фальши всего происходящего.

По команде офицера из толпы серых шинелей вперед выпустили молоденького безусого солдатика, совсем мальчика, который срывающимся взволнованным голосом прочел дикие вирши, в изобилии появившиеся в последнее время на страницах газет и журналов. Петр Аркадьевич слушал невнимательно, в память врезалось только напыщенное:

Православный русский воин
Не считая бьет врагов!..

Он смотрел на курносое мальчишеское лицо с веснушками, и сердце сжималось, как будто это был не безвестный парнишка, а его сын, Адя. Страшные видения стояли перед глазами — окровавленные трупы, стоны раненых...

— Позаботьтесь о развертывании лазаретов, — сухо вато обратился Столыпин к градоначальнику. — И обеспечьте их перевязочным материалом.

Улыбка сползла с лица градоначальника. Он растерянно смотрел вслед губернатору, уходящему с вокзала, и наконец воскликнул:

— Какая муха его укусила?!

Чтобы успокоиться, несколько кварталов Петр Аркадьевич прошел пешком. Его узнавали, раскланивались немногочисленные прохожие — почти весь город оставался на вокзале. Впереди мелькнула знакомая вывеска: «Крестьянский банк. Саратовское отделение».

— Добрый день, ваше превосходительство, — приветствовал Столыпина управляющий.

— Здравствуйте, господин Зерен. Ну что, как у вас идут дела? — Действительно, это гораздо больше инте-

ресовало его, чем неизбежные патриотические речи на вокзале.

— Дела как дела, — пожал плечами управляющий. — Дебет, кредит... А вы новый анекдот про генерала Линевича не слышали еще? — И, не дожидаясь ответа, со смехом начал рассказывать: — Как-то вечером Линевич собрался идти спать. Потягивается и говорит сыну: «Ну все, пора теперь в объятия Нептуна!» — «Не Нептуна, а Морфея, папаша», — поправляет его сын. «Какая разница? — удивился генерал. — Что Нептун, что Морфей — оба из одной минералогии!»

Столыпин невольно усмехнулся. Генерал Линевич был старый вояка. За Туркестан он получил Георгия IV степени, а за взятие Пекина — Георгия III степени. Несмотря на отсутствие образования, он обладал здравым смыслом и прекрасным военным чутьем. И сын, фигурировавший в анекдоте, и зять его — оба были офицеры и сопровождали генерала на войне. Солдаты обожали старика и готовы были по его приказу лезть в самое пекло. Линевич служил неистощимым источником анекдотов, притом в них обыгрывалась в основном его недостаточная образованность.

— Это слава, — заметил Петр Аркадьевич. — Человек на глазах превращается в героя фольклора.

— А какие у нас шансы на победу? — спросил Зерен. — Ведь правда, мы не можем проиграть войну?

Столыпин пожал плечами.

Его появление не прошло незамеченным. Человек, сидевший за столом и заполнявший какие-то бумаги, поднял голову и приветливо кивнул. Петр Аркадьевич узнал его. Это был его родственник и однофамилец. Поспешно распрощавшись с Зереном, губернатор подошел к Афанасию Дмитриевичу и приветствовал его:

— Добрый день! Что слышно на вашем опытном хуторе? Не охладели еще к экспериментам?

Лицо Афанасия Дмитриевича страдальчески сморщилось, как будто он собирался заплакать.

— Все бессмысленно, — пробормотал он, — разве можно вести культурное хозяйство, если страна находится в состоянии войны?

— Ну не преувеличивайте, батенька, — успокоил его губернатор. — Маньчжурия звон где! — махнул рукой

на восток. — А речка Алай с селом Столыпинам да хутором вашим — тут, неподалеку. Хорошо у вас, должно быть, на хуторе! — мечтательно добавил он.

Хозяйство Афанасия Дмитриевича славилось на всю округу. Он производил семена лучших сортов возможных для данной местности полевых культур, занимался садоводством и огородничеством, сушил плоды и овощи, делал вино из фруктов и ягод. Но и это еще не все. На хуторе разводили улучшенные породы мясных и молочных коров, было налажено производство масла и сыроварение. Имелся у Столыпина с речкой Алай и конный завод, и свиньи беркширской, йоркширской и польско-китайской пород. А овцы? Тонкорунные, шерстяные...

— К чему все это? — продолжал жаловаться Афанасий Дмитриевич. — Все прахом пойдет.

— Да нет, не думаю, — отозвался Петр Аркадьевич. — Земля, хозяйство — единственно верное и надежное дело при всех пертурбациях. Россия из всех передряг выйдет, если будет кому на земле работать. — Завидую я вам, — вздохнул он. — Счастливый вы человек!

— Так вы считаете, что мне не следует сворачиваться? — осторожно поинтересовался родственник.

— Ни в коем случае!

*1 февраля 1904 года
Женева*

Три хорошо одетых господина и дама сидели за угловым столиком ресторана «Националь». На эстраде от мук неразделенной любви страдала певица. Под музыку по залу сновали вышколенные официанты. Один из них подошел к угловому столику и налил даме шампанского.

— Что еще желаете? — спросил он у черноволосого мужчины, которого принял за хозяина стола.

— Ничего, — отмахнулся тот салфеткой. — Иди, голубчик.

Официант, поклонившись, ретировался.

Черноволосый мужчина, склонившись над столиком, продолжал вполголоса:

— Алексей, вам выезжать завтра. В Петербурге вы остановитесь на Васильевском. Выправите в полиции патент на продажу вразнос папирос. Торговать будете на Фонтанке. Ваша задача — наблюдать выезды Плеве. А Егор проедет через Александровск, купит хорошую лошадь и пролетку. Только не скупитесь, Егор, не берите клячу и какую-нибудь развалюху. Вы должны быть обыкновенным извозчиком. Вы обязаны также проследить все маршруты господина министра, установить дни и часы выезда. Карету Плеве легко узнать: сей чиновник никогда не выезжает без охраны. Ежедневно и вы, Алексей, и вы, Егор, должны передавать сведения Вере Павловне, — он кивнул на даму. — А она будет держать связь с Азефом.

Вера Павловна недовольно поджала губы:

— Вы же знаете, Борис, он не внушает мне доверия.

— Старая песня, — усмехнулся Савинков. — Зато мне внушает.

— Но я знаю наверняка, что в нашей организации есть провокатор, — загорячилась было дама.

— Это не Азеф, — отрезал Савинков. — Я головой за него ручаюсь.

— Ваше дело, — обиделась Розанова. — Но если провалится и этот план...

— Тогда и поговорим. — Борис выложил на стол деньги. — Я буду в Петербурге в конце февраля. А сейчас, господа, прощаюсь с вами. Алексей, вы тоже уйдете отсюда один.

*20 февраля 1904 года
Саратов*

Гремел оркестр. На железнодорожном вокзале собрался весь цвет города. Прогуливались дамы в нарядных платьях, чинно беседовали мужчины. Скоро приехал и губернатор. Его появление было встречено присутствующими с большим воодушевлением.

— Не опоздал? — осведомился Петр Аркадьевич у начальника вокзала.

— Промилуйте, ваше превосходительство, поезд будет только через двадцать три минуты, точно по расписанию.

— Замечательно. А что, подарки для фронта уже привезли?

— Да-да, все готово. Не извольте беспокоиться.

— Добрый день, господа. — К ним подошел начальник полиции, толстый и добродушный Петр Кириллович Снегов. — Извините великодушно, у меня конфиденциальный разговор к господину губернатору.

Он отвел Столыпина в сторону и вполголоса сказал:

— Ваше превосходительство, будьте предельно осторожны. К нам поступили сведения, что на вас готовится покушение.

— На меня? — изумился Столыпин. — Кем же?

— Знать бы, — пожал плечами начальник полиции. — Известно только, это мужчина. Сведения получены нами через одного из агентов. Поразмыслив, мы решили, что легче всего сделать это здесь, на вокзале. Ведь вы же ежедневно приезжаете сюда провожать эшелоны на фронт. На всякий случай мы сегодня усилили охрану. — И он красноречиво кивнул в сторону молодого человека в штатском, который прогуливался вдоль перрона. Чуть поодаль стоял другой человек в таком же костюме.

Столыпин огляделся вокруг. Он заметил не меньше десятка переодетых полицейских.

— Благодарствую, — усмехнулся он. — Но для пушшего устрашения террориста вы могли оставить своих людей в форме. А то еще и войска поднять, пушку прикатить...

Начальник полиции почувствовал себя уязвленным.

— Зря вы так, Петр Аркадьевич, — с обидой в голосе произнес Снегов. — Зря вы халатно относитесь к собственной персоне.

— Полноте, — отмахнулся Столыпин. — Кому я нужен? Кто меня убьет? Мужик? Да я мужика знаю как облупленного. Он на меня никогда руку не поднимет. О, а вот и локомотив!

Послышался гудок паровоза. На вокзале началось оживление. Оркестр грянул туш. По рельсам вползла

гигантская чугунная змея. Поезд вздохнул и остановился.

— Ур-ра! — завопила толпа.

Из открывшихся вагонных окон высовывались солдаты. Дамы благословляли их, совали в протянутые руки деньги, табак, снедь.

— Мы победим! — кричали из вагонов.

— Ура русскому царю! — отзывались провожающие.

Быстро загрузили подарки для фронта — медикаменты, продовольствие, одежду — все, что собрали члены благотворительного комитета. Поезд тронулся. Эшелон шел дальше, на восток.

— Не видать макакам Маньчжурии как своих ушей, — глубокомысленно заметил начальник вокзала.

Толпа оттеснила Снегова от губернатора. Петр Аркадьевич стоял на дальнем краю перрона, когда увидел, что прямо на него идет невзрачный мужичонка с револьвером в руках. Дуло было направлено в столыпинскую грудь.

Все произошло в мгновение ока. Петр Аркадьевич распахнул пальто и сюртук, рванулся вперед:

— Стреляй! Ну стреляй же, что ты?

Револьвер дрогнул в руке террориста. Мужчина все еще держал палец на спусковом крючке.

— Ну! — крикнул Столыпин, подставляя грудь.

Террорист медлил. А к нему уже бежали переодетые полицейские и подоспели как раз в тот момент, когда он все-таки выстрелил. Столыпин успел увернуться. Но пуля, просвистев в воздухе, пробила пальто, сюртук, сорочку и застряла в правой руке. В этот момент Петр Аркадьевич даже не почувствовал боли. Зато он ощущал ее потом.

Всю последующую жизнь Столыпин плохо владел правой рукой.

Мужика со скрученными назад руками увели в черную карету с зарешеченными окнами.

Столыпина окружили люди. Все были встревожены. У какой-то особо чувствительной дамы началась истерика. Холодный пот катился по лицу начальника полиции.

— Петр Аркадьевич, Петр Аркадьевич, — причитал он, — это ужасно, я же вас предупреждал!..

— Благодарю за службу, — отозвался губернатор. С виду он оставался совершенно спокойным. — Вынужден проститься с вами, господа, — повысив голос, продолжал он. — Извините, что испортил вам настроение. Ей-богу, не по своей вине... — И, обернувшись к начальнику полиции, сказал: — Буду вам признателен, если вы выведаете у господина террориста, чем и перед кем я провинился. Жду вас с докладом в конце дня.

23 февраля 1904 года

*Киев, Бибиковский бульвар, 4, собственный дом
присяжного поверенного Григория Богрова*

— Слушай, может, мне добровольцем записаться? — Глаза у Мити загорелись.

— Ну и мешанина у тебя в голове, — снисходительно заметил Володя. — А ведь уже не гимназист — студент университета. Ты что, надеешься военную карьеру сделать? Забудь об этом. Во-первых, ты еврей, следовательно, ходу тебе не дадут. Во-вторых, ты как революционер должен быть изначально против империалистических войн...

— При чем здесь карьера? — обиделся Богров. — Ты только вслушайся в эти названия: Ляоян, Мукден, Сандепу... Неужели в тебе сердце не откликается?

— Оставь эти детские романтические бредни, — холодно отозвался приятель. — Изучай свою юриспруденцию... Ходи в наш кружок, знакомься с марксизмом... Это, по крайней мере, что-то реальное...

— Да ну тебя с вашим марксизмом, — отмахнулся Митя. — Скучно и приземленно. «Бытие определяет сознание», — процитировал он. — А по моему мнению, дух должен быть выше и свободней всякой реальности.

— Ну-ну, — иронически произнес Володя. — Легко говорить о свободе духа, живя, как ты, на всем готовом. А другие наши ребята, те, кому родители не могут предоставить условий, придерживаются других взглядов. Побегал бы ты по частным урокам, чтобы заработать на кусок хлеба... Вот тогда я бы тебя послушал!

— Ты же знаешь, что все тут принадлежит не мне, а отцу, — покраснев, ответил Богров. — Были бы у меня

свои средства, я бы все до последней копейки отдал революции. Да что там деньги — не пожалел бы крови до последней капли!

— Имея в виду твою склонность к революционной фразе, — ехидно прокомментировал приятель, — а также готовность положить жизнь за правое дело, тебе прямая дорога в эсеры.

— А что? — горячо возразил Богров. — Чем эсеры хуже твоих марксистов с их бухгалтерским мышлением? Страстные, мужественные, самозабвенные революционеры, готовые в любой момент погибнуть ради светлого будущего! Кстати говоря, сегодня у Наливайко небольшой митинг, и там будет выступать один товарищ... Кажется, Павел Иванович...

— Павел Иванович? — переспросил Володя. — Это несомненно конспиративное имя. Я спрошу у ребят, как его зовут на самом деле. Что ж, можно и послушать. И все равно ты меня не убедишь, что, бросая в людей бомбы, можно приблизить светлое будущее!

... Выступавший эсер не произвел на Митю никакого героического впечатления — небольшого роста, сутулый, с хилой грудью, облысевший и некрасивый. Богров разочарованно шепнул своему приятелю:

— Ты не находишь, что он немного смахивает на обезьяну? И глазки бегают...

— Лучше помолчи, — жарко дыхнул в ухо Володя. — Знаешь, кто это? Сам Савинков, глава организации боевиков!

— Да ты что! — не поверил Митя. — Я почему-то представлял его совершенно другим...

— Разве дело во внешности? — снисходительным тоном спросил приятель. — Да, он неприятен, даже в чем-то отталкивает, но обрати внимание на внутренний огонь!

— Что, и тебя проняло, марксист? — шепотом засмеялся Богров. — Так у кого в голове путаница и мешанина?

— Мы можем расходиться по идейным соображениям, — важно ответил Володя, — но я не могу не признавать заслуг эсеров, особенно их Боевой организации, в революционизирующем воздействии на массы. Взять хотя бы Гершуни...

ла. — Гершуни, — продолжал он, слегка понизив голос, — это недостижимый идеал. И подумать только, из-за ничтожной разницы в возрасте, из-за каких-то шестнадцати лет мы не можем с ним встретиться! А ведь он рос в нашем городе, ходил по тем же самым улицам... Вот бы увидеться с ним!

— Для этого тебе как минимум необходимо попасть на каторгу, — в своей иронической манере отозвался Володя. — А туда так просто, за красивые глаза не берут. Тебе придется податься в эсеры и бросить бомбу в какое-нибудь значительное лицо... К примеру, в Крошку Цахеса...

Не стовариваясь, оба засмеялись, и девушка, сидевшая впереди, снова обернулась и укоризненно взглянула на несознательных студентов. Но удержаться от смеха было трудно.

Крошкой Цахесом в университете называли одного из профессоров. Он отличался малым ростом, уродливой наружностью, необычайным гонором и не скупился на плохие оценки. Он и вправду заслуживал бомбы, если даже и не настоящей, то хотя бы шутовской хлопушки, чтобы сбить с него спесь.

— Впрочем, за это дело не обязательно сошлют на каторгу, — давась от смеха, прошептал Митя. — Могут надеть на шею такой жесткий воротник... — И он выразительно провел ладонью по горлу и поднял руку вверх, намекая на повешение...

— Ну что, пойдешь в эсеры? — спросил Володя скорее в шутку, чем всерьез, когда они после митинга шли по Крещатику.

— Не нравятся они мне, — в тон ему ответил Богров. — Рожей не вышли. Впрочем, я должен познакомиться с различными группировками революционеров. Вот ведь расплодилось... как собак нерезаных. Может быть, что-нибудь мне и подойдет...

— А пока ты еще не определился, приходи к нам в кружок, — напомнил Володя. — Юриспруденция — тоже не кафешантан, однако же ты исправно посещаешь лекции. Согласись, что и в марксизме что-то есть.

В это время с ним поравнялась давешняя девушка, которая на митинге все время оборачивалась и шикала. Узнав студентов, она с негодованием сказала:

— Ну как вам не стыдно, молодые люди! В кои-то

веки сюда приезжает по-настоящему видная фигура, а вы, ей-богу, как гимназисты, ведете себя крайне несознательно! Между прочим, Павел Иванович говорил удивительно оригинальные вещи, а вы все его выступление пропустили мимо ушей!

Девушка была прехорошенькая, с большими темными глазами в обрамлении длинных пушистых ресниц, с розовыми мягкими губами, с толстой длинной косой. Митя хотел было сказать в ответ что-то необычайно остроумное, чтобы привлечь ее внимание, но не успел даже рта раскрыть — его опередил приятель.

— Мне очень жаль, что так случилось, — повiniлся Володя. — А вы, мадемуазель, как я полагаю, все внимательно слушали? Может быть, расскажете и мне?

Девушка слегка покраснела и метнула на Володю быстрый взгляд из-под густых ресниц.

— Отчего же? — не стала она ломаться. — Если вы действительно заинтересовались...

Митя вздохнул и пошел прочь. Его никто не окликнул.

*6 марта 1904 года
Петербург*

Вдоль стен были разложены легкие гнутые трубки, стояли реторты с порошком, на столе в штативе были укреплены пробирки с бесцветной жидкостью. Под видом жены в квартире Алексея Покотилова на Васильевском острове жила помощница — студентка химического факультета университета Нина Костандогло. В ее задачу входила разработка легкой и удобной бомбы, которую можно было пронести незаметно под пальто либо в корзинке. Нина проводила опыты, колдовала над смесью, пытаясь определить наиболее оптимальный состав взрывчатого вещества для господина Плеве.

Она пересыпала немного порошка из пробирки в реторту, добавила какой-то жидкости и принялась нагревать смесь над спиртовкой. Через тридцать секунд почувствовался едкий запах и внезапно раздался взрыв. Стекло реторты брызнула осколками. Капли смеси попали на стол, и он загорелся. Нина не успела укрыть-

ся. Ее руки и лицо были обожжены и изрезаны мельчайшими осколками. Один попал в глаз. Стиснув от боли зубы, Нина голыми руками потушила огонь, который, к счастью, не успел захватить большое пространство. Потом убрала все следы своих опытов, сложила и спрятала в шкаф за одежду трубки, отнесла на кухню реторты и пробирки, вымыла пол.

Теряя от боли сознание, Нина вышла на лестницу и попыталась запереть дверь. Раненый глаз заплыл кровью, руки не слушались. Нина долго вертела ключ обожженными пальцами, потом зажала его зубами и, воя от боли, провернула в замке. Только убедившись, что дверь надежно закрыта, Нина вышла на улицу и там, в переулке, упала в обморок.

Май — ноябрь 1904 года

Эйфория первых дней войны сменилась унынием. Японцы захватили порт Дальний, осадили Порт-Артур, вывели из строя многие корабли русской Тихоокеанской эскадры. С фронта приходили сообщения о поражениях русской армии в сухопутных боях, об огромных потерях: в бою под Ляояном русские потеряли девятнадцать тысяч убитыми и ранеными, под Мукденом — сорок две тысячи. Тем не менее по всей стране шел набор в армию для отправки на фронт. Мобилизованные солдаты разбивали казенные винные лавки, напивались и буйствовали.

Витте писал в «Воспоминаниях»: «Началось ужасное время. Несчастнейшая из несчастнейших войн... Было видно, что война эта непопулярна, что народ ее не желает, а большинство проклинает...»

Конец мая 1904 года Петербург

На Гороховой улице стоял извозчик. Мимо дома номер 13 шел хорошо одетый полный господин. Поравнявшись с извозчиком, он немного подумал, потом как бы нехотя сел в пролетку и велел:

— Трогай! На Васильевский!

Спицы на колесах блестели от солнца.

На Васильевском острове человек расплатился и вышел. Он скрылся в полутемном подъезде одного из домов.

Через некоторое время к этому же дому подъехал другой экипаж, из него вышел другой господин, с дамой. Наблюдательный человек мог бы узнать в этом элегантном господине извозчика, который четверть часа назад подвозил сюда толстого седока. Но никто не смотрел на извозничье лицо, никто его не узнал.

Господин с дамой поднялись по пропахшей кошками лестнице и позвонили в квартиру на четвертом этаже. Дверь отворилась мгновенно. Их здесь ждали.

На квартире Алексея Покотилова собралось несколько человек, чтобы обсудить последние детали предстоящего покушения на министра внутренних дел.

— Еженедельно по четвергам Плеве ездит с докладами к царю, — сообщил «извозчик» Егор Созонов. — Он выезжает с Фонтанки в 10 утра и возвращается к полудню. Ездит обычно по Набережной. Возвращается той же дорогой. Его личная карета и карета с охраной ждут его у дома и у дворца. Я думаю, метать бомбу нужно прямо на Фонтанке.

— А если не удастся? — с сомнением спросил Азеф.

— Тогда можно сделать так: один метальщик будет поджидать его на Фонтанке, другой — ближе к Неве, третий — у департамента полиции.

— И у каждого должно быть по два снаряда, — уточнил Покотилов.

— И по сигнальщику, — многозначительно добавил Азеф. — Если вдруг ему взбрет в голову сменить курс... поехать по Лиговке, скажем, или по Литейному...

— Тогда сигнальщик издали даст знать метателю, и тот сменит место.

— Замечательно! — воскликнул Азеф. — Бегать с бомбами по городу, что может быть лучше!

— Что вы предлагаете? — с легкой обидой в голосе спросил Созонов. — Этот план мы разработали с Савиновым.

— Если бы удавались все планы, — назидательно сказал Азеф, пощипывая толстыми пальцами нозд-

рю, — то мы давно легко бы перестреляли всех министров и самого царя. План должен быть таким, чтобы комар носа не подточил, он должен сработать наверняка.

— Ну и придумайте, — обиженно сказал Покотилов.

— И придумаю, — пообещал Азеф.

— А мне нравится этот план, — вдруг сказала из своего уголка Вера Павловна. — Я не понимаю, господин Азеф, что вас в нем не устраивает...

— Я только что объяснил, — устало сказал руководитель Боевой организации.

— А по-моему, вы просто хотите уберечь господина министра...

— Вера, — укоризненно сказал Созонов.

— Послушайте, Вера Павловна, до чего же надоели ваши подозрения, — взорвался Азеф. — Я хочу найти беспроектный вариант, чтобы оградить наших людей от неудач и бессмысленных арестов и жертв. Но если вы мне снова не верите — как хотите. Пусть будет план Савинкова, если он вам нравится. Но запомните...

— Нравится, — внезапно сказал Покотилов. — Только метальщиком прошу назначить меня.

— Почему вас? — нахмурился Азеф. — Ваше дело — изготовить снаряды. Желательно без лишних опытов. Ваша помощница Нина и сама пострадала, и столько извела дефицитного материала.

— Но послушайте! — раздраженно воскликнул Покотилов. — Почему вы мне не доверяете? Я хотел стрелять в Оболенского — поручили Качуре... Хотел убить Богдановича — меня опередил Дубов... Если б вы знали, как я всех их ненавижу! Я хочу уничтожить хоть одну гадину собственными руками!

— И погибнуть самому, — добавил Азеф.

— Да! Пусть я погибну сам! Но я буду знать, что не зря прожил свою жизнь, что я умер за дело революции!

Алексей вскочил и опрокинул стул.

— Прекратите, — неприязненно сказал Азеф. — Охладите свой пыл. Не устраивайте истерики. Метальщиком будет товарищ Созонов, об этом мы договорились еще в Женеве.

— Но ведь по плану должно быть как минимум три

метальщика, — с обидой возразил Покотилов. — Егор, я и...

— И я, — внезапно встала Вера Павловна.

Мужчины удивленно воззрились на нее. Вера Павловна как ни в чем не бывало вытряхивала из папироски лишний табак.

— Ну, это уже слишком... — протянул Азеф. — Это уже чересчур...

— Действительно, Вера, — поддакнул Егор, — ты не можешь подвергать риску свою жизнь.

— А ты свою? — подняла на него глаза Вера Павловна.

— Я — другое дело. Я мужчина.

— А я женщина. И не меньше тебя ненавижу всех этих... — Вера Павловна посмотрела на Азефа и запнулась. — Не меньше тебя хочу служить революции, — патетически закончила она.

— Но ведь вы, Вера Павловна, и так служите революции, — робко вставил Покотилов. — Зачем же вам еще убивать?

— Вам бы лучше родить, — пробурчал Азеф.

Вера Павловна смерила его уничижительным взглядом и промолчала.

Совещание продолжалось полночи. И наконец, несмотря на протесты госпожи Розановой, решено было оставить всего двух метальщиков — Созонова и Покотилова, с чьей кандидатурой Азеф согласился скрепя сердце.

2 июня 1904 года

Петербург

Покотилов не покладая рук работал всю ночь. На рассвете две бомбы, начиненные взрывчаткой так, что каждой из них можно было уничтожить роту солдат, были аккуратно уложены в большую корзину, прикрыты сверху платком, поверх которого были набросаны пачки с папиросами и табаком. Алексей тщательно убрал следы своей ночной работы и сел за стол.

«Дорогая Нина! — вывел он нервным, рваным почерком на листке бумаги. — Когда ты получишь это

письмо, в живых меня, возможно, уже не будет. Знай, я всегда любил тебя и умирать буду с твоим благословенным именем на устах. Не плачь, Нина! Я не зря прожил свою жизнь. Я без страха иду на смерть, потому что верю: дело революции, которому верно служим мы с тобою, победит! Прощай, любимая моя Нина. Если есть Бог, мы с тобой когда-нибудь еще встретимся на небесах, и тогда уже ничто нас не разлучит! Твой *Алексей*».

Покотилов заклеил конверт и написал на нем одесский адрес родителей Нины Констандогло, к которым она уехала после ранения.

Ровно в половине седьмого утра Алексей вышел на улицу. Около его дома стоял знакомый извозчик. Покотилов немного поболтал с приятелем, незаметно передав ему одну бомбу. Созонов взмахнул кнутом:

— Пошли, милые!

И покотил по неровной мостовой, «высматривая седока». А разносчик папирос Покотилов отправился на Фонтанку, где он обычно торговал.

По пути в экипаж Созонова сел щегольски одетый человек, по виду иностранец. Наблюдательный человек заметил бы, что очень скоро «иностранец» занял место на козлах, а бывший кучер, наоборот, превратился в праздного денди, от нечего делать решившего прокатиться. Но никому не было дела до обыкновенного наемного экипажа, какие кружат по Петербургу сотнями.

В семь часов восемнадцать минут «иностранец» подкатил к Дворцовой набережной, расплатился с кучером и принялся рассматривать произведение архитектора Растрелли.

В семь часов двадцать две минуты разносчик папирос занял свое обычное место на Фонтанке, чуть поодаль от того дома, где жил министр внутренних дел.

Без четверти девять господин фон Плеве вышел из подъезда. Вид у него был неважный: под глазами мешки, лицо серое. Видно было, что министр страдает бессонницей.

Кучер услужливо распахнул лакированную дверцу кареты. Плеве скрылся в ее недрах, блеснувших на мгновение ярко-красным шелком.

В другую карету села охрана. Филеры-велосипедисты приготовились к старту.

И тут произошло неожиданное. Торговец папиросами рванулся к министерской карете, взмахнув в воздухе корзинкой, из которой посыпались в разные стороны пачки папирос. Что-то яркое блеснуло на солнце, и вдруг раздался мощный взрыв. В воздух взлетела корзинка, кепка разносчика, его голова, рука, камни мостовой...

От взрыва кучеру заложило уши. Он видел, как, словно в немом кинематографе, безмолвно разевали рты прохожие, побросали свои велосипеды и кинулись к месту взрыва филеры, выскочила из соседнего экипажа министерская охрана. Вячеслав Константинович распахнул окно кареты и тоже что-то бесшумно кричал.

Кучер соскочил с козел и помог министру выйти. На негнущихся ногах Плеве подошел к месту взрыва и посмотрел на то, что осталось от Алексея Покотилова.

— Матка Боска, — прошептал министр на своем родном языке, — а ведь это приготовлено было для меня...

3. СМЕРТЬ МИНИСТРА

---

*Июнь 1904 года
Петербург*

По коридорам Петербургской духовной академии гулял странный человек. Немытый, со спутанной бородой и стриженными под скобу волосами, в пиджаке с чужого плеча, грязных брюках не по росту, нечищенных сапогах, он совершенно не походил на слушателей академии — аккуратных и подтянутых, в тщательно выглаженных рясах. Но тем не менее ректор этого учебного заведения отец Феофан относился к нему с явным уважением и даже некоторым подобострастием. Он нередко приглашал этого человека в свой кабинет и подолгу беседовал с ним там за чашкой чаю.

Особенно любил он слушать историю о том, как Григорий Распутин пришел к Богу.

— В пятнадцать лет в моем селе, когда солнышко грело, а птицы пели райские песни, я мечтал о Боге, — говорил Распутин, усердно дую в блюдце с чаем. — Душа моя рвалась вдаль... Не раз, мечтая, я плакал и сам не знал, откуда слезы и зачем оне... Так прошла моя юность. В каком-то созерцании и в каком-то сне... И потом, когда жизнь коснулась, дотронулась до меня, бежал я в угол и тайно молился. Не удовлетворен был я, на многое ответа не находил, и грустно было. И стал я попивать.

Распутин замолкал и пристально глядел на отца Феофана своими серо-голубыми настороженными глазами.

— А дальше-то? — нетерпеливо спрашивал священник. — Дальше-то что?

— А дальше...

Распутин неторопливо наливал себе еще чаю и макал в стакан баранку.

— Дальше, значит... Сибирские мы, любим чайком побаловаться... А дальше — свела меня с пути истинного горькая. И блудодействовал, и воровал... всего не упомнишь. Только душа вот моя болела, ох как болела... Годов, почитай, тридцать мне было, когда встретился на пути один святой человек. Сам студентом был, семинаристом. Сказал он мне: «Как же, Григорий, ты живешь нехорошо!» И открыл дорогу к Богу. А там уж я и сам стал сквозь тернии продираться: по святым местам ходил, отшельничал также, все грехи замаливал... В Киеве был, в самой Саровской пустыни, в Москве на богомолье... А когда домой после всего вернулся, начал в церкви молиться, да лоб-то себе от усердия и разбил о пол-то церковный... С того времени дано мне Господом пророчествовать и исцелять. М-да...

Однажды отец Феофан рассказал о Распутине великим князьям Павлу и Николаю. Их жены, сестры-черногорки Милица и Стана, переглянулись.

— И где он теперь, этот удивительный мужик? — спросила Стана.

— Да здесь же, в Петербурге! — ответил отец Феофан.

— Батюшка, умоляю, познакомьте нас с ним! — едва не запрыгала от радости Милица. — Вы же знаете, нас всегда привлекают такие люди!

— Приведите его сюда, — добавила Стана.

— Стана, о чем ты говоришь, — недовольно нахмурился ее муж — великий князь Николай Николаевич. — Я не хочу, чтобы в доме появлялись колдуны. Хватит с меня прежних твоих увлечений.

— Упаси Боже, — замахал руками отец Феофан. — Григорий Распутин не колдун. Он и вправду святой человек. Подвижник.

— Вот видишь, Николай, — обернулась к мужу Стана. — Прошу тебя, пригласим Распутина к нам. Ну пожалуйста...

— Ну пожалуйста, — по-детски заныла и Милица.

— Делайте что хотите, — отмахнулся князь. — Но меня прошу не вмешивать.

*1 июля 1904 года
Москва*

Плеве был в первопрестольной уже целый месяц. После неудавшегося на него покушения министр вдвое усилил свою охрану. Он был взбешен: Азеф, давший ему слово, что ни один волосок не упадет с головы главного полицейского страны, как сквозь землю провалился. Ничего не слышал об Азефе и начальник департамента полиции Лопухин. По сведениям Ратаева, агент Филипповский не объявлялся и за границей.

После покушения Плеве просто преследовали неудачи. Царь ставил ему в вину беспорядки в губерниях и провалы на фронте.

— Вот видите, Вячеслав Константинович, — укоризненно сказал монарх, — вы так настаивали на этой войне, так верили в скорую победу... Это вы говорили, что окрыленная победой армия после войны задушит революцию. Ничего этого не выходит. Где же ваша хваленая проницательность, Вячеслав Константинович?

После этого неприятного разговора Плеве и поехал в Москву — искать моральной поддержки у генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, по мнению министра внутренних дел, единственного дельного человека во всей империи.

— Не знаю, что вам и сказать, — пожал плечами Сергей Александрович, выслушав жалобы Плеве. — Но мне кажется, вы слишком либеральничаете.

— Я? — поразился министр.

— Вы, — подтвердил великий князь. — Империя в опасности, и не мне вам об этом говорить. А вы, вместо того чтобы вешать без сожаления, деликатничаете. Вы отпустили вожжи, Вячеслав Константинович, и теперь остается только наблюдать за развитием событий. Увы, революция неминуема. Народ слишком взбудоражен, эта энергия ищет выход...

— Помилуйте, — залепетал Плеве, — мне казалось, что мои люди работают достаточно жестко... В беспорядках на местах виноваты не мы, а губернские власти. Где хорошая администрация, там беспорядков не наблюдается. Вот ваша Москва, например...

— Да я Москву вот как держу! — Сергей Александрович сжал кулак.

— Ну вот видите... А его величество так не может. Мы же без согласования с царем не имеем права действовать.

— Николай слишком мягок, — вздохнул генерал-губернатор. — Слишком. Он начал делать ошибки с первых же шагов царствования. На его месте я отрекся бы от престола... — задумчиво добавил он.

Плеве деликатно промолчал. Вечером того же дня он вернулся в Петербург.

*1 июля 1904 года
Москва. Сокольники*

— История с Покотиловым не должна повториться, — заявил Азеф. — Алексей нам здорово помешал. Теперь Плеве стал вдвойне осторожен, о его передвижениях известно только самому узкому кругу людей. Тем не менее мне удалось подкупить кое-кого из прислуги, и я узнал, что в четверг он все-таки будет в Петербурге, поедет с докладом к царю. И в четверг мы его уьем. Вот план: четверо метальщиков будут поджидать его по дороге на Балтийский вокзал. Они по очереди пойдут навстречу карете. Первый ее пропустит — чтобы загородить Плеве обратный путь. Второй должен убить. Третий понадобится нам, если бомба у второго не разорвется либо если Плеве будет только ранен. Четвертый в резерве.

— Да, — задумчиво согласился Савинков, — пожалуй, это самый удобный план. Но дабы не повторить покотилловской ошибки, следует обсудить и сам способ метания.

— Чего тут обсуждать? — пожал плечами Каляев. — Я бросаюсь с бомбой под ноги лошадям. Даже если моя

бомба не взорвется, лошади все равно испугаются и останутся, а тут-то кинет бомбу запасной метальщик.

— Не согласен, — возразил Азеф, нахмурив клочковатые брови. — Таким образом мы потеряем сразу двух человек: самого убийцу, которого потом повесят, и вас, который пожертвует жизнью впустую... Зачем бросаться под ноги лошадям, если можно кинуть бомбу прямо в карету?

— Действительно, — поддакнул Савинков. — Вы согласны, товарищи?

— Согласны, — сказал Егор Созонов. — Метальщиком буду я.

— И я, — добавил Каляев.

— Третьим будет... — Азеф толстыми пальцами потер подбородок.

— Вера? — взволнованно спросил Созонов.

— Почему Вера? — возразил Азеф. — Мы же в прошлый раз отказались от ее кандидатуры, и вы, Егор, первым были против.

— Ситуация изменилась, — пояснил Егор. — После смерти Покотилова мы много говорили с Верой Павловой...

— Нет, никаких женщин, — решительно возразил Савинков. — Двумя другими метальщиками будут мои люди, вы их знаете, Боришанский и Сикорский. Они теперь в Петербурге. Снаряды готовит верный человек. Метальщики получают их перед актом.

— Я еду в Москву нынче же вечером, — сообщил Азеф. — Борис завтра утром, а вы вдвоем, — он кивнул на Созонова и Каляева, — завтрашним вечерним. Встретимся у Розановой в среду.

*2 июля 1904 года
Петербург*

Вячеслав Константинович не спал всю ночь. Несколько раз он вставал, бродил по комнатам, брался за бумаги в кабинете, но тут же откладывал их. Бессонница мучила его уже несколько месяцев, и сегодня, после доклада государю, он твердо решил показаться

врачу. С этой мыслью он наконец заснул. Было около четырех часов утра.

— Вячеслав Константинович, Вячеслав Константинович! — тряс его кто-то за плечо.

Плеве открыл глаза и вскочил.

Рядом с ним стоял Афанасий, дворецкий. В открытых дверях спальни маячили взволнованные кухарка и горничная, обе босые, простоволосые, в ночных рубашках. Внизу, в гостиной, часы пробили шесть.

— Вячеслав Константинович, что с вами? — испуганно спросил Афанасий.

— О Господи... — Плеве обессиленно откинулся на подушки. — О Господи...

— Вы так кричали, что разбудили весь дом, — принялся оправдываться дворецкий, — мы уж испугались, что кто-то пролез...

— Залез? Залез... — Плеве безумными глазами посмотрел на дворецкого и вдруг закричал: — Да-да! Зажгите свет! Обыскать дом! Здесь кто-то есть! Всех поднять!

Женщины засуетились. Дворецкий вызвал охрану. Во всех комнатах зажгли огни.

— Да не было никого, — божились охранники. — Наружные мухи не пропустили бы.

Но Вячеслав Константинович никак не мог успокоиться. И только когда самым тщательным образом был осмотрен всякий угол, когда обыскали подвал и кладовые, он немного пришел в себя.

— Глафиру позови, — велел он дворецкому. — Быстро!

В кабинет робко зашла пожилая женщина, кухарка.

— Вызывали, батюшка?

Она остановилась у дверей, спрятав руки под передником.

— Верно ли, что ты в снах понимаешь? — спросил Плеве.

— Дык... — замялась Глафира. — Бабка меня учила...

— Мне мои похороны снились...

— Это хорошо, — с готовностью кивнула женщина. — Это значит, батюшка Вячеслав Константинович, жить долго будете.

— Постой, дура, не перебивай... Будто собралось народу видимо-невидимо, государь с государыней приехали на отпевание, великие князья, вдовствующая Марья Федоровна... А я будто в гробу лежу. А рядом с гробом будто стоит мой покойный отец со свечой в руках и смеется...

— Это вам, батюшка, надо в церкву пойти, панихиду заказать. И нищим еще раздать за помин души вашего покойного папеньки, царствие ему небесное... — Глафира подняла к потолку глаза и перекрестилась.

— И священник будто бы запел, а потом склонился надо мною, а это не священник, а черт в рясе...

Глафира задумалась.

— Черти вроде к переменам...

— А я как бы сверху гляжу на все, как бы из-под купола. И себя в гробу вижу. Но только что лежал я, а потом смотрю — какой-то неизвестный мне человек это, в извозничьей поддевке, но никто, кроме меня, этого не замечает. Государыня императрица даже лоб ему поцеловала. А я радоваться начал, что в гробу другой. И вдруг этот человек открыл глаза и потянул ко мне руки, прямо под купол потянул... Схватил меня за горло — и душить... Тут Афанасий меня и разбудил... Ну, что теперь скажешь?

Женщина в нерешительности переминалась с ноги на ногу.

— Дык... это... выходит, батюшка Вячеслав Константинович, нехороший этот сон. Дурной... К болезни, выходит, какую вы получите через мужика.

— Что ты говоришь, дура! — вышел из себя Плева. — Ты думай, что говоришь! Какую болезнь я через мужика получу?

— Дык не знаю, батюшка, — перепугалась Глафира. — Говорю, что мне ведомо, как сон толкуется. Неученые мы, простите великодушно...

— Пошла вон! — заорал Плева. — Во-он! Чтоб духу твоего здесь не было!

Глафира выскочила из кабинета и бросилась вниз, на кухню.

— Чего он? — шепотом поинтересовался дворецкий, показывая глазами на второй этаж.

— Спятил, — закрестилась кухарка. — Совсем разум потерял. Сон ему нехороший приснился...

— Какой?

— Ой, спаси нас Боже. — Глафира огляделась вокруг и шепнула на ухо Афанасию: — К смерти тот сон. К верной смерти. Вот помянешь мое слово.

*4 июля 1904 года
Петербург*

К семи утра Савинков ждал метальщиков за Мариинским театром. Состоялась передача снарядов. Завернутую в бумагу и перевязанную лентой цилиндрическую бомбу весом около 12 фунтов взял Созонов, облаченный в форму железнодорожника. Каляев в одежде швейцара осторожно принял из рук Савинкова круглый снаряд, запакованный в бабий платок. Боришанскому и Сикорскому досталось по «коробке конфет». До девяти утра все метальщики сидели на скамейках за храмом Покрова на Садовой.

В девять тридцать утра от подъезда департамента полиции отъехала карета министра внутренних дел в сопровождении эскорта охранников.

— С Богом, — поглядев на часы, сказал Боришанский. — Я иду первым.

Он пошел по Садовой. За ним, с дистанцией сорок шагов, шел Созонов. Замыкал шествие Сикорский.

Созонов прошел по Английскому проспекту, Дровяной, к Обводному каналу, мимо Балтийского и Варшавского вокзалов и вышел на Измайловский проспект.

В девять сорок пять со стороны Вознесенского проспекта показалась карета. Она мчалась как раз посередине мостовой. Почти вплотную к карете с невероятной быстротой крутил велосипедные педали главный охранник министра Фридрих Гартман. За ним ехала длинная шеренга остальных телохранителей.

Пока все шло по плану. Боришанский прибавил шаг, чтобы успеть закрыть карете задний ход. Созонов поравнялся с «Варшавской» гостиницей.

Рысаки неслись так быстро, что в какой-то момент Созонову показалось, что он не успеет добежать с тро-

туара до кареты. Каляев весь напрягся. Созонов сделал шаг к мостовой, но в этот момент на помощь пришел случай. Неизвестно откуда вынырнувшая извозчицья пролетка едва не столкнулась с экипажем министра.

— Ах, мать твою! — заорал министерский кучер, удерживая коней. Еще мгновение — и столкновение было бы неминуемо.

Навалились друг на друга рысаки в бешеном повороте, и карета метнулась с середины мостовой к тротуару. Созонов кинулся к ней.

— Что случилось? — Из окна экипажа высунулось встревоженное лицо Плеве.

Прямо на министра смотрел человек, которого он видел во сне. Теперь Вячеслав Константинович понял, что означает этот сон.

Созонов тоже увидел белые от ужаса глаза своей жертвы и разинутый в беззвучном крике рот.

Цилиндрическая бомба полетела в стекло.

Серый дым заволок улицу.

Очевидцы вспоминали потом, как внезапно из дыма выскочили лошади и галопом понеслись по Измайловскому проспекту, хрипя и таща за собою остатки оглоблей.

Крик из десятков глоток перекрыл уличный шум.

Когда дым рассеялся, прохожие увидели на мостовой куски человеческого мяса — то, что еще секунду назад было могущественным министром внутренних дел Российской империи господином фон Плеве, обезображенный труп кучера и самого убийцу, который застонал и открыл глаза. На него сразу же навалился главный охранник Фридрих Гартман и принялся беспощадно бить. Следом подскочили другие телохранители. Уличный полицейский поднял с земли портфель министра. Портфель был в полной сохранности.

Вечерние газеты сообщили:

«Сегодня в девять часов сорок девять минут на Измайловском проспекте возле гостиницы «Варшавская» злоумышленником, имя которого пока не установлено, убит бомбой, брошенной в окно кареты, министр внутренних дел В. К. Плеве. Кроме министра внутренних

дел убит кучер Филиппов, а также ранен проезжавший по улице поручик лейб-гвардии Семеновского полка Цвезинский.

Сам злоумышленник также тяжело ранен. С места убийства он перевезен в Александровскую больницу для чернорабочих, где ему в присутствии министра юстиции Муравьева немедленно была сделана операция. На допросе, состоявшемся тут же непосредственно после операции и произведенном следователем Коробчич-Чернявским, назвать свое имя злоумышленник отказался. Департаментом полиции приняты энергичные меры розыска, ибо предполагается, что убийство является актом революционной террористической организации».

«На то Его святая воля», — записал в своем дневнике царь после гибели Плеве.

За убийство Плеве Егор Созонов был осужден на каторжные работы. Наказание отбывал в Шлиссельбурге, а затем на Акатуйских рудниках в Сибири.

27 ноября 1910 года покончил жизнь самоубийством, протестуя против издевательств над политическими заключенными.

После удачного покушения Азеф и Савинков отбыли за границу. Узнав об этом, Вера Павловна тоже срочно выехала в Женеву.

30 июля 1904 года

Из дневника Николая Второго:

«Незабвенный великий для нас день, в который так явно посетила нас милость Божья. В час с четвертью дня у Аликс родился сын, которого при молитве нарекли Алексеем. Все произошло замечательно скоро, для меня по крайней мере. Нет слов, чтобы достаточно благодарить Бога за ниспосланное Им утешение в годину трудных испытаний».

2 августа 1904 года

— Плохо, плохо, ох, плохо! — Распутин сидел на земле около Вознесенской церкви и раскачивался в разные стороны, сжав голову обеими руками.

— Чаво случилось, отец? — склонилась над ним сердобольная старушка.

— Плохо, бабка, плохо, — простонал старец. — Наследник — Алексей. Прежнего Алексея, агнца безвинного, убили, зарезали...

— Да что ты, отец? — ахнула старушка. — Кто убито?

— Отец, отец родной велел убить! Царь Петр Алексеевич сына своего погубил, наследника Алексея. Ох, беда, беда будет! Не жилец теперешний цесаревич, не жилец!

Старушка испуганно закрестилась и отошла подальше на всякий случай. Мало ли юродивых у церкви побирается...

9

НАСЛЕДНАЯ БОЛЕЗНЬ

Август 1904 года
Женева

На конспиративную квартиру, где собрались эсеры, Вера Павловна Розанова явилась в черном вдовьем платке. «Бабушка русской революции» Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская сочувственно вздохнула:

— Что ж поделаться, Вера, такова доля женщин, которые выбрали для себя наш путь. Но ты крепись, дорогая, Егор не только выполнил свой долг, но еще и жив остался. А это в наши дни такая радость и такая редкость! Удивительно даже, почему его не повесили? Видно, господин Плеве мешал не только народу, но и верхушке...

— Действительно странно, — поддакнул Азеф, отрезая кончик сигары. — Я слышал, что даже консерваторы обрадовались созоновской бомбе. Премерзкий был человек...

— Надо выпить, — вдруг басом предложила «бабушка», подымаясь с места. — Верочка, пойдем на кухню, я прислугу сегодня отослала.

Через полчаса, когда пришел Каляев, а следом за ним и Савинков, в комнате уже был накрыт стол.

— Господа, — сказал Савинков, поднимая рюмку. — Я предлагаю почтить память тех, кто отдал свою жизнь в борьбе за свободу народа!

Застолье было в разгаре, когда Вера Павловна вдруг потребовала, чтобы Азеф как руководитель Боевой организации отчитался о средствах, переданных эсерам

другими общественными организациями и частными лицами.

— Пожалуйста, — немного обиженно сказал Азеф. — Все вы меня, Вера Павловна, на чем-то поймать хотите. Не получится... Значит, так. — Он вынул из жилетного кармана сложенный вчетверо лист бумаги, развернул его и пробежал глазами по строчкам: — Должен заметить, что после убийства Плеве наша касса пополнилась. Мы получили восемнадцать тысяч рублей от одного только московского фабриканта, имени которого я не стану разглашать. Из еврейской общины в Киеве нам передано шесть тысяч двести тридцать три рубля, наши варшавские товарищи собрали три тысячи пятьсот семь рублей. Со дня на день должна прийти помощь из Германии.

— Жить можно, — удовлетворенно сказал Каляев.

Азеф строго на него взглянул.

— Вот, кстати, об этом я и хотел с вами поговорить. Не думайте, что эти деньги предназначены для наших личных нужд. Вы слишком ими разбрасываетесь. Сняли квартиру в дорогом районе, наняли швейцара, гувернантку, горничную... Не слишком ли?

— Ну вы же сами сказали, что теперь я богатый русский коммерсант, — с улыбкой отозвался Каляев.

— Серьезные коммерсанты не бросают денег на ветер, — сердито возразил Азеф. — Тем более эти средства нужны нам для других, более серьезных дел.

— Кстати, дорогой Евно Филиппович, о других делах, — пыхнула папироской «бабушка». — Товарищи из Центрального комитета социалистов-революционеров просят оказать помощь. После закрытия типографии и ареста работников им необходимо возобновить выпуск печатного органа. Для этого нужны деньги.

— Пусть сами ищут, — огрызнулся руководитель Боевой организации.

— Ну ведь мы же состоим в одной партии, — напомнила «бабушка».

— Ну и что из того?

— У нас одни цели, одни задачи...

— Знаем мы их задачи, — усмехнулся Азеф. — Литературу распространять, демонстрации устраивать... Весь ход истории показал, что это ни к чему не приве-

дет, кроме беспорядков. Историю делают личности. Устраняя неудобных нам, мы меняем ход истории. Вот почему я выбрал террор. Только таким путем можно добиться прихода к власти умных, знающих людей. Только так можно свергнуть монархию.

— Bravo, — насмешливо сказала Вера Павловна. — Я и не думала, что в вас пропадает трибун.

Азеф смерил ее взглядом и продолжал, обращаясь к «бабушке»:

— В уставе нашей организации записано следующее: «Боевая организация является самостоятельной структурой со своим техническим вооружением и своим руководством. Сношения с Центральным комитетом партии происходят в случаях: а) обсуждения кандидатуры лиц, которых следует убрать с политической арены, и б) когда надо частично или полностью, временно или навсегда прекратить деятельность Боевой организации». Там, Екатерина Константиновна, ничего не сказано про помощь ЦК, ни-че-го! Пусть сами побегают с протянутой рукой, как бегаю я, соблюдая при этом строжайшую конспирацию!

Брешко-Брешковская, обиженно засопев, отвернулась к окну. Вера Павловна затушила одну папироску и тут же закурила следующую. Каляев ковырял вилкой в тарелке.

Азеф хмуро смотрел на присутствующих.

— Однако перейдем к делам насущным, — поспешно сказал Савинков, чтобы разрядить обстановку. — В наших планах еще ряд террористических актов. Это убийство генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея, киевского генерала Клейгельса и в Петербурге великого князя Владимира. Предлагаю обсудить предстоящие акты...

*8 сентября 1904 года
Петербург*

— Нет, — прошептала потрясенная императрица, — нет... Этого не может быть...

— Увы, ваше величество, — развел руками Сергей Петрович Федоров, профессор, лейб-хирург. — Остает-

ся уповать на волю Божью. У наследника «болезнь королей», гемофилия...

Услышав страшный диагноз, императрица потеряла сознание. Ген этой безжалостной болезни носила в себе английская королева Виктория, бабушка русской царицы. Три ее правнука — сыновья родного брата германского кайзера Генриха Прусского и его жены Ирене Гессенской — уже умерли от наследственного порока.

— Мой сын будет жить? — побелевшими губами спросил врача Николай Александрович, боясь услышать ответ.

Федоров немного помолчал, потом решился:

— Вы должны знать правду, ваше величество, какой бы горькой она ни была. Гемофилики обычно умирают в детстве, они очень редко вступают в зрелую жизнь.

— Но ведь бывали случаи, Сергей Петрович? — как утопающий хватается за соломинку, ухватился за последние слова врача император.

Профессор посмотрел на несчастного отца, и у него не хватило духу ответить «нет».

— Очень редко, — отведя взгляд в сторону, сказал врач. — Буквально единицы, описанные в медицине. Но, ваше величество, за ребенком должен быть постоянный медицинский контроль. Любой порез, царапина, ушиб может вызвать разрыв сосудов — и тогда печальный конец неизбежен.

Август 1904

Женева

Азеф вернулся в гостиницу за полночь и тут же начал писать письмо заведующему заграничной агентурой русской охранки Ратаеву:

«Дорогой Леонид Александрович. Я потрясен происшествием в Петербурге и выражаю вам (а также и себе) соболезнования по поводу смерти министра внутренних дел. Однако, уверяю вас, мне до сих пор не удалось выйти на организаторов убийства. Зато у меня появились другие сведения: готовятся акты на великого князя Владимира в Петербурге, великого князя Сергея

в Москве и киевского генерала Клейгельса (кто таков этот последний?). Имена, адреса, сроки и явки сообщу дополнительно, как только буду располагать информацией. Пока же обращаюсь к вам с просьбой. Как-то покойный господин Плеве при разговоре со мною обмолвился, что департамент полиции может выделить небольшие средства для работы боевиков. Если со смертью господина министра ситуация не переменялась, прошу вас, поспособствуйте мне в этом. Это необходимо для выполнения заданий охранного отделения. Заранее благодарю. Целую и обнимаю.

Иван Раскин».

Азеф перечитал письмо, тщательно заклеил конверт и написал на нем парижский адрес одного из своих шефов.

*Сентябрь 1904 года
Петербург*

— Нет, это не то. — Стана критически оглядела себя в зеркале, сняла шляпку и бросила ее в кресло. — Принеси ту, которую я привезла из Парижа, — велела она камеристке. — С розовыми цветами.

— Стана, из-за твоих шляпок мы опоздаем, — в сердцах сказала Милица, наблюдавшая за сестрой уже около сорока минут. — В конце концов, неприлично заставлять себя столько ждать!

— Ну не могу же я идти неприбранной, как кухарка. — Стана не отрывала взгляда от своего отражения в зеркале. — Смотри, и здесь складка топорщится...

— Только не вздумай переодевать платье, — торопливо сказала Милица. — Ничего там не топорщится. Ты все выдумываешь.

— Топорщится, топорщится, — капризно скривилась сестра. — Но переодеваться не буду только из-за тебя. Учти, дорогая, если у меня в одежде что-то не в порядке, я чувствую себя страшно неловко. О-о, — она сокрушенно взглянула на рукав, — погляди, тут манжетка неправильно отглажена...

— Все, — Милица резко поднялась и направилась в прихожую, — я больше тебя не жду...

— Бегу-бегу, — на ходу надевая шляпку, кинулась за ней Стана. — Авто готово.

Милица поежилась.

— Не люблю я эти новомодные автомобили, — заметила она, спускаясь по ступенькам. — Ехать в них не скорее, чем в карете, но этот ужасный запах бензина и риск...

— Брось, — весело отмахнулась Стана. — Гораздо быстрее и никакого риска. В карете даже опаснее: подбежит какой-нибудь революционер и бомбу бросит, как в Плеве, а к автомобилю так просто не сунешься.

Милица неодобрительно посмотрела на сестру.

— Какие ты страшные вещи говоришь, Стана. Ужас!

— Но это же чистая правда, — пожалала плечами Стана.

В доме номер четыре на Инженерной улице у статс-секретаря, обер-гофмаршала двора, главноуправляющего собственной его императорского величества канцелярией Александра Сергеевича Танеева уже собрались гости. Публика была разнородная: сам Танеев с двумя дочерьми Анной и Александрой, жених Александры — усатый красавец кавалергард с труднозапоминающейся фамилией, его родная тетка со своей дочерью Марией, которую все в Петербурге называли Мунькой — за внешность, как у курской крестьянки, и грубые манеры. Приехала также графиня Игнатьева, урожденная княжна Мещерякова. Ждали отца Феофана, который обещал привезти удивительного сибирского мужика Григория Распутина. Пока их не было, гости развлекались разговорами.

— А что, говорят, этот сибирский мужик может лечить? — спросила графиня Игнатьева, которая, как это всем было известно, всегда страдала самыми модными болезнями.

— Я тоже слышала, — отозвалась Стана. — Говорят, он поднимал людей со смертного одра.

— Нехорошо это, нечисто, — с сомнением заметила мать жениха-кавалергарда. — Колдовство...

— Мама, какое ж это колдовство? — с нотками раздражения в голосе возразила Мунька. — Колдовство

церковь не признает. А Распутина духовенство очень даже уважает. Вот отец Феофан, например, отец Сергей, отец Гермоген из Саратова. Я слышала, отец Гермоген сам распространяет его учение...

— А какое у него учение? — У кавалергарда неожиданно оказался очень высокий голос, чуть ли не фальцет.

— Он учит покаянию, — смиренно произнесла Милица. — Покаяние — вот путь к спасению. Во всяком случае, я так поняла со слов отца Феофана.

— Его преосвященство отец Феофан, — доложил дворецкий.

В комнату в фиолетовой рясе вплыл священник. За ним, опустив голову, ссутулившись, семенил высокий мужик в потертом пиджаке.

— Прошу любить и жаловать, — представил его отец Феофан. — Григорий Ефимович Распутин. Старец из Сибири.

Распутин, остановившись посреди гостиной, исподлобья осматривал каждого. Взгляд его скользнул по Ане Танеевой, которая сидела в глубоком кресле, сложив руки на коленях. Он направился прямо к ней. Грязные, стоптанные сапоги утопали в пушистом ворсе ковра.

— Вижу-вижу, — тихо и быстро забормотал старец, глядя красную от смущения Аню по голове. — Вижу-вижу, на тебе есть печать Божия. Ты светлая, птенец из Его гнезда... Ты через муки прошла, рядом со смертью стояла... Он тебя выгацил...

Танеев-отец выронил из рук книгу. У Ани с лица схлынула краска.

— Правда, — прошептала она пересохшими от волнения губами. — У меня был тиф... Я умирала... Папа пригласил Иоанна Кронштадтского... Он молился за меня... Он меня спас...

— Христос тебя спас, — строго поправил Распутин. — Услышал, как отец Иоанн молится за тебя, и пожалел. Но напоминание оставил... Оставил напоминание-то? Ноженьки-то, поди, болят? — кивнул он на сложенные подле кресла костыли.

— Осложнение на сосуды. — Аня не могла отвести взгляда от пронизательных серо-голубых глаз старца. — Плохая циркуляция крови...

— Вот я слышу, как Он говорит мне: подними ее! — Взгляд у Распутина стал безумным. Григорий воздел руки к небу. — И я говорю тебе: встань и пойд! Ну! Встань и пойд!

Пораженная Анна попыталась подняться и не смогла. Григорий грубо схватил ее за руку выше локтя и буквально выдернул из кресла.

— Встань и пойд! — едва не кричал он. — Иди!

Аня пошатнулась и сделала шаг. Потом другой. Третий. Она прошла через всю гостиную и бессильно опустилась на диван в противоположном ее конце.

Ее отец был потрясен. Дрожащими руками он снял и протер очки. В уголке его глаза блеснула слеза.

Графиня Игнатьева и кавалергардская мать кинулись целовать руки старца. Сам кавалергард рассеянно произнес:

— Но я полагал, такие чудеса делаются только под воздействием гипноза...

Аня рыдала на диване. Милица и Стана кинулись ее утешать.

— Стойте! — сурово окликнул их старец. — Не трогайте ее. Енто из нее болезнь выходит, хворь... Нехай наплачется...

Он не без интереса оглядел красавицу Стану:

— Вижу-вижу, в тебе бес сидит. Бесовская-то кровь по жилкам бегает. Да ты не бойсь, не бойсь... Только ежели не побоишьсь беса, изгонишь его. Бес — енто хорошо. Ежели его не будет, как покаяться-то? От чего?

Наутро следующего дня весь светский Петербург, как встревоженный улей, гудел рассказами о чудесном исцелении Ани Танеевой. У дома на Караванной, где в грязной, дешевой квартире жил Григорий Распутин, весь день останавливались дорогие экипажи первых почитателей сибирского старца.

*Сентябрь 1904 года
Саратов*

— Вот послушай, Оля. — Петр Аркадьевич зашел в комнату жены с пачкой бумаг в руках. — Я хочу тебе кое-что прочесть из моего отчета в Петербург. Сей-

час, сейчас... — Он перелистнул несколько страничек и начал: — «Существующая система крестьянской общины в средней полосе России не развивает прогресс, а, напротив, тормозит его. Такая форма организации крестьянского землепользования хороша в Сибири, на неосвоенных землях. Здесь же следует обратить внимание на такие формы, как хутора и отруба. Позволить крестьянину самостоятельно пользоваться землей есть первый шаг к борьбе с неурожаями и голодом. Примеры тому уже есть. В опытном хозяйстве П. А. Столыпина в Саратовской губернии...»

Ольга Борисовна зевнула. Муж оторвался от чтения.

— Тебе неинтересно? — разочарованно спросил он.

— Прости, Петя, ради Бога, — мягко сказала Ольга Борисовна. — Просто я сегодня ужасно устала с девочками. Прямо с ног валюсь...

Петр Аркадьевич молча сложил свои бумаги. Было видно, что он обижен.

— Петя, — Ольга Борисовна поднялась и подошла к мужу, — не злись, пожалуйста...

— Да я и не злюсь. Просто мне казалось, ты интересуешься всем этим... А ты с девочками бегаешь...

— Я не могла им отказать. Им надоело играть с гувернером, и они прибежали ко мне...

— Балуешь ты их. — Тон Петра Аркадьевича смягчился.

— Балую, — вздохнула Ольга Борисовна. — Но у меня, Петя, больше ничего в жизни нет: только дети и ты.

Она посмотрела на бумаги в руках мужа и, чтобы окончательно не разочаровывать его своей невнимательностью, спросила:

— Ты полагаешь, этим в Петербурге интересуются?

— Если не дураки — да. Понимаешь, корень всех российских проблем в неотлаженной системе землепользования. Уж полвека, как отменено крепостное право, а землю крестьяне все никак не могут выкупить. Отсюда легенды об извечной русской лени, пьянство, голод, нищета... представляешь, на такой богатейшей земле, в такой обширной стране живет оборванный и

голодный народ. А все потому, что крестьяне не чувствуют себя хозяевами.

Столыпин разволновался и принялся мерить шагами комнату от двери к окну.

— Вот говорят, революция, — продолжал он. — Да, она неминуема, и рано или поздно монархия будет свергнута, если не решить в первую очередь два вопроса — о земле и об инородцах, обделенных в правах. Именно они поднимают восстания, именно они идут в революцию — инородцы, которым терять нечего, и мужики, у которых ничего своего...

— Бр-р, — поежилась Ольга Борисовна, — только не надо о революции. Меня страшат эти разговоры. Одно дело, когда читаешь о французах — там романтика, свобода, равенство, братство... И совершенно другое, когда сталкиваешься с революцией воочию — грязь, кровь, убийства...

— Вот-вот, — горячо поддержал Столыпин. — И самое ужасное, Оля, что все это будет нарастать, как снежный ком. У нас в губернии уже полно голодных босяков, у нас на заводах уже организованы революционные кружки. Довольно одной искры...

— Достаточно, — взмолилась Ольга Борисовна. — Достаточно, Петя, я не хочу больше слышать об этом кошмаре. Тем более на ночь...

— Прости, — спохватился Столыпин. — Ты же спать хотела...

— Да, я, пожалуй, пойду. — Ольга Борисовна поцеловала мужа в лоб и перекрестила его. — А ты?

— Ложись без меня. Я еще поработаю. Я так возбужден, что вряд ли усну. Спокойной ночи, любовь моя.

Ольга Борисовна удалилась в спальню, а Столыпин отправился работать. Окна в его кабинете были освещены до самого рассвета.

*Сентябрь 1904 года
Петербург*

Мсье Папюс закрыл глаза и вытянул вперед руки. Простояв так несколько мгновений, он склонился над лежащей на кушетке императрицей.

— Вам карашё, — пропел он. — Вам отшень карашё, тепло и легко. Ваше тело, как пушинка. Члены легкие и почти невесомые... Вы в раю... Вы слышат пение райских птичек...

— Нет. — Александра Федоровна резко поднялась с кушетки. — Ничего я не чувствую, а также не вижу и не слышу. У меня очшен болит колова. Вот здесь. — По-станывая от боли, она помассировала себе пальцами виски.

— Плёхо, — посочувствовал француз. — Не есть карашё. Но методом флюидического динамизма...

— Не нато динамизма! — раздраженно прервала императрица. — Нато тепло на голофу и полная тишина, а такше темнота... Я хочу покоя...

— Простите, мсье Папюс, мне кажется, вам сейчас лучше уйти, — шепнул царь на ухо специалисту по оккультным наукам. — Ее величество и в самом деле очень устала, она не в духе, ей нужно отдохнуть...

— Да-да, — поспешно согласился француз, однако не двинулся с места. — Ее величество есть сильно больна мигренями. Это есть результат воздействия вредных концентрических стустков энергии на нервную систему мадам...

— О Господи! — Всегда сдержанная Александра Федоровна чуть не плакала. — Когда это контшится?

— Идите, идите. — Государь даже легонько подтолкнул к дверям назойливого мсье Папюса.

— Пардон, ваше величество, — раскланялся на выходе француз. — Но ее величеству хорошо приложить капусту на больное место. Лист свежей капусты...

Николай Александрович захлопнул дверь перед самым его носом.

— Ты заставляешь меня быть невежливым, дорогая, — посетовал он.

— Но я фидеть не могу этого чшеловека! — воскликнула императрица. — Он тействует на меня, как красный цфет на быка!

— Солнышко, ты сама просила выписать его из Парижа, — мягко напомнил Николай.

— Да, но он оказался шарлатаном! Колдуном! Он заморочил мне голофу сфоим флюидическим динамизмом, он предсказал тебе скорый конец войны и счас-

тливое царствование, он колдовал над беби, а фскоре после того у беби нашли эту страшную болезнь! Ники, умоляю тебя, отправь этого чшеловека обратно. Пусть уедет завтра же! — На глазах у Александры Федоровны показались слезы.

— Хорошо-хорошо, Аликс, дорогая, — принялся успокаивать жену Николай. — Я тотчас же распоряджусь. Завтра Папюса не будет во дворце... в Петербурге!

Но у императрицы уже началась истерика.

— И эта ушшасная твоя мать! Она злая, тшерстная! Неужели она не понимает, какое у нас коре?! Она заставляет меня выходить на люди, организовывать благотфорительные комитеты и упрекает меня в том, что я не интересуюсь полошшением в государстве! О Господи! Какое мне теперь дело до государства, когда так болен беби! Я готофа отдать корону и фласть, только чтобы он был здорофф! Мне ничшего не надо, Ники, ничшего, но густь помогут беби! Бог, чьерт или чшелоек — мне фсе равно! Ники! — Она припала к груди мужа. — Ники, найди кого-то, кто вылечит нашего маленького! Заклинаю тебя, найди!

19. КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

---

*4 января 1905 года
Царское Село*

— Какой хорошенький малшик! Осорник! — Александра Федоровна пощелкала пальцами. Маленький Алексей немедленно потянулся к матери. — Ты моя слаткая крошка!

Императрица взглянула на печальное лицо сестры и осеклась. Боже, до чего же эгоистичны люди в своем счастье! Нельзя так травмировать милую Эллу.

— Отнеси наследника в тетскую, — распорядилась Аликс. — И слети са ним, штоп не утарился. Помнишь, как мое титя плакал в прошлый рас?

— Не извольте беспокоиться, ваше величество. — Кормилица сделала книксен, приняла Алексея на руки и удалилась.

Елизавета Федоровна незаметно стерла невольную слезу, набежавшую на глаза.

— Я на тебя только тоску навожу, — виновато сказала она. — Не обращай на меня внимания, Аликс... А что, малыш сильно ушибся? Ну когда плакал?

— Да, он отшень плакал, — подтвердила императрица. Вдруг в ее небесно-голубых глазах мелькнул страх. — Только никому не кофори ни слофа, — предупредила она.

— Почему? — удивилась сестра. — Обычные детские шалости. Упал, заплакал... К чему такая таинственность?

— Не снаю, не снаю... — Александра Федоровна вдруг уткнулась лицом в платье сестры и залилась сле-

зами. — Я ушасно поюсь, Элла! Токтора потосрефают... крофафую полеснь...

— Болезнь крови? — догадалась Елизавета и ахнула. — Господи Боже мой! Неужели это невинное дитя обречено?

— Мы так штали малшика, — грустно кивнула императрица, — и фот такая педа...

— И ничего нельзя предпринять? — заволновалась Элла. — Повезти Алексея за границу, показать светилам...

— Польше фсефо мы испегаем окласки, — покачала головой Александра Федоровна. — Иначе мой малшик не смошет наслетофать престол. Ники просто полен от коря... Но мы поттершифаем трук трука.

— Впервые в жизни я благословляю небеса за то, что у меня нет детей. — Елизавета перекрестилась. — Бог посылает нам испытания, потому что любит.

— Тефотшки фсе сторофы, — возразила Аликс. — Ты поснала пы ратость материнстфа, если пы не... — Она выразительно взглянула на сестру.

— Я не виню Сергея, — мягко отозвалась Элла. — Он по-своему любит меня... насколько это возможно. Даже ревнует, — она невесело улыбнулась, — когда какой-нибудь молодой человек оказывает мне знаки внимания. А ведь знает, что я никогда ему не изменю. Просто не смогу.

— Петная ты моя, петная, — императрица обняла сестру. — Ни нефеста, ни мушняя шена... Как это кофорт у вас, у русских? Фтофа ис солома...

— Соломенная вдова, — смеясь сквозь слезы, поправила Елизавета Федоровна.

— Серкей што ше, — осторожно спросила Александра Федоровна, — по-прешнему в нешной трушпе со сфоими... юношами? — Ее щеки слегка порозовели.

Элла опустила ресницы.

— Я не ропшу, — кротко сказала она. — Таким его создал Господь, и Господь ему судия. Ты же знаешь, Сергей очень религиозен. А я... я люблю моего мужа.

— Та, та, — с энтузиазмом подхватила Аликс. — Польшое щчастье, что мы отарены люпофью.

6 января 1905 года
Санкт-Петербург

Император Николай был с утра в отличном расположении духа. Он любил этот праздник — Крещение Христово. И хотя немного стеснялся парадных шествий и процессий, тем не менее понимал их необходимость: народ должен видеть своего царя.

Чувствуя, как ладно сидит на нем парадный мундир, он неторопливым, размеренным шагом прошествовал в беседку. За ним проследовали блестящая придворная свита и духовенство в парчовых, изукрашенных жемчужом торжественных одеяниях. Митрополит начал освящать воду.

Николай мало прислушивался к словам священника. Он вспоминал о том, как крестили наследника Алексея, милого, желанного сына, как радовалась Аликс... При воспоминании о неизлечимой болезни малыша взор августейшей особы затуманился.

— Сколь чувствительна душа государя! — шепнул свитский офицер Семенов другу. — Как трогает его ритуал освящения воды в купели!

— Да, да! — взволнованно зашушукались окружающие. — Его величество прослезился!

С другой стороны Невы, из Петропавловской крепости, напротив которой была выстроена беседка, ударили орудия.

— Ура! — не удержавшись от переполнявших его эмоций, гаркнул Семенов. — Да здравствует государь император! Да здравствует Россия!

Митрополит изумленно оглянулся. Вопль офицера был не только неуместен — он отдавал некоторой кощунственностью.

Но Николай благосклонно хлопнул два раза в ладоши, и все немедленно поддержали Семенова.

— Ура! Да здравствует! — крикнули со всех сторон.

— Приятно видеть такое проявление верноподданности, — ни к кому конкретно не обращаясь, вполголоса сказал император. Его слова были услышаны, и новые изъявления чувств почти заглушили звуки орудийных залпов.

И в ту же секунду недалеко от беседки с воем пронося снаряд, ударил в гранит набережной.

Брызнули осколки.

Толпа, сгрудившись вокруг места священнодействия, отшатнулась с глухим ропотом.

— Что там? — мгновенно побледнев, пробормотал император. — Что происходит?

Семенов моментально смекнул, что в этой ситуации расторопность может сослужить лучшую службу, чем могущественные связи при дворе.

— Не извольте беспокоиться, ваше величество! — срывающимся голосом произнес он и нырнул в толпу.

Митрополит прервал торжественное богослужение и растерянно стоял над купелью, нелепо растопырив пальцы.

По набережной забегали жандармы, бряцающая шпорами и придерживая на боку саблю — необходимый атрибут парадного мундира.

Николай в оцепенении ждал. Через несколько минут снова показался Семенов.

— Ваше величество! — закричал он, в нарушение протокола подбегая совсем близко к царствующей особе. — Ничего страшного! Маленькое недоразумение!

Император выдохнул. Краски снова вернулись на его лицо. Но, стыдясь проявления слабости, Николай суховаато кивнул офицеру:

— Доложите по существу.

— Слушаюсь! — Семенов козырнул и отчеканил: — Одна из пушек по ошибке была заряжена не холостым, а боевым зарядом! К счастью, жертв и пострадавших нет, ваше величество! Это случайность!

Царь снова побледнел.

— Хороша случайность! — проскрипел у него над ухом старческий голос Победоносцева. — Преступная неосторожность — вот что это такое! Десятки людей могло разорвать на куски... А если бы снаряд угодил в беседку?

Николай содрогнулся.

— Ну, Константин Петрович, — повернулся он к своему бывшему воспитателю с застывшей улыбкой на губах, — не стоит драматизировать. Никакой опасности нет. Не станете же вы утверждать, будто мои доблестные

воины покушались на чью-либо жизнь? — Царь деланно засмеялся.

Придворные сначала неуверенно, потом все смелее подхватили:

— Ха-ха-ха! Хо-хо-хо! Хи-хи-хи!

Впрочем, у некоторых фальшивое хихиканье явственно переросло в истерический смех.

— Я надеюсь, должностные лица разберутся, что там произошло на самом деле. — Император значительно посмотрел на своего дядю великого князя Сергея Александровича, ожидая от него поддержки.

— Следовало бы назначить комиссию по расследованию, — хмурясь, заметил великий князь. — Обнаружить виновных и хорошенько их наказать.

— Вы слышали, генерал Фуллон? — мягко спросил Николай петербургского градоначальника.

— Будет исполнено, ваше величество! — испуганно отозвался тот.

Император кивнул митрополиту. Служба продолжилась, все шло своим чередом. Но настроение у Николая было безнадежно испорчено.

Несколькими часами позже генерал Фуллон подтвердил первоначальное предположение:

— Случившееся, ваше величество, не было чьим-то злым умыслом. Обычная наша российская расхлябанность. Среди холостых зарядов, предназначенных для выстрелов, по недосмотру оружейной прислуги случайно оказался один-единственный боевой снаряд. К счастью, давно устарелого образца, посему и не мог причинить сколь-нибудь значительных разрушений или увечий...

Царь, к которому, естественно, уже вернулось полное самообладание, снисходительно кивнул:

— Ничего другого я и не подозревал. А что, выявлены ли те лица, кто виновен в допущенном промахе?

— Так точно, ваше величество, — поклонился столичный градоначальник. — Прикажете принять жесткие меры? Сослать в Сибирь? Разжаловать в рядовые?

— Накасать по фсей строкости сакона! — кровожадно потребовала императрица, присутствовавшая при этом разговоре. — Шиснь косутаря потферкалась опасности! Такое нелься спускать с рук!

Николай снисходительно потрепал супругу по щеке:

— Мин херц, мне приятно, что ты из-за меня волнуешься. Но, ей-богу, военные — славные ребята... Небось сами сконфужены? Да, кстати, тот офицер, что проявил расторопность... Как его? Семенов? Повысить в звании!

8 января 1905 года

Из воспоминаний генерала П. Г. Курлова:

«Начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов был убежденным сторонником вмешательства правительства в рабочее движение, считая, что содействие и поддержка экономических пожеланий рабочих есть средство взять самое движение в свои руки. Его убежденное отношение к делу привлекло внимание московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича и московского обер-полицмейстера генерала Д. Ф. Трепова, которые сделались не только покровителями задуманных Зубатовым рабочих организаций в Москве, но усиленным пропагандированием их перед министром внутренних дел и департаментом полиции добились распространения этих опытов на другие города... Для более широкого развития своей идеи Зубатов был переведен в С.-Петербург, назначен заведующим особым отделом департамента полиции и в этом качестве имел полную возможность создать рабочие организации в наиболее многолюдных фабричных центрах. Прекрасная по своему замыслу задача оказалась, однако, не под силу, что и было совершенно естественно, так как департамент полиции не имел для ее выполнения надлежащих людей. Рабочие организации попали в руки революционеров и сделались не только очагами пропаганды, но и повлекли за собой устройство стачек. Автор этих начинаний, Зубатов, был уволен со службы, и в Санкт-Петербурге во главе рабочих организаций стал Гапон, по инициативе которого и было устроено шествие 9 января».

Ночь на 9 января 1905 года
Петербург

Великий князь Владимир, командующий Петербургским гарнизоном, не смыкал глаз. По сведениям, поступившим из департамента полиции, назначенное на завтра шествие членов «Общества русских фабрично-заводских рабочих» будет носить далеко не мирный характер. Во время манифестации обещают кровавые беспорядки, спровоцированные революционерами. Говорят, восставшие собираются захватить Зимний и убить царя. Из компетентных источников известно также, что многие демонстранты будут вооружены.

В казармах не спали солдаты. Перед рассветом им раздали патроны. У них приказ: стрелять без предупреждения. Для раненых подготовлены лазареты.

В центральные и окраинные районы Петербурга выведены 40 тысяч солдат, в том числе два батальона Преображенского полка, того самого, где в свое время проходил офицерскую практику российский царь.

Ночь на 9 января 1905 года
Петербург

— Дети мои! — воскликнул Гапон, обращаясь к многотысячной молчаливой толпе. — Наступает великий день. Сегодня решится наша судьба! Чиновники-казнокрады скрывают правду от нашего государя, министры передают ему лживые отчеты о положении рабочих. Так не дадим же восторжествовать лжи: пусть государь Николай Александрович узнает все не от придворных льстецов, а от народа, который любит его всей душою и видит в нем отца родного, который не даст своим детям прозябать в нищете и голоде. Братья, так укрепим же дух свой верой в доброту и справедливость и пойдем, помолясь! Знаю, Господь не оставит нас!

Над толпой поднялись хоругви, образа святых и огромные портреты царя.

*8 января 1905 года
Санкт-Петербург*

Из воспоминаний С. Ю. Витте:

«За несколько дней до 9 января было известно, что рабочие готовят петицию государю императору, в которой они предъявляют различные не то просьбы, не то требования, касающиеся их бытия. Конечно, требования эти были крайне односторонни, преувеличенны и не без известного оттенка революционизма, хотя они и были написаны в довольно приличной форме. И вот Гапон должен был повести всех этих рабочих, многие тысячи человек, на Дворцовую площадь бить челом государю императору, причем они представляли себе, что увидят его величество, вручат ему эту просьбу и затем спокойно удалятся.

Было бы это так или нет — я утверждать не берусь, но полагаю, что если бы я был во главе правительства, то я не посоветовал бы государю выйти к этой толпе и принять от нее прошение, но, с другой стороны, вероятно, я бы дал совет, чтобы его величество уполномочил или главу правительства, или одного из генерал-адъютантов взять это прошение и предложить рабочим разойтись, предупредив, что прошение это будет рассмотрено и по нему последуют те или иные распоряжения. Если же рабочие не разошлись бы, то, конечно, я употребил бы против них силу.

Но дело разыгралось иначе.

Все это движение было для градоначальника Фуллона совершенною неожиданностью, он относился к Гапону и ко всем его организациям крайне благодушно и уверял министра внутренних дел, что ничего серьезного произойти не может.

Сам Гапон, как оказывается, пытался видаться с министром юстиции и с министром внутренних дел, виделся ли он с ними или нет — я не знаю, но во всяком случае копия петиции, которую они предполагали подать, была им передана. Точно так же и я получил у себя на дому, будучи председателем Комитета министров, копию этой петиции.

Так как шествие рабочих было назначено на 9 янва-

ря, то 8-го у министра внутренних дел было заседание по вопросу о том, как надлежит поступить.

8 января я видел министра юстиции, который, расставаясь со мной, мне сказал:

— Сегодня вечером увидимся.

Я спросил:

— Где?

Он ответил:

— У Мирского (1904—1905 — министр внутренних дел), там будет совещание о том, как поступить завтра с рабочими, которые под предводительством Гапона решили явиться на Дворцовую площадь и просить государя принять от них петицию.

Я на это ему сказал:

— Я никакого приглашения не получил.

Он ответил:

— Наверное, получите. Я в особенности указывал Мирскому на необходимость вас пригласить, так как вы близко знаете рабочий вопрос, всю жизнь имея с ним прикосновение.

Никакого приглашения я не получил, и, как мне передавали впоследствии, потому что Коковцов просил Мирского не приглашать меня (В. Н. Коковцов будто бы сказал, что меня не следует приглашать, так как я, несомненно, буду поддерживать интересы рабочих). Вечером 8-го ко мне вдруг явилась депутация переговорить по делу чрезвычайной важности. Я ее принял. Между ними я не нашел ни одного знакомого. Из них по портретам я узнал почетного академика Арсеньева, писателя Анненского, Максима Горького, а других не узнал. Они начали мне говорить, что я должен, чтобы избежать великого несчастья, принять меры, чтобы государь явился к рабочим и принял их петицию, иначе произойдут кровопролития. Я им ответил, что дела этого совсем не знаю и потому вмешиваться в него не могу, кроме того, оно до меня как председателя Комитета министров совсем не относится. Они ушли довольные, говоря, что в такое время я привожу формальные доводы и уклоняюсь. Как только они ушли, я по телефону передал Мирскому об этом инциденте.

Утром 9 января, как только я встал, я увидел, что на улице по Каменноостровскому проспекту шла большая

толпа рабочих с хоругвями, образами и флагами, между ними много женщин и детей, а кроме того, много любопытных.

Как только эта толпа или, вернее, процессия прошла, я поднялся к себе на балкон, с которого виден Троицкий мост, куда рабочие направлялись.

Не успел я подняться на балкон, как услышал выстрел, и мимо меня пролетело несколько пуль, а затем последовал систематический ряд выстрелов. Не прошло и десяти минут, как значительная толпа народа хлынула обратно по Каменноостровскому проспекту, причем многие несли раненых и убитых, взрослых и детей.

...Когда они подходили к площади, то их встречали войска... Рабочих предупредили, они не верили, что в них будут стрелять, и не удалились... Таким образом было убито и ранено... больше 200 человек».

*Утро 9 января 1905 года
Петербург*

— Не нравится мне все это. — Директор департамента полиции Лопухин нервно барабанил пальцами по столу. — Слишком много народу, люди чересчур возбуждены... Как бы не вышло беспорядков.

— Гапон предупреждал, что шествие будет сугубо мирным, — напомнил секретарь.

— Поп — провокатор, — вздохнул Лопухин. — А этим господам я не верю, ибо предавший однажды предаст дважды. Мы уже не раз получали от Гапона ложные сведения.

— Весь Петербургский гарнизон на ногах, — доложил секретарь. — Войска вооружены. Но, Алексей Александрович, все же, я думаю, их вмешательство не понадобится...

— А откуда известно о шествии князю Владимиру? — задумчиво произнес директор департамента. — Насколько я помню, мы его в известность не ставили.

— Вы не ставили, — поправил секретарь. — Но, Алексей Александрович, в нашем департаменте есть люди, которые постарались...

— Филеры, филеры, везде филеры... У меня чувство,

что, когда я ложусь в постель с женой, кто-то подсматривает в замочную скважину...

Лопухин немного помолчал, потом твердо сказал:

— Если, дай Бог, сегодня все обойдется, я приложу все усилия, чтобы прекратить эту практику с рабочими отрядами, с филерством и провокаторством.

Директор не заметил странного взгляда своего секретаря.

— Жандармерия готова? — спросил Лопухин совсем другим тоном.

— На улицах усиленные патрули, — доложил секретарь. — На Нарвской и у Зимнего полки.

*9 января. 2 часа дня
Петербург. Дворцовая площадь*

Гапон шел впереди с образом в руках. За ним плыла двухсоттысячная демонстрация. Кольхались над головами хоругви, строго и пронизательно смотрел с портретов Николай Романов.

Уличное движение было приостановлено. Толпились на тротуарах зеваки, смельчаки залезали на верхушки деревьев посмотреть на манифестантов. А у Зимнего стояли с оружием наготове войска. Здесь, в головной колонне, не знали еще, что первые убитые и раненые появились у Нарвской заставы уже два часа назад, в полдень.

Гапон обернулся к рабочим.

— Братья! — крикнул он, воздевая к небу образ. Рукава черной рясы кольхались на студеном зимнем ветру и напоминали вороньи крылья. — Братья мои!

И тут послышался первый выстрел. Демонстрация замерла. На беззащитных людей стеной надвигались вооруженные солдаты.

Гапон с иконой в руках обернулся к ним.

— Не стреляйте!

Но его крик потонул в грохоте выстрелов.

Прикрываясь иконой, как щитом, священник смешался с толпой и вместе с обезумевшими от страха людьми бросился бежать в обратном направлении. Над

Дворцовой площадью неся дикий, животный вопль тысяч глоток. С деревьев, словно спелые яблоки, падали убитые и раненые. По белому снегу расплывались красные пятна крови. Дворцовая площадь была усеяна трупами. Под коваными сапогами солдат хрустели позвоночники и черепа мертвецов. Возбужденные кони скакали, не разбирая дороги, сидевшие на них жандармы рубили шашками направо и налево, не глядя, где женщины, где дети. Мальчишки падали на заснеженные клумбы.

Убийства продолжались на Невском проспекте, у Казанского собора, на Морской и Гороховой улицах, за Невской и Нарвской заставами, на Выборгской стороне...

Еще не стемнело, когда на Дворцовой площади и прилегающих улицах начали собирать трупы. Их связывали между собой веревками и укладывали в сани. Погибших было больше тысячи, раненых — две тысячи. Впрочем, царю в Царское Село сообщили о двухстах погибших. И вечером Николай записал в своем дневнике:

«Тяжелый день. В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных частях города; было много убитых и раненых. Господи, как тяжело!»

Гапону чудом удалось спастись. Ночью он обратился к тем, кому повезло остаться в живых:

«Родные, кровью спаянные братья! Невинная кровь пролилась. Пули царских солдат прострелили царские портреты и убили нашу веру в царя. Так отомстим же, братья, проклятому народом царю и всему его змеиному отродью, министрам и всем грабителям несчастной земли русской. Смерть им!»

Но никто не откликнулся. И в конце января Гапон снял рясу и эмигрировал за границу, где примкнул к эсерам. Однако ему не верили, и провокатор вскоре отошел от них, вернулся в Россию. Здесь его уличили в сношениях с охранкой, и П. Рутенберг привел в исполнение смертный приговор.

*19 января 1905 года
Царское Село*

Газета «Голос труда» (1905, № 2):

«В квартире конторщика одной из петербургских фабрик Х., пившего со своими родителями чай, раздавался сильный звонок, испугавший стариков. Х. бежит, отворяет дверь и, отворив, тоже пугается — перед ним вырастают: помощник пристава, жандармский офицер, два городских и дворник.

— Вы г-н Х.?

— Я...

— Дворник, это г-н Х.?

— Точно так-с!

— Прошу одеться и следовать за нами.

— За что? Помилуйте?! Вот вам Бог!..

— Поторопитесь.

Х. посадили в карету и в сопровождении жандармов доставили к комендантскому подъезду Зимнего дворца. Его повели какими-то ходами, заставили подниматься по каким-то лестницам. Жандарм все время подгонял его словами:

— Проходите, торопитесь, — пока они не вошли в залу, где стоял Трепов (новоиспеченный петербургский генерал-губернатор) и еще какие-то особы. Жандарм назвал фамилию приведенного.

— Раздеть! — продолжал командовать полномочный генерал-губернатор.

Х. раздели.

— Надеть на него это платье, — продолжал издеваться он дальше.

После этого Х. доставили в царский павильон Царскосельского вокзала. В сопровождении сыщиков «депутатов» повели в вагон. В купе вагона помещалось по два депутата, при каждом сыщик. В купе Х. увидел мастера с одного из соседних заводов, обрадованный, что встретил знакомое лицо, обратился было к нему, но тотчас же был остановлен вскочившими сыщиками, в один голос объявившими:

— Здесь не полагается разговаривать!

Пришлось покориться. Таким образом были достав-

лены в одну из зал Царскосельского дворца «рабочие-депутаты», которым было запрещено переговариваться».

«Эта замечательная затея была придумана и организована Треповым. Видя, что Николай II после событий 9 января напуган и подавлен, он решил дать ему возможность пообщаться накоротке с простым народом».

Из воспоминаний С. Ю. Витте:

«Поузнавши от фабрикантов имена рабочих, на которых можно было вполне положиться, которых можно было даже сделать сыщиками по самым важным политическим делам, он неожиданно взял десяток таких человек, повез их в Царское Село и представил государю как представителей петербургских рабочих. Рабочие эти засвидетельствовали государю свои верноподданнические чувства, а его величество сказал им заранее приготовленную речь о том, что он знает их нужды и сделает для них все возможное, затем их накормили завтраком и отвезли обратно в Петербург. Конечно, на рабочих такая манифестация не произвела никакого впечатления, а в некоторых фабриках так встретили представителей, ездивших в Царское Село, что они должны были оттуда удалиться.

Точно так же 21 января государю представлялась депутация от экспедиции заготовления государственных бумаг...»

*Конец января 1905 года
Петербург*

Лопухин, бледный, с синими кругами под глазами, собирал вещи. Он сложил в портфель бумаги и книги, массивный серебряный портсигар, вынул из рамочек на столе фотографические карточки жены и дочери, выгащил из ящика маленький дешевый образок, который в детстве подарила ему старенькая няня и с которым он никогда не расставался.

Почтительно согнувшись, в кабинет вошел секретарь:

— А что, Алексей Александрович, разве вы не останетесь еще на несколько дней для передачи дел господину Герасимову?

— А вы на что? — пожал плечами Лопухин. — Сами и передадите. Вот, кстати, список тайных агентов, с истинными и подпольными именами и адресами. Передадите это Герасимову лично в руки.

— Будет сделано, ваше превосходительство... э-э... Алексей Александрович, — поправил себя секретарь. Он пробежал глазами длинный реестр.

Первой в списке значилась фамилия Азефа.

— Ну, теперь они у меня попляшут. — Лопухин пригрозил кулаком темному окну. — Теперь все эти филеры...

— Простите, что вы сказали? — не расслышал секретарь.

— Да так, ничего, — только что уволенный с должности согласно пункту третьему, то есть «без объяснения причин и права обжалования», господин Лопухин последний раз опустил в кресло, откуда он в течение нескольких лет руководил многотысячным отрядом российских полицейских. — Ну, — он в последний раз оглядел свой кабинет, — с Богом!

И направился к дверям тяжелой, шаркающей походкой. Секретарь проводил его взглядом, вздохнул и принялся готовить доклад только что назначенному новому директору департамента полиции господину Герасимову.

Конец января 1905 года

Женева

— ...И грядут, уважаемая Екатерина Константиновна, великие перемены, — многозначительно закончил Азеф.

Брешко-Брешковская выпустила сигаретный дым из носа и усмехнулась басом:

— А что? Сейчас самое подходящее время для смены власти. Возможно, либералы все-таки пробьют себе дорогу в правительственные кабинеты? Смотрите, назначенный после Плеве министр внутренних дел Свято-

полк-Мирский, говорят, либерал и человек порядочный...

— Да ведь и он подал в отставку, уважаемая Екатерина Константиновна, и великий князь Владимир...

— Ну, этому уже недолго осталось... Скоро мы его бомбой и того... — Она полоснула себя ребром ладони по подбородку. — Давайте лучше о важном, — продолжала «бабушка», понизив голос. — Вы знаете, многих наших опять арестовали...

— Где? — Маленькие кабаньи глазки стали как будто шире от изумления.

— В России. Да-да... Вы что же, ничего не знали?

— Нет, — помотал головой Азеф. — А кого?

— Да многих же. — «Бабушка» в сердцах махнула рукой. — После Кровавого воскресенья царские сатрапы будто с цепи сорвались... Но ведь как в точку попали, как на наших вышли! Знаете, мне думается, здесь была провокация...

— То есть? — Азеф напрягся, но внешне оставался совершенно спокойным.

— Как вы не понимаете?! В наши ряды затесался провокатор!

— Не может быть!

— Очень даже может. Причем этот провокатор отлично осведомлен о положении в нашей партии и о планах Боевой организации. Слышали о таком Татарском?

— А-а, — облегченно выдохнул Азеф. — Вы полагаете, это он?

— Полагаю! — хмыкнула «бабушка». — Мне это известно наверняка. Многие наши товарищи его подозревают. Наверное, убрать его нужно поскорее, пока дел не натворил.

— Вы правы, — кивнул Азеф. — Но все равно нужны доказательства.

— Революции не требуется доказательств, — веско сказала старуха. — Предателю — смерть.

Она посмотрела на Азефа мрачными своими глазами, и Евно Филиппович почувствовал неприятный холодок на спине. Сославшись на неотложные дела, он поспешил раскланяться.

Но в гостинице его ждал новый удар. Все вещи в его

номере были переверорощены, в них явно рылся кто-то, причем не в целях воровства. Азеф понял, что за ним следят. И явно не агенты царской полиции.

*Конец января 1905 года
Петербург*

Аня Танеева еще раз огляделась вокруг и, только убедившись, что ее никто не видит, зашла в темный и грязный, пропахший кошками и постными щами подъезд. Она поднялась на четвертый этаж и неуверенно позвонила.

— Тю! — присвистнул Распутин. — Нюрка пришла! Явилася не запылилася! Чаво давно не приходила?

— Здравствуйте, Григорий Ефимович, — вежливо поздоровалась девушка. — Да вы знаете, все никак не выходило. Сперва эти ужасные события — и отец, боясь беспорядков на улице, строго-настрого запретил выезжать куда-либо. Потом императрица велела приехать к ней в Царское Село...

— Ну и как матушка царевна наша? — поинтересовался Распутин. — Весела ль?

Танеева пожала плечами:

— Не очень. Она тоже, как и мы все, боится революции...

— И чаво ее бояться? Енту революцию одной рукой взять, другой прихлопнуть. С мужиком строже надо быть, мужик он строгость любит. А царь-батюшка как поживает?

— Печален...

— Ишь ты. — Я думал, цари всегда веселятся. Чаво им тужить? Ни пахать, ни сеять не надобно. Кушают небось из чистого золота...

— Да нет. Они едят из обычной посуды, правда дорогой. Александра Федоровна весьма экономна.

— Енто хорошо, — одобрил Распутин. — Не люблю, коли баба тратится бездумно. Деньги — они счет любят. — Он утер нос рукавом рубахи и предложил: — Мадерки хочешь?

— Спасибо, — отказалась Аня.

— А я мадерку уважаю. — Он взял бутылку и вылил

ее содержимое в большую жестяную кружку, стоявшую на столе. — Енто мне генеральша Лохтина привезла, — похвастался он. — Сильно она меня привечает. Ну, с Богом.

Распутин одним глотком опорожнил кружку и даже не поморщился.

— А вот ты скажи, когда к царице-то в гости бегаешь, чем вы там занимаетесь?

— Гуляем, беседуем, романсы в два голоса поем...

— Иди ты! Так-таки и поете?

— Да. У ее величества контральто, у меня сопрано...

Получается очень милый дуэт.

— А ну спой, — потребовал Распутин, — как вы с матушкой нашей рулады выводите.

— Глинка, — объявила Аня.

— Чаво? Какая такая глинка?

— Это композитор такой... человек, который сочиняет музыку. Глинка — его фамилия. А романс называется «Дорожная песня».

Распутин слушал с явным удовольствием. Он сидел за столом, широко расставив ноги, опершись на руку лохматой своей головой.

— Красиво, — сказал он, когда песня кончилась. — Что ж, и государыня так поет?

— Да...

— А мужа своего, царя-батюшку, она слушается?

Аня замялась.

— По-всякому, — уклончиво сказала она.

Лицо у Распутина приняло мечтательное выражение.

— Вот бы мне у царей побывать! Ты меня в гости к подружке своей возьми.

— Простите, Григорий Ефимович, это не очень удобно, — смутилась Аня. — Хотя я рассказывала императрице о вас... Но Александра Федоровна предпочитает замкнутую жизнь и редко показывается на люди.

— А ты с ней поговори, — настаивал старец. — Мне бы хоть одним глазком взглянуть.

— Хорошо, — пообещала Танеева, — но какова будет реакция — не знаю.

— А ты очень постарайся. — Распутин протянул руку через стол и погладил Аню по щеке. — У ты цаца

какая! Шкура-то мягкая, ажно оторопь берет. Как ножки-то, не болят?

— Немного. — Аня подалась назад, и от Распутина не ускользнуло это движение.

— Чаво, испужалася? — расхохотался он. — Думаешь, насильничаю? Чай, девка еще?

— Девка. — Аня не подымала глаз.

— Дык оно и видно. Не бойся, я девок не люблю, от них удовольствия мало. Вот замуж тебя выдам, бабой станешь, тогда поиграемся. Поиграемся?

— Ага...

— А таперича у меня есть с кем играть. Генеральшу Лохтину знаешь? А Настьку-черногорку? То-то же... Те бабы в соку. Ажно стонут, криком кричат... Настька-то говорит, ейный муж сильно слабый, даром что князь...

— Великий князь Николай Николаевич? — ахнула Танеева. — Настька — это Стана?

— Ну а я чаво тебе толкую? Князь-то князь, а не смог ребеночка заделать. А я заделаю.

Распутин внезапно замолчал и уставился на Аню своими серо-голубыми глазами.

— А чаво я тебе все енто говорю?

— Не знаю...

— Знаешь, да молчишь. Прикипела ты ко мне, Нюрка, всей душою. Таперича захочешь — да не продашь меня, не оторвешься.

— Почему вы так решили?

— Почему-почему... Чтобы ты знала: ежели кто в меня поверит, всю жизнь молиться на меня будет — так Господь захотел.

И Григорий размашисто перекрестился.

Конец января 1905 года

Петербург

Вера Павловна откинулась на подушки, немного успокоилась и потянулась к прикроватному столику, где лежали папиросы.

— Вера, опять? — укоризненно сказал Михаил.

В темноте чиркнула спичка, и красный огонек папирсы описал в воздухе полукруг.

— Фу, — поморщился Михаил, — какая гадость.

Вера хохотнула.

— Привыкай, дорогой. У меня воли не хватает бросить курить.

— Странно... Мне казалось, ты сильный, независимый человек.

— Брось. — Вера с наслаждением затянулась. — Я слабая женщина, втянутая в грязные политические игры.

— Я, кстати, давно хотел тебя спросить. — Михаил приподнялся на локте. — Зачем тебе это — революция и все прочее? Ты из обеспеченной семьи, ни в чем не нуждаешься...

Вера пожала плечами.

— Сама не знаю. С родителями я почти не общаюсь, их мирок мне тесен и скучен. Люди моего круга погрязли в сплетнях и интригах. А революционный кружок — хоть какое-то разнообразие. Иногда в жизни так не хватает острых ощущений...

— Но сношения с эсерами просто опасны! Особенно с боевиками...

— Ну и что? Ходить по кромке — что может быть интереснее? Жаль, мне пока не пришлось участвовать в покушениях. Азеф не допускает...

— Азеф? — В голосе Михаила послышалось оживление. — Кто таков?

— Официально — руководитель Боевой организации. Неофициально, по-моему, полицейская ищейка, провокатор... Но, увы, я не могу это проверить.

— Интересно...

— Куда уж больше! Однажды мне показалось, я схвачу его за руку. Кто-то неоднократно предупреждал Плеве о назначенных на него покушениях, и он счастливо избегал их. Если бы не неизвестный «доброжелатель», мы взорвали бы подлеца министра гораздо раньше. У меня были подозрения, что доносит руководитель боевиков. И я сказала себе: если сорвется и последний террористический акт, уничтожу Азефа собственными руками. Но, как это ни странно, Плеве все-таки убили... Я поехала за Азефом в Женеву. Встречалась с ним у

боевиков. Под видом гостиничной горничной произвела обыск в его комнате. Ничего, конечно, не обнаружила...

Вера затушила окурок и потянулась.

— Будем спать?

— Как хочешь... А с Азефом я разберусь.

— Каким образом?

— Посмотрим.

Михаил притянул Веру к себе.

— Ну их к черту, революционеров. Да здравствует любовь!

*1 февраля 1905 года
Петербург*

Новый начальник департамента полиции полковник Герасимов принимал дела. В это время раздался телефонный звонок. Его вызывал к себе комендант Зимнего дворца Дедюлин.

— Вот что, — сказал Дедюлин. — До нас дошли слухи, что в Петербурге появился мужик по фамилии Распутин. Нет ли его среди ваших агентов?

Герасимов пробежал глазами список, переданный ему предшественником.

— Нет.

— Странно. — Дедюлин взялся рукой за подбородок. — Очень необычный мужик. Есть подозрение, что это переодетый революционер.

— Только-то? — удивился Герасимов. — Мало ли теперь этих революционеров по столице шатается? Надо приставить к нему наблюдение...

— Э, друг мой, не все так просто, — возразил Дедюлин. — К этому вонючему оборванцу катаются дамы из высшего света. Например, супруги великих князей Николая и Петра Николаевичей. Замечена также фрейлина ее величества Анна Александровна Танеева, Мария Головина, генеральша Лохтина... Некоторые из этих дам часто бывают у государя. Как бы сифилис не занесли...

— Что вы такое говорите! — оторопел полковник. — Неужели вы считаете...

— Вы, господин Герасимов, слишком плохо осве-

домлены о нравах в высшем свете, — усмехнулся комендант. — Я говорю только то, что знаю. Кроме того, болтает этот мужик слишком много...

— О чем?

— О всяком...

— О политике?

— Нет, тут он несет всякую ахинею о «царствии мужицком». Темнит... Словом, нужно взять его под наблюдение, причем спешно. Не нравится мне этот проходимец. И запрос отправить в Сибирь, в село Покровское Тюменского уезда и в Тобольск — на всякий случай.

Вскоре из Тюменского уезда пришел ответ на запрос департамента полиции. Справка из волостной управы характеризовала Распутина как «первоклассного негодяя». Около дома на Караванной появились филеры.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

---

*25 мая 1905 года
Царское Село*

Министр иностранных дел Ламсдорф молча стоял перед государем. Николай сделал несколько шагов по комнате и сказал:

— Итак, коль мы пойдем на мирные переговоры с Японией, следует выбрать кандидатуру, которая эти переговоры проведет. Наши послы в Риме и в Дании отказались, ссылаясь на лета и здоровье, но посланник Извольский заявил, что единственный человек, который может выполнить столь трудное поручение, — Сергей Юльевич Витте. Как вы смотрите на его назначение?

— Да согласится ли Сергей Юльевич? — задумчиво протянул Ламсдорф.

— Но он пользуется авторитетом как в Европе, так и на Дальнем Востоке, к тому же умен и хитер, как лиса. Зимой я получил от него следующее письмо. — Из пачки бумаг, лежащих на столе, государь взял один листок и протянул его Ламсдорфу. — Читайте, — велел он.

Министр надел очки:

«Ваше императорское величество!

При настоящем положении вещей единственный благоразумный выход: войти в переговоры о мирных условиях. Продолжение войны более нежели опасно; дальнейшие жертвы страна при существующем положении духа не перенесет без страшных катастроф. Чтобы продолжать войну, нужны огромные деньги и обшир-

ный набор людей. Дальнейшие затраты совершенно расстроят финансовое и экономическое положение империи, составляющее нерв жизни современных государств. Бедность населения увеличится, и параллельно увеличится озлобление и помрачение духа. Россия потеряет кредит, и все заграничные держатели наших фондов сделаются злейшими врагами... Если еще окажется слабый урожай и проявление холеры, то огромные беспорядки могут развиваться в революцию. Вообще по теперешнему времени войско нужно и в самой России...

Всемиловейший государь! Решимость нужна во всех делах. Но если решимость нужна при счастье, то она сугубо необходима при несчастье. При несчастье решимость есть первая ступень к спасению.

Ваше величество! Я нахожусь в здравом уме и твердой памяти. Это всеподданнейшее письмо не есть письмо растерянного человека, но письмо человека, сознающего свое положение. Не боязнь водит мою руку, но решимость, решимость сказать вам, что другие, может быть, побоятся сказать.

Помоги вам Господь Бог!

Вашего императорского величества верноподданнейший слуга *Сергей Витте*.

— Ну, — спросил царь, когда Ламсдорф закончил чтение, — что вы на это скажете?

— Скажу, что он согласится, — ответил министр иностранных дел.

6 июля 1905 года Витте отправился в Портсмут, США, где и был подписан мирный договор. Но по России уже свинцовой лавиной катилась революция. Народ был взъярен неудачами на фронте. В вину правительству ставили падение Порт-Артура, разгром русского флота в Цусимском заливе, сокрушительное поражение под Мукденом.

Год, чего боялся Витте, оказался неурожайным. По губерниям вспыхивали крестьянские волнения. Войска жестоко подавляли беспорядки, но местные власти телеграфировали в Петербург: «Тяжелое положение крестьян видят и солдаты, что производит на них дурное впечатление». На улицах Лодзи войска расстреляли демонстрацию польских и еврейских рабочих. На похоро-

ны убитых вышли четыре тысячи жителей. Четыре дня шли в Лодзи сражения на баррикадах, погибло 150 человек. На Черноморском флоте началось восстание матросов броненосца «Потемкин». Матросские волнения шли в Либаве, в войсковых частях Херсона и Варшавы. В июле кто-то бросил бомбу в военный патруль на улице Белостока, и в городе начались уличные бои.

Царский трон сильно пошатнулся...

*Июль 1905 год
Петербург*

— Была я белошвейкой и шила гладью, эх! — Распутин подпрыгнул, задрав согнутую в колене ногу, не устоял и рухнул на диван, прямо на Муньку Головинову с генеральшей Лохтиной. — Потом пошла на сцену и стала... инженерю! — допел Распутин.

Дамы завизжали и расхохотались.

— Мунька, люблю тебя, сучару! — прорычал Григорий, целуя слюнявыми губами нежную шею Головиновой и одновременно волосатой рукой залезая в декольте генеральше.

— Где ж святость твоя, отец? — ревниво спросила Лохтина, косясь на Муньку.

— Здесь! — став серьезным, Распутин с размаху ударил себя кулаком в грудь. — Святость в сердце моем! Святость — дело тайное, ее беречь и лелеять надо. А не согрешишь, так и не покаешься, а не покаешься, так и святым не станешь. Вот ты, — он обернулся к генеральше, — раскаиваешься во грехе?

— Ох, раскаиваюсь...

— То-то же. А ты, Мунька?

— А мне и каяться не в чем. Вчера согрешила, так сразу прощение и получила. А нынче — ни-ни, пощусь.

— Плохо, — Распутин встал и поднял Муньку на руки. — Ты посиди здесь, подумай о Божьем, а мы о своем покамест поговорим, — бросил он через плечо генеральше, унося Муньку в соседнюю комнату.

Генеральша надула губки, но осталась на месте.

В дверь позвонили. Старуха прислужница отперла и

ввела в комнату жену великого князя Николая Николаевича, Стану-черногорку.

— Ваше высочество... — растерялась Лохтина, вставая с дивана и делая книксен.

— Бросьте, — рассмеялась Стана. — Будто я не знаю, что вы к Григорию похаживаете. Где он теперь?

Лохтина одними глазами указала на дверь, за которой скрылись Распутин с Головиной и откуда теперь доносились Гришкино рычание и Мунькины стоны.

— Грешит? — понимающе улыбнулась черногорка. — Ну-ну...

Она прошла по комнате и распахнула настежь окно.

— Вонюща у вас здесь... Это вы его мадеркой балуете?

Генеральша кивнула.

— И ведь поглядите же каков, — подивилась Стана. — Не долее чем вчера на моих глазах целый таз этой мадерки выхлебал, и ничего. Сегодня снова свеж и силен.

— Силен, — согласилась Лохтина.

— Однако, — Стана взглянула на часы. — Давно они там?

— Не то чтобы очень...

— Все равно. — Стана подошла к двери и решительно постучалась. — Эй, святой отец! Выходи давай. По-едем к моему мужу!

Рык и стоны стихли. Дверь приоткрылась, и оттуда высунулась всклокоченная голова Распутина. Одной рукой он поддерживал сползавшие портки.

— Чаво?

— Не чаво, — передразнила Стана, — а куда. Николай Николаевич весьма заинтересовался твоей персоной.

— Почему енто? — В серо-голубых глазах мелькнул страх. — Что, потому как ко мне бегаешь?

— Сибирь, — сокрушенно покачала головой черногорка. — Чего испугался-то? Радоваться должен. Все только и говорят о твоих удивительных способностях. Вот Николай Николаевич и выразил наконец желание познакомиться с таким удивительным феноменом.

Распутин торопливо застегнул штаны, поплевал на

ладони и пригладил ими всклокоченные волосы. Собрался было расчесать бороду, но плюнул и, не попрощавшись с Лохтиной и лежащей в соседней комнате Мунькой, вышел следом за Станой.

А вечером к Муньке пришел ее давний любовник директор департамента полиции полковник Герасимов.

— Маша, правда ли, что ты посещаешь некоего Григория Распутина, мужика, который живет на Караванной? — без обиняков спросил он.

Мунька широко распахнула глаза.

— Какого Распутина? Впервые слышу!

— Не лги. Видели, как ты заходила в подъезд дома.

— Бред какой! — искренне возмутилась Головина. — Ты же прекрасно знаешь, мне нездоровится, и все последние дни я не выхожу из дома.

— Да, но...

— Никаких «но»! — Мунька гордо подняла подбородок. — Упрекать меня в том, что я хожу к какому-то грязному мужику?! И я должна тебя слушать, да еще и оправдываться?! Ты как был жандармской ищейкой, так и остался!

И Головина вышла из зала, оставив господина Герасимова в растерянном одиночестве.

*Июль 1905 года
Петербург*

Вернувшись в Россию, Азеф первым делом представился новому директору департамента полиции. Герасимов принял провокатора весьма любезно.

— Как же, как же, — сказал он. — Наслышан о вас. Господин Ратаев передал мне самые лучшие рекомендации. Однако хотелось бы знать о вас больше...

— Что вы имеете в виду?

— Ну, например, вашу частную жизнь...

Клочковатые брови Азефа сошлись на переносице, почти скрыв под собою и без того маленькие глазки.

— Зачем это вам? — глухо спросил он. — Прежнее начальство моей частной жизнью не интересовалось.

— Новая метла по-новому метет, — усмехнулся жандарм. — У нового начальства другие методы работы. Итак, я вас слушаю.

— Да мне нечего рассказывать, — пожал плечами Азеф. — Моя семья — жена и двое детей живут в Лозанне...

— И каким же образом вы им объясняете свои долгие отлучки?

— Никаким. Моя жена неревнива, а семью я содер- жу на приличном уровне.

— Хорошо, если так. Впрочем, перейдем к делам насущным. Итак, вы вернулись в Петербург...

Разговор с Герасимовым оставил у Азефа неприят- ный осадок. Новый директор совершенно не походил на Лопухина. Казалось, Герасимов посадил агента на поводок и может в любое мгновение за этот поводок дернуть.

В таких размышлениях Азеф вышел из подъезда де- партамента полиции и на улице нос к носу столкнулся с Верой Павловной.

— Это вы? — спросил он и тут же почувствовал весь идиотизм этого вопроса.

— Это я. — Вера Павловна подозрительно его огля- дела. — А это, как я понимаю, вы.

— Давно приехали? — светским тоном спросил Азеф, будто не замечая всей дикости ситуации.

— На днях. А что это вы тут делаете, в столь одиоз- ном месте?

— Нет, лучше скажите, что это вы делаете около департамента полиции? Служите тут?

— Послушайте. — Вера Павловна начала выходить из себя. — Я вас поймала, вы...

— Я не желаю разговаривать с вами в таком тоне! — грубо перебил ее Азеф. — Я вообще не желаю больше с вами разговаривать! Всего хорошего. — И, приподняв шляпу, он удалился.

Растерянная Вера долго глядела ему вслед.

— Все ясно, — пробормотала она. — Вот и доказа- тельства...

*Август 1905 года
Царское Село*

— «Поезд мчится, мчится по-оезд!» — допели дуэтом императрица и Тансева.

Они взялись за руки и рассмеялись.

— Ах, Аня, до чего же хорошо, что я тебя фстретила! — восторженно сказала Александра Федоровна, опускаясь на диван и увлекая Танееву за собой. — Наконец после стольких лет отиочества у меня в России появилась подруга. Нет-нет, не думай, — поспешно добавила она, заметив, что фрейлина пытается о чем-то спросить, — Ники — самый лопимый мною, самый плиский мне челофек, мы прекрасно ладим, что бы там ни полтали в сфете... Но он фсегда так занят... А кроме того, даже мужу не всегда скажешь то, что пофедаетшь плиской подруге, так федь?

— Да, ваше величество! — В порыве верноподданных чувств Аня схватила руку царицы и прижала ее к своим губам. — Если б вы только знали, как я счастлива!

— Что ты. — Императрица высвободила свою ладонь из тонких Аниных пальцев. — Я не хочу лжи и лести. Федь мы же трузья, правда? Можешь гофорить мне «ты».

— Но, ваше величество...

— Да, да, не спорь. И у тебя сестра федь тоже Александра, я не ошибаюсь?

— Нет, ваше величество...

— А как ты ее назыфаешь тома?

— Сана...

— Какое красифое имя! Зови и меня Саной, карашо?

— Да, ваше величество... то есть Сана...

— Замечательно! — обрадовалась царица. — О, фот и Ники пришел! — воскликнула она, увидев в дверях залы мужа. — Дорогой, иди к нам!

Николай, улыбаясь, приблизился. Он был доволен, что у жены наконец-то появилась подруга. Ему вообще была симпатична старшая дочь заведующего канцелярией, тем более что она благотворно влияла на Александру Федоровну. Когда появлялась Танеева, Аликс становилась спокойной и веселой, как во времена юности.

— Вот чудно, что вы здесь, — сказал император. — Я как раз хотел пригласить вас покататься на яхте.

Аня с улыбкой наблюдала за царскими дочерьми, щebetавшими о чем-то своем, девичьем на палубе.

Мальш наследник сидел на руках у матери. Он только что проснулся и капризничал.

— Нет-нет, беби, — отговаривала его Аликс. — Тепе нельзя на пол. И не просись.

— Но отчего же? — удивилась Аня. — Ветра теперь нет, палубу не качает. Пусть побегает.

— Ни ф коем слутшае! — Лицо у императрицы стало встревоженным. — Он может упасть!

— О Господи! — рассмеялась Танеева. — Да ведь все дети падают...

Императрица испуганно прижала ребенка к себе.

— Аня, то, о чем я теперь тепе расскажу, — страшная тайна. Ее не толжен знать никто...

— Есть человек, способный помочь наследнику! — воскликнула девушка, выслушав рассказ Аликс. — Я говорила вам... тебе о нем. Это старец Григорий.

— О, милая, сколько уж этих старцеф и стариц у нас перебыфало... Я ферю теперь только Господу Богу...

— Но ты не представляешь себе, что это за человек! Он святой! Он вылечил меня, он вылечил многих других, он убережет и твоего сына! Скажи только «да», и я приведу его!

— Да, — выдохнула императрица, глядя на Аню глазами, полными надежды.

*Июль 1905 года
Петербург*

Михаил долго звонил у парадной. Наконец заспанная консьержка, кряхтя и бормоча себе под нос ругательства, пустила его в дом.

— Весь честной народ уже спит, а эти все шляются по блядям, окаянные, шляются, тьфу, — сплюнула она вслед подымавшемуся по лестнице Михаилу.

Дверь в квартиру, которую снимала в Петербурге Вера Павловна, была почему-то приоткрыта. Из нее на затемненную площадку выбивался луч света. Михаил зашел в переднюю и тихонько позвал:

— Вера!

Никто не отозвался.

Михаил почувствовал неясное волнение. К тому же

запах в квартире был необычным: Вера курила только папиросы «Дукат», а пахло почему-то дешевой мужицкой махоркой.

Михаил вошел в ярко освещенную гостиную. Она была пуста. Из широко распахнутого окна тянуло ночной прохладой. Он толкнул дверь спальни. Постель была расстелена. На одеяле лежал раскрытый роман Арцыбашева. На одной из подушек осталась вмятина от Вериной головы. Подле кровати валялось ее смятое платье. Рядом стояли домашние туфли. Горела ночная лампа. Все было как обычно, только Веры не было.

— Вера! — громко, во весь голос позвал он.

Тишина.

Весь трясаясь от дурного предчувствия, Михаил бросился к ванной комнате. Там, в белом эмалевом ложе, забрызганном кровью, нелепо скрючившись, лежала мертвая Вера Павловна Розанова.

Полицейские и судебный врач прибыли очень скоро. Из показаний консьержки выяснилось, что в одиннадцать вечера — за полчаса до прихода Михаила — к госпоже Розановой, которая, кстати, по словам старухи, не отличалась добропорядочностью, поднялись двое мужчин. Один в дорогой, приличной одежде, другой в мужицком платье. Ни тот, ни другой назад не возвращались. Никаких особых примет старуха не заметила. Раньше они здесь не появлялись.

Следствие пришло к выводу, что эти люди были знакомы Вере Павловне, иначе она не впустила бы их в дом, да еще в такое позднее время. По этому поводу долго допрашивали самого Михаила Бакая, но тот и в самом деле ничего не знал о Вериных связях. Убийцы, по мнению следователей, спустились с третьего этажа по веревке либо, что еще вернее, поднялись на крышу и уже оттуда бежали с места происшествия. Следователь уехал ни с чем, пообещав вызвать Михаила в полицию, как только что-то станет известно.

Конец августа 1905 года Царское Село

Императрица зябко куталась в шаль. Милица, жена великого князя Павла Николаевича, рассеянно наигрывала что-то на рояле. Со свечей в бронзовых

канделябрах оплывал воск: яркий «искусственный» электрический свет вызывал у Александры Федоровны приступы мигрени.

Стана лениво перелистнула несколько страниц английского журнала и отбросила его в сторону.

— Скоро полночь, — ни к кому не обращаясь, сказала она. — Вероятно, Аня не привезет сегодня Распутина: помнится, Григорий собирался на богомолье. Во всяком случае, так он сказал моему Николаю.

— Похоже, — согласилась с сестрой Милица, захлопывая крышку рояля. — Иначе они бы давно приехали...

— Вы как хотите, а я пойду спать. — Стана по очереди поцеловала императрицу и сестру и направилась к дверям.

— Я тоже. — Милица чмокнула Александру Федоровну в щеку. — Ты не идешь еще, Аликс?

— Я еще посижу, — сказала императрица. — Ники уехал в Петербург, и так тоскливо...

Когда сестры ушли, она долго сидела неподвижно, прислушиваясь к шуму ветра за окном. Потом подошла к роялю, открыла крышку, рассеянно взяла аккорд... И вдруг на пол у ее ног упала большая черная тень.

Аликс испуганно обернулась.

Прямо за ее спиной стоял нечесаный мужик со спутанной бородой, в ситцевой рубахе и широких плисовых штанах.

Императрица в полумраке не успела разглядеть ни лица его, ни глаз, но вдруг необъяснимую благодать почувствовала она в своей душе, и ей показалось, будто пришел тот, кого она ждала и любила давным-давно. Не в силах сдержать охвативших ее чувств, императрица всхлипнула и разрыдалась, припав к груди незнакомца.

А мужик, словно маленькую, гладил ее по голове и все приговаривал:

— Поплачь, поплачь, мама. Енто из тебя тоска выходит, что сердечко-то твое гложет. А сердечко-то твое боли-ит... Да таперича успокоится: я с тобою таперича, мама, я тебя, блаженную, в обиду-то не дам...

Со странной улыбкой на лице наблюдала за этой сценой Аня Танеева, застывшая в дверях.

*29 августа 1905 года
Саратов*

Как ни пытался Столыпин скрыть от жены подробности покушения, все равно так или иначе она узнала об этом.

— Боже мой, Боже мой! — твердила Ольга Борисовна. — И зачем мы только переехали сюда из тихого, мирного Гродно! Петя, Петя... Я не могу жить как под прицелом, сходить с ума, когда ты уходишь из дому, дрожать за детей...

— Это случайность, — убеждал жену Петр Аркадьевич. — Вспомни, на кого только не покушались! Эти люди, — сказал он, имея в виду организаторов нападения, — ничего не имеют лично против меня или против того же начальника охранного отделения... Они озлоблены и потому стреляют в должность, в чин, в каждого, на кого можно свалить собственные неудачи или военные поражения...

События на Дальнем Востоке в самом деле причудливо переплетались с тем, что происходило в центре России. Куда ни придешь, с кем ни встретишься, повсюду звучали названия: Порт-Артур, Цусима, Мукден... Слышались имена: Корнилов, Самсонов, Деникин, Врангель, Улагай... В общественном сознании царили разброд и шатания.

Ура-патриоты винили во всем военных:

— Бездарные генералы, бездарные адмиралы... Чтобы великая Россия проигрывала горстке узкоглазых макак!

Пацифисты славили доблесть русских воинов, ставили в церкви свечи:

— За упокой души моряков, погребенных в пучине!

Широкое хождение имела острота генерала Драгомирова:

— Япошки-макаки, а мы кое-каки!

Восторженные курсистки слали поздравительные телеграммы лично микадо. А лазареты, вовремя развернутые Столыпиным, наполнялись ранеными, прибывающими в эшелонах с востока...

Благотворительность вошла в моду. Дамы из приличного общества посещали раненых на правах патро-

несс, утирали глаза кружевными платочками и делали вид, будто ухаживают за «солдатиками». В городе заметно прибавилось инвалидов. А шарманщик на углу площади, накручивая ручку своей машины, наигрывал печальный вальс «На сопках Маньчжурии»:

Плачет, плачет мать родная,
Плачет молода жена...

В газетах писали, что вместе с моряками погиб в Порт-Артуре при взрыве броненосца «Петропавловск» шестидесятилетний художник-баталист Василий Верещагин.

Как и во всей России, в губернии усиливалось смутное, глухое, но от этого не менее грозное волнение.

Бунтовали крестьяне, жгли помещичьи усадьбы.

В одно прекрасное утро Гришка доложил Столыпину:

— Тут, барин, генерал к вам добивается.

— Какой такой генерал? — Петр Аркадьевич усмехнулся — он никак не мог привыкнуть к Гришкиной манере выражаться уклончиво и витиевато.

— С самого то есть с верха, — объяснил слуга. — От высочайшего начальника.

Выйдя из кабинета, Столыпин обнаружил в гостиной пожилого господина в мундире, а при нем — двух чиновников.

— Добрый день, господа. Чем могу быть полезен? — спросил он, поняв, что в Гришкином докладе все же содержалось рациональное зерно.

— Генерал-адъютант Сахаров, — представился пожилой господин. — Прибыл в Саратов по личному распоряжению его величества. Императору докладывали о беспорядках в губернии. Я откомандирован для того, чтобы разобраться на месте и при необходимости принять меры.

— Надолго вы к нам? — немного растерявшись, поинтересовался Петр Аркадьевич.

— Насколько потребуют обстоятельства, — сухо вато ответил генерал-адъютант.

— Вы можете располагаться в этом доме, — предложил Столыпин. — И ваши люди тоже.

— Не хотелось бы вас стеснять, — отозвался командированный. — Впрочем, если вы так уж настаиваете...

В первый же вечер, пригласив Сахарова на ужин, Петр Аркадьевич попытался расспросить его о том, как относятся к бессмысленной, позорной войне в высших сферах и скоро ли она прекратится. Но генерал-адъютант разговора не поддержал и ответил почти невежливо:

— Вести подобные беседы я не уполномочен.

— Но ведь те беспорядки, которые беспокоят его величество, — возразил Столыпин, — как раз и вызваны войной, всеобщим озлоблением и шатанием в умах...

— Сразу видно русского человека, — сардонически усмехнулся Сахаров. — Вместо того чтобы решать все-ленские вопросы, вы бы, милейший, навели порядок в своей губернии.

Петр Аркадьевич почувствовал себя так, словно его окатили ушатом ледяной воды.

— Попросту говоря, всяк сверчок знай свой шесток? — уточнил он, складывая салфетку и выходя из-за стола. — Приятного аппетита, господа.

Теперь он уже жалел, что предоставил свой кров петербургскому чинуше, но не выгонять же человека за дверь!

Положение дел в губернии Сахаров проверял вполне рутинными способами: рылся в документах, опрашивал чиновников... Словом, ревизор, только не инкогнито. И беспокойства особого от него большой семье Столыпинных не было — генерал-адъютант уходил из дому рано утром, а возвращался в сопровождении неизменных чиновников к вечеру.

Петербургский гость пробыл в Саратове уже неделю. На него теперь никто не обращал внимания. Петр Аркадьевич, натолкнувшись на нелюбезное обращение, пожал плечами и занялся своим прямым делом. Насильно, как говорится, мил не будешь. Все равно командированный отбудет через несколько дней.

Однажды вечером в губернаторский дом робко вошла молодая женщина. На голове у нее была шляпка с вуалью, а в руках — сильно потертый ридикюль.

— Как прикажете доложить? — важно поинтересо-

вался Григорий. — По казенной надобности или по личной?

— Я по делу, — прошептала молодая особа, теребя ручки ридикюля.

— Приходите к завтраму, — развязно сказал Гришка. — Барина нету дома.

— А я не к его превосходительству губернатору, — объяснила женщина. — У меня прошение к господину Сахарову.

— А, к енералу! — с понимающим видом кивнул слуга. — Это другой коленкор. Они на месте... Только не принимают.

— Голубчик, очень вас прошу. — Женщина прижала к груди руку в продранной перчатке. — Решается вопрос жизни и смерти... Вот, пожалуйста, возьмите... в благодарность... — Она протянула Гришке смятый рубль. Не откажите, голубчик, Христом-Богом молю.

— Ну, тады идите, — снизошел тот. — Прямо по коридору, третья дверь направо.

Молодая особа прошла в указанном направлении и негромко постучала в дверь.

— Кто там? — послышался недовольный голос Сахарова. — Я отдыхаю.

— Прощение на высочайшее имя, — взволнованно проговорила женщина.

— Минуточку подождите...

Ольга Борисовна, уложив Адю, читала дочерям Жюля Верна:

— «Это там! Там! — крикнул Гленарван. Вдруг в голове его мелькнула мысль...» — рассеянно прочла она, с тревогой глядя за окно: уже смеркалось, а Пети все не было. — «Если Роберт еще жив... — воскликнул он в ужасе. — Эта птица... Стреляйте, друзья мои, стреляйте!..» Маша, — попросила она дочь, — почитай ты.

Маша взяла у матери книгу и звучно, выразительно, как заправская актриса, произнесла:

— «И неподвижный, спокойный, уверенный Мак-Наббс прицелился в кондора: тот был от него уже в трехстах футах. Но не успел майор нажать курок своего карабина, как в глубине долины раздался выстрел...»

Ольга Борисовна, скрестив руки на груди, вглядывалась в окно, за которым сгушались сумерки. Беспричинная тревога сжимала ей сердце.

— Петя! Петя! — позвала она мужа, беззвучно шевеля губами и вглядываясь в темноту.

Снизу, с первого этажа, раздались гулкие удары.

— Там стреляют! — роняя книгу, вскрикнула Маша. — Мама, у нас в доме!

Но Ольга Борисовна уже не слышала ее.

Распахнув дверь, она опрометью бросилась вниз по лестнице...

Подъезжая к дому, Столыпин забеспокоился. Почему во всех окнах свет? К такому позднему часу все давно должны были уже спать. Он бросился к парадной. На крыльце суетились жандармы. Они выводили к полицейскому экипажу бледную молодую женщину с заломленными за спину руками.

— Что здесь происходит? — спросил Петр Аркадьевич, сдерживая сердцебиение.

— Печальное происшествие, — отозвался жандармский офицер. — Террористка, ваше превосходительство, — кивнул он на арестованную. — Стреляла из револьвера.

Столыпин представил на миг окровавленные тела жены, детей — прикрыл глаза рукой.

— Кто-нибудь пострадал? — глухо спросил он.

— Насмерть застрелила, — равнодушным тоном сообщил жандарм. — Вот шуму-то будет... Прикажут теперь доставлять труп в столицу...

Двое санитаров на носилках пронесли прикрытое простыней безжизненное тело Сахарова. Жандармский офицер снял фуражку и перекрестился:

— Все под Господом ходим... Хоть ты генерал-адъютант, хоть ротмистр — едино.

Столыпин торопливо прошел в приемную. В кресле у окна билась в истерике Ольга Борисовна. Подле нее хлопотала горничная девушка.

Увидев мужа, живого и невредимого, Ольга Борисовна зарыдала.

— Успокойся, моя дорогая. — Он прижал к груди

голову жены с растрепавшимися волосами. — Возьми себя в руки, прошу тебя, ну пожалуйста...

— Петя, Петенька. — Ольга Борисовна вцепилась в шею мужа горячими руками. — Давай уедем отсюда... Куда-нибудь... Все равно куда... Пока нас не убили... детей... Умоляю тебя, уедем...

— Хорошо, хорошо. — Он увещевал ее, как маленького ребенка, не словами даже, а интонациями. — Все будет хорошо, вот увидишь, ничего страшного не случится...

— Давай... за границу... а? — Только сейчас Столыпин заметил, как устала жена за последний год, какое измученное, постаревшее у нее лицо. — Петя...

— Ну конечно, за границу, там безопаснее... — отвечал он, сам не понимая, что говорит. Но Ольга затихла, успокоилась, убаюканная его голосом. — Принеси воды, Глаша, — попросил он горничную.

И на руках отнес жену в спальню. Потом пошел к дочерям.

Они не спали. Сидели, сбившись в кучу, как испуганные воробышки.

— Ну что приуныли? — как можно бодрее подмигнул им Петр Аркадьевич. — Мама у нас натура впечатлительная, а у вас нервы должны быть покрепче...

— Папа, — перебила Маша, глядя на отца воспаленными глазами, — за что? За что эта женщина убила господина Сахарова? Что он ей сделал?

— Идите спать, девочки, — устало сказал Петр Аркадьевич остальным и, обернувшись к старшей дочери, покачал головой. — Если бы я мог ответить на твой вопрос, Мария...

*2 сентября 1905 года
Саратов*

— Это что, допрос, господин полковник? — надменно спросил Столыпин.

Когда с ним разговаривали в хамском тоне, поднимали гордые головы все поколения его предков начиная с шестнадцатого века.

— Повторяю, ваше превосходительство: как эта пре-

ступница сумела проникнуть в ваш — губернаторский — дом?

— Вы ведь уже все знаете от слуг... А меня не было, — ответил Столыпин. — Я приехал к самой развязке.

— Послушайте, Петр Аркадьевич, но нельзя же быть таким... романтиком! — оскорбленно заметил полковник. — Оглянитесь вокруг! Я готов предоставить людей для безопасности вашей семьи, если собственная жизнь вам не дорога... А как мы будем выглядеть перед его величеством? — Он испуганно оглянулся на портрет императора Николая, украшавший кабинет. — Посланного по высочайшему повелению застрелили... И где, спрашивается, в губернаторском доме! Это абсурд!

— Вот в этом пункте, господин полковник, могу с вами согласиться, — кивнул Столыпин. — Наша жизнь и в самом деле приобрела черты абсурда. Но еще более абсурдной она станет, если за мной и за всеми членами моей семьи будет по пятам следовать охрана...

— В таком случае я снимаю с себя всякую ответственность! — заявил полковник. — Когда случится что-нибудь роковое, пеняйте на себя!

2 сентября 1905 года

Саратов

Ольга безучастно сидела в кресле, кутаясь в шаль, хотя на дворе стояла летняя жара.

Петр Аркадьевич подошел к жене и поцеловал ее.

— Прости меня за вчерашнее, — тихо сказала женщина. — Не следовало так распускаться. Дети больше перепугались моей истерики, нежели покушения.

— И ты меня прости, — сказал Столыпин. — Может быть, тебе и детям в самом деле лучше уехать за границу? Жизнь в России становится опасной...

Ольга Борисовна покачала головой.

— Мы уедем только с тобой, — ответила она, глядя в глаза мужу. — А раз ты останешься, мы останемся тоже.

— Пойми, я не могу бросить все. — Петр Аркадь-

вич опустил глаза. — Должен же кто-то брать на себя ответственность за других...

— Да, я понимаю, — тихо откликнулась жена. — Но вот что я скажу тебе, Петя... Мы все умрем. Это неизбежно. Нас всех убьют.

5 сентября 1905 года
Саратов

Проходя по улице, Столыпин заметил, что за ним тенью следует какой-то человек. Он резко развернулся и направился к нему навстречу:

— Кто вы такой, черт побери?!

— Согласно приказанию господина полковника, — испуганно пролепетал филер, — в целях обеспечения вашей личной безопасности...

— Значит, так, — едва сдерживая негодование, приказал губернатор, — немедленно возвращайтесь к своему начальству и передайте ему, что я не ребенок и в няньках не нуждаюсь! Вы все поняли?

— Слушаюсь. — Филер втянул голову в плечи и шмыгнул в ближайший переулок.

Столыпин сделал несколько глубоких вдохов и сосчитал до десяти, чтобы успокоиться. Потом только зашел в Крестьянский банк. Перед окошком управляющего в позе просителей стояли двое, по виду — крестьяне. Один из них, постарше, совал в окошко пачку ассигнаций.

— Нам бы землицы, — уныло повторял он. — Землицы бы нам купить.

— Зачем вам земля? — доносился из-за перегородки недоумевающий голос Зерена.

— То есть как? — удивлялся его непонятливости крестьянин. — Хозяйство заводить...

— Да не об этом я... — отмахивался управляющий банком. — Зачем, говорю, покупать землю у помещиков? Погодите месяц-другой, и вся земля отойдет вам бесплатно.

— Разве ж такое может быть? — усомнился крестьянин. — Чтобы даром...

Второй крестьянин, помоложе, расплылся в широкой улыбке.

— Ты че, не видишь, барин шутит! — подергал он за рукав того, что постарше. — Мы ж не совсем темные, шутки понимаем, посмеемся вместе...

Еще немного потоптавшись, они ушли. Старший аккуратно завернул деньги в тряпицу и спрятал за пазуху.

— Господин Зерен! — окликнул Столыпин управляющего. — Чего вы людей с толку сбиваете? Пусть землю покупают, если могут заплатить.

— Время такое, — туманно объяснил Зерен. — Сегодня одно, а завтра другое... Потом мне с клиентами разбираться, не вам, господин губернатор...

Так ничего путного от него и не добившись, Петр Аркадьевич двинулся дальше. На углу Театральной площади стоял шарманщик. Он крутил ручку, и к небу подымались тягучие, дергающие нервы звуки:

От павших твердынь Порт-Артура,
С кровавых Маньчжурских степей,
Калека, солдат истомленный,
К семье возвращался своей.

Столыпин, морщась, подал ему двугривенный. Шарманщик радостно стал кланяться щедрому барину.

— Благодарствуйте, господин губернатор, здоровья вам желаю на многие лета...

— Ну вот, — вслух сказал Петр Аркадьевич, — никуда я отсюда не уеду!

Настроение у него улучшилось. Он заломил шляпу и большими шагами пошел через площадь. Наперерез ему двинулся лоточник в картузе, на ходу доставая из корзины увесистый сверток.

— Спасибо, братец, я не голоден. — Столыпин нащупал в кармане мелочь, весело глядя в молодое, в веснушках лицо лоточника.

Тот был почему-то очень бледен, из-под картуза катились крупные капли пота.

— Да ты здоров ли?

Парень все разворачивал сверток, и вдруг Петр Аркадьевич отчетливо понял, что сейчас произойдет. Он

резко свернул налево и бросился за колонну ближайшего здания.

За спиной раздался оглушительный взрыв, ярко полыхнуло, и Столыпин ничком упал на булыжную мостовую, прикрыв голову руками.

На мгновение он потерял сознание, а когда очнулся, увидел над собой встревоженное лицо шарманщика.

— Живой, слава те Господи! — Старик повернулся и сказал кому-то с облегчением: — Видать, только контузило, да и то не сильно!

В ушах звенело. Петр Аркадьевич сделал над собой усилие и сел. Жмурясь от чрезмерно яркого солнца, спросил непослушными губами:

— Где он? Лоточник... где?

Шарманщик перекрестился.

— В клочки! — возбужденно сообщил он. — Бомбуто в вас целил, а разорвало самого!

Истошно кричала какая-то женщина. Столыпин с трудом встал, стараясь не смотреть на кровавое месиво посреди площади.

12. «НЕ ВЕДАЮТ БО, ЧТО ТВОРЯТ»

---

*Февраль 1905 года
Москва*

Савинков нервничал. Сказывалось напряжение последних дней. Акт на великого князя Сергея Александровича уже дважды откладывали. В декабре все было уже готово, члены группы под видом извозчиков, постоянно сменяясь, следили за выездами великокняжеской кареты. Старинная, немецкой работы, с ручками в виде изогнувшихся бронзовых змей, с желтыми спицами и ярким гербом, она проносилась по улицам, сияя ацетиленовыми фонарями. «Катафалк» — так они называли ее между собой. Они — это сам Савинков, Иван Каляев по кличке Поэт, Борис Моисеенко, Нина Костандогло, возлюбленная погибшего при взрыве бомбы Алексея Покотилова. Теперь Нина снова занималась динамитом.

И вдруг, когда оставалось только метнуть бомбу, в руки боевикам попало заявление Московского комитета партии социал-революционеров.

«Московский комитет... считает нужным предупредить, что если назначенная на 5 и 6 декабря политическая демонстрация будет сопровождаться такой зверской расправой со стороны властей и полиции, как это было еще на днях в Петербурге, то вся ответственность за зверства падет на головы генерал-губернатора и полицмейстера. Комитет не остановится перед тем, чтобы их казнить».

Это была катастрофа. Великого князя спугнули. И

он переехал из дворца на Тверской. Все надо было начинать сначала.

Савинкову пришлось в срочном порядке связываться с московской организацией. К счастью, в ней высказался знакомый — Владимир Зензинов, вместе с которым Борис жил когда-то в Женеве после бегства из вологодской ссылки.

С большими сложностями, соблюдая строжайшую конспирацию, Савинкову удалось устроить встречу с Владимиром. И убедить его и прочих московских товарищей отказаться от рискованной затеи, которая ставила под удар намеченную акцию боевой организации эсеров.

И вот сегодня... С утра все шло как нельзя лучше. Борис позвонил Нине в номер и сказал условленную фразу:

— Прекрасная погода, думаю, мы поедем сегодня кататься на лошадях.

— Как пожелаете, Джемс, — ответила женщина.

Джемсом Галлеем Савинков был по документам — под видом английского инженера с таким именем он проживал в гостинице «Княжий двор». Костандогло изображала его содержанку.

После звонка Нина заперла дверь изнутри, открыла шкаф и со всеми предосторожностями вытащила чемодан с динамитом. Пальцы у нее дрожали. Как всегда в таких случаях, она не могла не вспомнить Алексея и его безумную, бессмысленную смерть.

— Возьми себя в руки, — вслух сказала себе женщина. — Иначе тоже взлетишь на воздух.

В большой фарфоровой посудине она смешала бертолетову соль и сахар. Осторожно наполнила серной кислотой стеклянные трубки с баллонами на концах. Тонкой проволокой привязала к ним свинцовый грузик. В патрон с гремучей ртутью вставила трубку с серной кислотой, а на ее наружный конец надела пробковый кружок.

К четырем часам в номере все было подметено, прибрано. Две бомбы весом по десять фунтов лежали, укрытые пледом.

Приехал Савинков, переложил их в портфель. Вместе с Ниной сел в сани Бориса Моисеенко. В назначен-

ном месте бомбы передали Ивану Каляеву. Он был в картузе, поддевке, смазных сапогах.

— С Богом, — дрогнувшим голосом напутствовал Савинков Поэта.

Каляев взвесил на руках тяжелый сверток и улыбнулся своей детской улыбкой.

— Долго ты еще? — нетерпеливо подпрыгивая ногой, поинтересовался Сергей Александрович.

— Вот только детей оденут... — кротко ответила Елизавета Федоровна. — Я уж готова.

— Не хотелось бы опаздывать. — Немного извиняющимся тоном великий князь решил загладить невольную грубость. — Шаляпин поет...

В Большом давали «Бориса Годунова».

— Серж... — Элла немного помедлила и все-таки осмелилась: — Это не опасно?

— Что? — хохотнул великий князь, наливая себе водки. — Пение Шаляпина? — И, подражая знаменитому басу, затынул, понизив голос: — Я стражду-у-у...

— Ты все обращаешь в шутку, — с некоторой досадой произнесла Елизавета Федоровна и поторопила детей: — Вит, вит, мезанфан!

Дима и его сестричка, радостные и возбужденные, запрыгнули в карету. Сергей Александрович корректно поддержал супругу под руку. Сел сам и крикнул кучеру:

— Трогай!

Сидящий на козлах Андрей Рудинкин щелкнул в воздухе кнутом и поцокал языком:

— Поехали, родимые!

Каляев осторожно ступал по обледенелой мостовой. Не поскользнуться бы... Издали пронзительно блеснули в глаза ацетиленовые фонари знакомого «катафалка».

Не чувствуя ни тяжести свертка с бомбами, ни собственного тела, Иван побежал по площади навстречу фонарям, лавируя между встречными экипажами.

Савинков издали следил за ним. С виду ничего подозрительного.

— Сделает, сделает, — сам того не замечая, вслух бормотал он.

От волнения Борису стало жарко. Он зачерпнул ладонью снег и жадно сунул его в рот, не ощущая холода.

Каляев обогнул последний экипаж. Теперь между ним и великокняжеской каретой было только пустое пространство, наполненное ветром. По щекам катились, застывая, слезы. Задыхаясь от восторга, Иван побежал наперерез ацетиленовым фонарям.

Савинков прикрыл глаза. Все дальнейшее было знакомо ему наизусть. Сейчас раздастся глухой удар. Свинцовый грузик при падении бомбы разобьет стеклянные трубки, вспыхнет смесь бертолетовой соли с сахаром, воспламенит гремучую ртуть, и динамит взорвется... Прохожие ахнут и отшатнутся. Генерал-губернатор будет убит.

Он открыл глаза. Ничего не случилось. Карета Сергея была уже далеко. Медленно и понуро с площади шел Каляев.

Савинков бросился к нему, схватил за руку и почувствовал, что Поэт весь дрожит.

— Что такое? Что? Почему? Ты не смог? — бессвязно спрашивал товарища Борис. — Отчего?

— Сейчас... — Каляев взглянул на него воспаленными глазами. Губы на обросшем щетиной лице едва шевелились. — Я все объясню... Только, Борис, ради Бога... Давай где-нибудь сядем, ноги не держат...

Они пошли к Александровскому саду. Поэт буквально рухнул на первую попавшуюся скамью, сел прямо в лежащий на ней снег.

— Струсил? — Савинков сощурил и без того узкие глаза. — Смерти испугался?

— Там были дети... — вздрагивая на каждом слове, сказал Каляев. — Я не мог...

— Какие дети? — не понял Борис. — Откуда? Ты не ошибся, в самом деле дети?

— Я не мог ошибиться. — Каляев бережно положил рядом на сиденье тяжелый смертоносный груз. — Видел их, как тебя. Князь, княгиня... И двое детей — мальчик и девочка. Ты не подумай, я все сделаю... Я убью его! — горячо воскликнул он. — Сергей поедет из театра, и я брошу... Если он будет один...

— Маловероятно, — с сомнением произнес Савинков. — Скорее всего, они так же и уедут — вчетвером.

— Ты считаешь, что я поступил неправильно? — повернулся к нему Каляев. — Что должен был бросить? Но ведь нельзя же... дети...

— Правильно. — На мгновение Савинков вспомнил собственную семью и сжал тонкие пальцы Поэта. — Дети тут ни при чем. Не вини себя.

— Ты веришь мне? — прошептал Каляев. Его глаза с покрасневшими веками, обметанные темными кругами, казались огромными. — Я не струсил!

— Да ты здоров ли? — Тыльной стороной ладони Савинков притронулся ко лбу Каляева под спутанными волосами. — Э-э, брат, да у тебя самая настоящая лихорадка. В постель бы тебе надо и чаю горячего.

— Нет! — Поэт замотал головой. — Я дождусь его. И акт сегодня закончим.

— Ну смотри сам, — не стал спорить Савинков. — Пока идет спектакль, останемся здесь. Ты написал что-нибудь новое? — спросил он, чтобы как-то отвлечь товарища.

Каляев застенчиво улыбнулся, показывая испорченные зубы:

— Тебе не понравится.

— Почему ты так решил?

— Ты талантлив, Борис... А я... Пишу от сердца, а все равно это любительство.

— Прочти все же, — попросил Савинков. — И давай походим немного, а то застынем.

Они встали со скамьи и принялись прохаживаться по заснеженной аллее взад-вперед, по-извозчичьи хлопывая себя руками.

— «Пусть грянет бой», — преодолевая волнение, сказал Каляев. — Это название.

— Да читай же! — воскликнул Савинков. Нервы и у него были на пределе.

— Моя душа пылает страстью бурной... — срываясь на фальцет, начал Иван. — И грудь полна отвагой боевой...

— Штампы, — пробормотал, морщась, Борис. — Ладно, давай дальше.

— Ах, видеть лишь свободы блеск пурпурный, —

упавшим голосом продолжал Каляев. — Рассеять мрак насилия вековой...

Он вопросительно взглянул на товарища.

— Совсем плохо?

— Символика довольно избитая, — все так же морщась, покачал головой Савинков. — Ищи свои собственные слова, не заемные. Читай!

— И, маску лжи сорвав с лица злодея, вдруг обнажить его смертельный страх. — Голос Каляева вдруг окреп, и строки зазвучали с какой-то грозной силой. — И бросить всем тиранам, не робея, стальной руки неотвратимый взмах!

— Хорошо! — с некоторым удивлением определил Савинков. — Если, конечно, не придирается к частностям.

— Довольно слез! Пусть грянет бой победный! — Окрыленный похвалой, Поэт читал теперь в полный голос, и странно звучали стихи посреди сада, на пустынной аллее. — Народ зовет — преступно, стыдно ждать! Рази ж врага, мой честный меч наследный, я весь, весь твой, о Родина, о мать!

— Та-та-та! — с досадой заметил Савинков. — Пошла писать губерния! Одна риторика, сплошь барабанный бой! И что сие означает «Мой честный меч наследный»? Рифмы, что ли, ты не нашел?

— Да нет, — смутился Иван. — Я хотел сказать, что мы подхватили оружие, оброненное нашими предшественниками, что мы их наследники...

— Все равно плохо, — пожал плечами Савинков. — Выспренно и чрезмерно общо. Реальность, брат, грубее, проще и прекраснее, — он указал замерзшей рукой на сверток с бобами. — Вот поэзия настоящая — смертельно опасная, кровавая, разящая врага!

— Прочти теперь ты что-нибудь свое, — робко попросил Каляев.

— Небольшое, — сказал Савинков и, отбивая такт правой рукой, негромко, но отчетливо продекламировал:

Когда принесут мой гроб,
Пес домашний залает,
Жена поцелует в лоб,
А потом меня закопают.

Глухо стукнет земля,
Сомкнется желтая глина,
И не станет того господина,
Который называл себя — я...

— Здорово! — искренне ахнул Каляев. — Знаешь, мне ничего не надо объяснять про стихи. Когда ты читаешь свои несколько строчек, сразу становится понятно, как плохо и неумело пишу я.

— Ты слишком много чувства вкладываешь во все. — Савинков снова потрогал лоб Поэта. — А стихи так же, как и революция, требуют спокойствия, сосредоточенности и холода. Иначе ничего не получится.

— Да ведь натуру свою мне не переделать! — взволнованно воскликнул Каляев. — Потому-то мое дело — бросить бомбу и умереть ради завтрашнего дня. А твое — организовать один акт, другой, третий... Вплоть до победы! А Иван Николаевич? — вспомнил он Азефа, называя его партийной кличкой. — Там вообще не голова, а сплошной расчет, хладнокровие и сила. Я восхищаюсь им, хотя, признаться честно, не слишком люблю. Но когда подумаю, какая громадная ответственность, какая нечеловеческая тяжесть лежит на Иване Николаевиче... Дух захватывает!

— Да, да, — рассеянно отозвался Савинков. — Но не пора ли вернуться с небес на землю? Смотри, кажется, начинается разъезд...

В самом деле, у подъезда Большого театра начался театральный разъезд. Забегали лакеи, выкликая экипажи. Кричали извозчики, зазывая седоков. Из растворенных дверей еще неслись последние такты музыки Мусоргского, а возбужденная толпа уже валила наружу: господа в шубах, дамы в меховых шляпах, муфтах и боа.

Савинков и глазом не успел моргнуть, как Каляев вместе со свертком уже оказался у самого театра. Затевавшись в толпу, он стоял, внешне спокойный, а внутренне безумно напряженный, не спуская глаз с кареты великого князя.

— Бросит? — спросил себя Борис. — Нет, не бросит... — пробормотал он сквозь стиснутые зубы, заметив, как по ступеням спускается великая княгиня Ели-

завета Федоровна, ведя за руки мальчика и девочку. Следом за ними своей манерной, как бы немного женственной походкой вышагивал все еще стройный Сергей Александрович. Все семейство погрузилось в «катафалк». Андрей Рудинкин щегольски присвистнул:

— Пошли, болезные! — И лошади тронулись.

Проводив их взглядом, Каляев пошел с Театральной площади. Савинков присоединился к нему. В полном молчании они дошли до саней Бориса Моисеенко, где уже сидела Нина Костандогло.

— Что, запал не сработал? — озабоченно спросила она. — Или выезда не было?

— Все было в порядке, — тонким голосом сказал Поэт. — Это я сплеховал. Не смог — там были дети.

Савинков укладывал в портфель бомбы.

— М-да, — покашлял Моисеенко с козел. — Когда еще представится случай?

— За этим дело не станет. — Женщина взяла портфель к себе на колени.

— Вы что же, оправдываете Ивана? — с любопытством спросил Савинков.

— А он в оправданиях не нуждается, — спокойно ответила Нина. — Поэт поступил так, как подсказывала ему совесть.

— Однако вам теперь придется снова рисковать жизнью, — заметил Савинков. — Вынимать запалы, разряжать... А потом снова заряжать... Да и все дело под угрозой срыва...

— Мы революционеры, — сухо ответила женщина, — а не убийцы. Я все сделаю как надо. И Иван все сделает как надо. Никто не подкачает, вот увидите. Ну, трогай, Борис, — прикоснулась она рукой в изящной перчатке к ватной спине Моисеенко и подняла воротник шубки.

— Прекрасно пел Шаляпин. — Великая княгиня, сидя перед зеркалом, вынимала из ушей бриллиантовые серьги. — И вообще состав довольно сильный...

— Мм-мм, последнее сказанье, — напел по памяти генерал-губернатор, расхаживая по комнате. — Митька был в восторге, — заметил он, имея в виду своего пле-

мянника и приемного сына. — Мальшка, вероятно, не все поняла... А вообще общение с искусством значительно обогащает.

— Может быть, все-таки не стоило рисковать? — полуобернувшись, мягко спросила Елизавета Федоровна. — Помнишь, когда появились эти страшные предупреждения? Мы прятались тогда то в одном дворце, то в другом... Но, по крайней мере, не подставляли под бомбы детей.

— А, пустое! — пренебрежительно махнул аристократической бледной рукой Сергей Александрович. — Мне надоело укрываться, как какому-нибудь преступнику. По полицейским донесениям, в городе все спокойно. Все эти революционершкы позалезали в норки, шваль эдакая... — Великий князь взял с трюмо маникюрные ножнички и аккуратно подстриг торчащий волосок усов. — Интеллигенты голоштаные! Франкмазоны! Полячишки да жидовня!

— Серж! Прошу тебя! — Великая княгиня прижала пальцы к вискам. — Не давай волку злобе! Ты же христианин! Все люди равны...

— А-а, опять за жидов обижаешься. — Сергей Александрович выстриг волосок, выступавший из правой ноздри. — Мерзкое племя! Это все они воду мутят... Мало их поистребляли, Рафаиловичей да Гольдбергов!

— Но ведь Иисус, — Елизавета Федоровна перекрестилась, на щеках у нее вспыхивали и гасли красные пятна, — был сыном еврейской матери и еврейского бога, и это не мешает тебе веровать в него. Вспомни, друг мой, слова из Евангелия: «Нет ни эллина, ни иудея». Перед Господом и Сыном Его все мы равны...

— Ах, оставь эту казуистику господам из синода, — отмахнулся великий князь. — Почему Христос — жид? Никогда в это не верил и не поверю. Еврейские выдумки, не иначе. Не может такого быть.

— Довольно. — Великая княгиня со вздохом поднялась и направилась к двери в свою спальню. — Я устала сегодня. Спокойной тебе ночи, Серж.

— Ну что ты злишься, Элла? — Генерал-губернатору хотелось поболтать. — Где, в конце концов, твое христианское смирение? То терпишь невыносимые выходки, то выходишь из себя из-за ерунды...

— И тебе пора спать, — кротко сказала великая княгиня, замедляя шаг. — Завтра с утра снова уедешь по делам, не мешало бы выспаться.

— Не слишком-то ты счастлива со мной, верно? — с кривой улыбкой спросил Сергей Александрович. — Что уж поделать, я такой, какой есть, и другим уж не стану. Ты, разумеется, в сто раз лучше и заслуживаешь большего... Я никогда не сожалел, что женился на тебе, Элла. Ты самая прекрасная, умная и добрая из всех женщин, которых я встречал в своей жизни...

— Это похоже на объяснение в любви. — Едва сдерживая слезы, Елизавета Федоровна попыталась улыбнуться. — Не слишком ли поздно, друг мой?

— Лучше поздно, чем никогда, — сконфуженно пробормотал великий князь. — Я ведь никогда тебе ничего подобного не говорил...

— Я имела в виду — поздний час для любовных объяснений. — Великая княгиня взяла себя в руки и попыталась обратить тягостный для нее разговор в шутку.

Но Сергей Александрович не принял ее легкомысленного тона.

— Моей вины в том нет, — упрямо продолжал он. — Разумеется, я не идеальный супруг. Я не дал тебе детей, я не мог быть твоим любовником, у меня неприятный характер. Я пьяница... Но, видит Бог, я ценю тебя и понимаю, что ты могла бы прожить иную, гораздо более достойную жизнь, чем с таким барахлом, как я.

— Я довольна своею участью, — твердо ответила ему жена. — Я хотела разделить с тобой жизнь и добилась этого. И я люблю тебя таким, какой ты есть. Спокойной ночи, Серж.

*4 февраля 1905 года
Москва*

Английский инженер Джеймс Галлей со своей содержанкой подошли к саням.

— Свободен? — барственно-снисходительно спросил Савинков Моисеенко.

— В двенадцать не проезжал, теперь поедет в три, — тихо, скороговоркой отозвался тот.

— Садитесь. — Савинков посадил Нину, сел сам и укрылся меховой полостью. — Значит, как договорились, вы ждете на Кузнецком...

Высадив женщину, они поехали к перекрестку, где уже поджидал Каляев, одетый все так же простонародно.

— К Красной! — сказал Савинков Моисеенко.

— Слушаюсь, барин. — Тот хлестнул клячу, и сани заскользили по мостовой.

— Боюсь, одного метальщика мало... — заметил Савинков. — Что, если стать вдвоем? Эх, сегодня только один снаряд, — вспомнил он, передавая бомбу Ивану. — Жаль, может не получиться.

— И одного хватит. — Поэт возбужденно прижал сверток к груди.

— Осторожнее! — невольно вскрикнул Борис Викторович. — Это же не пирожки!

— Я все сделаю, — не слыша его, твердил Каляев. — Кончу его сегодня.

— Тпру-у! — Моисеенко натянул вожжи. — Приехали, барин. Я стану у Кремля.

Пробили старые часы на башне.

— Два часа. — Каляев улыбнулся. — Совсем скоро. Прощай, друг. — Он обнял Савинкова и расцеловал его. Взял сверток и, не оглядываясь, зашагал к Никольским воротам.

— Сделает, — сказал Моисеенко, глядя ему вслед. — На чай не пожалейте, барин.

Савинков ссыпал ему мелочи и с пустым портфелем пошел к Спасской башне.

Войдя в Кремль, он вздрогнул от радости: карета великого князя стояла у Николаевского дворца. Освещающая герб, сияли ацетиленовые фонари.

— Кончим, — вслух пробормотал Савинков.

Позади послышался отдаленный глухой удар. Прохожие остановились, крутили головами по сторонам.

Навстречу быстро бежала Нина. Ее темные глаза с расширенными зрачками выделялись на мертвенно-бледном лице. Рот беззвучно раскрылся.

— Пойдемте, — властно сказал Савинков, с силой сжимая запястье женщины.

Мимо бежали люди. Все что-то кричали. Нина была на грани истерики.

Начиная от Никольских ворот, вся площадь была заполнена толпой.

— Эй, барин, садись, прокачу! — окликнул Моисеенко. — И дамочку твою...

Он стоял с санями совсем рядом.

— Поедемте на извозчике, — настойчиво потянул за собой Нину Савинков. Она была не в себе, что-то бормотала неразборчиво.

— Великий князь убит. — Моисеенко почмокал губами и замахнулся кнутом на свою замороженную клячу.

Нина упала Савинкову на плечо, заходясь в рыданиях.

— Спокойно, спокойно. — Он погладил ее по спине.

— Господи, Господи, прости, это мы убили, мы... — срывалось с губ женщины.

Каляев бросил бомбу, и в лицо ему ударило дымом. Вокруг летали щепки... С Поэта сорвало шапку.

Карета великого князя по инерции еще ехала мимо, крутились желтые спицы... А рядом, в пяти шагах, на мостовой валялись комья одежды...

— Кончил? Не кончил? — Каляев не сознавал, оглушенный взрывом, удачным оказался акт или нет.

Вдруг он понял, на что глядит. Из-под тряпок виднелись куски человеческого мяса. Из желудка к горлу подкатил ком...

Сергей Александрович, великий князь, генерал-губернатор Москвы, был убит. Бомбой ему оторвало голову и конечности.

Из дворца выбежала какая-то женщина с непокрытой головой, в одном платье. Каляев узнал ее. Это была Елизавета Федоровна. Она бросилась к кровавым лохмотьям, ползала среди них на коленях...

Со всех сторон напирала толпа. Жадно глазела на окровавленное мясо, на Каляева сыпались удары.

Великая княгиня металась над останками мужа, кричала в голос:

— Как вам не стыдно! Что вы смотрите? Вы же христиане, не звери!

Из дневника Николая II:

«Ужасное злодеяние случилось в Москве: у Никольских ворот дядя Сергей, ехавший в карете, был убит брошенной бомбой, и кучер смертельно ранен... Несчастливая Элла! Благослови и помоги ей, Господи!»

Избитый Каляев потерял сознание возле арестного дома. Жандармы тащили его за руки и за ноги.

К вечеру он пришел в себя.

— Ну-с, будем отвечать? — зверски шевеля усами, поинтересовался офицер.

Поэт слабо улыбнулся своей детской улыбкой и ничего не сказал.

— Слабоумный какой-то! — пожал плечами жандарм. — Отвезти его в Бутырки! — распорядился он.

В Бутырской тюрьме его поместили в Пугачевскую башню.

— Тоже самозванец был! — бормотал сторож, гремя ключами. — Тоже на царскую особу посягал!

5—10 февраля 1905 года

Москва

С перрона Николаевского вокзала отходил скорый поезд. Английский инженер Джемс Галлей отбывал из России. Он скучающим взглядом смотрел за окно, на варварскую страну снегов и убийц.

— Прощай, Поэт, — сквозь сомкнутые зубы сказал Савинков.

Из дневника Константина Романова (писавшего под псевдонимом «К. Р.»):

«5 февраля. Как громом пораженный, я в первую минуту ничего не соображал, только выйдя, понял, чего я лишился, и заплакал... Надо было подготовить

жену — она так любила Сергея. И у меня, и у ней чувство, что мне надо ехать в Москву к телу моего бедного друга, к бедной Элле, подле которой нет никого из родных...

Государь и обе императрицы так неутешны, что не могут отдать последнего долга покойному. Покинуть Царское им слишком опасно. Все великие князья уведомлены письменно, что им нельзя не только ехать в Москву, но запрещено бывать на панихидах в Казанском и Исаакиевском соборах».

— Зачем это вам, не пойму. — Гувернантка прижала ладонь ко рту, боясь расплакаться. — Пожалейте себя, голубушка, не ходите к окаянному...

— Я должна видеть этого человека. — Елизавета Федоровна лихорадочно одевалась.

— Зачем, матушка? — Гувернантка завывала. — Только сердце себе надрываете понапрасну...

— Я должна понять. — Элла остановилась на мгновение и закрыла лицо руками. — Мне нужно понять, зачем он это сделал... Иначе я не смогу жить. Если этот человек не зверь, он скажет мне правду.

Она решительно опустила на лицо темную вуаль и, сопровождаемая всхлипываниями гувернантки, вышла из дворца. Проходя через площадь, невольно содрогнулась. Совсем недавно здесь лежали куски тела покойного мужа, и толпа с любопытным оживлением жадно глазела на них...

Елизавета Федоровна впервые в жизни ступила под своды тюрьмы.

— Как пожелаете, ваше высочество, — суетился толстый начальник Бутырок. — Только никак в толк не возьму, для чего вы изволите смотреть на душегуба...

— Как его зовут? — спросила Елизавета Федоровна.

— Каляев... — заглянув в какие-то бумаги, подсказал толстяк.

— А по имени-отчеству?

— Иван Платонович, — вычитал начальник, с недоумением глядя на великую княгиню. — Сам-то молчит как рыба, да мы все про него выяснили... Этих бомбистов расплодилось, как собак бешеных, хе-хе, извините великодушно такое грубое слово...

— Ведите меня к нему. — Елизавета Федоровна поднялась и стояла, высокая и прямая.

— Как вам будет угодно, ваше высочество...

Когда ее ввели в камеру, Каляев что-то писал, сидя за маленьким столом. Заметив, что посетительница — дама, он оставил свое занятие и вскочил, мучительно краснея.

— Оставьте нас, — не оборачиваясь, сказала великая княгиня.

— Но, помилуйте, как же-с можно-с... — всплеснул толстяк короткими ручками. — Он весьма опасный злодей, а вы, ваше высочество...

На этих словах Иван присмотрелся к посетительнице и узнал ее. Она очень изменилась за последние дни. Исхудала, осунулась. Выражение лица и раньше было у нее невеселым — теперь она казалась воплощенным страданием.

— Оставьте нас, — повторила женщина. Начальник тюрьмы посмотрел на нее и вышел, не сказав ни слова.

Когда дверь за ним закрылась, Елизавета Федоровна спросила:

— Зачем вы убили моего мужа?

Каляев прокашлялся.

— Я покушался на жизнь Сергея Александровича, — начал он, запинаясь, — потому что... он был орудием тирании... Я мстил за народ...

Объяснять свои действия убитой горем вдове — совсем не то же самое, что дискутировать с товарищами.

— Сколько вам лет, Иван Платонович? — вдруг спросила великая княгиня.

— Двадцать семь... — удивившись ее вопросу, ответил Каляев. — Скоро будет двадцать восемь...

Он осекся, вспомнив, что не доживет до дня рождения: его повесят раньше.

— У вас хорошее лицо... интеллигентное... — сказала женщина. — Вы не похожи на убийцу... Я не могу понять, зачем вы отняли жизнь у самого дорогого для меня человека — моего мужа...

— Мы убиваем лишь для того, — мучительно подбирая слова, объяснил Каляев, — чтобы в будущем именно жить без террора. Я лично тоже против убийств... Только тогда, когда за убийством стоит большая лю-

бовь... великая любовь к человечеству, к правде, справедливости, к социализму, свободе... Только тогда можно убивать... Выходя на террор, мы убиваем и себя... Свою душу отдаем... на алтарь идеи...

Он снова покраснел.

— Это гордыня в вас сейчас говорит, — покачала головой Елизавета Федоровна. — Вы ее не слушайте... Покайтесь, снимите грех с души... А я буду умолять государя даровать вам жизнь... Я буду просить его за вас... Сама я вас уже простила...

Лицо Каляева исказилось, и ей показалось на какое-то мгновение, что он сейчас заплачет.

— Нет! — Поэт замотал головой. — Нет! Я не прошу о помиловании. И мне не в чем раскаиваться... Чисто по-человечески, конечно... Я причинил вам огромное горе, простите... Но я должен умереть за свое дело, я к этому готов, и я умру... Моя смерть будет даже полезнее для революции, чем гибель Сергея Александровича...

— Я буду молиться за вас, — тихо сказала великая княгиня. — И уповать на милосердие Господа.

Каляев молча поклонился ей.

Она вышла из камеры, и он, взволнованный, снова сел к столу и придвинул к себе стопку бумаги. Предстояло написать последние письма... И передать их товарищам.

Из последнего слова Каляева Ивана Платоновича, приговоренного к смертной казни через повешение:

«Я счастлив вашим приговором. Надеюсь, вы исполните его так же открыто и всенародно, как я исполнил приговор партии социалистов-революционеров. Учитесь смотреть прямо в глаза надвигающейся революции!»

Газета «Дейли телеграф» (Англия):

«Снова красная звезда тираноубийства мрачно засияла на темном русском небе. Сергей был унесен в один момент одной из тех фатальных бомб, которые русские конспираторы умеют так хорошо готовить и так хорошо бросать. Вы не можете безнаказанно доводить до бешенства или отрицать за ними элементарные права

свободных граждан, не вызывая тем тираноубийства. Сергей был тиран в старом смысле этого слова, каких история и трагедии рисуют в самых мрачных красках. Великое изречение блаженного Августина правдиво и поныне: «Когда справедливость отброшена в сторону, верховная власть является разбоем».

Газета «Ди цайт» (Германия):

«Убийство Сергея не вызвало в мире ни удивления, ни ужаса. Его предвидели, ожидали, и когда оно исполнилось — произвело впечатление необходимости. Если бы в России не было заговоров, надо было бы спросить себя: «Каким образом отсутствует следствие, когда налицо причина?» Русское самодержавие проповедует посредством залпов незыблемость своих основ и получает в ответ динамитные бомбы. Кто играет в истории такую кровавую роль, как Сергей, всегда должен быть готов к кровавому концу. Царизм не должен удивляться, что его катастрофы не вызывают ни в ком сочувствия».

Газета «Юманите» (Франция):

«Следует признать, что таинственные судьи произносят свои приговоры над тиранией без ошибок. Кто осмелился бы защищать Плеве? Кто осмелился бы горевать о судьбе Сергея? Великие князья изъяли себя из действия гуманности. Они ведут себя как хищные звери в бараньем стаде. Пресыщение привело их к удовлетворению чувственности всякой ценой. Их частная жизнь полна преступлений, кутежей. И среди всех этих преступников худшим был Сергей».

Газета «Пейпель де Женев» (Швейцария):

«Невежественную, безоружную толпу, желавшую на коленях просить о своих нуждах, царь, уступая настойчивым советам своей родни и своих приближенных, наградил свинцовым дождем. Этим поступком царь поставил себя вне законов. Он чудовище, подобное тем, которые давали ему советы. На царские пули народ отвечает динамитом...»

15 февраля 1905 года
Женева

— Как держался Поэт? — выворачивая толстые губы, спросил Азеф.

— Спокойно и героически. — Борис залпом выпил водки. — Знаешь, будь у нас больше таких, как он, мы бы весь царствующий дом перебили в две недели!

— Да ну! — Азеф, чавкая, закусывал. — А остальные товарищи?

Слушая рассказ Савинкова о событиях в Москве и Петербурге, Евно лихорадочно раздумывал, кого сдать полиции взамен отданного партии великого князя. В математически точных расчетах был залог его неприкосновенности. На деньги, выданные департаментом полиции, ставились динамитные мастерские, а за каждого убитого представителя власти слетали головы революционеров.

— Да ты не слушаешь, Иван! — окликнул Азефа Савинков.

Его узкие глаза горели от выпитого и от радости совершенного дела.

— Извини. — Евно утер рот салфеткой. — В самом деле, отвлекся. Прикидывал, какими будут следующие акты. Может, замахнемся на самого? — Он выразительно потыкал пальцем в потолок. — А? На Николая Кровавого? Или кишка у нас тонка?

И в тот же день отбил телеграмму Ратаеву: «Теперь на очереди государь».

Февраль 1905 года
Москва

Елизавета Федоровна не переставала молиться все дни до погребения несчастного мужа. На его надгробии она велела написать: «Отче, отпусти им: не ведают бо, что творят». А после похорон Сергея Александровича она стала молиться за двоих: за убитого и его убийцу.

Из дневника К. Р.:

«Февраль 1905 года. Просто не верится, какими быстрыми шагами мы идем навстречу неведомым, неизвестным бедствиям. Всюду разнузданность, все сбиты с толку... Сильной руки правительства уже не чувствуют. Да ее и нет».

Март 1905 года

*Санкт-Петербург, открытие выставки
«Мир искусства»*

— Боже мой, какая изысканность! — преувеличенно восторгалась какая-то дама, разглядывая через лорнет подписи под картинами. — О, Бенуа! А это кто? Лансере... Как утонченно! Вы не находите? — обратилась она к стоящему рядом невысокому худому господину.

— Вы совершенно правы, — с некоторой иронией отозвался Савинков. — Только несколько оторванно от реальной жизни.

— В этом-то и прелесть! — запротестовала дама, лорнируя своего собеседника. — Чистое искусство, такое далекое от нашей грешной земли!

— Не стану с вами спорить. — Савинков склонил голову и, лавируя между посетителями, двинулся по залу дальше.

— Кто этот нигилист? — громко спросила дама у подошедшего к ней знакомого. — Он считает, что искусство — это какая-то бакалея!

— Этот? — Господин задумчиво пожевал усы, глядя вслед Борису Викторовичу. — Это, мадам, Савинков, знаменитый бомбист.

— Как? — ахнула дама, тщетно пытаясь разглядеть в лорнет известную личность. — Террорист? Убийца? И вот так вот, не скрываясь, среди бела дня... А он не начнет стрелять?

— Не думаю, — успокоил даму знакомый. — Вы ведь не занимаете, мадам, ни одного сколько-нибудь важного государственного поста. Может быть, этот Са-

винков просто интересуется искусством... — предположил он. — Или у него здесь назначена встреча.

— Ага, вот он! — воскликнула дама, поймав в лорнет невысокую худую фигуру. — Боже мой, да это демон! Как он похож на Наполеона! И руки на груди крест-накрест сложил — вылитый Бонапарт!.. А это правда, что на его совести убийство Плеве и великого князя Сергея? — с чисто женским любопытством спросила она.

— Так говорят, — пожал плечами господин, жуя усы. — Бомбы, правда, бросали другие, а он организовал оба покушения.

— Ах, как великолепно! То есть я хотела сказать, какой ужас, — поправила себя дама. — Но скажите, мой дорогой, отчего же никто не арестует этого столь опасного преступника? Достаточно позвать полицейского... Или вон того военного, — ткнула она лорнетом в важного генерала, изучающего полотно Добужинского.

— Да кто же осмелится выдать самого Савинкова? — удивился ее наивности знакомый. — Только какой-нибудь безумец или самоубийца... Он же террорист, мадам! Сейчас вытащит из-за пазухи пистолет и начнет палить во все стороны!

13. «ОТРЕЧЕМСЯ ОТ СТАРОГО МИРА»

---

*12 апреля 1905 года
Лондон*

— А господин Плеханов и прочие гаскольники выгазили нам свое «фе»... — заметил Ильич.

— Более того, — подхватил Луначарский, — в пику нам они устроили свое собственное сборище — в Женеве. И обозвали наш съезд «вакханалией» и «свозом делегатов».

— Хе-хе, вы подумайте — «вакханалия»... — Ленин покрутил лобастой головой. — Надеются, вегоятно, что это острое словцо немедленно пгилипнет к большевикам. Нет, господа меньшевики, гано гадуетесь! А вы, батенька, — неожиданно обратился он к Красину, — насколько мне известно, пгимигенец?

Леонид слегка растерялся, но тут же ответил:

— Нет, Владимир Ильич, я не примиренец, а строитель и инженер.

— Следовательно, человек практический. — Ленин залился своим дребезжащим смехом, оценив шутку Красина. — Ну и что же вы посоветуете нам, ппрактик?

— Мне кажется, — очень серьезно ответил Леонид, — что сейчас не время рассуждать. Надвигаются решающие события, и нельзя терять ни минуты.

— Ну, это скоее стратегия, — прищурился Владимир Ильич, — а что касается...

— А что касается тактики, — подхватил Красин, — мы не можем отставать от жизни. Главная задача сейчас — пропаганда идеи восстания, призыв к массам самовооружаться. Организация боевых дружин... Обу-

чение рабочих... Мало заготовить бомбы и оружие, надо уметь владеть этим оружием.

— А что? — Ленин повернулся к Луначарскому. — Какое ваше мнение, товагищ Воинов? Большая умница наш Никитич, — одобрительно назвал он Красина партийной кличкой, — и дело говорит! Мы, большевики, должны, нет, обязаны возглавить геволуционный погьв масс, пгидать стихийной богьбе пполетагиата огганизованность и устгемленность!

— Ты хоть что-нибудь записываешь? — спросил Букашкин у напарника. — Хоть каракули в тетрадке выводи, не то засекут. Вишь как строчат в блокнотах! Небось воду замутят, как в Расею вернутся!

— А я и так все запоминаю, — важно отозвался Канашкин. — Слов много говорят, а смысл один — бунтовать и других энтому делу учить.

Стремительной походкой, заложив большие пальцы за проймы жилета, к ним подошел Ленин.

— А вы откуда пгибыли, товагищи? — дружелюбно спросил он, окидывая филеров прищуренными глазами.

— Дык... — Букашкин от неожиданности напрочь забыл свою легенду и поперхнулся. — Оттуда...

— Мой товарищ смущается, — нахально сказал Канашкин. — И его можно понять. Он впервые видит так близко Ленина.

— Ну, это никуда не годится! — Ильич был явно польщен. — В пагтии мы все г'авны. Каждый делает свое геволуционное дело. Ну что ж, удачи вам, товагищи, в вашей нелегкой габоте на местах!

— Спасибо! — с чувством ответил Канашкин. И дернул напарника за рукав. — Ты че, язык проглотил, что ли?

— Дык мы... — Букашкин наконец совладал со своими голосовыми связками, но, видимо, в голове у него все смешалось, потому что он выкатил глаза и гаркнул, как не раз бывало в присутствии вышестоящих чинов: — Рады стараться, ваше превосходительство!

На какое-то мгновение Канашкин не на шутку струхнул. Сейчас их разоблачат! В лучшем случае сильно побьют, а в худшем... Надо было как-то выкручиваться, тем более что на лице у лысого появилось странное настороженное выражение.

— Вот что значит — старый служака, Владимир Ильич, — хихикнул филер. — Никак от прежних привычек не отстанет. Сказано тебе, мы все товарищи, все равны и делаем общее дело. — Выразительно глянув на напарника, Канашкин постучал себя согнутым пальцем по голове. — А ты — ваше превосходительство... — передразнил он. — Верно, Владимир Ильич?

— Да, сильна в наших людях еще эта габская закваска, — с легким вздохом согласился Ленин. — Изживать ее пога, вот что я вам скажу со всей пгямотой геволуционега, товагищи!

И перешел к следующей группе делегатов.

— Ну ты козел, — прошипел Канашкин напарнику. — Чуть все дело не завалил! А еще советы дает: делай то, делай другое! Записывай, мол, инструкции этой самой РСДРПы... На себя бы лучше посмотрел, большевик хренов! Этот лысый уж подозревать что-то начал... Еще 6 минута — и нас бы мертвыми отсюда вынесли... Что тогда полковнику докладывали бы?

Букашкин пристыженно сопел.

26 июля 1905 года

Царское Село

— Сапоги подай, — велел Трепов денщику. — И шевелись давай, сонная муха!

Сенька проворно помог ему обуться.

— Так, стало быть, вашество, прямо в покои к самому царю-батюшке и входите? — мечтательно спросил он. — В палаты ихние царские?

— Так прямо и вхожу, — хохотнул Трепов. — Царь, он, видишь ли, к военным слабость питает. Вот я и выступаю как бравый вояка: грудь колесом, голос зычный, глаза навькате... — Он молодецки расправил усы. — Ну и от чарочки не отказываюсь... И крепкое словцо при случае отпускаю... Николай Александрович и радуется, как дитя...

Генерал-майор встал и ловко шелкнул каблуками.

— Придворные-то, Сенька, поклоны бьют, а того не понимают, что к каждому государю свой, особый подход нужен! Нашел я — меня милостями царскими и

осыпали... И полицией я заведую... — он загнул один палец на руке, — корпусом жандармским командую, — второй палец, — и товарищем министра стал... Вот доклад буду сейчас делать... — зевнув, Трепов перекрестил рот, — о положении в стране...

— Счастливые какие, — со вздохом сказал ему вслед денщик, — мне б хоть одним глазком на царское семейство взглянуть...

Император любовно похлопал генерал-майора по крутому плечу:

— Хвалю, Дмитрий Федорович, за верную службу! Ну, докладывайте.

Сильно отставив бумаги в вытянутой руке, дальнотзорный Трепов начал доклад.

— Смута, ваше величество, большая в России-матушке, — эпически начал он. — Мастеровые в городах бунтуют. В мае месяце, почитай, тыщ двести в стачках участвовало... Ткачи в Иваново-Вознесенске два с половиною месяца от работы отказываются... А крестьяне глядят — дурное, мол, дело, нехитрое... И ну жечь барские усадьбы, крушить и ломать что под руку попадается... На многие миллионы имущества попорчено да истреблено...

При каждом новом сообщении Николай морщил короткий нос, словно не мог отделаться от дурного запаха.

— А мои доблестные войска? — спросил он наконец жалобным тоном. — Они сохраняют мне верность? Не изменили?

— Ар-р-мия, — раскатисто отрапортовал Трепов, — надежа и опора вашего величества. Только штыками и усмиряем смутьянов. Единственно позорный факт... — как бы борясь с собой, он сделал паузу, — нет, не могу ничего скрывать от моего государя... мятеж на броненосце «Потемкин»...

— Матросы?! — Император покачал головой. — Господи, спаси и помилуй! Чем же они недовольны? Я ведь ничего не жалею для них!

— Дурь в головах, — авторитетно объяснил генерал-майор. — Но верьте моему честному солдатскому слову, ваше величество, мы подавим бунт в зародыше!

— Хотелось бы верить, Дмитрий Федорович. — Царь слабо помахал рукой, отпуская верного слугу. — Идите...

*26 июля 1905 года
Царское Село*

— Аликс, солнышко мое, мы можем поговорить?

Александра Федоровна взглянула на мужа. По некоторым причинам она сразу же догадалась, что разговор предстоит не из самых приятных.

— Та, конетшно, мой торокой малшик. — Она отложила в сторону рукоделье. — Я тебя слушаю.

Император замялся.

— Я никогда, поверь, не стал бы беседовать с тобой на подобные темы... — Он слегка нахмурился. — Но матушка настоятельно просила довести до твоего сведения, что в обществе... циркулируют слухи... ну ты понимаешь, связанные с твоими отношениями... с Александром Афиногеновичем...

Царица гордо вскинула голову:

— Поше мой, какая катость... Я понимаю, клупая толпа... Но фтофстфующчая императрица... Неушели и она ферит фсяким клупостям?

— Ну что ты, — поспешно успокоил жену Николай. — Маман просто беспокоится о репутации нашей семьи, не более того.

— Ах, как слы люти! — со слезами на прекрасных глазах воскликнула Александра Федоровна. — Им фсюту мерешчится крясь. Они не ферят в чистые, красифые отношения... Петный Орлов...

— Ну не такой уж он, положим, и бедный. — Царь смотрел в окно. — И чины есть, и служит в твоём полку, и жалованье получает... Нет, право, ты не подумай, я-то знаю, что отношения у вас самые нежные и платонические... Однако молва, солнышко... С нею нельзя не

считаться... Представь, какие бредни распускают... Будто бы...

— Кокаин? — встрепенулась Александра Федоровна. — Но Александр Афинокенофитш тавно уше не палуется наркотиками...

— Если бы... — Император вздохнул. Больше всего на свете он не любил выяснения отношений. Да еще с женой. И вот приходилось выдержать несколько нелегких минут. — Болтают, будто бы у тебя с ним... гм... любовная интрига...

— Ах, ф этом нет нитшефо нофофо, — смущенно сказала Аликс. — Эти сплетни ротились, еще кокта мы с топой не пыли шенаты...

— Солнышко, есть еще кое-что. — Николай снова замаялся. — Видишь ли, досужие языки утверждают, будто бы генерал-майор Орлов... гм... отец нашего Алексея.

— Что?! — Александра Федоровна была не в силах скрыть своего изумления. — Коспоти, что са ерунта!

Николай вздохнул и развел руками.

Аликс напряженно раздумывала.

— И чефо ше трепует тфоя матушка? — наконец спросила она.

— Маман настаивает на удалении Александра Афиногеновича. И она, на мой взгляд, права. Мне самому не хотелось бы отвечать неблагодарностью на верную службу, но, видимо, придется, пойти на такой шаг... Иначе чужие рты не заткнешь.

— Есть трукой фыхот, — почти спокойно заметила императрица.

— Какой же?

— Орлоф шенится на Ане! — торжественно провозгласила Александра Федоровна. — И пусть кто-либо посмеет скасать хоть слофо!

— Идея неплохая, — сдержанно одобрил Николай. — Но есть одна загвоздка: согласится ли он?

— О, мой ферный рыцарь стелает фсе, что я пошеляю, — самолюбиво сказала Аликс. — Если я скашу, что этофо трепует моя тшесть...

— Есть и другая сторона медали... — задумчиво произнес царь. — Согласится ли Аня?

— Она путет шчастлифа!

*Конец июля 1905 года
Царское Село*

— У меня, как у Екатерины Феликой, есть сфой Орлов и сфоя княгиня Ташкова, — пошутила императрица.

Александр Афиногенович польщенно улыбнулся. Зато Танеева вся скривилась:

— Дашкова была синий чулок.

— Ну, тепе, моя милая, такая участь не кросит, — милостиво кивнула Александра Федоровна. — Ты, с тфоей красотой и тфоим умом, найдешь сепе хорошефо супрука.

Она выразительно взглянула на Орлова. Он оглядел Анну снисходительным взглядом и промолчал.

— Вы нитшефо не шелаєте скасать, Александр Афинокенофитш? — с надеждой спросила Аликс. — Мне касалось, путто фы намерефались сфясать сфую жиснь с моей лутшей потрукой?

— Отнюдь, — охотно ответил генерал-майор. — Не намерен связывать себя узами брака.

— Таше если от етофо сафисит моя тшесть? — не поверила царица.

— Не чувствую себя в состоянии составить счастье мадемуазель Танеевой. — Орлов учтиво склонился в поклоне, галантноостью смягчая отказ.

Анна, закусив губу, с ненавистью посмотрела на его прилизанную макушку.

— Мне кажется, это у нас обоюдное желание, — сквозь зубы прошипела она. — Я вообще не хочу выходить замуж. Позвольте мне по-прежнему служить вашему величеству.

— Фы оба сфопотны. — В голосе Александры Федоровны явственно звучало раздражение. — Плакотарю фас са песету.

Щелкнув каблуками, удалился Орлов. Шелестя юбками, удалилась Танеева. Императрица с трудом удерживалась от слез. Дверь растворилась, к ней торопливо подошел Николай.

— Ах, Ники. — Аликс бросилась на грудь мужу. — Они не хотят.

— Я все слышал, солнышко... Что ж, придется при-

думать для твоего поклонника какое-нибудь бессмысленное, но почетное задание. Как ты смотришь на то, чтобы отправить его с важным пакетом куда-нибудь за границу?

— Но... он фернется? — Александра Федоровна прижала к щекам пальцы.

— Обязательно, солнышко, — заверил жену Николай. Как только утихнут сплетни и забудутся эти грязные домыслы...

— Дьявол! — по старой гусарской привычке выругался Орлов, всходя по ступенькам в вагон. Его не радовало ничто: ни новенькая нарядная форма, ни толстый пакет с сургучными печатями, ни возможность развеяться. — Да это самая настоящая опала!

— Что вы сказали, мсье? — склонила к нему морщинистое ухо стоявшая рядом пожилая дама. — Я, простите, страдаю слабым слухом...

— Прекрасная нынче погода! — гаркнул генерал-майор и двинулся к купе.

Открыв дверь, он увидел, что некоторые пассажиры уже заняли места. Александр Афиногенович отвесил общий поклон и сел у окна.

В купе вошел толстенький господин в котелке и клетчатых панталонах.

— Простите, сударь, — растерянно обратился он к Орлову. — Вы заняли мое место... Это какое-то недоразумение...

— Дьявол! — еще раз выругался генерал-майор и, перешагивая через ноги пассажиров, направился к себе, в отдельное купе курьера по особым поручениям.

Там его уже ждали. Как только Орлов открыл дверь, стоявший сбоку агент зажал ему рот носовым платком, смоченным в хлороформе. Александр Афиногенович задергался, потом обмяк.

— Готов, — заметил Канашкин. — Давай сюда шприц.

Букашкин протянул ему шприц и ампулу. Перевязав генерал-майору руку повыше локтя, филер ловко ввел ему в вену убийственную дозу наркотика. Агенты прыгнули на ходу, когда поезд отходил от станции.

...На этом Николай успокоился. А скорее, то была идея самой императрицы. Аню Танееву срочно выдали замуж за бесперспективного морского офицера Вырубова. Это была настолько серая и неприметная личность, что историки даже не упоминают его по имени-отчеству.

Аня, теперь Анна Сергеевна Вырубова, своего мужа возненавидела сразу и бесповоротно.

*17 октября 1905 года
Киев, Бибиковский бульвар, собственный дом
присяжного поверенного Григория Богрова*

— А что это за господин в картузе к тебе приходил, Митя? — подозрительно спросила мать.

— Так, знакомый один, — уклончиво ответил Дмитрий.

— Вот не знала, что у тебя широкий круг знакомых... — удивилась мадам Богрова. — Он что же, студент переодетый? Или в самом деле мастеровой?

— Ах, мамаша, к чему эти расспросы? — с досадой ответил сын. — В конце концов, есть у меня право на личную жизнь или нет?

— Личная жизнь? — засмеялся отец. — Вот если бы к тебе пришла красивая барышня — это была бы личная жизнь... А студент в картузе — это ни в какие ворота не лезет...

— У вас только одно на уме, папаша, — огрызнулся Богров-младший.

— Но я же видела — ты дал этому мастеровому деньги! — не унималась мать. — Что, в карты ему проиграл? Или он тебя шантажирует?

— Карты, мамаша, — это буржуазный пережиток, — кривя рот, сказал Дмитрий. — А чем меня можно шантажировать, как вы полагаете? Я ничего дурного пока что не совершил...

— Но деньги давал? — не отставала мать. — Давал или нет?

— Ну давал, — неохотно признался Дмитрий. — Да сколько там было? Ерунда, а не деньги! В помощь нуждающимся рабочим.

— Это для тех, кто участвовал во всероссийской стачке?! — так и ахнула мать. — Но, Митенька, если это получит огласку, у тебя могут быть большие неприятности! Не забывай, с каким трудом тебе удалось попасть в университет.

— А что? — пожал плечами отец. — В конце концов, это не так уж глупо — давать деньги на революцию. Вдруг они победят? В таком случае небольшая сумма окупится сторицей. Об этом я раньше не думал... Хм, вкладывать средства в революционное движение... Что-то в этом определенно есть...

— Боже мой, Герш, о чем ты? — возопила мать. — Нашему сыну угрожает опасность, а ты думаешь о том, куда надежнее поместить капитал! Вспомни, что было в университете! Сколько студентов арестовали после волнений! Сколько человек забрали в солдаты! Ты только представь на минутку: наш Митя — рекрут! Ты этого хочешь? Да у меня волосы дыбом становятся от одной этой мысли...

— Да, да, ты права. — Лицо у отца стало озабоченным. — Нельзя забывать: что бы ни происходило — всегда будут виноваты евреи. Говорят, черная сотня готовит новый погром... Хорошо, что у нас нет лавки и мы не живем в еврейском квартале... Но на всякий случай в доме должна быть икона... Или лучше — две... У нас есть икона? — спросил он жену.

— У Анюты весь угол иконами заставлен, — хмуро ответила жена. — И ты думаешь, Герш, это нас спасет, если начнутся беспорядки? Ладно мы — наша жизнь прожита... А Митя?

— Что — Митя? — возразил Григорий Дмитриевич. — Ты сама видишь, какие у него связи среди господ революционеров. У нас с тобой таких связей нет. Может, этот картузник его выручит? Как его, кстати говоря, зовут, этого твоего переодетого покровителя?

— Степан, — после некоторого раздумья ответил сын. — Точнее, Степан — это, папа, партийная кличка. А настоящее имя у нас называть не принято. И знаешь почему? Кто такой Степан? Рабочий в картузе, и ничего больше. А если располагаешь именем, отчеством и фамилией, то можешь невольнo или по злoму умыслу выдать товарища полиции...

— Господи, какой у нас в доме завелся конспиратор! — Мать воздела руки к потолку. — Ты слышал, Герш? Что же нам теперь делать? Ведь Митя знает нас по имени! Может, возьмем себе партийные ключки?

— Я буду Абрам, — охотно отозвался смешливый Григорий Дмитриевич. — А ты, мать, хочешь или не хочешь, будешь Сарой.

— Да ну вас с вашими дешевыми еврейскими шутками, — обиделся Дмитрий. — Говоришь с вами как с нормальными людьми, делишься самым сокровенным, а вы надо всем смеетесь...

— Какие могут быть смехи? — Мадам Богрова погладила сына по голове. — Ты уже большой мальчик, Митя, должен понимать, что одно дело, когда мы шутим друг с другом у себя дома... И совсем другое — когда ты шутишь шутки с полицией... То, что другому сойдет с рук, тебе не простят, потому что ты — я еще раз повторяю — еврей!

— А ты знаешь, сколько евреев работает на революцию? — напустился на мать Дмитрий. — Что, по-твоему, они случайно примкнули к революционерам? О нет, они отлично знают, что делают!

— Что ты заладил одно и то же! — поморщился отец. — В конце концов, в этом есть даже что-то неестественное, чтобы молодой человек настолько отдавал себя политике. Я все-таки остаюсь при своем мнении. Была бы у тебя барышня, тогда ты, мой дорогой, позабыл бы дорогу к этим так называемым товарищам! Оглянись вокруг, мой мальчик! Посмотри, какие фемины живут рядом с тобой! Эх, мне бы твои годы! Я уж не протирал бы штаны на этих ваших сходках... Чем плоха, скажи, хотя бы Володина сестра? И ум, и характер, и внешность... Все при ней! И, если я не ошибаюсь, она тебе откровенно симпатизирует...

— Ой, Герш, ты уже надоел сыну со своим половым вопросом! — вмешалась мать. — Не морочь ему голову. С барышнями он еще успеет. А сейчас ему надо учиться. Ты же знаешь, что такое образование для еврейского мальчика. Это — все. И карьера, и деньги, и положение в обществе...

— Ха! — сказал Дмитрий. — Как я могу ходить на занятия, если университет закрыт в связи с беспорядка-

ми? И неизвестно, когда снова откроется. Этой мерой правительство просто-таки толкает нас, студентов, на революционную борьбу!

— Ничего. — Мадам Богрова переглянулась с мужем. — Мир не заканчивается в Киеве. В других местах спокойно. И можно продолжать образование.

— По всей России катится революция! — торжественно возразил сын. — Где, интересно, ты найдешь для меня тихое местечко?

— Ничего-ничего, — подхватил Григорий Дмитриевич. — На России тоже свет не сошелся клином. Учиться можно и за границей.

— Ты что, папаша, серьезно? — оторопел Митя. — Какая может быть граница, когда тут надвигаются такие события! Нет, я никуда не поеду, даже не надейтесь. Да и товарищи меня не поймут: скажут, дезертировал в ответственный момент...

— Я с твоими товарищами еще разберусь, — посулила мать тоном, не предвещающим ничего хорошего. — Я им объясню, что почему на базаре. И пусть они не выступают, потому что ихняя революция еще не победила! Ты меня понял, Дувид?

— Не Дувид, а Дмитрий, — обиделся Богров-младший. — Опять эти жидовские штучки! И ты еще хочешь опозорить меня перед братьями по оружию... Это нечестно, мамаша! И вообще, даже если вы не согласны, я уже выбрал жизненный путь революционера и не собираюсь с него сворачивать!

— Отлично! — Григорий Дмитриевич даже сделал шаг назад, как бы желая полюбоваться сыном. — Что я слышу! Это слова не мальчика, а настоящего мужчины. Ты заметила, — обратился он к жене, — этот сопляк заговорил-таки как взрослый. Ну что ж, сынок, как ты решил, так и делай. Мы не станем тебе мешать. Мы уважаем твою личную и общественную жизнь. Мы глупые, отсталые, провинциальные еврейские родители. Тебе, наверно, даже стыдно брать у нас наши буржуазные деньги, чтобы передавать их товарищу Степе... Отлично! С сегодняшнего дня ты больше не получишь у меня ни копейки!

— Ах, вот оно что! — так и взвился Дмитрий. — Вот где настоящий шантаж! Хотите вынудить меня подчи-

ниться вашим требованиям? Хорошо — я уйду из дому! — Он гордо поднял голову. — Это вас устроит?

— И где же ты поселишься? — хладнокровно поинтересовался отец. — В гостинице? Или в халупе своего картузника?

— На улице я не останусь, — огрызнулся сын, но уже с меньшей уверенностью. — Товарищи не дадут мне пропасть.

— Ага! Держи карман шире! — вступила мать. — Они тебя и накормят, и оденут, и на карманные расходы выдадут...

— Ну что вы сразу начинаете, — постепенно остывая, пробормотал Богров-младший. — Разве я что-нибудь имею против вас? Просто прошу не ограничивать мою свободу в собственном доме...

— Значит, выбрасываешь белый флаг? — недоверчиво спросил отец, сбитый с толку слишком легкой победой. — И согласен поехать за границу, чтобы продолжать учебу?

— Вы не оставляете мне другого выбора, — сконфуженно сказал Митя. — А куда я поеду? В Париж? Или Лондон?

— Перебьешься, — беззлобно сказала мать. — В Мюнхене у тети Клары тоже неплохо...

18 октября 1905 года
Киев

— Жаль, что уезжаешь. — Володя стоял на перроне, взяв сестру под руку. — Как раз сейчас, когда царское самодержавие под давлением народа вынуждено уступить...

— Ты имеешь в виду манифест? — Богров-младший притронулся носком штиблета к новенькому кожаному чемодану. — Ну, я бы не возлагал на него таких надежд... Царь просто вынужден был его подписать. А если восторжествует реакция, все обещанные свободы тю-тю... Вот увидишь.

— А когда вы вернетесь? — Лена посмотрела на Дмитрия снизу вверх красивыми серыми глазами. — Скоро? Или будете заканчивать образование в Европе?

— А ты что, ждать его собираешься? — засмеялся Володя, поддразнивая сестру. — Смотри, Митька, эта девица очень опасна, она добивается всего, чего только пожелает.

— Ну что за глупости ты болтаешь! — Девушка вырвала свою руку из ладони брата и покраснела. — Уже и спросить нельзя!

— Да я не со зла... — принялся оправдываться Володя. — Ты что, шуток не понимаешь? Слушай, Мить, а что это за тип все ходит вокруг и знаки тебе делает?

— Где? — Богров огляделся по сторонам. — Никого не вижу.

— Да вон же! — безо всякой застенчивости приятель указал пальцем.

— Дмитрий Григорьевич, уезжаете? — От здания вокзала отделился человек, которого Богров вовсе не хотел бы видеть, и приблизился к провожающим. — А у меня до вас дело есть.

— Извините. — Мите стало неловко перед Володей и Леной. — Нам со... со Степой нужно буквально несколько минут...

— Ну, не станем мешать, — с обидой сказал Володя. — Собственно говоря, мы уже простились. Смотри там, не забывай, пиши. Приедешь — появляйся.

— Счастливого пути, — грустно произнесла Лена. — Как я вам завидую. Столько нового увидите. Не то что мы тут.

И они зашагали к выходу с перрона.

— Нехорошо как-то получилось, — замылся Богров. Он мысленно проклинал Степу, появившегося, как назло, в самый неподходящий момент.

— Это не страшно. — Степа внимательно разглядывал Митю. — Значит, дезертируете? До поры до времени, значит, с нами были, а теперь — в кусты?

— Во-первых, — Богров начал раздражаться, — я не дезертирую, а еду продолжать образование. Университет-то закрыт из-за студенческих волнений! А во-вторых, делаю это почти против собственной воли, исключительно по настоянию родителей. Наконец, в-третьих, с чего вы взяли, будто я собираюсь прекращать борьбу за светлое будущее? Ни в коем случае. Тем более что за

границей сейчас полным-полно наших соотечественников, среди которых немало революционеров...

— Ну вот и славно. — Степа улыбнулся. — А то я уже волновался из-за вас. Вы нам нужны, Дмитрий Григорьевич. Грамотных, культурных людей у нас раз-два — и обчелся.

— Вы говорили, у вас ко мне какое-то дело, — сухо напомнил Богров. — Я вас внимательно слушаю. Иначе вообще не понятно, зачем вы испортили мне прощание с друзьями.

— Еще раз извините. — Степа снял картуз и прижал его к груди. — Дело небольшое, но... м-м-м... деликатного свойства. Короче говоря, нам нужны деньги.

— Как всегда, — с кислой миной заметил Богров. — Не припомню случая, чтобы не упоминались меркантильные интересы.

— Я ж не для себя прошу, — с оскорбленным видом сказал Степан. — А для мировой революции. Вы что, отказываетесь?

— Родители выдали мне только ценные бумаги, которые я смогу реализовать за границей. А так... даже на носильщика не хватает. Видите, сам чемодан несу. — Он потыкал носком штиблета в новенькую кожу. — Ничем не могу помочь.

— Мне кажется, вы неправду говорите, — вдруг прошептал Степа.

— Что-о? — Богров побагровел. — На что вы намекаете, милостивый государь?!

— Тише, тише, только без скандала. — Степа поспешно отошел и исчез в толпе.

9 декабря 1905 года
Баку

Во дворе по-прежнему сидел с бессмысленным выражением на лице глубокий старец. Только на этот раз на плечи ему кто-то накинул бурку, а голову обвязал башлыком.

— Доброго здоровьечка, дедушка, — вежливо поздоровался Кудрин и условленным стуком постучался в окно Шаумяна.

— Ай, кто ко мне пришел! — Степан распахнул товарищу объятия. — Заходи, Миша-джан, садись к столу, вместе ужинать будем!

— Некогда, брат, — торопливо стал отказываться Кудрин. — Я только на минуту заскочил. С очень важной новостью.

— Ну хоть стакан вина выпьешь, да? — Шаумян разлил по кружкам темно-красное вино, положил зелени побольше на толстые ломти хлеба. — Ну что там могло стрястись?

— Знаешь, кого я только что видел? — Медведев-Кудрин отпил глоток из кружки и откусил кусок хлеба. Тут только он почувствовал, как проголодался за целый день. — Не поверишь, брат, Кобу! Живого и невредимого!

— Что?! — Степан вскочил, сверкая армянскими глазами в полумраке. — Нет у человека ни стыда ни совести, да? Практически разоблачили его как провокатора, а он возвращается как ни в чем не бывало! Ну уж теперь он не уйдет от революционного возмездия!

— Ничего не выйдет. — Михаил отпил еще вина и закусил. — Под него теперь не подкопаешься.

— Это почему же? — возмущенно тряхнул иссиня-черными кудрями Шаумян. — Подозрений с него никто не снимал.

— Нам никто не поверит... — Кудрин взял товарища за руку. — Да ты успокойся. Ишь задрожал весь. Во-первых, Коба введен в состав Кавказского союза комитета РСДРП. Во-вторых, он теперь с Алешей Джапаридзе не разлей вода, особенно после прошлогодней стачки. В-третьих, он стал истинным большевиком, врагом меньшевизма. И наконец, самое главное — его избрали делегатом от Закавказья на конференцию в Таммерсфорсе...

— У-у, шакал, — с ненавистью воскликнул Степан. — Да, его так просто не свалишь. Сразу меньшевиком обзовут, да? Или того хуже... Что же делать, что делать? — Он замысловато выругался сначала по-азербайджански, потом по-русски.

— Не знаю. — Михаил допил вино, утер усы рукой. — За что купил, за то и продаю. Обязан был тебе все рассказать. Но... Может быть, мы тогда ошибались?

— Вот пусть бы он сам и ответил на несколько вопросов, да? Пусть бы рассеял наши подозрения. — Шаумян махнул рукой. — Куда там! Он даже разговаривать с нами не станет, такая большая шишка на ровном месте, да?

— Ну, я пошел, брат. — Глаза у Кудрина слипались, неодолимо клонило в сон. — Мне еще перетяся на другой край города.

— А ты у меня оставайся, — предложил Степан. — Я тебе на топчане постелю.

— А это удобно? — засомневался гость. — Хозяева ворчать не станут?

— Да ты что? — почти обиделся Шаумян. — Они мне как родные, да? Наоборот... Если отпущу так поздно, спросят: «Слушай, зачем человека на улицу выгнал ночью?»

— Ну ладно. — Михаил невольно улыбнулся. — Только чтоб хозяев не обижать.

Они легли в разных углах комнаты.

— Спокойной ночи, Миша-джан, — сказал Степан.

— Ага, — Кудрин зевнул и закрыл глаза. Но сон куда-то пропал. Он легонько пошевелился.

— Не спишь? — громким шепотом окликнул его Шаумян. — И мне не спится, да? Знаешь, друг, я вот что подумал... Если мы не можем свалить его по-честному... Но ведь и молчать нельзя, да? Давай пойдем по пути компромисса...

— Это как? — насторожился Михаил. — И нашим и вашим, что ли?

— Мы Кобу перехитрить должны, Миша-джан...

14. МАНИФЕСТ

---

*Июль 1905 года
Новый Петергоф*

49 человек по списку, утвержденному лично императором, разместились в зале на втором этаже дворца. Им предстоит решить вопрос о создании Государственной думы — выборного органа, который единственный, по мнению многих особо приближенных к царю людей, способен остановить кровавый ком революции. Председательствующий, сам император Николай Второй, предупредил всех о необходимости хранить абсолютную и строгую тайну обо всем, что будет здесь сказано. Однако уже через два месяца протоколы тайного заседания были опубликованы в одном из германских издательств. После обсуждения собравшиеся пришли к выводу, что принципы самодержавия останутся прежними и каждый член будущей Думы закончит присягу такими словами: «Обещаем перед всемогущим Богом исполнять возложенные на нас обязанности, как верноподданные самодержавного нашего государя».

При обсуждении каждой статьи будущего закона о Думе последнее слово оставалось за государем. Результатом петергофских дискуссий стал избирательный закон, рассортировавший население империи по трем категориям: землевладельческой, городской и крестьянской. Не получали избирательных прав рабочие, батраки и ремесленники, а также все женщины без учета возраста и социального положения, мужчины моложе двадцати пяти лет, учащиеся, военнослужащие и «бродячие инородцы».

Новому закону пришлось просуществовать недолго.

Уже 11 декабря царь подписал очередной документ, разработанный С. Ю. Витте. Главным здесь было учреждение четвертой, рабочей курии.

*Сентябрь 1905 года
Петербург*

Евно вот уже который месяц не покидало ощущение, что за ним следят, несмотря на то что Азеф «разоблачил» Веру Павловну Розанову перед товарищами по партии и эсеры убили «предательницу».

И он, опытный конспиратор, каждый раз пугался, выходя на улицу. Вот и теперь у него сжалось сердце, когда, едва выйдя из подъезда, он увидел на противоположной стороне улицы филера в гороховом пальто. По забыв о хладнокровии, Азеф снова шмыгнул в подъезд, взлетел на свой этаж, тщательно запер за собою дверь и, не раздеваясь, не сняв даже шляпы, уселся за стол писать письмо директору департамента полиции. Послание получилось раздраженным и сумбурным.

«Я не понимаю, чем заслужил подобное недоверие с вашей стороны, господин полковник, что вы приставили своих людей наблюдать за мною, — писал Азеф. — Это меня не только унижает, но злит, мешает работать. К тому же, как вам известно, я связан с эсерами. Не стану говорить, что сделают со мною «товарищи по партии», это, должно быть, несколько вас не тревожит. Но, почуяв за мною «хвост», они могут прервать со мною всяческие сношения и, таким образом, мне придется восстанавливать нарушенные связи, а это требует длительного времени, и никто не знает, каков будет результат. Прошу оградить меня от преследований со стороны охранного отделения.

С уважением *Евно Азеф*».

*Сентябрь 1905 года
Царское Село*

Григорий оглушительно чихнул.

Он сидел на диване, скромно сложив на коленях руки. Рядом примостилась Александра Федоровна. Аня Танеева читала им вслух.

— К правде, — сказал Распутин, перекрестившись. — А что, мама, находишь ли ты для души своей усладу в книжках ентих?

— Естешштвенно, — кивнула императрица. — Книги есть очень карашо для души...

Распутин сморщился.

— Так-то оно так, мама, — философски заметил он. — Да и не совсем. Все енти писаки есть исчадия дьявола, потому как отрывают человека от насущного.

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовалась Танеева.

Распутин хитро прищурился:

— А ты сама догадайся. Душою своею пойми.

— Кашется, я поняла. — Аликс поднялась с дивана и прошла по зале. — Как это говорится? Много знаний рошдают тоску?

— Многие знания — многие печали, — поправила ее Танеева. — Горе от ума.

— Ох, горе, горе, — поддакнул Распутин. — Все зло от ума лишнего происходит.

За этой беседой и застала их нянька, которая принесла в залу орущего цесаревича.

— Должно, заболели, — встревоженно сообщила она. — Как проснулись, так и плачут, плачут...

Аликс взяла малыша из нянькиных рук.

— Беби, беби, — целовала она ребенка в золотистую головку. — Что с тобою, ангел мой? Ну не надо, не плачь. Мама здесь...

Алексей кричал и вырывался.

— Цесаревич! — умильным тоном произнес Распутин. — Ангелочек! Царь наш, батюшка! Ну-ка, пойдн ко мне, пойдн...

— Не пойдет он, — категоричным тоном заявила нянька. — Он к чужим никогда не идет.

Но ребенок вдруг замолк, с интересом посмотрел на Распутина и протянул к нему свои ручонки.

— Иди, иди, — манил его к себе Григорий.

Он взял цесаревича, прижал его к себе, и слезы на глазах малыша мгновенно высохли.

— Дядя, — отчетливо сказал он, играя со спутанной бородой мужика. — Дядя.

— Дядя, дядя! — обрадованно подтвердила мать. — Дядя кароший...

— Новый, — пролепетал ребенок.

— Вы слышали? — ахнула царица. — Слышали, что он сказал? Новый... Это, Григорий, он не фидел тебя ранее и назфал новим... Ах ты, ангел мой!

А цесаревич уже заливался звонким смехом.

— Невероятно! — прошептала Танеева. — Я никогда его таким не видела.

— Таперича увидишь, — пообещал Распутин, забавляясь с малышом. — Таперича он здоровым будет. Пока я рядом...

*Сентябрь 1905 года
Петербург*

Несколько раз вызывал к себе следователь сожителя убиенной Веры Павловны Розановой Михаила Бакая, но никаких новых сведений добыть не удалось. Следователь пребывал в растерянности, зато Михаил после двух месяцев жесточайшей депрессии знал, что ему делать.

В один из сентябрьских вечеров, когда директор департамента полиции Герасимов собирался уходить, размышляя, куда ему ехать — домой или к Головиной, ему доложили о том, что некий молодой человек просит срочно принять его по важному делу.

— Я никому не назначал аудиенции, — заявил жандарм. — Но если дело у него столь важное, что он решился обратиться именно ко мне, пусть придет завтра.

— Этот молодой человек просился и вчера, и третьего дня, — доложил адъютант. — Более того, он уже несколько ночей дежурит на улице подле департамента.

— Кто таков? — нахмурился Герасимов.

— Назвался Михаилом Ефимовичем Бакаем, студентом университета.

— А что за дело?

— Не говорит. Дескать, должен поведать вам конфиденциально.

— А не террорист? — внезапно спохватился директор департамента.

— Не похож.

— Все они не похожи, — пробурчал Герасимов. — Актеры... А зайдет такой актер — и поминай как звали...

— Что прикажете передать?

— Пусть гуляет до завтра... А впрочем, нет. — Герасимов задумчиво потер подбородок. — Вели охранникам обыскать хорошенько и впустить. Ты будешь находиться здесь, в кабинете, при мне...

Через некоторое время в сопровождении адъютанта в кабинет вошел среднего роста молодой человек лет двадцати семи — двадцати восьми.

— Ну-с, — всем своим видом выражая недовольство, сказал директор департамента, — какое там у вас срочное дело?

— Господин полковник, недавно в собственной квартире была убита дворянка Вера Павловна Розанова. Следствие по раскрытию этого преступления зашло в тупик. Но я полагаю, мне известно, кто убийцы...

— И ради этого вы пришли ко мне? — вскипел Герасимов. — Да известно ли вам, чем занимается департамент полиции?

— Известно, — твердо сказал Михаил. — Но вы не дослушали до конца. По моему мнению, Вера Павловна была убита своими товарищами по партии эсеров. Перед своей смертью она назвала мне имя некоего Азефа, который, с ее слов, является руководителем Боевой организации.

— Этот нам известен, — усмехнулся Герасимов.

— Но я могу помочь вам найти этого Азефа!

— Интересно, — усмехнулся директор департамента. — Каким это образом?

— Внедряюсь в доверие к членам Боевой организации эсеров...

Герасимов поднял на Михаила тяжелый взгляд.

— Молодой человек, в каком году вы родились?

— В восемьсот восемьдесят девятом, — пролепетал сбитый с толку Бакай.

— Не маленький уже, а рассуждаете, как младенец. Вы что, полагаете, эсеры в бирюльки играют? Вы их недооцениваете. Они великие конспираторы и к себе

посторонних не допускают. Так что, молодой человек, благодарю вас за ценные сведения. Идите, мы тут без вас разберемся.

— Но, господин полковник! — с отчаянием в голосе воскликнул Бакай. — Прошу вас, воспользуйтесь моими услугами! Вдруг я все-таки выйду на эсеров, найду этого Азефа! Позвольте мне служить вам!

Герасимов рассмеялся.

— Видал, — обернулся он к адъютанту, — как человек хочет государству помочь? Ну что с вами делать... Хорошо, пойдите завтра к начальнику охранного отделения, пусть возьмет вас на работу с жалованьем... — он немного подумал, — ...ну вот хоть двадцать рублей в месяц. Сошлетесь на меня. А поручение дам вам лично. Вот какое: живет на Гороховой, тринадцать, некий господин Иван Павлович Раскин, называющий себя коммерсантом. Вы должны проследить, куда он ходит, в какое время выходит из дому и возвращается, кто наносит ему визиты...

— Спасибо! — искренне поблагодарил Бакай. — Вы во мне можете быть уверены!

*Сентябрь 1905 года
Петербург*

— Я не представляю себе, чем закончится эта смута, — жаловалась государыня. — И о чем думает Николай. Все, что происходит, это ужасно, ужасно. Мой покойный супруг государь Александр Третий никогда бы не допустил такого. И самое неприятное, что именно теперь Николай отдалился от меня, полностью попав под каблук ужасной Аликс.

По приглашению вдовствующей императрицы Марьи Федоровны у нее завтракал Сергей Юльевич Витте.

— Мне кажется, вы несколько преувеличиваете, ваше величество, — осторожно возразил опытный царедворец. — Александра Федоровна, напротив, не принимает участия в государственных делах, полностью отдавшись семье...

— В том-то все и дело! — с досадой воскликнула

Марья Федоровна. — В том-то и дело, что золотка постоянно держит Николая подле себя, не понимая, что он все-таки не частное лицо, но самодержавный монарх России! Неужели она не понимает, что государство теперь на краю пропасти и что вместо прогулок по царскосельскому саду император должен искать выход? О, как я жалею, что на престоле Николай, а не Михаил! Нынешний государь слишком слабохарактерен, а России сегодня нужна крепкая власть, нужен диктатор! Да, кстати, скажите, Сергей Юльевич, правда ли, что Николай обращался к великому князю Николаю Николаевичу с просьбой стать военным диктатором?

Витте колебался. Он не знал, каким образом этот факт стал известен Марье Федоровне. Императрица пристально смотрела на министра.

— Видите ли, — наконец сказал Витте, — вы сами говорите, ваше величество, что России нужна крепкая рука. А великий князь...

— Он отказался? — прервала его императрица вопросом. — Отказался?

— Он отказался, — подтвердил Сергей Юльевич.

Императрица откинулась на спинку стула.

— Бог его знает, может, лучше было бы отдать ему престол... — пробормотала она.

Витте промолчал.

— Вы готовите манифест о даровании свобод? — сухо спросила Марья Федоровна.

— Он уже готов, ваше величество.

— Мне это не по душе. Подписание этого документа есть отказ от самодержавной власти. Конституционная монархия — это уже не власть.

— К сожалению, манифест о даровании свобод — это лучшее, что можно сейчас придумать. Война с Японией проиграна, неурожай, рубль девальвируется, хотя вы знаете, ваше величество, как много я сделал для того, чтобы обеспечить наш рубль золотом и обратить в конвертируемую валюту... По стране ходят бумажные деньги, мусор... Россия после войны по уши в долгах. Народ обнищал, обозлился. Те меры давления, которые принимало министерство внутренних дел под руководством покойного Плеве, дают о себе знать сейчас. Пружина распрямилась, и единственное средство — по-

слабление во внутренней политике государя как для русских, так и для инородцев.

— Не думаю, — сказала Марья Федоровна, подымаясь и тем самым давая понять, что завтрак окончен. — А впрочем, Сергей Юльевич, я вам по-прежнему доверяю. Вы верно служили моему супругу, его отцу, и я надеюсь, не посоветуете плохого моему сыну.

— Если бы ваш сын прислушивался к моим советам... — вздохнул Витте, склоняясь к руке государыни.

*1 октября 1905 года
Петербург*

Лица в неярком свете лампы было не разглядеть, только видно было, что человек, сидящий в кабинете директора департамента полиции, одет в дорожное пальто и щегольские башмаки.

— Меня не удовлетворяет работа наблюдателей, приставленных следить за Григорием Распутиным, — мягким, чуть ли не заискивающим тоном говорил ему Герасимов. — Именно поэтому я и обратился к вам, господин Песчаный.

Песчаный поднял голову и усмехнулся. У него было млаожавое, довольно приятное лицо.

— Выудили, так сказать, из архивов?

— Считайте, что так. Поверьте, я никогда бы не потревожил вас, если бы не вынужденные обстоятельства. Грязный сибирский мужик втерся в доверие к императрице, ездит в Царское Село как к себе домой, и, естественно, если он узнает об организованной за ним слежке, немедленно доложит ее величеству, и многие головы полетят, в том числе моя. А не следить за ним мы не можем: есть подозрение, что это переодетый революционер. Я считаю, что вы, только вы с вашим опытом, тонкостью, профессионализмом можете взять Распутина под наблюдение.

— Сколько? — спросил Песчаный.

— Рублей двести вас устроит?

— Двести пятьдесят. И адрес.

Герасимов что-то черкнул на листке бумаги, добавил:

— Но вы понимаете, информация должна быть самой полной и всесторонней. Сведения передавайте лично мне. И естественно, полная конфиденциальность.

Песчаный тонко усмехнулся.

*17 октября 1905 года
Петергоф*

— Только нездоровый челофек мошет решиться на подопные деяния. — Императрица приложила ладонь ко лбу Николая. — Разве ты не понимаешь, что, подписав сию гнусную бумагу, ты сам из-под себя выбифаешь престол?

— Но, солнышко, министры пришли к выводу, что, только даровав свободу, мы избавимся от революции, — беспомощно возразил Николай Александрович. — И потом, принципы самодержавия сохраняются...

— Вздор! — раздраженно бросила императрица. — Чушь и ерунда! Либо сфобода, либо — самодержафие! А ты идешь на поводу у либералов, которые хотят сделать из тебя игрушку! Тфой любезный Витте роет тебе могилу! Здесь не просфещенная Англия, чтобы строить конституционную монархию, здесь дикий метфежий угол!

— Аликс...

— Нет-нет! И слышать ничефо не хочу!

— Но великие князья, дяди Николай и Владимир...

— Этот длинный Николай себе на уме: он отказался от диктаторства только для того, чтобы усыпить тфою... как это будет по-русски?

— Бдительность, — подсказал супруг.

— Фот именно. А когда после манифеста по-настоящему разразится рефолуция, он сделает дфорцофый перевоорот и займет трон. Не возвращай! — топнула она ногой, заметив, что Николай хочет что-то сказать.

Николай протяжно беззвучно вздохнул.

— А Владимир, — продолжала императрица, нервно разгуливая по спальне, — о, ему абсолютно фсе рафно. Лишь бы была фодка и женщины. Это ваше русское пьянство...

— Прости, дорогая. — Николай суетливо взглянул

на часы. — Мне нужно спуститься вниз. Князя, вероятно, уже приехали...

— Ники, запомни, ничего не подписывай, — строго напомнила Аликс, грозя мужу пальцем. — Потеряешь престол, станешь марионеткой. Подумай о сыне! Этот трон его! — крикнула она вслед, когда царь уже почти бегом спускался по лестнице.

Действительно, дядя уже ждали Николая. Они сидели на веранде, обращенной окнами к заливу. Владимир потягивал коньяк.

— Ники, — сказал Длинный, — мы привезли бумагу. Нужна твоя подпись.

— Я передумал, — еле слышно сказал монарх. — Пока подписывать ничего не буду.

Владимир вылупил глаза.

— Ты понимаешь, что ты говоришь? Ведь все уже решено...

— Я полностью отдаю себе отчет во всем, что делаю, — немного громче сказал царь. — И, поразмыслив немного, пришел к выводу, что огласить манифест в том виде, в каком он сейчас существует, значит погубить империю.

— Но нет больше времени переделывать проект, — возразил Длинный.

— А почему ты решил, что я хочу его переделать? Нет, я все хочу оставить как есть. Народ наш слишком темен и необразован для того, чтобы пользоваться свободой. А это значит, что, вручая ему манифест, мы даем спички в руки неразумному ребенку. России нужен самодержавный монарх, единоличное правление. Вы считаете, что я слишком мягок. Хорошо, я уйду с арены, но вместо меня должен остаться человек, в руках которого по-прежнему будет сосредоточиваться вся власть. — Царь говорил теперь громко, но на собеседников глаз не поднимал. — Николай Николаевич, я в последний раз спрашиваю тебя совершенно официально: согласен ли ты возглавить военную диктатуру?

— Говорю тебе в последний раз и совершенно официально: нет.

— Но революция... — растерянно пробормотал Владимир, залпом выпив остаток коньяка.

Монарх подошел к окну и сдвинул в сторону штору.

— Посмотри, — предложил он.

Владимир подошел к нему.

— Что ты видишь? — спросил царь.

— Море... облака... по-моему, начинается шторм...

— А революцию видишь?

— Нет...

— И я не вижу. — Николай аккуратно расправил на шторе складки. — Не вижу — и все!

— А что же, по-твоему, сейчас происходит? — поинтересовался Длинный.

— Уж во всяком случае, не революция, — парировал монарх. — Революция была во Франции, и сделана она была отнюдь не руками мужиков. Мужики — лишь орудие. Для революции им нужен вдохновитель, которого у нас нет.

— Ты либо слепец, либо безумец, — в ярости сказал Длинный. — Не хочешь замечать очевидного. Вдохновителей сколько угодно, и даже под твоим собственным носом, черт побери!

— Ребята, не ссорьтесь, — миролюбиво попросил Владимир, наливая себе очередную порцию. — Мое мнение таково: пусть нет революции, но есть большая смута. Время беспокойное, армия в разброде, усмирять бунтовщиков некому... Все проходит, и это пройдет.

— Да, — подхватил его мысль Длинный, мгновенно успокоясь. — Поэтому ради сиюминутной выгоды не стоит лезть на рожон. Подпиши бумагу, пусть думают, будто будут послабления в политике...

— Вы совершенно правы, — кивнул Николай. — Но бумагу я не подпишу.

К полудню совершенно обессилевший великий князь Николай Николаевич позвонил Сергею Юльевичу Витте...

— Ваше величество, — сказал министр, — я вам не советую ходить на ненадежном судне по открытому океану. Переждите грозу в гавани. Эту паузу выжидания дает вам манифест о свободах. Переждав в тихой гавани непогоду, вы сможете взять прежний курс. У вас снова будут развязаны руки.

— Нет.

— Ваше величество, в таком случае я познакомлю вас с последними известиями, поступившими сегодня утром в правительственную канцелярию. Общее число бастующих по империи перевалило за миллион, а число бунтующих крестьян — за три миллиона. Число разгромленных помещичьих усадеб достигло двух тысяч. Отмечены бунты в войсках, возвращающихся с Дальнего Востока. Считаю своим долгом предупредить вас, что, если выступления крестьян, мастеровых и солдат сольются воедино, а, судя по развитию событий, так оно и произойдет, если маневр с манифестом не состоится, вашему величеству с семьей придется эмигрировать из России. Кстати, сегодня утром получена телеграмма из Берлина. Кайзер спрашивает, не желает ли ваше величество, чтобы на случай экстренного выезда из Германии в Петергоф послан был миноносец?

В комнате повисла пауза. Она длилась бесконечно долго. Когда наконец царь обратился к великому князю Николаю Николаевичу, голос его снова был еле слышен:

— Но теперь-то ты понимаешь, что необходима военная диктатура? Прошу тебя, согласишься...

Длинный выхватил из кобуры пистолет и приставил себе к виску:

— Или я застрелюсь, или ты немедленно подпишешь манифест!

Николай перекрестился, подошел к столу, подвинул к себе бумаги и задумался. Потом решительно взял ручку и поставил свою подпись.

Было пять часов пополудни...

Когда уехали великие князья и счастливый Витте, увозя с собой подписанный царем документ, Николай почувствовал страшное опустошение и дикую головную боль.

«После такого дня голова стала тяжелой и мысли стали путаться, — записал он в своем дневнике. — Господи, помоги нам, умири Россию».

15. «МЕРТВЫМ - СВОБОДА, ЖИВЫХ - ПОД АРЕСТ»

Октябрь 1905 года

— А гуляй, Расея-я! — вопили пьяные мужики, вываливаясь из трактиров на улицы. — Гуляй, Расея, свобода народу!

И под гармошку, свист и улюлюканье пускались вприсядку прямо на грязных и заплеванных мостовых.

Манифест встречали с энтузиазмом.

В церквах служили благодарственные молебны. На митингах ораторы поддерживали государево «дарование свободы». Рабочие братались с солдатами. Оптимисты предсказывали начало спокойных дней, говорили о единении.

У измученных войной, голодом, забастовками и террором людей появилась надежда.

Но длилось это благолепие всего несколько дней.

В день опубликования манифеста революционеры праздновали первую победу над царской властью, требовали окончательного свержения самодержавия, освобождения политических заключенных и злорадно рвали портреты Николая Второго.

В ответ на это местные власти организовывали патриотические шествия с иконами, портретами царской семьи, национальным флагом и пением гимна. Огромные толпы людей шли по улицам в сопровождении солдат и полицейских: к ним присоединялись уголовники, бродяги, чернорабочие, мелкие торговцы, подростки. Настроение было агрессивным. И началось...

В день опубликования манифеста были обстреляны солдатами революционно настроенные манифестации в

Петербурге. В Саратове, Казани, Полтаве, Ярославле, Кишиневе жестоко избивали гимназистов, студентов, интеллигентов. В Минске войска без предупреждения стреляли в многотысячную толпу, и «место, где народ встретил манифест о даровании свободы, было покрыто горами тел и лужами крови». Здесь погибло пятьдесят человек, ранено больше ста.

В Юзовке уголовники и бродяги кидали в доменные печи участников демонстрации — в честь «дарования свободы».

В Томске толпа подожгла здание городского театра, где собрались демонстранты с красными флагами. Погибло более двухсот человек.

И снова — еврейские погромы, спровоцированные все тем же департаментом полиции.

Прокламации «против революционеров, поляков, армян и жидов» пачками вывозились в провинцию с разрешения начальника тайной типографии жандармского ротмистра Комиссарова и с молчаливого одобрения вышестоящих полицейских чинов. Текст воззваний был прост и доходчив, и распространяли эти листовки в основном среди крестьян:

«Ко всем истинно русским людям! На этих днях социал-демократы в сговоре с другими революционерами и жидами, этими извергами рода человеческого, ранили царя-батюшку нашего, который от горя уже успел поседеть».

Первая телеграмма о погроме пришла 18 октября 1905 года. И затем чуть ли не каждый час телеграф приносил в Петербург все новые и новые сообщения с мест.

Нежин:

«Весь день и всю ночь продолжается разгром еврейского имущества. Много раненых. Есть убитые».

Ростов-на-Дону:

«Картина разрушения не поддается описанию. Много убитых, раненых, особенно евреев».

В Киеве разгром продолжался три дня с перерывами на... ночной сон. В дни погрома профессора Политехнического института послали в Петербург телеграмму: «Город залит кровью, войска неистовствуют. Именем общественного спасения просим вас о немедленном изъятии власти из рук военного начальства: всякий час промедления грозит величайшим кровопролитием».

Погром в Одессе был самым жестоким и длился четыре дня. Пятьдесят тысяч человек остались без крова, их временно разместили во дворе еврейской больницы и в аудиториях университета. В братской могиле похоронили двести пятьдесят человек, но это далеко не все жертвы.

По официальной статистике, за двенадцать дней октября при столкновениях и погромах в России было убито восемьсот девять евреев. Ранено около двух тысяч человек. Некоторые сошли с ума от нервного потрясения, умерли от ран. Изнасилованные женщины кончали жизнь самоубийством. От грабежей пострадали двести тысяч человек.

В эти дни родилась «Черная сотня».

Из воспоминаний С. Ю. Витте:

«Вся пресса обратилась в революционную в том или другом направлении, но с тождественным мотивом — «долгой подлой и бездарное правительством, или бюрократию, или существующий режим, доведший Россию до такого позора»... в последний год образовался ряд союзов — союз инженеров, адвокатов, учителей, академический (профессоров), фармацевтов, крестьянский, железнодорожных служащих, техников, фабрикантов, рабочих и прочих и, наконец, союз союзов, объединивший многие из этих частных союзов... В этих союзах принимали живое участие Гучков, Львов, князь Голицын, Красовский, Шипов, Стахович, граф Гейден... К этому союзу присоединились и тайные республиканцы, люди большого таланта, пера и слова и наивные политики: Гессен, Милюков, Гредескул, Набоков, академик Шахматов... Все эти союзы различных оттенков, раз-

личных стремлений были единодушны в поставленной задаче — свалить существующий режим во что бы то ни стало, а для сего многие из этих союзов признали в своей тактике, что цель оправдывает средства, а потому для достижения поставленной цели не брезгали никакими приемами, в особенности же заведомой ложью, распускаемой в прессе. Пресса совсем изолгалась, и левая так же, как правая...

В балтийских губерниях революция выскочила несколько ранее.

На Кавказе целые уезды и города находились в полном восстании, происходили ежедневные убийства...

Царство Польское находилось почти в открытом восстании, но революция держалась внутри...

Вся Сибирь находилась в полной смуте...»

С февраля 1905 по май 1906 года совершено 15 покушений на губернаторов и градоначальников, 267 — на строевых офицеров, 12 — на священников, 29 — на торговцев...

Терроризм вышел на улицы...

*18—19 октября 1905 года
Саратов*

— Резню остановить любыми способами, — распорядился Столыпин. — Вывести весь гарнизон.

Известия о первых столкновениях местной интеллигенции с черносотенцами поступили к губернатору в полдень 18 октября.

— Но, господин губернатор, боюсь, это уже невозможно сделать без посторонней помощи, — возразил полицейский начальник. — Столкновения происходят в разных концах города, и, к сожалению, есть сведения о том, что наши люди переходят на сторону извозчиков и сами участвуют в избиениях. Таких немного, но...

Столыпин побагровел:

— Под суд... На виселицу... Сволочи... — Он обернулся к секретарю: — Немедленно сообщить о положении дел в Петербург. Пусть высылают подмогу. И велите сию же минуту приготовить мой экипаж...

— Господин губернатор, — запротестовал начальник полиции, — Петр Аркадьевич, вы не можете сейчас выезжать куда-либо, убьют...

— Вы тоже поедете со мною, — резко оборвал его Столыпин.

В центре города шли бои. Пылало несколько мелких лавочек, которые содержали евреи. В здании реального училища был учинен разгром: столы, стулья, географические карты, разорванные в клочья, падали с верхних этажей на тротуары. Черносотенцы выволокли на улицу директора и жестоко его избили. Одна из центральных улиц была перегорожена баррикадой из мебели и мешков с тряпьем и продовольствием.

— Стой! — закричал кучеру Столыпин.

— Петр Аркадьевич! — Начальник полиции схватил губернатора за рукав.

Но Столыпин выругался, выдернул руку и выскочил из кареты.

— Батюшка Петр Аркадьевич! — Вдрабадан пьяный мужик, который по причине тяжелого психофизического состояния уже не мог участвовать в побоище, бухнулся под ноги губернатору и принялся лобызать его сапоги. — Кормилец наш!

Столыпин брезгливо оттолкнул его в сторону и принялся взбираться на баррикаду.

— Разойдись! — кричал он, срываясь на фальцет. — Прекратить!

От неожиданности обе враждующие стороны остолбенели.

Столыпин стоял на вершине баррикады, как герой французской революции. Он был один, без охраны, совершенно незащитный перед остервенелыми людьми.

— Разойдись! — прокричал он, затравленно озираясь вокруг.

Мимо его уха просвистел камень.

— Царская сволочь! — крикнул кто-то из толпы.

Столыпин резко обернулся, но вдруг сказал совершенно спокойно:

— Послушайте, вы! Не думайте, что своими выступлениями вы сможете запугать меня. Даже если убьете меня — на мое место придет другой.

— Долой самодержавие! — прокричал тот же голос.

— Свободу дали не для того, чтобы убивать, — продолжал Столыпин. — Свободой надо уметь пользоваться. Вы же, почувствовав вольный ветер перемен, учинили разгром и смертоубийство. Вы сами пытаетесь доказать, что не можете жить без диктата. Да, в последние годы было совершено много ошибок, но царь и правительство пытаются исправить их, даровав народу конституцию. С Божьей помощью все ошибки, совершенные ранее нынешним императором и его предшественниками, будут исправлены. Но для этого нужен мир. Мир! Неужели мало людей погибло в войну и умерло от голода? Неужели свобода дана для того, чтобы пошел брат на брата и вчерашние друзья превратились бы в злейших врагов? Остановитесь! Ибо эта бойня ничего не принесет, кроме новой крови и ненависти!

Столыпин видел, как какой-то молодой человек, подобрав с земли увесистый бульжник, прицеливается, чтобы бросить в него. На счастье, это движение заметил и стоящий в толпе полицейский. Он схватил террориста за руку в последнюю минуту. Люди, стоящие вокруг, зашумели. Толпа снова наэлектризовалась.

— Отпустите его! — крикнул Столыпин полицейскому, который вместе с арестованным пытался прорваться сквозь толпу.

— Господин губернатор... — Полицейский в растерянности остановился, цепко держа молодого человека за вывернутую назад руку.

— Я вам, вам говорю! — повторил Столыпин.

Лицо арестованного пошло красными пятнами.

Полицейский ослабил хватку.

— Совсем отпустите! — настаивал губернатор с вершины баррикады.

Молодой человек растирал затекшую руку. И вдруг стоявший рядом с ним бородач булочник рухнул на колени.

— Милосердный! — истерически завопил он. — Ангел!

Один за другим стали опускаться на колени люди и по одну, и по другую сторону баррикады. Старики крестились. Гимназисты в порванной форме недоуменно

переглядывались и с восторгом взирали на бесстрашно-го губернатора.

— Разойдитесь по домам, — попросил Столыпин. — Христом-Богом прошу...

Когда он вернулся в карету, у него дрожали руки. Бледный начальник полиции промокал платком холодный пот на лбу.

— П-петр Аркадьевич... — От волнения он начал заикаться.

— Везите меня домой, — тихим голосом сказал Столыпин. — Мне нехорошо...

Весть о геройстве губернатора в тот же день облетела весь Саратов. Но бойня не прекратилась. На следующий день в городе послышались выстрелы — подоспело подкрепление. Спокойствие в городе было восстановлено ценой жизни нескольких десятков человек. Когда войска ушли, Столыпин слег с тяжелым сердечным приступом.

*12 сентября 1905 года
Туруханский край*

— Я тебя понимаю. — Яков тряхнул копной вьющихся волос. — Жизнь ссыльного — далеко не сахар, особенно зимой. — Он поднял с пола сапог, который в него только что запустил Коба, и аккуратно поставил его рядом со вторым у топчана товарища.

— Но сейчас, во-первых, лето. Есть чем заняться. Посмотри, каждый из наших нашел для себя какое-нибудь дело...

Коба невнятно выругался по-грузински и снова швырнул в Свердлова сапогом.

— Я понимаю, к этому аргументу ты прибегаешь только потому, что все остальные исчерпаны. — Стараясь не выходить из себя, Яков вернул сапог на место и перелистал стопку писем от других сосланных. — Так вот, возвращаясь к вышесказанному, даже здесь можно учить людей, лечить, заниматься различными ремеслами...

— Вот и занимайся, да? — буркнул Джугашвили. — А мэна остав в покое.

— Друг! — Свердлов простер руки в сторону топчана товарища. — Если тебя не привлекает продуктивная деятельность, ты можешь наслаждаться и отдыхать. Сам подумай: охота, рыбалка, грибы, ягоды... И материально нам сразу стало бы легче, и припасы сделали бы...

— Слушай, надоэл, да? — Сосо повернулся к Якову, его изрытое оспинами лицо пожелтело, в глазах горела ненависть. — Нэ отравляй мнэ жизн, да? Цэлый дэнь ля-ля-ля, ля-ля-ля... Совсэм запилил, да?

Свердлов снял и протер стекла пенсне, чтобы скрыть смущение.

— Возможно, ты прав и я несколько переборщил в своих попытках пробудить тебя от спячки. В таком случае прошу за это прощения. Но, Иосиф, нельзя же целыми днями валяться лицом к стенке, ничего не делая и игнорируя всякое общение! Мы друг друга не выбирали... Но коли уж нам выпала доля делить заточение, нужно по меньшей мере проявлять терпимость, такт и добрую волю...

— Снова завел шарманку! — с тоской ткнул кулаком подушку Коба. — Эсли нэ заткнеш фонтан, я тэбя задушю! Чэстное слово, да?

— Извини, Иосиф, — твердо возразил Свердлов, — но на этот раз ты тоже задел меня за живое. Вспомни, давеча ты назвал меня оскорбительными словами. Помнишь? Они прозвучали, эти безжалостные слова, грубо попирающие мое человеческое и национальное достоинство. «Жидовская морда»... Вопиющее событие! Ты же революционер, сознательный борец против самодержавия! И не можешь не знать, как царизм угнетает еврейских рабочих, ремесленников, крестьян... Ты и сам относишься к так называемым инородцам, национальным меньшинствам, которых представители великодержавного сознания за людей не считают... Такого я от тебя не ожидал!

Он обиженно сел на свой топчан и раскрыл том Маркса. В комнате стало тихо, и Джугашвили блаженно закрыл глаза.

Вот чего ему хотелось: тишины, покоя и одиночества. Если бы можно было безнаказанно убить говорливого Якова, он бы сделал это, ни на минуту не задумываясь и не испытывая угрызений совести.

— Светлая голова! — неожиданно громко воскликнул Свердлов, подчеркивая ногтем особенно понравившуюся строчку в книге Маркса. И, обернувшись в сторону товарища, он, забыв про старые обиды, миролюбиво спросил: — Ты, надеюсь, читал «Капитал»? Правда, потрясающая вещь? Если желаешь, мы обсудим ее. Но, возможно, тебе не удалось познакомиться с данной работой Маркса... В таком случае мы могли бы читать ее вместе. И разобрать по главам...

Сосо пошевелился и яростно поскреб под мышками. В воздухе явственно запахло немывтым человеческим телом.

Яков, который испуганно было затих, брезгливо наморщил нос:

— Да, кстати, пару слов надо сказать о необходимости личной гигиены... Раз уж ты не склонен к занятиям самоподготовкой... Воды-то здесь хватает, и она, слава... хм, о Боге лучше не упоминать... она, я хотел сказать, совершенно бесплатная... Да и кусок мыла у нас еще есть. Так вот, не растопить ли нам баньку? Как ты смотришь на мое предложение? — Он бодро потер ладони.

Джугашвили что-то пробурчал из своего угла.

Свердлов прислушался.

— Не понял, — извиняющимся тоном произнес он, — ты одобряешь мою затею или нет? Пойми, Коба, дело не в личных симпатиях и антипатиях... Чистота, во-первых, — залог здоровья. А твое здоровье нужно не только тебе — оно необходимо партии, необходимо тысячам, десяткам тысяч людей! Думаешь, это слишком громко сказано? Нет, товарищ, нельзя недооценивать роль личности революционера в истории... Так о чем это я?

Стало слышно, как Сосо скрипит зубами.

— Кстати о чистоплотности... — продолжал Свердлов. — Питаемся мы в основном здоровой и полноценной пищей, однако после еды между зубами остаются мельчайшие остатки пищи... А это, я читал, прекрасная питательная среда для разнообразных микроорганизмов. Отсюда всякие зубные хвори, от кариеса до цинги. Совсем ведь нетрудно, Иосиф, истолочь немного березового угля и почистить зубы... А пространство

между зубами? Казалось бы, чего проще? Размочалить тонкую веточку и использовать ее вместо щетки... Я уж не говорю о посуде. Припомни, когда ты в последний раз мыл свою миску и ложку?

— Черт побэри! — донеслось с соседнего топчана.

— То-то и оно! — обрадовался Яков, ошибочно истолковав восклицание товарища. — А ведь в акте мойки посуды нет ничего экстраординарного или героического. Это повседневная, будничная, незаметная работа, которая помогает не распускаться, не впадать в депрессию... Мы, революционеры, всегда должны быть наготове... В любой момент партия может сказать: «Встань...»

Джугашвили встал, накрутил портянки, отчего злобоние в небольшом помещении усилилось, сунул ноги в сапоги... Свердлов следил за ним, восхищенно затаив дыхание. Наконец, не выдержав, он радостно заметил:

— Вот видишь, как хорошо мы понимаем друг друга! Признаться, мне неловко поминутно давать тебе советы, ты ведь старше меня и опытней во многих отношениях... Но здесь, в условиях ссылки, наш возраст незаметно как бы уравнился, и старшинство зависит от присутствия духа, а не от количества прожитых лет...

Коба посмотрел на него желтым горящим взглядом, сжимая и разжимая кулак.

— Жидовская морда, — процедил он.

А потом вышел и хлопнул за собой дверью.

*1 ноября 1905 года
Царское Село*

— Он оччень мил, ты увидишь, — говорила императрица мужу. — Только не оччень фоспитан... Но его нельзя финить: в России фсе мушки такие... Прошу тебя, Ники, не обрасчай внимания, когда он станет утирать нос рукафом, он, бедный, сам страдает...

— Хорошо, солньшко, хорошо, — покорно согласился Николай. — Я сделаю все так, как хочешь ты.

Распутина ждали к обеду. Стол был уже накрыт, часы пробили восемь, а Григория все не было. Несколько раз сдержанная Аликс подбегала к окну — не едет ли.

Она начала нервничать. В половине девятого, с опозданием, приехали великий князь Николай Николаевич и Стана.

И только в четверть десятого доложили о визите Анны Танеевой и Распутина.

Григорий шагнул в зал, вдруг истоиво перекрестился и бухнулся в ноги государю.

— Батюшка, — запричитал он. — Папа наш!

— Что ты, что ты, встань, — засуетился Николай.

Но мужик на коленях подполз поближе и начал целовать мягкие царские сапоги.

— Поднимись, — уговаривал его растроганный монарх, — пожалуйста...

Наконец Григорий встал с колен.

— Знакомься, Ники, это тот самый Григорий Распутин, — представила его Аликс мужу.

— Наслышан. — Николай не без брезгливости побратски хлопнул по распутинскому плечу, обтянутому ветхим и грязным пиджаком. — «Новый дядя», — усмехнулся он, вспомнив рассказ жены о первом знакомстве цесаревича со старцем. — Отчего у тебя фамилия такая?

— Дык... — замялся Григорий, — должно, кто-то из дедов распутничал много...

— Похоже... — Николай с интересом разглядывал статную и рослую фигуру. — Ты тоже, говорят, без женщин не обходишься, так?

— Дык... — Распутин переступал с ноги на ногу. — Я это...

— Без женщин жить нельзя на свете, нет! — напел Длинный.

— Дык...

— Ну хорошо, хорошо, не буду больше тебя смущать, — рассмеялся Николай, поймав на себе укоризненный взгляд жены. — А фамилию твою мы сменим. Будешь хотя бы... — Николай задумался, бормоча под нос «новый дядя, новый дядя», — будешь да вот хоть Новым или Новых. Устраивает?

— Благодарствую, батюшка, — похоже, Распутин снова собрался кинуться царю в ноги.

— Хфатит, хфатит! — внезапно захлопала в ладоши

царица. — Пойдемте обедать! Прафду сказать — я голодна!

Она взяла Распутина под руку и повела в столовую. Царь галантно предложил руку Ане Танеевой.

Перед трапезой Григорий перекрестился и благословил еду. Александра Федоровна посадила его возле себя.

— Попробуй, Григорий. — Она собственноручно налила ему в бокал шампанское.

Распутин поднес бокал ко рту, сделал глоток и вдруг закашлялся, обрызгивая все вокруг. Лицо его покраснело, глаза, казалось, сейчас вылезут из орбит.

— Кхе-кхе, мама, — с трудом проговорил он. — Чаво ты мне заразу такую дала? Извести меня хочешь?

— Что ты?! — испугалась императрица. — Это же шампанское! Это лючшее вино! Просто ты не прифык...

— Кхе-кхе... — никак не мог откашляться старец. — Зараза какая. Не, мама, я ентова не буду.

— Водочки? — услужливо подскочил подавальщик.

— От нея разум мутится, и человек зверем становится. Не пью я ее, проклятую.

— Поди вон, — бросила царица подавальщику. — Водки не надо.

— Слушаюсь-с... — Подавальщик бесшумно исчез за дверью.

— А что ж ты, братец, пьешь? — поинтересовался царь, проводив подавальщика тоскливым взглядом.

— Он, Ники, мадерку предпочитает, — хихикнула Стана.

— Люблю мадерку-то, — кивнул Распутин. — У нея и вкус приятный, и воняет не шибко. Только, вишь, папа, ты из чаво пьешь. — Он перегнулся через стол и бесцеремонно взял из царских рук бокал. — Из румки. А из ея разве напьешься? Мне кружку бы поболее...

Николай вызвал прислугу, и тут же из кухни принесли большую жестяную кружку. Распутин выпил и крякнул:

— Хорошо пошла. Дай Бог, чтоб не последняя.

— А чего ж ты, братец, не закусываешь? — поинтересовался император.

Но Григорий вместо ответа вдруг оперся головою на локоть, разбив при этом тарелку и бокал, и уставился на царя пронизательными своими глазами:

— Вот гляжу я на тебя и думаю: чистый ты человек, папа, светлый... Со мной, мужиком, сидеть за одним столом не брезговаешь, даром что царь. Это ж который из царей-то с мужиком за столом сиживал? Только Петр Великий, поди... А ты и беседоваешь... И вот спрашиваю я: за что тебе напасть такая? Чаво они все от тебя хотят?

— Да, — вздохнула императрица. — Ники никогда никому не делал зла. За что ему все это?

— А енто Господь испытание на тебя наслал, — по-прежнему глядя на царя, сказал Распутин. — Господь Бог наш — он как родитель. Кого из детей любит — того воспитывает. Хороший отец — он завсегда чадо свое в строгости держит. Так и Господь... Терпи, папа, терпи... Сейчас от Господа кнута получаешь, потом прятник даст. Терпи, недолго уж осталось...

Николай, как замороженный, не мог отвести взгляда от светло-голубых прищуренных глаз. Равномерная мужицкая речь успокаивала и убаюкивала.

— Еще годок перетерпишь — и благодать в душе твоей разольется. Глянешь кругом — будто весна настала. Я помолюсь за тебя, Господь услышит...

— Ники, правда, он душка? — восторженно спросила захмелевшая Стана.

— Прекрати, — поморщился ее муж, Длинный. — У тебя выражения как у торговки!

Стана обиженно надула губки и замолчала.

Но никто не обращал на нее внимания. Все слушали Распутина.

— Я таперича всякому мужику стану говорить, какой у нас государь. Ты хоть ростом невелик, но душою необъятен. И вижу, вижу, болит у тебя душа, криком кричит, а не слышно...

— Верно, — прошептал Николай.

— А енто хорошо, хорошо... Радеешь, значит, ты обо всех нас, детках твоих... Заботишься... Да силы злые твоей заботе помешать хотят. Потому ты мыслишь одно, а выходит другое...

— Тоже верно... А что это за силы, Григорий?

— Нечисть всякая... Людей злых, нехороших много вокруг тебя. Пользуются добротой твоею. Их развелось — тьма-тьмущая. Ученые тонконогие хотят тебя к

рукам прибрать, чтоб, значит, именем царским прикрываться... Но недолго уж им осталось, недолго...

Александра Федоровна всхлипнула. По щекам ее покатались слезы. Танеева прикрыла глаза ладонью. Словно откуда-то издали доносился до Николая голос старца:

— ...и тогда царствование твое станет спокойным и тихим. И премного благодати доставишь ты народу...

Разошлись далеко за полночь. Часы уже пробили три, но Николай Александрович никак не мог уснуть. Он осторожно высвободил руку из-под плеч Аликс, тихонько спустился в кабинет и раскрыл дневник.

«...Познакомился с человеком Божиим из Тобольской губернии», — коротко записал он.

*Ноябрь 1905 года
Петербург*

Бакай был в панике: несмотря на все свои старания, несмотря на дарованные победы и отмену цензуры, он никак не мог выйти на руководителя эсеровской Боевой организации Азефа, более того, ни на кого из членов партии социалистов-революционеров вообще. Однажды на митинге он познакомился с молодым человеком, приехавшим из Женевы и отрекомендовавшимся Николаем Степановичем. Как утопающий хватается за соломинку, ухватился за это знакомство Михаил: ведь Николай Степанович принадлежал к другой революционной партии — социал-демократам.

— Эсеры? — пренебрежительно переспросил он Михаила. — Бросьте, на что они вам. Их платформа крайне тенденциозна и в корне неверна. Террор, говорите? Чего они добьются своим террором? Ведь согласно их концепции он направлен против личности, а не личности делают историю, но народ. Приходите лучше к нам. Направление нашей работы...

Обо всех своих знакомствах в революционной среде Бакай докладывал Герасимову. Но директор департамента полиции откладывал их в сторону, практически не читая. Никаких новых любопытных сведений там не было. В конце каждого письма Бакай неизменно добав-

лял: «Поднадзорный Раскин в Петербурге не появлялся». Но Герасимов и без Бакая был об этом осведомлен, ибо Раскин-Азеф педантично раскрывал полиции имена и явки в других губерниях, и тюрьмы пополнялись революционерами, невзирая на дарованные царем свободы.

*Ноябрь 1905 года
Петербург*

Сразу после учредительного митинга новой общественной организации «Союза русского народа» во всех столичных газетах появились статьи, посвященные этому событию:

«Публика состояла главным образом из купцов, лабазников, приказчиков и дворников. Все речи были направлены исключительно против крамольников — евреев и прочих инородцев. Не обошлось и без инцидентов. Так, на трибуну взошел один крестьянин и едва успел сказать: «Не верьте им, они вас обманывают», — как тотчас же был схвачен и избит. Публика неистово кричала при этом: «Дайте нам его! Убьем!» По правилам вновь созданного «Союза» его членами могут состоять лишь православные христиане, в отдельных случаях — протестанты и католики. Крещеные евреи и их дети в «Союз» не допускаются. Однако, как подчеркнул один из основателей новой общественной организации, бывший чиновник особых поручений при министерстве внутренних дел В. М. Пуришкевич, из этого правила могут быть сделаны исключения, каждое из которых будет рассматриваться отдельно».

В конце декабря делегация членов «Союза» явилась в Царское Село, испросив аудиенции у его величества.

Царь с некоторой брезгливостью осмотрел лица своих подданных, однако принял их весьма любезно.

— Ваше величество, — у председателя «Союза» Дубровина слегка дрожал голос, — не откажите нам в вашей высочайшей милости: повелите евреям не давать равноправия с нами, иначе они будут владычествовать над нами.

Царь долго молчал, пощипывая бородку.

— Да чем они вам не угодили? — спросил он наконец.

Вперед выступил Пуришкевич:

— Ваше величество, я родился в Бессарабии, истинно еврейском гнезде. Я с детства испытал, что такое жить в постоянном соседстве с жидами. Если поляки, армяшки, чухонцы и прочая дребедень кое-как усвоила, где ее место, то эти наглые твари научились пролезать в любую дырку, они заполонили наши города, представляя собой реальную опасность для жителей. Не секрет, что многие евреи имеют врачебную практику, которую используют для того, чтобы губить русский народ. Я мог бы вам привести множество примеров, когда аптекари-евреи под видом лекарств продавали православным сильнодействующие яды, когда школьные учителя открыто призывали детей к революционным действиям, внушали им ненависть к самодержавию...

— Это истинно так, — поддержал его редактор петербургской газеты «Знамя» Крушеван, который одновременно выпускал единственную в Бессарабии газету на русском языке — издание, спровоцировавшее кишиневский погром 1903 года. — Как журналист я могу привести неоспоримые доказательства тому, что утверждал господин Пуришкевич.

— К вам обращаемся не одни мы, но через нас весь русский народ, — патетическим тоном произнес Дубровин.

Николай переглянулся с великим князем Николаем Николаевичем — Длинным. Тот едва заметно кивнул.

— Хорошо, — сказал царь. — Я подумаю...

Присутствующие зааплодировали.

Лицо Дубровина осветилось улыбкой.

— Ваше величество, «Союз русского народа» обращается к вам с просьбой стать почетным членом нашей организации. Мы нижайше просим ваше величество принять знаки принадлежности к «Союзу».

На бархатной подушечке, которую держал в руках Пуришкевич, лежали значки.

Один был прикреплен на царский мундир, другой — на китель великого князя.

— Постойте, — сказал Николай. — Я хочу, чтобы подобный знак принадлежности к истинно русской ор-

ганизации носил и мой сын, наследник престола, цесаревич Алексей.

Высочайшим распоряжением «Союз русского народа» получил правительственную субсидию — два с половиной миллиона рублей.

*Декабрь 1905 года
Петербург*

Схватившись обеими руками за голову, Витте как тайфун носился по гостиной в своем доме.

— Он с ума сошел, он положительно сошел с ума!

За ним удивленно наблюдала жена.

— Ты о ком?

— О государе! Связался с босяками, с бешеными юродивыми! Ты не представляешь, Матильда, кто входит в этот так называемый «Союз»! И когда! Когда ему надо заботиться о собственной жизни! Быть тише воды, ниже травы! Боже мой! Своими глупостями он крестнакрест перечеркивает все, что было сделано для его же блага, для блага империи! Об этом узнает общественность, инородцы! Теперь еще евреям остается вооружиться топорами и батогами, пойти стенка на стенку — и империя обречена! Гражданская война!

— О Господи, — испугалась супруга. — Что ты такое говоришь? Успокойся, Сергей.

— Ну как же успокоиться? — в отчаянии прокричал Сергей Юльевич. — Ты ничего не знаешь, потому так спокойна. Я говорил тебе, что антисемитские прокламации печатает не кто иной, как департамент полиции?

— Говорил...

— А знаешь ли ты, что теперь типографику возглавляет господин Рачковский, тот самый, что при Плеве заведовал охранкой?

— Нет, я этого не знала...

— ...И правительство выделило ему наградные — семьдесят пять тысяч как одну копейку! Ты представляешь? За что? За организацию беспорядков? В обход меня, председателя Совета министров? За кого они меня принимают? Я им не пешка! Уйду с поста, ей-богу, уйду!

— Хорошо, хорошо, только успокойся...

Сергей Юльевич схватился за сердце.

А через несколько дней его супруга на званом обеде брякнула эту новость:

— А Рачковскому за его поганую типографию семьдесят пять тысяч рублей наградных дали.

И с этой минуты все приличные дома Петербурга для мадам Витте были закрыты. Ее муж готовился подать в отставку.

*Декабрь 1905 года
Петербург*

«5 декабря в 9 вечера у Темных на Караванной собрались следующие лица: Мария Головина, генеральша Лохтина, фрейлина ее величества Анна Танеева, супруга великого князя Николая Николаевича Анастасия. Разошлись в три часа ночи.

7 декабря те же лица и еще супруга великого князя Павла Николаевича Милица приехали к Темных около 8 часов вечера. Разошлись около полуночи.

10 декабря в одиннадцать утра на Караванную приехала супруга великого князя Николая Николаевича Анастасия. Она уехала от него в два часа пополудни, а следом за нею приехал иеромонах Иллиодор (Сергей Труфанов). Он пробыл у Темных до 11 вечера.

11 декабря Анна Танеева заехала за Темных в десять утра и вместе с ним отправилась к известным вам особам. В 8 вечера он вернулся один, а в девять к нему приехала Анастасия, которая пробыла до полуночи.

Песчаный»

— М-да... — вздохнул Герасимов, отодвигая письмо. — И чем же этот мужик баб берет? А Мунька-то хороша — говорила, дескать, два дня подряд в театр ездила... Ладно, госпожа Головина, мы вам это припомним. И вам, господин Распутин, тоже. Сдается мне, недаром к вам ездит Стана-черногорка. Испросить, что ли, аудиенции у ее светлейшего супруга? По конфиденциальному дельцу?

Директор департамента вызвал к себе секретаря...

*15 декабря 1905 года
Финляндия, Таммерфорс*

— Владимир Ильич! — воскликнул пораженный Красин. — Ни за что не узнал бы вас!

— Уловки против шпииков, — объяснил Ленин. — Пагичок, кепка... Мелочи, но создают совсем другой облик. Да вы, Никитич, лучше рассказывайте свежие новости. А то, представьте, финны тоже бастуют, особенно почтовые служащие, и мы практически отрезаны от России.

— Финны молодцы, — улыбнулся Леонид. — Народный дом со всех сторон окружен их отрядами. Я с трудом прорвался сюда.

— Да, голетаское богатство — великая сила, — задумчиво подтвердил Ильич. — Остается надеяться, что не только финны, но и рабочие всего мира поддержат нас, когда настанет «последний и решительный бой» с самодержавием... Ну, батенька, рассказывайте, не томите...

— Оружия мы заготовили впрок много. — Красин вспомнил, как он конструировал и испытывал бомбу. — Организованы подпольные склады для его хранения. А товарищ Игнатъев выступил с предложением, когда дойдет до крупных волнений, даже обстрелять Зимний из «бабушки» — пушки Гочкиса... Есть у нас такая, похитили со двора одного гвардейского экипажа...

— Ха-ха-ха! — Глаза Ленина сузились от смеха, и он стал похож на самого себя, несмотря на парик. — Предлагаю себе похищение «бабушки»!

— Она может понадобиться в самое ближайшее время, — продолжал Красин. — Вы ведь знаете, Владимир Ильич, что в Москве уже началось... Повсюду баррикады — на Пресне, в Замоскворечье, в Хамовниках, Сокольниках, в Лефортове... Нам удалось изготовить специальные ручные бомбы для уличных боев... Ими же можно взрывать кабели и железнодорожные пути... Так что мы готовы и только ждем приказа...

— Отлично, товарищ Красин. — Ленин потер короткопалые руки. — Сделаете сообщение для остальных товарищей...

После выступления Красина забросали вопросами.

В основном они касались текущего момента. Но поскольку на конференции обсуждали также и аграрную проблему, с мест нередко спрашивали:

— Крестьяне захватывают помещичьи земли... И спрашивают, что с ними делать... Какие давать им советы?

— Что делать с землей? Сдавать в кассу ЦК РСДРП!

Это остроумное заявление Красина было встречено дружными аплодисментами.

В перерыве между заседаниями делегаты учились стрелять. Невысокий рябоватый парень, делегат из Закавказья, болезненно переживал каждую свою неудачу. И от этого дело не ладилось еще больше.

— Да вы, товарищ, не нервничайте, — успокаивал его Леонид. — Спокойно цельтесь, нажимайте на курок... Попали в «молоко»? Не огорчайтесь! Передерните затвор и снова начинайте...

— Зачем мнэ стрэлят? — заносчиво спрашивал Коба (так звали делегата). — Я руководыт буду, пусть другие стрéляют...

Конференцию пришлось закрыть раньше времени. В Москве началось вооруженное восстание.

— Товагищи! — обратился Ильич к делегатам на закрытии. — Вы газъезжайтесь по местам... Включайтесь в богьбу и пгинимайте все мегы к тому, чтобы восстание прокатилось по всей Госсии. Только так мы пгидем к победе!

— Ура! — кричали делегаты. — Да здравствует все-народное восстание!

14 октября 1905 года

Д. Ф. Трепов,

санкт-петербургский генерал-губернатор:

«Холостых залпов не давать, патронов не жалеть».

15 декабря 1905 года

Барон Медем:

«Не подвергая задержанию, предавать смерти».

19 декабря 1905 года

Генерал Шейдеман:

«Пройти Пресню, истребляя всех, не арестовывая никого».

Полковник Мин:

«Арестованных не иметь, пощады не давать».

15 декабря 1905 года

С. Ю. Витте, председатель Совета министров:

«Без всякого колебания прибегать к употреблению оружия для прекращения беспорядков. Аресты теперь не достигают цели, а судить сотни и тысячи людей невозможно. Поэтому властям вменяется в обязанность немедленно истребить силой оружия бунтовщиков, а в случае сопротивления — разрушать или сжигать их жилища».

18 декабря 1905 года

Москва, Пресня

— Чего стоишь, как девка засватанная? — Рыжеусый в кожаной тужурке протянул Канашкину длинную жердину. — На баррикаду тащи.

— А бочки пойдут? — с энтузиазмом поинтересовался филер. — Тут за углом в подвале склад есть. Там этих бочек навалом.

— Молодец, — одобрительно похлопал его по плечу рыжеусый. — Соображаешь, мать твою!

Поддев ломиком замок, они открыли двери подвала. На складе было полутемно. Подряд тесно стояли толстые бочки из векового дуба.

— Так они же полные! — разочарованно сказал молоденький парнишка в ушанке. — Не докатишь!

— А мы им пуза-то взрежем, кишки выпустим, — кровожадно заметил старей мастерской с синюшным лицом. — Враз легче станут.

— Так жа-алко же, дяденька! — протянул парниш-

ка. — Лучше выпить ребятам для сугреву. Морозец-то ой-ой-ой!

— Те, Панфилов, лишь бы нажраться, — покачал старик головой. — На смерть, можно сказать, собираемся, а ты все об ентом...

— Так живые ж мы пока, дяденька, — оправдывался парнишка.

— Отставить разговорчики! — прикрикнул на них рыжеусый в тужурке. — Слушай мою команду: открывай краны!

Канашкин отвернул ручку крана, и на пол полилась темная густая жидкость.

— Ишь ты, амбре какое! — синелицый с шумом втянул в себя воздух. — Чистое благовоние! Панфилов прав, командир, — обратился он к рыжеусому. — Надо б хоть флягу набрать. Неизвестно, сколько мы мерзнуть тут будем, а это те и питье, и еда, и всяческое удовольствие.

— Ладно. — Рыжеусый для важности одернул тужурку и приказал: — Одну бочку не трогать. Будет наш неприкосновенный запас.

В дверях подвала показалась запыхавшаяся девчонка в кофте и платке.

— С площади солдаты идут! — крикнула она. — Ружья примкнули!

Все заторопились обратно на баррикаду.

Канашкин никак не мог улучшить момент, чтобы улизнуть. Рыжеусый все время находил ему какое-нибудь занятие. Немного утешало то, что Букашкину приходилось еще хуже. Ему поручили охрану знамени. Красное полотнище было привязано к деревянной палке, и Букашкин крепко сжимал самодельное древко обеими руками.

— Смотри, — предупредил его командир. — Будь осторожен. Береги знамя. Первым делом в него целить начнут. Но если ты сложишь голову, товарищ, на твое место заступит другой.

— Не бойсь, не подведу, — отвечал Букашкин, содрогаясь от подобной перспективы.

— На тебе метательный снаряд. — Рыжеусый сунул что-то Канашкину в руку, и тот с ужасом увидел у себя на ладони самодельную бомбу. — Когда эти подойдут

поближе, размахнешься и бросишь. Страшно убойная штука, скажу я тебе!

— А так она не взорвется? — с опаской спросил филер.

— Не должна вроде, — не очень уверенно произнес командир и вдруг замер.

В наступившей тишине стало слышно, как по булыжной мостовой, бухая сапогами, шагают солдаты.

Кровь застыла у Канашкина в жилах. Не думал он, не гадал, что доведется погибнуть так бессмысленно, на баррикаде бунтовщиков.

«Надо было б сказать сегодня больным, — запоздало сообразил он. — И не выходить на службу».

Рыжеусый оглядел небольшую группку людей.

— Все готовы? Может быть, сегодня мы умрем, товарищи, — с надрывом сказал он, — но дело пролетариата не пропадет зря! Наши дети и внуки будут помнить всех, кто пролил свою красную революционную кровь за светлое будущее!

— Ну-ка взбодрись, товарищ, — громко сказал Канашкин вконец перетрусившему Букашкину и добавил шепотом: — Надо мотать отсюда, пока не началась настоящая заварушка.

— Легко сказать, — напарник показал глазами на знамя, — а как сделать?

Сухо, вразнобой затрещали выстрелы.

— Пока не стреляем, — напомнил командир. — Бережем патроны. Ждем, чтоб подошли поближе.

Канашкин выглянул из-за баррикады. В глубине улицы показались солдаты. Они шли темной массой, время от времени стреляя в их сторону. Пули противно жужжали над самым ухом. В красном полотнище появились дырки.

— В знамя наше красное целят, — зло сказал Канашкин, а Букашкину тихо шепнул: — Скоро, минут через пять — десять.

— Давай, — скомандовал рыжеусый, и защитники баррикады стали стрелять одиночными, кто из ружья, кто из револьвера. — Кидай, — обернувшись к Канашкину, отдал приказ командир.

— Ага. — Филер размахнулся и швырнул самодель-

ный снаряд, стараясь, чтобы от него никто не пострадал.

Раздался грохот, все вокруг заволокло дымом. Воспользовавшись этим, Канашкин схватил Букашкина за руку и потащил за собой в подъезд ближайшего здания.

— Знамя бросай, к чертовой матери! — крикнул он, заметив, что напарник по-прежнему тащит за собой привязанное к палке полотнище. — Революционер хренов!

Где-то позади ударила пушка. Стало слышно, как на оставленной ими баррикаде запели:

В бой роковой мы вступили с врагами.
Нас еще судьбы неизвестные ждут...

— Как раз это известно! — злобно сплюнул Букашкин. — Всех поубивают, к едрене фене!

Раздался еще залп, другой, и пение стихло.

16. НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

---

*27 января 1906 года
Петербург*

В полдень в меблированных комнатах на Староневском появились двое новых жильцов. Престарелая мадам Руже, уже несколько лет жившая в Петербурге и зарабатывающая на хлеб преподаванием в семьях среднего достатка, обратила внимание, что у новых соседей совершенно не было багажа, кроме двух пузатых портфелей, а сопровождал их прилично одетый господин средних лет с военной выправкой.

«Странно, — подумала мадам Руже, — такой приличный господин, а так заискивает перед извозчиками».

Госпожа Руже не ошиблась. Новые соседи и в самом деле записались у управляющего под своими настоящими именами — Филимон Казанцев, бывший ассенизатор, потом банщик, а теперь дворник у графа Буксгевдена, чиновника для особых поручений при московском генерал-губернаторе. Второй жилец был записан под именем Афанасия Федорова, извозчика. Сопровождал их сам граф Буксгевден. В портфелях были «адские машины» — бомбы.

*Январь 1906 года
Петербург*

Аня Вырубова плакала на плече у Распутина.

— Он оскорбил меня, унизил... Он назвал меня царской шлюхой! Я не переживу, не перенесу!

— Ну не плачь, не плачь... — Распутин сочувственно гладил ее по волосам. — Он муж, ему положено...

— Какой он мне муж? — Аня зарыдала с новой силой. — Солдафон, пьяница, игрок! Как он смеет обращаться со мною как с уличной девкой? Он говорит о его величестве будто о гимназисте в публичном доме! Он не понимает, что между нами с Николаем Александровичем чистые, духовные отношения! И Сана — моя подруга. Я боготворю ее! Разве бы я могла!

— Да будет тебе, будет... — Аниным шарфом Распутин утер ей нос. — Возьми да папе скажи. Он твоего Вырубова на виселицу отправит...

— Ты с ума сошел! — У Ани мгновенно высохли слезы. — Я никогда не стану доносить на мужа, даже если он оказался последним подонком. Я вообще ни на кого доносить не стану. Танеевы никогда не были фискалами!

— Вот енто лучше. — Распутин снова поднес к Аниному лицу прозрачный шелковый шарф. — Сопли-то утри... Не хочешь царю говорить — не говори, дело твое.

— Но как мне жить дальше? — Аня готова была вновь разрыдаться.

— Так и живи, — пожал плечами Распутин, — как жила. Ты чаво за него замуж вышла? Чтоб грех прикрыть?

— Да не было никакого греха, — покраснела Аня.

— Лгать некрасиво, — назидательно произнес Григорий. — Енто грех большой. Я-то тебя наскрозь вижу, как стеклышко. Было, было у тебя с усатым ентим... покойным...

Аня молчала.

Распутин неторопливо подошел к столу, налил себе чаю и, подув, отхлебнул.

— На-ка вот, — протянул он Ане свой стакан. — И хлебушком заешь. — Из горы черных сухарей на столе он выбрал один, густо его посолил и тоже передал Вырубовой. — Враз полегчает.

Аня послушно откусила.

— Вот и хорошо, — сказал Григорий, увидев, что женщина совершенно успокоилась. — А таперича иди-ка, иди ко мне.

Вырубова, как сомнамбула, двинулась навстречу протянутым рукам Распутина.

Григорий усадил ее на колени, поцеловал в шею.

— Ну что? — жарко задышал он ей в ухо. — Боишься меня?

— Нет... — Аня обхватила его голову руками, прижала к себе.

— И хорошо, хорошо. — Распутин, словно пушинку, подхватил ее, понес в спальню. — Счас поиграемся... Не забыла еще? Мы ж поигратъся собиралися...

*Ночь на 29 января 1906 года
Петербург*

Госпоже Руже не спалось. Мешал шум с лестницы. Она на цыпочках подошла к дверям своей комнаты и прислушалась. Да, явственно звучали чьи-то голоса. Француженка приоткрыла дверь и затаилась. По лестнице спускались новые жильцы и прилично одетый господин. Вид у всех троих был озабоченный.

— А ежели не сработает? — с сомнением спросил приличного господина один из извозчиков.

— Этого не может быть.

— А все-таки?

— Заткнись, Афанасий, — хрипло ответил другой извозчик. — Меня другое интересует. Ваше сиятельство нам посулили деньги вперед.

— И не думайте, — отозвался приличный господин. — Сперва, Филимон, дело, а потом деньги.

— Ну уж нет. — Филимон остановился посреди лестницы. — Так я не согласен. Я тут, понимаешь, жизнью рискую, а вы, господин Буксведеген, жируете с полным кошельком.

— Тс-с... — Граф с опаской огляделся. — Во-первых, запомни мою фамилию: Буксгевден. А во-вторых, как член организации...

— Да плевать мне на твою организацию! Мне посулили — возьми да выложи. Уговор дороже денег.

— Да, — поддержал напарника Афанасий, — ваше сиятельство, дайте хоть половину.

Буксгевден вздохнул и полез за кошельком.

— Подавитесь! — отсчитал он купюры. — Вот вам по тридцать рублей, остальное получите после работы. А в Москве с вами разберусь, попомните мое слово.

Филимон и Афанасий взяли деньги и, все еще ворча, стали спускаться дальше. Когда за ними захлопнулась дверь в парадном, госпожа Руже тоже тщательно заперла замок, легла и наконец уснула.

Через день она прочла в «Санкт-Петербургских ведомостях»:

«29 января в доме Лидваля на Каменноостровском, который теперь занимает председатель Совета министров граф С. Ю. Витте, в дымоходе прислугою были обнаружены странные предметы. Особняк был немедленно оцеплен полицией, все жильцы выведены на улицу. Выяснилось, то были зарядные устройства, предназначенные для убийства председателя Совета министров Витте. Из конфиденциальных источников стало известно, что ответственность за покушение на жизнь главы российского правительства взяла на себя новая организация «Союз русского народа», члены которой приговорили Витте к смерти за игры с либералами, компромиссы и уступки инородцам в отношении уравнения их в правах с остальным населением России. Из того же источника, пожелавшего остаться неизвестным, выяснилось, что граф Буксгевден привез из Москвы двух исполнителей — Казанцева и Федорова. В ночь на 29 января с. г. они тайно перевезли бомбы в дом Лидваля и затолкнули их в дымоход. Взрыв должен был произойти в девять утра 29 января. Однако часовой механизм не сработал, и взрыва не было. Граф Буксгевден, который руководил операцией, приказал террористам в следующую же ночь снова взобраться на крышу и протолкнуть бомбы ниже. Но утром прислуга обнаружила, что в печи плохо работает тяга, и вызвала трубочиста...»

— Увы, — вздохнула мадам Руже. — Он, оказывается, тоже революционер. А как прилично выглядит...

Несмотря на то что террористы были разоблачены в день покушения, им удалось скрыться, чтобы четыре месяца спустя вновь повторить попытку убийства

Витте. На сей раз они тайно приехали из Москвы, чтобы бросить бомбу в карету Витте, когда он поедет с Каменноостровского проспекта в Мариинский дворец. Однако в тот день, на который было назначено покушение, 29 мая, в подпольной динамитной мастерской Казанцев и Федоров поссорились из-за денег, выданных Буксгевденом. За два часа до предполагаемого покушения Федоров ножом в горло убил своего напарника.

*14 апреля 1906 года
Петербург*

— Все, — сказал граф Витте своей супруге. — Я приготовил письмо государю. Ухожу в отставку.

— Сейчас? — изумилась жена. — Накануне открытия Думы? Но ты же хотел...

— Больше не хочу, — отрезал Сергей Юльевич. — Вместо того чтобы заниматься работой, я только и делаю, что выпутываюсь из затейных против меня интриг. Несколько раз я обращался к государю, чтобы он своею волей прекратил мою травлю, — безрезультатно! А все Аликс — ужасная женщина. Я вообще удивляюсь, что она так долго меня терпела. Было же видно, что она ненавидит меня с самого начала.

— О да, — вздохнула госпожа Витте. — Наша императрица — серый кардинал при государе. Удивительно неприятная особа.

— Это она создала вокруг меня атмосферу сплетен и интриг, это благодаря ей и ее поддержке генерала Трепова у меня совершенно расстроились отношения с министром внутренних дел, а ведь господин Дурново человек неглупый, и, помнится, мы всегда находили с ним общий язык. Между прочим, у меня есть все основания полагать, что именно Александра Федоровна — не напрямую, конечно, а тайно — дала добро на январское покушение...

— Нет, — возразила жена. — Это было бы уже слишком. Этого не может быть...

— Все может быть. А!.. — Витте с досадой махнул рукой. — Что и говорить? Все кончено. Вот, читай.

«Ваше императорское величество! Я имел честь всеподданнейше просить ваше императорское величество, для пользы дела, освободить меня от обязанностей председателя Совета министров до открытия Государственной думы, и ваше величество соизволили милостиво выслушать мои соображения. Позволяю себе всеподданнейше формулировать основания, которые побуждают меня верноподданнически поддерживать мою вышеизложенную просьбу.

1. Я чувствую себя от всеобщей травли разбитым и настолько нервным, что я не буду в состоянии сохранять то хладнокровие, которое потребно в положении председателя Совета министров, в особенности при новых условиях.

2. Отдавая должную справедливость твердости и энергии министра внутренних дел, я тем не менее, как вашему императорскому величеству известно, находил несоответственным его образ действия и действия местных администраторов, в особенности в последние два месяца, после того когда фактическое проявление революции скопом было подавлено. По моему мнению, этот прямолинейный образ действий раздражал большинство населения и способствовал выборам крайних левых элементов в Думу как протест против политики правительства.

3. Появление мое в Думе вместе с П. Н. Дурново поставит меня и его в затруднительное положение. Я должен буду отмалчиваться по всем запросам по таким действиям правительства, которые совершались без моего ведома или вопреки моему мнению, так как я никакой исполнительной властью не обладал. Министр же внутренних дел, вероятно, будет стеснен в моем присутствии давать объяснения, которые я могу не разделять.

4. По некоторым важным вопросам государственной жизни, как, например, крестьянскому, еврейскому, вероисповедному и некоторым другим, ни в Совете министров, ни в влиятельных сферах нет единства. Вообще я не способен защищать такие идеи, которые не соответствуют моему убеждению, а потому я не могу разделять взгляды крайних консерваторов, ставшие в последнее время политическим *credo* министра внутренних дел.

5. В течение шести месяцев я был предметом травли всего кричащего и пишущего в русском обществе и подвергался систематическим нападкам имеющих доступ к вашему императорскому величеству крайних элементов. Революционеры меня клянут за то, что я своим авторитетом и с полнейшим убеждением поддерживал самые решительные меры во время активной революции; либералы — за то, что я по долгу присяги и совести защищал и до гроба буду защищать prerogatives императорской власти, а консерваторы — потому что неправильно мне приписывают некоторые изменения в порядке государственного управления. Покуда я нахожусь у власти, я буду предметом ярых нападков со всех сторон.

Я мог бы всеподданнейше представить и другие, по моему мнению, основательные доводы, говорящие в пользу моей просьбы освободить меня от поста председателя Совета министров до открытия Думы, но мне представляется, что и приведенных доводов достаточно, чтобы моя просьба была милостиво принята вашим величеством. Поэтому осмелюсь повергнуть к стопам вашего императорского величества всеподданнейшее мое ходатайство о всемилостивейшем соизволении на увольнение меня от должности председателя Совета министров.

Сергей Витте».

— Да, — вздохнула госпожа Витте, дочитав письмо до конца. — И это после стольких-то лет преданной и верной службы Романовым...

— Все когда-нибудь проходит, — философски заметил супруг. — Впрочем, мне пора. Я хочу лично отвезти сие послание в царскую канцелярию.

Супруга молча перекрестила его и поцеловала в лоб.

*Апрель 1906 года
Петербург*

До открытия Думы оставались считанные дни.

В правительственных кругах шла полная перетасовка. Николай Второй вместо подавшего в отставку Витте назначил премьером Ивана Логгиновича Горемыкина.

— Старая перечница, — ворчал себе под нос граф Ламсдорф, собирая в портфель личные документы в своем кабинете и готовясь передать дела новому министру иностранных дел Извольскому.

— Маразматик, — вторил ему теперь уже бывший министр финансов Шипов, просматривая бумаги, прежде чем они попадут в руки назначенного на этот пост Коковцова.

Все другие портфели были распределены между новыми людьми, некоторых новый премьер даже не знал в лицо, за других, например за министра путей сообщения, хлопотал перед царем лично.

— Интересно, — сказал своей жене министр внутренних дел Дурново, — кого назначат на мое место?

— Зря беспокоишься, — спокойно отозвалась супруга. — Думаю, тебя сейчас не тронут. Не думаю, что его величество оплатит черной неблагодарностью человеку, который подавил революцию. Да и генерал Трепов не даст тебя в обиду.

— Дай-то Бог, — вздохнул Дурново, укладываясь спать. — Дай-то Бог...

Явившись наутро в свое министерство, он узнал, что все его худшие опасения сбылись. Новым министром внутренних дел назначен... саратовский губернатор Петр Аркадьевич Столыпин.

— Столыпин? — ахнул Дурново. — Он-то здесь при чем?

— Не знаю, — хмуро пожал плечами секретарь. — Говорят, он когда-то короткое время был чиновником нашего министерства.

— Не припомню... Слышал, он занимался землеустройством... Бог мой, дожили, провинциальный губернатор... Интересно, чей он протезе?

— Все в недоумении, — развел руками секретарь. — В канцелярии его величества мне конфиденциально сказали, что на днях государь велел вызвать его из Саратова. А нынче утром Столыпин имел аудиенцию у царя. Сначала он отказывался от нового назначения, но император настаивал... Говорят, Столыпин либерал...

— Я так и думал. Дорого обойдется государю это заигрывание с господами революционерами. Пропала Россия, пропала...

Апрель 1906 года
Петербург

— Жаль, очень жаль, что вы покидаете свой пост, господин Рачковский, — сказал директор департамента полиции Герасимов, потягивая сладкий портвейн.

— Ничего, свято место пусто не бывает, — отозвался теперь уже бывший начальник личной охраны царя и вице-директор департамента. — Не хочу участвовать в этом спектакле. Да и вам не советую.

— Я еще поиграю, — усмехнулся директор. — Тем более грядут перемены. Веселенькое время.

— Ваш предшественник, ныне эстляндский губернатор, господин Лопухин так не считает. Давеча я получил от него письмо.

— И что он пишет?

— Ничего особенного. Так, личное... Вы уже знакомы с новым министром?

— Нет еще. Аудиенция назначена мне на завтра.

— А что слышно от нашего друга Азефа?

— Совсем зарвался, — пожаловался Герасимов. — Снова требует прибавки к жалованью. Ратаев написал мне из Парижа, что лично за него ходатайствует.

— Вот что я вам скажу, господин Герасимов, — Рачковский тоже плеснул себе портвейна. — Таких людей, как Азеф, нужно ценить. Столько лет безупречной службы... Я хорошо его знаю и уверен, что если он просит прибавки, значит, имеет на это право. Признайтесь, господин директор...

— Вынужден согласиться, — неохотно отозвался Герасимов. — Именно Азеф недавно предотвратил покушение на министра внутренних дел Дурново. По делу арестовано пять человек...

— Вот видите! Любой труд должен быть оплачен.

— Но если б вы знали, как не нравится мне этот господин!

— А кому он нравится? — пожал плечами Рачковский. — Премерзкий субъект. Лично я никогда не согласился бы на ту роль, которую играет он. Однако пока что он верно служит... Кстати, где он теперь?

— Не знаю...

Герасимов и в самом деле не знал, где теперь нахо-

дился талантливый провокатор. На столе у директора департамента лежало донесение филера Михайловского — под этим псевдонимом числился в охранном отделении филер Михаил Бакай. Из письма явствовало, что поднадзорный Иван Раскин съехал с квартиры на Горюховой, тринадцать, и исчез в неизвестном направлении.

— Бездарь, — выругался Герасимов, имея в виду незадачливого филера Михайловского.

*27 апреля 1906 года
Петербург*

Для апреля день был слишком жарким, даже душным. На улицах толкались праздничные толпы. Звонили во всех церквях колокола. В Зимнем дворце шло торжественное открытие первого в истории России парламента.

Закончился молебен, и в зале наступила полная тишина.

В тяжелой короне и горностаевой мантии восседал на троне император. Рядом находилась его жена, и многочисленные бриллианты на ее платье слепили собравшихся. Вдовствующая императрица Марья Федоровна, приехавшая из Дании, милостиво улыбалась, но даже она, опытная актриса, не могла скрыть свое внутреннее напряжение.

— Всевышним помыслом, — негромким голосом начал Николай Второй свое обращение к депутатам, — врученное мне попечение о благе отечества побудило меня призвать к содействию в законодательной работе выборных от народа...

«Государь император сказал слово весьма государственное и разумное, — писал впоследствии Витте в своих «Воспоминаниях». — Очень жаль, что некоторые из указаний его величества не были выполнены по точному их смыслу».

— Да исполнятся горячие мои желания видеть народ мой счастливым и передать сыну моему в наследие государство крепкое, просвещенное и благоустроенное. — Николай чуть повысил голос. — Приступите с благоговением к работе, на которую я вас призвал, и оправдайте достойно доверие царя и народа.

Аликс улыбнулась. Речь государя была выслушана с большим вниманием. Сейчас грянет «ура».

Однако собрание молчало. Молчали даже те, которым гофмаршалом двора было заплачено по двадцать копеек за «разогрев» присутствующих после выступления царя.

Николай побледнел. Марья Федоровна с трудом могла унять дрожь в руках. У Аликс на щеках выступили красные пятна. Пауза затягивалась.

Наконец, криво улыбаясь, Николай чересчур ровной походкой направился к выходу. За ним последовало августейшее семейство и вся свита. Торжественное открытие было провалено.

С дальнейшей работой российского парламента Аликс предпочитала знакомиться по газетам. В течение трех дней императрица не вставала с постели. Красным карандашом она отмечала те места в репортажах, которые, по ее мнению, заслуживали пристального внимания. Особо она отмечала те места, которые были связаны с именем нового министра внутренних дел.

— Ники, — позвала она мужа. — Послушай, что они пишут: «Только в самом начале его речи все было тихо, но вот понемногу на левых скамьях начинается движение и волнение, депутаты переглядываются, перешептываются. Потом говорят громче, лица краснеют, раздаются возгласы, прерывающие речь. Возгласы становятся все громче, то и дело раздается «в отставку», все настойчивее звенит колокольчик председателя... Депутаты на левых скамьях встали, кричат что-то с искаженными, злобными лицами, свистят, стучат ногами и крышками пюпитров... «Не запугаете!» — отвечает Столыпин, потрясая в воздухе кулаком...»

— Очень впечатляюще, — отозвался царь.

— Ники, не кашется ли тебе, что сей фысочка хочет затмить тебя?

— О чем ты, дорогая?

— Милый, не делай фид, будто ты не понимаешь. Какой посор пришлось пережить фсем нам! И фдруг этот неизвестно откуда фзяфшийся гошподин...

— Ах, Аликс, оставь. Пусть делают что хотят...

Императрица села на кровати.

— Ну уж нет. Этофо я так не остафлю. Я постафлю на место этого нахала.

17. ПОКУШЕНИЕ НА АНГЕЛА

---

*Июнь 1906 года
Петербург*

— Слышь, Мунька, — Распутин повернулся к Марии Головиной, которая сделалась чем-то вроде его секретаря, — скажешь своему жандарму, чтобы выпустил парня из тюрьмы.

— Спасибо, батюшка, — пожилая крестьянка-просительница кинулась целовать ему руку. — Век не забуду, отец ты наш родной.

Головина брезгливо сморщилась:

— Но директор департамента полиции не ведает...

— Цыц, — грубо оборвал ее Распутин. — Всем он ведает. А не ведает — пушай подсуетится. Как, говоришь, сына зовут?

— Прохором, — сказала крестьянка, — Федоровы мы, из рязанских. Один он у меня, батюшка. Остальные все девки.

И женщина скривилась, снова собираясь заплакать.

— Да будет тебе, — с досадой произнес Распутин. — Вот она, — он кивнул на Головину, — полюбовнику своему скажет, он супротив моей просьбы не пойдет. Иди давай в Рязань свою...

Кланяясь, благодаря, охая и причитая, крестьянка удалилась.

— Чавой-то ты ерепенишься? — Распутин с укоризной взглянул на Головину. — Ведает — не ведает... Ты подойди к нему, как вы, бабы, можете, да и скажи. А не скажешь — я маме пожалуюсь.

— Скажу, скажу, — отмахнулась Мунька. — Но только не любит он тебя, Герасимов мой.

Распутин расхохотался.

— А чаво ему меня любить? Чай, не дурак. Знает небось, что ты со мной побаловаться любишь. Пушай терпит, ежели не может бабе удовольствия доставить, сколько надо. А просьбу мою пушай выполнит. Я так хочу.

Мунька недовольно вздохнула.

— Зови, что ль, следующего... — Григорий потянулся. — И пушай расходятся. Утомился я нынче.

В дверь впорхнула субтильного вида барышня.

— Чавой-то ты худая такая? — поинтересовался Распутин, ощупывая ее грудь и бедра. — Думаешь, кружева нацепила, у мужика аппетит появится? Нет, милая, каши побольше ешь. На вот, — он взял со стола бублик и протянул посетительнице. — Кушай, хворать перестанешь.

— Благодарю. — Барышня приняла из его рук бублик и прижала к груди. — Но у меня такое горе, такое горе... Видите ли, я собралась замуж...

— Да? Да кто ж тебя такую возьмет?

— Он любит меня, а я его. Но мой жених страдает от пьянства...

— Енто нехорошо. Пить уметь надо...

— Вот я и пришла сюда с нижайшей просьбой: батюшка, помогите нам, вы все можете...

— От пьянства, говоришь? — Распутин сел у стола, опершись головой на руку. — И чаво ж он тебе сдался, пьяница-то?

— Чувства у нас...

— Охо-хо, — Распутин поскреб в бороде. — Ладно, приводи его завтра утром, только так, чтоб тебя самое я не видал. Сделаю тебе мужика...

— Право, не знаю, как вас и благодарить... — зарделась барышня. — Право, не знаю...

Из-за спины Распутина Мунька подала ей знак — деньги.

— Ах да... — Красная как рак посетительница полезла за кошельком. — Вот тут... все, что имею... — Она аккуратно выложила на стол две сотенные банкноты.

Но Распутин будто и не заметил.

Отдав деньги, барышня, переминаясь с ноги на ногу, осталась стоять у стола.

— Чаво еще? — недовольно спросил Григорий. — Я ж сказал: иди ужо...

— Но... отец мой... разве вы не...

— Чаво?

Мунька прыснула и шепнула что-то Григорию на ухо. Он тоже рассмеялся.

— Поиграться со мною захотела? — спросил он у барышни. — Чаво ж прямо не сказать?

— Мне говорили, будто вы сами... Будто через вас на меня божественное снизойдет...

— Снизойдет, — подтвердил Григорий. — Только не буду я с тобою миндальничать. Дюже тоща... Иди с женихом со своим цацкайся. Иди, иди с Богом...

Слух о Распутине, «который может все», распространился далеко за пределы Петербурга. Ежедневно к нему приходили не меньше двух-трех десятков просителей. По ходатайству эксцентричной генеральши Лохтиной, которая никогда не снимала с головы белый, обтянутый шелком цилиндр, он поселился в доме Сазонова, одного из родственников будущего министра иностранных дел, на Ямской улице. Здесь всегда толпился народ — по утрам просители, по вечерам — завсегдатаи светских салонов.

Великий князь Николай Николаевич, которого директор департамента полиции Герасимов взял себе в союзники, ревниво поинтересовался у жены, чем это так привлекает грязный мужик светских дам?

— Ты солдафон, Николай, — поморщилась Стана. — Ты не умеешь вести себя с дамами. А Григорий, несмотря на то что простой мужик, чувствует женщину, как никто другой... Общение с ним — это не физиологическое удовольствие, но высокая духовная близость...

Длинный схватил жену за плечи:

— У тебя тоже была с ним «высокая близость»?

Стана попыталась вырваться:

— Пусти!

— Нет, ты скажи, — настаивал супруг. — Было или не было? Знаю, ты таскаешься туда каждый Божий день, как порядочная женщина в церковь. Было, сука?

— Прекрати! — взвизгнула Стана. — Убери свои грязные руки!

— Не грязнее, чем у твоего Гришки! Было?

— Да не было, не было! — разрыдалась женщина. — Пусти!

Длинный с силой отпихнул жену от себя. Стана упала на кровать.

— Так вот, — медленно и отдельно сказал Николай Николаевич. — Ходить к Гришке — ходи, но ежели чего узнаю — убью. Да ходи не просто так: слушай все, о чем там говорится. Мотай на ус. И передавай мне. Сдается мне, сей Распутин недаром появился в Петербурге, ох недаром...

*Июнь 1906 года
Царское Село*

— Алексей Николаевич! — Камердинер бежал за царевичем по посыпанной песком садовой дорожке. — Ваше высочество! Вам нельзя так бегать, не торопитесь!

Но малыш не слушался. Он добежал до розовых кустов и спрятался в них.

— Алексей Николаевич, — камердинер в растерянности оглядывался, — отзовитесь, пожалуйста...

Один из двух работающих поблизости садовников улыбнулся камердинеру и кивнул на куст, в котором засел цесаревич.

— Ваше высочество... — камердинер раздвинул ветки. — Идемте в другое место играть. Вам нельзя здесь сидеть, еще поранитесь, упаси Господи.

Малыш неохотно вышел из кустов и уселся на садовой дорожке.

— Я здесь хочу, — заявил он.

— Ну что с вами поделаться? Играйте...

Камердинер опустился на скамейку и подставил лицо солнечным лучам. Глаза его были закрыты.

— Дядя, — сказал малыш одному из рабочих.

— Дядя, дядя, — закивал тот. — Ишь хорошенький какой, чисто ангелок. Видно, что царский сын...

— Это орловское отродье, — хмуро отозвался другой

садовник. — Мне сказывали, я наверняка знаю. Царь-то только девок мог плодить, он сам Александре Федоровне сказал, дескать, от кого хочешь, но сына мне роди. А у императрицы-то шашни с этим самым Орловым были. У нее и подружки ее закадычной. Его и убили-то потому, что две бабы никак поделить не могли...

— Да брось ты, — первый садовник опасно огляделся. — Сплетни-то болтаешь, не думаешь... Что, Алексей Николаевич, может, конфетку хочешь? Держика, — протянул он цесаревичу леденец, предварительно тщательно очистив его от табачных крошек, налипших в кармане.

Алексей заложил конфету за щеку и дернул за штанину садовника-сплетника.

— Дай, — требовательно сказал цесаревич.

— Че? Че тебе дать-то?

— Это...

Ребенок вытащил изо рта леденец и помахал им перед дядькой.

— Еще дай...

— Пошел вон, звереньш...

— Э-э, полегче, — остановил его товарищ. — Чего тебе пацан сделал? Что ты его шпыняешь? У тебя самого дети есть?

— Были, — резко обернулся сплетник. — Были, да убили их...

— Кто?

— Кто, говоришь? Да вот его родитель! Когда в прошлом годе демонстрацию-то разгоняли в Москве, и их, и жену — всех убили. Ну так и ты получай!

И не успел его товарищ ответить, как рабочий набросился на ребенка с садовым ножом в руках.

Неизвестно, что спасло Алексея. Может, молниеносная реакция второго садовника, который сделал подножку, и убийца, падая, не проткнул ребенка насквозь, а только задел острием его ножку, из которой тут же брызнула кровь.

Цесаревич заорал благим матом. Камердинер, мирно дремавший на солнышке, открыл глаза и увидел кровь на ножке цесаревича, а также садовника с ножом в руках.

Камердинер набросился на убийцу и схватил его за горло. Рабочий пытался высвободиться, но хватка была железной. Камердинер держал его за горло до тех пор, пока тело не обмякло и не осело.

Второй садовник, обезумевший от страха, бросился бежать.

Цесаревич, бледный, с посиневшими губами, лежал на садовой дорожке. Из раны его струилась кровь.

*Июнь 1906 года
Петербург*

После первого заседания председатель Совета министров Горемыкин ни разу не появился в парламенте. Это вызвало недоумение среди остальных министров, но, так как на сей счет не приходило никаких распоряжений свыше, они тоже сочли за благо просто не замечать Думу. Депутатам не оставалось ничего другого, как сводить счета друг с другом. Однако красноречие ораторов меркло от заседания к заседанию, ибо все поднимаемые ими проблемы некому было решать. Несколько раз Столыпин — единственный из министров, кто принимал участие в работе этого органа, — пытался привлечь внимание премьера к наболевшим вопросам российской действительности, но безрезультатно. Старый царедворец Горемыкин ничего не хотел знать.

Между тем обстановка в России оставалась накаленной. В дни открытия Государственной думы произошел страшный погром в Белостоке, где погибли восемьдесят человек, были ранены семьдесят. Комиссия из трех депутатов опросила десятки свидетелей и на основании собранных данных пришла к выводу, что погром был подготовленной и тщательно продуманной акцией.

С думской трибуны депутат Винавер заявил: «Если бы не было войск, не было бы и погрома».

Депутат Ковалевский говорил: «Дело идет о более важном, нежели выражение чувства возмущения! Дело идет о достоинстве и чести нашей родины!»

Депутат Родичев: «Нам грозит разложение. Или прекратятся позорище и распад, или Россия перестанет существовать».

Впервые в истории России с трибуны Государственной думы было во всеулышание заявлено о том, что

ответственность за погромы целиком ложится на центральную и местную власть. Депутаты потребовали предания суду всех ответственных должностных лиц и отставки правительства.

Но страсти кипели не только в Таврическом дворце. По губерниям то и дело снова вспыхивали крестьянские волнения. Министр внутренних дел Столыпин поделился с императором своим опытом подавления крестьянских восстаний в бытность свою саратовским губернатором. Он был категорически против использования оружия. Наиболее эффективным средством, на его взгляд, оказалась практика усмирения крестьян с помощью небольших конных отрядов, укомплектованных наемниками, которые разгоняли толпу нагайками. Николай поставил резолюцию: «Полностью этот взгляд разделяю», однако своего распоряжения «патронов не жалеть» не отменил.

В июне 1906 года матросом Акимовым был застрелен главнокомандующий Черноморским флотом адмирал Чухнин — за подавление восстания в Севастополе.

А по кабинетам министерств ходил проект положения Главного военно-судного управления «Об установлении правил о военно-полевых судах».

На нем — собственноручная резолюция императора:

«Напоминаю Главному военно-судному управлению мое мнение относительно смертных приговоров. Я их признаю правильными, когда они приводятся в исполнение через сорок восемь часов после совершения преступления, иначе они являются актом мести и холодной жестокости.

Николай».

*Июнь 1906 года
Царское Село*

Кровь не останавливалась. Цесаревич медленно умирал. Аликс билась в истерике. Николай вызвал из Петербурга Распутина.

— Нет, — твердо глядя в глаза царю, сказал врач. — Вы должны быть готовы к самому худшему.

— Когда? — хриплым голосом спросил Николай.

— Думаю, все кончится до вечера...

Начальник охраны дворца допрашивал камердинера. Но тот, бледный и запутанный, не мог ничего толком рассказать. Второго садовника без всякого допроса отвезли в Шлиссельбург и там без суда повесили по приказу императора. Спихнулись только тогда, когда все было кончено, — ни имени, ни фамилии убийцы и его напарника не выяснили. Из Шлиссельбурга позвонили в Царское. К начальнику охраны доставили главного садовника.

— Как имена этих людей?

Трясущийся от страха садовник назвал:

— Григорий Калечный и Павел Власов. Оба отставные матросы. Служили в Севастополе.

— Как попали в Царское?

— По ходатайству адмирала Чагина.

Вызвали капитана императорской яхты «Штандарт» контр-адмирала Чагина.

— Каким образом Калечный и Власов попали на службу в Царское Село?

— Ко мне обратился великий князь Николай Николаевич с просьбой порекомендовать двух человек, пригодных для работы в саду. Он сказал, что сделал это по просьбе государыни.

— Верно, — подтвердил главный садовник. — Ее величеству не понравилось, как были обрезаны розовые кусты, и она велела немедленно уволить рабочих. Я ответил ей, что надобно найти других людей...

— Я порекомендовал Калечного и Власова, так как они много лет ухаживали за садом на моей даче и я вполне им доверял: они казались тихими, надежными, непьющими... У обоих большие семьи: у Власова здесь, в Петербурге, у Калечного — в Москве. С прошлого года они служили семье его величества: сначала в Аничковом дворце, потом здесь...

— Вы пойдете под трибунал, — тихо и внушительно сказал начальник охраны дворца. — Сдайте оружие.

Побледневший Чагин молча отстегнул кортик и положил его на стол.

Он застрелился вечером того же дня. Вернувшись домой, он наполнил ствол винтовки водой и выстрелил

себе в рот. Голова в буквальном смысле была разнесена на куски.

Но царь об этом узнал позже.

Распутин приехал с Вырубовой и сразу, не обращая внимания ни на императора, ни на прислугу, кинулся в детскую.

— Уберите ее! — кивнул он на бившуюся в истерике Аликс.

Вырубова попыталась вывести подругу из комнаты. Но та вырывалась, вцепившись в спинку кровати, на которой лежал наследник.

— Найн! Найн! — кричала она.

И тогда Анна с размаху дала императрице пощечину. Потом еще. Она хлестала ее по щекам до тех пор, пока Аликс не замолчала. Тогда Вырубова силой отцепила ее пальцы от кровати и чуть ли не волоком вытащила из детской.

Распутин присел около полумертвого Алексея, вытащил из кармана кусок какого-то черного твердого материала, разжевал его и присыпал кашицей ранку. Остаток он размазал по бледному лицу цесаревича.

Николай, как замороженный, следил за его действиями.

— Пойдите, — встревожился присутствующий в комнате врач. — Вы внесете инфекцию. Вы...

Распутин поднял на него стальные глаза, и доктор осекся.

Старец склонился над раной и начал что-то шептать, покачиваясь из стороны в сторону.

Ребенок застонал.

На глазах у изумленного Николая кровотечение остановилось. На ранке образовалась твердая корочка.

— Этого не может быть, — прошептал врач. — Этого не может быть...

*6 июля 1906 года
Петергоф*

— Ники, мы будем бежать, — твердо заявила Аликс.

— Бежать? — изумился император.

— Ники, я фсе прекрасно знаю. Полошение в этой стране меня ужасает. Фсе ф крофи. Наш друг сказал, что грядет феликая буря. Мы должны ее переждать, Ники. Мы поедем в Германию и вернемся, когда фсе утихнет. Я боюсь за детей. Я не пережифу, если что-то случится снофа с беби. Кузен Вилли выслал для нас дфа миноносца.

— Аликс, дорогая, — забегал царь по спальне. — Мы не можем сейчас бежать...

— Мы будем сейчас бежать...

— Послушай, дорогая, я всегда делаю все, как ты хочешь. Но только не теперь. Бежать сейчас — значит отказаться от трона. Наш сын... ты подумала о нашем сыне? Он не сможет вернуться, без нас будет другая Россия, другая!

— Я подумала о беби, — упрямо стояла на своем Аликс. — Именно поэтому тайно сообщила Вилли о намерении бешать. Фозьмем с собою друга, и только его. Мы фернемся, едва фсе утихнет.

— Нас никто сюда не пустит вновь. Наше бегство — повод для свержения Романовых с престола. Аликс, милая, подумай...

— Но я не могу жить на порохофой бочке! — в отчаянии воскликнула императрица. — Тогда ты должен что-то предпринять!

— Но что? Что?

— Я гофорила, что эта затея с Думой — профанация. Здесь не Англия. Здесь не парламент, а скописче рефлюционеров. Достаточно одной искры!

— Но ведь Дума работает менее трех месяцев, нужно время...

— Фремя, чтобы они уничтожили фсех нас? Я тфердая женщина, Ники, но боюсь, боюсь... Они уже теперь требуют отстафки прафительства и сфержения царя. Громогласно! С трибуны!

*7 июля 1906 года
Петергоф*

— Ваше величество, — премьер-министр Иван Логгинович Горемыкин опустился перед царем на колени так проворно, как не делал этого перед дамами

в обществе, — ваше величество, — повторил он, протягивая Николаю старинную икону — фамильную реликвию, — Христом-Богом заклиная, ради вашего величества, ради наследника-цесаревича, ради всего святого — подпишите указ о разгоне Думы!

— Встаньте. — Николай наклонился, чтобы поднять старика с колен.

— Не встану, пока вы не ответите «да». Ваше величество, медлить долее нельзя. То, что творится нынче в Думе, можно назвать только провокацией. Гибнет Россия...

— Иван Логгинович, да подымитесь же, прошу. — Николай все-таки заставил Горемыкина подняться. — Так-то лучше, — продолжал царь, собственноручно усаживая премьера на стул. — Вы сами прекрасно понимаете, что созыв Думы я расцениваю как грубую ошибку с моей стороны и правительства. Однако манифеста о свободах нельзя было не подписать. Теперь, когда дело уже сделано, нужно очень хорошо подумать, как исправить эту ошибку. Министр внутренних дел Столыпин считает, что один из возможных вариантов — создать министерство из кадетов, раз они так настаивают.

— И, Боже упаси, — замахал иконой Горемыкин. — Убийцы, революционеры... Они камня на камне не оставят.

— Я тоже так думаю. Но Столыпин боится, что именно разгон Думы приведет к революции. Он говорит...

— Ваше величество, он сам революционер, либерал... Он хочет делить власть не с вами, а с ними... Подпишите, народ на вашей стороне. Когда вы своею властью разгоните этих смутьянов, на вас люди молиться будут... Ваше величество... Ведь мы говорили об этом еще в июне...

Вздыхнув, император подписал манифест о роспуске Государственной думы, так как депутаты «уклонились в не принадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от Нас властей».

От царя Горемыкин поехал сразу в сенат. Опытный придворный знал характер Николая: любое свое решение царь мог изменить безо всякой видимой причины. Дав указание опубликовать манифест на следующее же

утро, Горемыкин отправился домой и первым делом перерезал ножницами все телефонные провода.

— Меня не беспокоить, — сказал он домочадцам. — Я теперь спать ложусь. Не будить ни при каких обстоятельствах. Курьеров от императора не принимать!

Горемыкин, приняв большую дозу опия, проспал чуть ли не двое суток. Когда он проснулся, Первая Государственная дума была распущена.

«...Некоторые из членов Государственной думы, преимущественно из партии кадетов, направились в Выборг, устроили там митинг, на котором и подписали известное Выборгское воззвание, — писал потом бывший премьер Витте в своих «Воспоминаниях», — воззвание, которое приглашало всех крестьян протестовать против произвольного роспуска Думы и, между прочим, прекратить уплату государству податей и налогов».

Подписавших воззвание отдали под суд, приговорили к трем месяцам тюрьмы и лишили права избирать и быть избранными.

Видя, что революция неминуема, Горемыкин благо-
разумно подал в отставку. Новым председателем Совета **министров** был назначен Петр Аркадьевич Столыпин.

13. РУССКИЙ БИСМАРК

---

11 июля 1906 года
Петербург

Столыпин схватился за голову.

Лето 1905 года повторилось.

Разгон Государственной думы, как он и предполагал, спровоцировал новые волнения. Крестьянские восстания, рабочие стачки, погромы... Везде местные власти выводили на улицы войска. Везде требовали подмоги.

— Черт знает что! Сами себе яму копают...

Он вызвал секретаря:

— Записывайте. «По всем губерниям России. Борьба ведется не против общества, но против его врагов. Огульные репрессии не могут быть одобрены. Действия незаконные и неосторожные, вносящие озлобление, нетерпимы. Следует действовать осмотрительно. Цель — общественное спокойствие. Жесткие меры применять лишь к его нарушителям. Председатель Совета министров *Столыпин*». Записали? Ставьте дату и отправляйте. Да, затребуйте в канцелярии сводку по последним дням. Буду вечером. В полдень отправляюсь с докладом к его величеству.

В распоряжении премьер-министра был миноносец, который прямо с дачи на Аптекарском острове доставил его в Петергоф. Николай принимал Столыпина на палубе яхты «Штандарт». Императрица читала под тентом неподалеку.

— Ваше величество, я привез на ваше высочайшее рассмотрение проект, подготовленный Советом мини-

стров. — На столике перед Николаем Столыпин разложил бумаги. — Речь идет, как я вам уже говорил, о расширении прав инородцев и отмене некоторых ограничений, в частности для евреев. Имеются в виду те ограничения, которые воспринимаются как вселяющие раздражение и отжившие. Мы должны успокоить нерволюционную часть еврейства...

Николай бегло просмотрел бумаги и отложил их в сторону.

— Хорошо, — сказал он. — Я обязательно ознакомлюсь с проектом. Однако, Петр Аркадьевич, ничего положительного обещать не могу. Внутренний голос все настойчивей твердит мне, чтобы я не брал на себя столь ответственного решения. Достаточно с меня октябрьского манифеста... До сих пор совесть меня никогда не обманывала, поэтому и теперь я предпочитаю следовать ее велениям...

Аликс оторвалась от чтения и одобрительно улыбнулась мужу.

— Далее, ваше величество, низайше прошу вас ознакомиться с некоторыми моими соображениями по поводу земельной реформы... — Новая пачка бумаг легла на стол перед царем. — Я считаю, что отношение к земле должно быть краеугольным камнем нашей политики. Вероятно, в свое время, пятьдесят лет назад, крестьянская община и сыграла свою положительную роль сразу после отмены крепостного права, но сегодня это тормоз на пути прогресса и процветания. Я неоднократно писал об этом в своих отчетах, будучи еще губернатором в Саратове. Продукт труда распределяется поровну и между тем, кто трудится не покладая рук, и между тем, кто пьет беспробудно.

— Кстати, — оживился Николай, — хотите портвейну?

— Благодарю вас, ваше величество, — отказался премьер. — О чем, бишь, я?

— Об общине, — напомнил монарх.

— Ах да! Беда в том, что мужик не представляет землю своею. И потому у него нет никакой заинтересованности. Поглядите, в Соединенных Штатах у фермеров нет ни надобности, ни времени бунтовать. Они

работают. Среди наших же мужиков пьянство достигло апогея...

— Вы полагаете, если отдать им землю, они пить перестанут?

— Во всяком случае, работать начнут. Кто не захочет — пускай подыхает, мне плевать. Но кто начнет, тот со временем превратится в крепкого накопителя, хозяина. На таких мужиках будет держаться Россия!

— Как патетично! — усмехнулся государь. — Но ответьте честно, Петр Аркадьевич, вы сами-то во все это верите?

— Иначе я бы не говорил вам этого. Ваше величество, я как помещик многое потеряю. Но вы и Россия приобретете опору. Такой мужик, ваше величество, нужен не мне, а вам!

Императрица из-под своего тента удивленно взглянула на Столыпина, и лицо ее приняло выражение недовольства.

— Да, тяжела ты, шапка Мономаха, — иронически заметил государь. — Каждый знает, что нужно царю...

— Ваше величество, я далек от мысли, что сами вы этого не понимаете. Будет у мужика земля — он станет на ее защиту с вилами.

— Вот-вот, — подхватил Николай. — С вилами. Вы представляете, что снова начнется, если мы примем аграрную реформу? Тогда потеряем последний оплот в лице нынешних землевладельцев...

— Но приобретем новый — в виде мужиков. Ваше величество, поверьте, овчинка стоит выделки. Завопят обиженные, но все равно их будет меньше, чем теперь. Россия стоит того, чтобы ради нее чем-то пожертвовать.

Александра Федоровна с нетерпением ждала, когда уедет премьер. Едва Столыпин перешел со «Штандарта» на борт своего миноносца, она поднялась и подошла к мужу.

— Удифително неприятный тип, — заметила она, глядя, как миноносец неторопливо идет по заливу. — Дерзкий и наглый.

— Ты находишь? А мне он нравится. Забавный даже. И горяч, как гимназист. Знаешь, сегодня в правительстве нужны такие люди... решительные.

— Нет. — Губы Аликс растянулись в тоненькую ниточку. — Не нушны. Тебе не нушны русские Бисмарки.

Июль 1906 года
Петербург

Недалеко от дома Сазонова на Ямской сидел нищий. Несмотря на жару, вытертый треух был надвинут на самые его глаза. Покрытая язвами и выставленная напоказ нога должна была вызывать жалость у прохожих. Сердобольные дамы ахали и подбрасывали копеечку. В лицо нищему никто не смотрел. Зато холодные серые глаза его из-под шапки неотрывно взирали на подъезд дома, где жил Распутин.

Карета Марии Головиной стояла возле дома уже три с половиной часа. Два часа назад приехала великая княгиня Милица. Ее сестра Стана прибыла только недавно. То и дело входили и выходили из подъезда крестьяне, мещане, богомольцы.

— Подайте, — канючил нищий. — Пода-айте, Христа ради...

Внезапно он замолчал и насторожился. К дому подъехал богатый экипаж. Из него вышел известный банкир Дмитрий Рубинштейн в сопровождении ювелира его императорского величества Арона Симановича. Арон в последнее время зачастил к Темных, но вот банкиры...

Эта парочка пробыла в доме Сазонова до самого вечера. Лишь около одиннадцати, когда уехали обе великие княгини, разошлись просители, старец с Головиной и Симанович с Рубинштейном сели в экипаж банкира и уехали. Карета Муньки отправилась в обратном направлении.

Нищий доковылял до угла и зашел в переулок. Там он отодвинул доску на двери чулана и скрылся между рядами дров. Ровно через минуту доска снова отодвинулась, и из чулана вышел прилично одетый господин. Быстрым шагом он подошел к стоявшему неподалеку экипажу и велел кучеру:

— Во-он за той каретой, — указал на видневшийся в конце улицы экипаж Рубинштейна. — Да быстро гони! Плачу!

Конец июля 1906 года
Петербург

— А вы уверены, что государь не ошибся? — спросил Столыпин. — Это же практически невозможно — осуществить казнь через сорок восемь часов после совершения преступления.

— Невозможно, — подтвердил военный министр Редигер. — За это время невозможно уложиться даже с самой простой судебной процедурой. Дознание, предварительное и судебное следствие, вызов свидетелей, работа прокуратуры, сам процесс, наконец... Я уверен, что это ошибка.

— Сколько военно-окружных судов в империи?

— Двенадцать. Только на перевозку обвиняемого уйдет семь-восемь дней...

— М-да... — заложив руки за спину, премьер-министр расхаживал по кабинету. — В таком случае, господин Редигер, прошу вас совместно с главным военным прокурором и министром юстиции обратиться к государю за разъяснениями. Совет министров не может утвердить резолюцию от восьмого июня без уточнения этого момента.

2 августа 1906 года
Петербург

— Ваше высочество, — сказал директор департамента полиции Герасимов в телефонную трубку. — Я прошу вас принять меня для конфиденциального разговора...

— Жду вас сегодня в пять вечера у себя, — ответила трубка голосом великого князя Николая Николаевича.

Ровно в пять Герасимов входил в его апартаменты. Князь принял его в своем кабинете. Он сидел за столом. Но Герасимову сесть не предложил. Директор департамента полиции вынужден был докладывать обстановку по-военному, стоя.

— Ваше высочество, по донесениям моего человека, ваша супруга великая княгиня...

— Знаю, — холодно прервал его Длинный. — Что еще?

— Дело в том, что к этому мужику на Ямскую таскаются не только дамы из высшего общества и не только крестьяне-просители. Вашему высочеству, вероятно, известно, что сей шарлатан вхож в семейство его величества, сделался там своим человеком...

— Дальше.

— Вам известно отношение его величества к инородцам, в частности к жидам. Так вот, у меня есть сведения о том, что Распутин сблизился с лицами весьма влиятельными в жидомасонских кругах, а именно с ювелиром Симановичем и банкиром Рубинштейном.

— Садитесь, — предложил Длинный.

Герасимов робко, как гимназистка, опустился на краешек стула.

— Полторы недели назад, — эпически продолжал Герасимов, — Рубинштейн в сопровождении Симановича приехал к нему на квартиру. Вечером они вместе с Распутиным и Марией Головиной, — голос у директора департамента полиции слегка дрогнул, — отправились в ресторан «Яр», где встретились с сотрудником газеты «Новое время» Манусевичем-Мануйловым. За ним числятся грязные делишки, но все по мелочам, так что я не буду утомлять ваше высочество подробностями. Мой агент утверждает, что в отличие от обычного времяпровождения Распутина на этот раз обошлось без оргий. Все пятеро чинно сидели за столом и беседовали. Есть все основания полагать, что вокруг царской семьи стягиваются нити жидомасонского заговора. Я счел необходимым предупредить вас об этом, и надеюсь, сии сведения дойдут по назначению.

Николай Николаевич курил, глядя как бы сквозь собеседника. Наконец он спросил:

— Что известно об этом человеке Столыпину?

Герасимов пожал плечами:

— Мы пока не ставили в известность премьера...

— Поставьте. Я также приму к сведению ваше сообщение. Можете идти.

— Вот свинья, — сплюнул директор департамента, покинув покои великого князя. — Ни тебе спасибо, ни-че-го... Настоящая свинья.

*Сентябрь 1906 года
Петербург*

Основатель и редактор журнала «Былое» господин Бурцев собирался уже уходить домой, когда в дверях вдруг возникла фигура молодого человека.

— Бы Владимир Львович Бурцев? — осведомился он. — Я вас знаю очень хорошо. Вот ваша карточка, я взял ее в департаменте полиции, по этой карточке вас разыскивали. Моя фамилия Михайловский. Михаил Михайловский.

— Чем могу быть полезен? — Голос у Бурцева дрогнул.

— Я служу в департаменте полиции чиновником особых поручений при охранном отделении.

— Вот как? — Редактор криво улыбнулся. — Вас приставили за мной следить?

— За вами давно следят, — возразил посетитель. — Но я хочу спросить прямо: могу ли я быть чем-то полезен освободительному движению?

— Э-э-э... Видите ли, молодой человек... для изучения истории освободительного движения полезен всякий человек, особенно чиновник департамента полиции...

— Вы не совсем правильно меня поняли. Я не летописец. Я мог бы принести практическую пользу членам партии эсеров, к которой вы принадлежите...

Лицо Бурцева пошло красными пятнами.

— Это ложь. Ваш департамент неверно информировали. Я литератор, ни к какой партии не принадлежу, и единственное, что меня занимает, — это история освободительного движения. В частности — проблема провокаторства в прошлом и в настоящем.

— Именно об этом я и хотел вам рассказать! — оживился Михайловский. — И просить вашей помощи. Видите ли... Да вы мне не верите?

— Было бы странно, если б я вам поверил, молодой человек, — усмехнулся Бурцев.

— Но я говорю совершенно искренне! Да, это сумасшествие — явиться к эсеру и сказать: «Вот я агент охранки». Но у меня нет другого выхода! Я и в охранное-то отделение пошел только для того, чтобы узнать

имя провокатора, который уже много лет действует в партии эсеров. Слышали ли вы что-нибудь о загадочном убийстве Веры Павловны Розановой?

— Что-то припоминаю... Теперь загадочные убийства следуют одно за другим.

— Накануне своей кончины Вера Павловна сказала мне, что подозревает в провокаторстве руководителя Боевой организации эсеров Евно Азефа.

Бурцев поперхнулся.

— Молодой человек, — сказал он, с трудом сохраняя невозмутимость. — Я никогда не слышал об этом человеке, а бездоказательные версии меня как литератора не интересуют и вряд ли заинтересуют нашего читателя. Для опубликования мне нужны громкие, на шумевшие дела либо разоблачительные статьи, но они должны быть подкреплены фактами. Приходите как-нибудь в другой раз, когда у вас будет интересный материал для нашего журнала. А теперь простите, мне пора идти.

С трудом выпроводив непрошеного гостя, который все порывался поделиться своими подозрениями, Бурцев записал в своем дневнике:

«Они пытаются поймать меня за руку, но как грубо, как непрофессионально! Идиотская версия об Азефе — этом талантливом человеке, вдохновенном организаторе убийства Плеве и великого князя Сергея. И как еще держится охранное отделение с такими сотрудниками: по ним давно плачет сумасшедший дом».

*Август 1906 года
Царское Село*

— Да! — Глаза у Вырубовой сияли. — Ты не представляешь себе, Сана, какое облегчение я испытала! Это, конечно, мелко и неблагородно — мстить, но я отомстила! О, теперь мой так называемый супруг не посмеет предъявлять мне какие-либо претензии, теперь он оставит меня в покое со своими пьяными притязаниями!

— О да-да, — с готовностью закивала императри-

ца. — Его дафно надо било наказать, да-да... Но как, как тебе уталось?

— Я рассказала нашему другу о тех гадостях, которые говорил о нем Вырубов. Видит Бог, сначала я не хотела мести, но только утешения. Но потом, когда муж начал предъявлять на меня права, причем в самой грубой форме, — я не выдержала и прямо спросила у Григория, что можно предпринять, чтобы он оставил меня в покое? Знаешь, наш друг сразу помрачнел. Я было подумала, он недоволен, что я обращаюсь к нему с такой просьбой, но Головина — мерзкая Мунька, которая все время вертится вокруг Григория, я тебе рассказывала, — шепнула, что сейчас на него снизошло...

— Как?! Ты фыклтывала ему потребности тфоей жизни при посторонних?

— Боже упаси. Мы беседовали конфиденциально. Это потом пришла Мунька. Оказывается, она уже видела друга в таком состоянии: хмурого, с отсутствующим взглядом, молчаливого. Головина сказала мне: «Сейчас он прикажет затопить баню». И в самом деле, Григорий велел затопить баню и пошел попариться. Вернулся через полтора часа — я все ждала. Ни на кого не глядя, подошел к столу и огрызком карандаша написал что-то на бумажке. Смял записку и засунул ее под подушку. Потом велел всем уйти, потому что он хочет спать. А мне сказал прийти наутро. Так я и сделала. О, он уже был совсем другим — веселым, оживленным, все шутил... При мне вытащил записку из-под подушки и двумя пальцами растер бумажку в порошок. Потом, поворотившись ко мне, пообещал, что у Вырубова больше не будет мужской силы...

— О!

— В тот же вечер Вырубов вновь повторил попытку овладеть мною, причем не могу сказать, что он был пьян. Но у него ничего не вышло! Он был ужасно смущен, ужасно... Весь следующий день ходил как в воду опущенный. Вечером чуть ли не на коленях приполз ко мне, был чрезвычайно вежлив, мил... даже ласков. Уговаривал меня... Но у него опять ничего не получилось! Сана, ты бы видела его лицо! Он поднял на ноги самых дорогих врачей, и диагноз ему поставили самый неутешительный: это не восстанавливается.

Императрица была в восторге от рассказа подруги. Она хохотала до упаду, когда Аня изображала своего мужа в столь пикантной ситуации. И вдруг мгновенно стала серьезной, настроение у нее испортилось. В последнее время подобные перепады случались с ней все чаще, и Вырубова с тревогой замечала все новые симптомы тяжелого психического заболевания.

— Аня, ты не представляешь, как я несчастна, — сказала императрица.

— Но отчего же, Сана? — мягко спросила Вырубова. — Дети, слава Богу, здоровы. Николай Александрович любит тебя беззаветно, а что до политической обстановки, так, уверяю тебя, гроза почти уже миновала...

— Если бы только это... — горестно покачала головой Сана.

— А что еще?

— Мои ротстфенники в Германии... Ах, как болит у меня за них душа... Они ф таком тяшелом полошении, а я ничем, ничем не могу им помочь...

— А чем ты хотела бы им помочь?

— Деньгами... Но ты знаешь, у меня нет ничефо, а просить Ники я не стану, это стыдно... тем более когда мы сами ф таком полошении...

— Но... — Вырубова задумалась. Она поняла, что скупая до крайности Аликс прослышала что-то о связях Григория с крупными банкирами Петербурга и теперь хочет использовать эти связи с выгодой для себя. — Но, — повторила она, — должен же быть выход из этого положения. Я думаю, стоит посоветоваться с другом. Как ты на это смотришь?

*Август 1906 года
Царское Село*

— Ники, это вовсе не шутки. — Длинный курил папиросы одну за другой. — Зря ты не хочешь видеть очевидного: вокруг твоей семьи — жидомасонский заговор, и в центре его Распутин. Его следует арестовать и повесить.

— Это ерунда, чушь, ложь... — Царь стоял у окна

спиной к великому князю. — Это бред. Досужие вымыслы.

— Но мне сказали наверняка...

— Что сказали наверняка? Кто сказал? Уверяю тебя, эти сплетни распространяют революционеры, чтобы очернить нас перед народом.

— Но я перечислил, кто вхож к нему в дом и стал его друзьями...

— Рубинштейн? Симанович? Но, дорогой мой, Аня часто встречается там и отца Феофана, и отца Иллиодора... Поверь, Григорию Ефимовичу абсолютно все равно, какого ты вероисповедания, это мне непонятно и даже неприятно, но факт. Вспомни, сколько уже сделал друг для нашей семьи, и все бескорыстно, заметь! О, он очень, очень предан нам, и я, Николай, не хотел бы больше...

— Не хотел бы больше слышать ничего подобного? — вспыхнул великий князь. — Так знай же: моя Стана, как ни горько сознавать это, сделалась его любовницей, Вырубова, которая целыми днями тут у вас крутится, тоже... Продолжать?

Царь замер.

— И говорят, будто Аликс...

— Прекрати! Я не желаю слушать эти сплетни! — Николай заткнул пальцами уши. — Прошу тебя, не надо. Давай закончим этот разговор!

Длинный одним махом опрокинул одну за другой две рюмки водки.

— Прежде чем поставить точку, я счел своим долгом предупредить тебя: если ты не примешь меры, придется это сделать мне. Времени на размышление у тебя мало.

В тот же вечер Николай отдал приказ выставить охрану у дома Сазонова на Ямской и приставить лично-го телохранителя к старцу.

На следующее же утро агент Песчаный доложил об этом директору департамента полиции.

19 «Я НЕ ТОРГУЮ КРОВЬЮ СВОИХ ДЕТЕЙ»

---

*12 августа 1906 года
Санкт-Петербург, Аптекарский остров,
дача председателя Совета министров*

Была суббота. И в приемной толпились десятки посетителей с жалобами, прошениями и прочими бумагами. Председатель Совета министров принимал у себя в кабинете.

И никто не обратил внимания, что к подъезду подкатило скромное ландо с тремя пассажирами: экипажи здесь так и сновали, подъезжали и отъезжали.

Только Наташа Столыпина, сидевшая на балконе прямо над крыльцом вместе с маленьким Адей и его няней, молоденькой воспитанницей Красностоцкого монастыря Людмилой Останькович, с любопытством перевесилась через перила и подсчитывала:

— Еще двое офицеров и один просто дяденька... Это сколько же сегодня папа народу принимает!

— Осторожнее, — предостерегла девочку Людмила. — Не то упадешь. Бу-бух! — объяснила она малышу.

— Ну и что? — засмеялась Наташа, не в силах представить себе такую нелепость. — Я же легкая...

— Тебе бы все шутить, — наставительно заметила юная няня Аркадия, — а как упадешь да расшибешься, тогда небось станет не до шуток.

Навстречу вновь прибывшим вышел швейцар.

— Что вам угодно, милостивые государи?

Один их офицеров показал старому служаке портфель, который нес под мышкой:

— Видишь, милейший, мы к министру... По чрезвычайно важному и срочному делу!

— Никак-с невозможно! — ответил швейцар. — Поздненько спохватились... Приходите завтра...

— Нам непременно нужно сегодня, — настаивал второй, рослый и крепкий жандарм. — Дело не терпит никаких отлагательств. Так что пропусти, братец!

— Запись на прием сегодня прекращена, — возразил старик. — Смотрите, сколько народу в приемной! Его превосходительству понадобится на меньше двух-трех часов, чтобы принять всех лиц, уже занявших очередь. С утра, между прочим, некоторые дожидаются! — значительно сказал он. — Тут у нас не имеют хождения никакие льготы. А что касается срочности и важности, по пустякам министра никто не беспокоит.

Но посетители, не слушая швейцара, торопливо зашагали вперед по коридору, который вел в столыпинский кабинет.

— Куда вы, милостивые государи? — растерялся старик. — Сказано вам, нет ходу! Не принимают!

На его крики подошел агент охраны Горбатенков.

— Вы что это скандалите, господа? — мягко попенял он, становясь посреди коридора и преграждая дорогу настойчивым посетителям. — Раз не положено, значит — не положено.

— У нас скандалистов в момент выводят за дверь, — поддержал Горбатенкова его помощник Мерзликин. — Вы же жандармские офицеры и порядок должны знать и приличия соблюдать.

— Погоди-ка. — Горбатенкову бросилось в глаза, что у обоих жандармов есть некоторые погрешности в форме, да и вся троица имеет довольно подозрительный вид. — А ну-ка, господа, осадите назад! И предъявите документы!

Услышав шум, открыл дверь и выглянул из приемной в коридор генерал-майор Замятин.

— Что тут происходит? — осведомился он густым, начальственным басом.

— Да вот, вашество, лезут без очереди, скандалят, а документы показывать не желают, — доложил Горбатенков, вытянувшись в струнку.

— Отчего же? Можем предъявить! — Подозритель-

ный посетитель в жандармской форме полез в портфель. — Вот вам!

— У него бомба! — запоздало крикнул Мерзликин. — Берегись!

Страшный взрыв потряс здание.

— «По-ку-ше-ние на ге-не-рал-гу-бер-на-то-ра Варша-вы Ска-ло-на», — по слогам прочитала Оленька. Она только научилась складывать буквы в слова и читала вслух все заголовки в газетах. — Маша, а что такое «Варшавы Скалон»?

— Варшава — это город в Польше, а Скалон — фамилия губернатора, — терпеливо объяснила старшая сестра. — Да что ты ужасы всякие читаешь? Возьмись лучше за учебник.

— «Маша мыла раму», — без всякого удовольствия прочла Оленька. — «Мама мыла Машу»... «Гу-бер-на-тор Блок ра-зор-ван бом-бой в Са-ра-то-ве», — снова украдкой вычитала она из газеты.

— Да ну тебя! — рассердилась Маша. — Урок окончен. Пойдем наверх.

Она взяла сестренку за руку и вышла из библиотеки. Но не успели они миновать коридор, чтобы подняться по лестнице, как услышали сильный взрыв. Маша импульсивно присела, прижав к себе Оленьку.

— Что это? — испуганно пролепетала та. — Стреляют?

Прямо перед девочками обрушились кирпичи, и в стене образовался большой пролом. За ним открывалась пустота. Внизу виднелась набережная, голубела поодаль Невка, раскачивались от взрыва деревья.

— Отец! — вскрикнула Маша и, боясь напугать сестру еще больше, зажала себе рот ладонью. — Господи, что с ним?

Оттолкнув в сторону Оленьку, цеплявшуюся за юбку, девочка кинулась к окну. «Если изловчиться, можно спрыгнуть на крышу нижнего балкона, а оттуда перебраться в кабинет папа», — сообразила она. И уже занесла было ногу, но в этот момент рядом появился молчаливый слуга Казимир и, ни слова не говоря, обеи-

ми руками взял Машу за талию и деликатно отодвинул от окна.

В глубине коридора показалась мать.

— Мама! — кинулась к ней старшая дочь. — Боже мой! Ты поседела? — Тут до нее дошло, что голова матери просто густо усыпана известкой. Маша принялась отряхивать белые крошки.

— Ты жива и невредима. — С остановившимся взглядом Ольга Борисовна поочередно ощупала детей. — И Олюшка, слава Богу, тоже... А где Наташа и Адя? Ты их не видела?

Маша молча покачала головой. И следом за матерью поспешила в верхнюю гостиную. Здесь на кушетке лежала выздоравливающая после болезни Елена.

— Что это бабахнуло? — приподняла она с подушки наголо стриженную во время тифа голову. — Я думала — мне приснилось...

Весь пол был усыпан осколками битой посуды, вылетевшей из горки. Зато стены и потолок уцелели, и это спасло девочке жизнь.

— Потом, потом, — пробормотала Ольга Борисовна, убедившись, что и этой дочери не угрожает опасность.

Она заглянула в соседнюю комнату. И в ужасе отшатнулась. Через пробитую стенку вся мебель вылетела оттуда в приемную и даже на набережную Невки.

Снизу с улицы послышался напряженный голос Петра Аркадьевича:

— Олюшка, где ты?

Ольга Борисовна бросилась на балкон. Муж стоял внизу, задрал голову. Лоб его пересекала страдальческая складка.

— А дети? — спросил он. — Они с тобой? Все живы или?..

— Нет Наташи... и Ади... — делая над собой усилие, выговорила женщина.

Столыпин только побледнел, но ничего не сказал.

— Маша, куда ты?! — охнула мать. — Расшибешься, девочка!

Но дочь уже совершила головокружительный прыжок на кучу щебня, который остался от рассыпавшейся лестницы. Приземлилась на четвереньки, упала, вскочила на ноги и бросилась на шею отцу:

— Папочка, папочка! Какое счастье! Ты живой и невредимый! А покушались ведь на тебя!

— Да что ты, Машенька! — Столыпин поглаживал дочь по спине, растроганный до глубины души. — Это случайность... несчастный случай... Надо искать Наташу и Аркадия...

Они немедленно двинулись на поиски. Иначе идти было невозможно. Вокруг кричали и стонали раненые люди, валялись груды обломков, стлался дым...

— Сынок! Сынок! Ну где же ты, мой маленький! — звала, мечась между вырванными с корнем липами, какая-то всклокоченная и окровавленная женщина.

— Папа! — Маша бросила взгляд на отца. На него было больно смотреть. — Они живы. Мы их обязательно найдем!

— Да-да, — странным тоном, рассеянно отвечал Петр Аркадьевич.

— Смотри, папочка! — вдруг радостно закричала дочь, указывая на дорожку. — Видишь?

Столыпин смотрел на песок, на припорошенную пылью траву и не видел ничего, кроме мертвых и разорванных на части тел... Вот нога в башмаке... Вот чья-то скрюченная кисть... Вот обнажившаяся от тканей челюсть...

— Милые мои, хорошие! — Маша подняла с земли двух маленьких черепах. — Узнаешь, пап? Это Наташины... Скоро мы найдем и ее тоже...

— Там, под обломками... — бледнея, сказал отец. — Там кто-то шевелится!

И он бросился разгрести завал...

Когда Наташу взрывной волной сбросило с балкона, она оказалась под копытами взбесившихся от боли лошадей.

Из воспоминаний Марии Бок (Столыпиной):

«Наташа была ранена очень серьезно, и странно было видеть, когда ее переносили, это безжизненно лежащее тело с совершенно раздробленными ногами и спокойное, будто даже довольное лицо. Не издавала она ни одного звука: ни крика, ни стога, пока не переложили ее на кровать. Но тогда она закричала и кричала уже

все время — так ее в больницу и увезли, — кричала так жалобно и безнадежно, что мороз по коже проходил от крика этой четырнадцатилетней девочки...

А у Ади были раны на голове и перелом ноги, и все последующее время бедный ребенок очень страдал больше от нервного потрясения, чем от ран. Он несколько дней совершенно не мог спать: только заснет, как снова вскакивает, с ужасом озирается и кричит: «Падаю, падаю!»

До самого вечера кареты «скорой помощи» увозили пострадавших в больницы. А тех, кого спасти было уже невозможно, — в покойницыки».

«Список лиц, убитых при взрыве бомбы на даче господина министра внутренних дел Столыпина 12 августа 1906 года.

1. Непременный член Ярославского губернского по земским и городским делам представителя коллежский асессор Николай Юльевич Слегофт — 32 лет.

2. Отставной статский советник Михаил Тимофеевич Вербицкий — 60 лет.

3. Потомственный почетный гражданин Леонтий Клементьевич Клементьев — 59 лет.

4. Запасной унтер-офицер кавалергардского полка из крестьян Смоленской губернии Духовищинского уезда Жиловической волости деревни Новоселок Василий Прокофьев Солдатенков — 32 лет.

5. Отставной боцман гвардейского экипажа из крестьян Курской губернии Дмитриевского уезда Михайловской волости слободы Жидневки Александр Иванов Проценков — 28 лет.

6. Гражданский инженер Иероним Иулианович Терлецкий — 25 лет.

7. Унтер-офицер Санкт-Петербургского жандармского дивизиона Иван Павлов Слепцов — 27 лет.

8. Коллежский регистратор Афанасий Ларионов Горбатенков — 45 лет.

9. Крестьянин Нижегородской губернии Лукояновского уезда Крюковской волости села Крюкова Петр Григорьев Синягин — 47 лет.

10. Сотенный медицинский фельдшер области Войска Донского Захар Семенов Мерзликин — 29 лет.

11. Крестьянин Ковенской губернии и уезда Сурзинской волости Свентаброкского общества Франц Казимиров Станюлис — 22 лет.

12. Член Совета министерства внутренних дел, сенатор, действительный статский советник Сергей Алексеевич Хвостов — 60 лет.

13. Харьковский мещанин Александр Леонтьев Вольфович — 54 лет.

14. Жена прапорщика запаса Ольга Истомина — 32 лет.

15. Вдова действительного статского советника княгиня Евдокия Артемьевна Кантакузена — 56 лет.

16. Князь Иван Александрович Некашидзе — 55 лет.

17. Церемониймейстер Высочайшего двора действительный статский советник Александр Александрович Воронин — 43 лет.

18. Генерал-майор Александр Замятин — 54 лет.

19. Отставной канцелярский служитель Николай Григорьев Воронин — 59 лет.

20. Крестьянка Анна Петровна Долгушина.

21. Неизвестный.

22. Неизвестный.

23. Ноги с частью живота в жандармских брюках.

24. Неизвестный. Первоначально был доставлен в лазарет лейб-гвардии Московского полка».

Полковник Герасимов отложил список.

— А раненых много? — спросил он. — Погибших от ран?

— Еще-с двадцать пять человек покойников. — Делопроизводитель положил на стол следующую бумагу.

Александр Васильевич проглядел ее.

— Крестьяне, мещане, офицеры, чиновники... — сказал он. — Старые, молодые... Женщины, дети...

— Осмелюсь доложить вашему превосходительству, — делопроизводитель выложил перед полковником следующий документ, — что касается до Истоминой под номером четырнадцать... Мы тут кое-что уточнили...

«Начальнику отделения по охране порядка и общественной безопасности в Санкт-Петербурге.

...Жена губернского секретаря Ольга Евгеньевна Истомина, 40 лет, проживала в доме № 26 по Гусевской улице по бессрочному свидетельству Валдайского полицейского управления от 8.VII.1904 г. за № 160, при ней находился малолетний сын около 5 лет.

Истомина занимала в этом доме угол и, так как ее муж находился в безвестной отлучке, сильно нуждалась в средствах к жизни. 12 августа 1906 года Истомина со своим ребенком пошла подавать господину министру внутренних дел прошение о пособии, где была убита вместе с ребенком во время взрыва; по доставлении трупов в Петровскую больницу она была опознана домовладелицей дома, где проживала, Марией Берлиной, и женщиной того же дома Идой Шеберт.

Истомина вместе с ребенком погребена за счет казны на Смоленском кладбище.

Приметы ее: 40 лет, рост средний, худощавая, волосы и глаза черные.

И. д. Делопроизводителя

М. Красовский».

Доктор снял и тщательно протер пенсне.

Столыпин смотрел на него с надеждой.

— Требуется ампутация, — покашляв, сообщил доктор. — Обоих ног... Притом безотлагательно, иначе жизнь больной в опасности...

— Это невозможно, — глухо сказал Петр Аркадьевич. — Она ребенок... девочка... Она не выдержит... Отложите операцию хотя бы до утра...

— Вопрос серьезный. — Доктор закрутил шнурок пенсне за ухо. — В одиночку решать его я не берусь. Нужно провести консилиум специалистов. И если вы сумеете убедить их и возьмете на себя ответственность за последствия...

— Что ж, — устало потер виски Столыпин. После бессонной ночи и всех безумных событий сильно болела голова. — Что ж, к этому мне не привыкать: убеждать и брать на себя ответственность...

Возглавлявший консилиум профессор в черной ермолке вышел из кабинета, где совещались врачи:

— Мнения разделились, Петр Аркадьевич, но ваши доводы были признаны весомыми... Мы подождем с удалением пострадавших конечностей до утра.

— Да не убивайся ты так. — Жена покачала головой. — Нам надо благодарить Бога за то, что все остались живы... Могло быть и хуже...

— Не говори так! — Столыпин сидел в кресле, запрокинув голову и прикрыв глаза. — Кровь детей на мне... Я понимал, на что иду и чем рискую... Но что такой ценой придется платить... Никто их не убережет, не защитит, понимаешь? Ни полиция, ни жандармы, ни армия... Только мы сами...

— Петя! Петя! Опомнись! — испуганно прошептала Ольга Борисовна. — Ты сейчас не в себе. Ты бредишь. Это ужасное несчастье, конечно... Но ты не можешь, не должен обвинять во всем, что случилось, себя... Иначе невозможно жить...

Они сидели в приемном покое больницы.

Светало.

— Состояние остается критическим. — Профессор поскреб лысину под ермолкой. — Надо решаться на что-нибудь.

— Я против ампутации, — твердо повторил Столыпин.

— Даже если нам удастся сохранить ноги вашей дочери, — с некоторым профессиональным раздражением произнес профессор, — заметьте, я говорю «если»! — нет никакой гарантии, что она сможет ходить. Это будут мертвые — понимаете? — совершенно мертвые, неподвижные ноги.

Ольга Борисовна лишь вздрагивала, словно от озноба.

— Попробуйте сохранить ноги, — упрямо твердил Столыпин.

— Даже если... э-э-э, Наталья Петровна останется калекой на всю жизнь?

— Это уж как Бог даст...

— Знаешь, что меня больше всего мучает? — спросил Столыпин жену немного позже, когда они ехали домой. — То, что пострадали дети, а у меня ни царапины...

24 сентября 1906 года
Санкт-Петербург

«ДОКЛАД ОТДЕЛЕНИЯ
ПО ОХРАНЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ И ПОРЯДКА В СТОЛИЦЕ.

Его Высокопревосходительству
господину министру внутренних дел.

С е к р е т н о .

Произведенным агентурным розыском по делу взрыва 12 августа дачи господина министра внутренних дел удалось получить следующие сведения о погибших участниках этого преступления.

1. Преступник в жандармской форме атлетического сложения — уроженец города Смоленска Никита Иванов. В начале марта сего года содержался под стражей в Брянской тюрьме по делу ограбления артельщика Брянских заводов. Мать Иванова живет в Смоленске на Московской улице, где содержит чайную.

2. Второй жандармский офицер (разорванный) — еврей, уроженец города Минска, до середины 1905 года проживал во Франции, откуда вернулся в Россию. В последнее время проживал по паспорту бельгийского подданного.

3. Преступник во фраке — уроженец г. Брянска и рабочий Бежецких заводов, имя его — Иван. Известен хорошо местным жандармским властям, так как неоднократно привлекался к дознанию.

Все эти лица принадлежат к Московской организации «максималистов».

Полковник *Герасимов*».

Сентябрь 1906 года
Германия, Гейдельберг

— С чудесным спасением вас, Павел Иванович! — Гоц просиял улыбкой, странной на его угасающем лице.

Он уже не мог сидеть даже в кресле. И только лежал в постели, похожий на высохшие мощи.

— Чудо? — постарался улыбнуться в ответ Савинков. — Мой милый Михаил Рафаилович, если бы не Зильберберг и Сулятицкий, я болтался бы на виселице.

— Знаю... — шептал умирающий, — это они организовали ваш побег... Но почему же... зачем вы поехали в Крым? Ведь было постановление... решение временно прекратить террор...

— Меня послал Иван Николаевич, — неохотно признался Борис, называя Азефа партийной кличкой. — Впрочем, я и сам хотел того же, — торопливо добавил он.

— Странно... — Гоц пожевал сухими губами. — Не хотелось бы бросать тень на нашего товарища... Однако одними совпадениями всего этого не объяснишь...

— Что вы имеете в виду, Михаил Рафаилович? — оскорбился за Евно Савинков.

— Боевая организация в параличе... как я... — без улыбки сказал Гоц. — Ничто не удастся... Ни одно дело... Провал за провалом... Вы слышали о взрыве на Аптекарском? Ужас, бессмыслица, десятки трупов... И что же? Товарищи погибли понапрасну. Молодые, отважные...

— Да, я читал в газетах, — откликнулся Борис. — Но не понимаю, к чему вы вспомнили этот случай с «максималистами»...

— А вам известно, какую прокламацию выпустил наш Центральный комитет? — Михаил попытался встать и бессильно упал на подушки. — Этот акт осуждается... Меня, видимо, уже не считают живым, — с горечью заметил он. — Никто даже не поставил в известность... В этой прокламации мы грубо, резко, совсем не по-товарищески отмежевались от «максималистов»... После того, что они сделали, после их геройского акта, после жертв...

Гоц зашелся в кашле, на губах у него выступила пена.

— Но кто же написал эту пресловутую прокламацию? — с недоумением спросил Савинков. — Да еще в обход вас и других членов ЦК?

— А вы не догадываетесь?

Борис покачал головой.

— К сожалению, это сделал Иван Николаевич...

— Азеф?! — так и ахнул Савинков. — Но почему? Для чего это понадобилось?

— Не знаю. — Гоц сморщился от внутренней боли и застонал. — Может быть, устал от всего, измучен... Столько лет бессменно во главе Боевой организации... Иначе нельзя объяснить... Иначе... — Он смолк.

— Что иначе? — склонился к умирающему Борис Викторович.

— Иначе — позор на всю организацию... Иначе — следует признать, что не было никаких совпадений, а была злая воля и предательство одного умного, хитрого и продажного человека... Понимаете?

Савинков отрицательно помотал головой. Понять он не мог и не желал.

*25 сентября 1906 года
Царское Село*

— Слышали о покушении на Мина? — Император нервно переключивал листки доклада, представленного председателем Совета министров.

— Да, ваше величество, — ответил Столыпин и, немного помедлив, добавил: — На следующий день после взрыва на Аптекарском...

— Да, — Николай постучал по столу костяшками пальцев. — Герой, усмиритель Москвы... И надо же — какая-то стриженная девица...

— Эта девица, как вы изволили выразиться, ваше величество, — опасная террористка... — заметил Столыпин. — И охотилась за генералом именно потому, что он подавил Московское вооруженное восстание.

Царь внимательно посмотрел на премьера.

— Знаю, знаю о том, что этот вопрос волнует вас лично. — Он немного склонил голову. — Меня, признаться, потрясло постигшее вас несчастье. Поверьте, Петр Аркадьевич... Я сам отец и разделяю ваше горе...

— Благодарю за сочувствие, ваше величество, — сухо, как показалось Николаю, ответил Столыпин. — Я утешаю себя только тем, что мои дети остались живы. Все могло закончиться страшнее и безнадежнее.

— Мне говорили, будто бы ваша дочь нуждается в

длительном лечении... — Чтобы скрыть неловкость, император покашлял. — Возможно, ее придется везти за границу... Петр Аркадьевич, я мог бы помочь вам... некоторой суммой... разумеется, за казенный счет...

— Благодарю вас, ваше величество, — еще суше отозвался Столыпин, — мы не нуждаемся ни в чем. Никакие деньги не вернут моей дочери утраченного здоровья...

Он сказал что-то еще, но Николай торопливо закончил аудиенцию:

— Понимаю, понимаю... Вы свободны, Петр Аркадьевич...

Столыпин поклонился и вышел. А Николай озадаченно ходил по кабинету.

Послышалось ему или нет? Премьер как будто ответил дерзкими словами: «Я не торгую кровью своих детей».

— Он какой-то бесчувственный, этот Столыпин, — пожаловался император супруге. — Я выразил ему соболезнование, а он никак этого не оценил. Да еще и надерзил, по-моему...

— Ах, не кофори так, — расстроилась Александра Федоровна. — Он перешел такое коре... Мошет пыть, ешче не опрафился? К тому ше, мой торокой малшик, не у фсех лютей такое чуфстфительное сертце, как к моефо Ники...

Аликс со вздохом поцеловала мужа в щеку. И расправила цветы в букете, который держала в руках.

— Ты куда-то собралась, мое солнышко? — спросил Николай.

— Та, мой трук. — Александра Федоровна еще раз вздохнула. — Сефотня котофшчина смерти несапфенофо Орлова... Мы с Аней схотим на мокилку...

— Да, славный был гусар. — Лицо царя помрачнело. — Жаль его... Такая внезапная смерть...

24 августа 1906 года

Санкт-Петербург, Зимний дворец

— Господи, до чего же здесь мрачно! — Ольга Борисовна никак не могла привыкнуть к новому жилью. — Как здесь чувствовали себя цари?

— Это временная мера, Олюшка. — Столыпин беспомощно развел руками в стороны. — Я ничего не мог поделывать. Говорят, тут проще обеспечивать нашу безопасность...

— Всюду часовые. — Ольга Борисовна выглянула в окно. — Ей-богу, хуже, чем в тюрьме. И гулять нельзя... Что это за прогулки? По залам да еще по крыше...

— Потерпи, моя дорогая, скоро мы отсюда переедем в более... жизнерадостное, что ли, место... Мне уж и самому не терпится... Да и детей жалко...

— Адя все время зовет няню, — вздохнула Ольга Борисовна. — Я даже не знаю, что ему сказать... где она.

— Скажи, что срочно уехала. — Петр Аркадьевич нахмурился. — Чем скорее они забудут весь этот ужас, тем лучше.

Они «гуляли» — то есть шли по пустынным в этот час громадным залам, скудно освещенным лишь одной-единственной дежурной лампочкой.

— Да, вот еще что, — вспомнила Ольга Борисовна. — Меня в последнее время Маша заботит... Ты ничего не замечаешь?

— Она нездорова? — встрепенулся Столыпин.

— Ох, до чего же вы, мужчины, ненаблюдательны! — Жена покачала головой. — Кто-то усиленно оказывает нашей дочери знаки внимания...

— Ну, это естественно в ее возрасте, — отмахнулся Петр Аркадьевич.

— Позавчера, к примеру, — продолжала Ольга Борисовна, разглядывая парадный портрет Екатерины Великой, — во время обеда она нашла рядом со своей чашкой письмо...

— О! — Столыпин засмеялся. — Вот и любовные записочки! Ты помнишь, Олюшка, как я послал тебе первую любовную цидулку?

— Нет, это не любовное послание, — возразила Ольга Борисовна, ничуть не растроганная сентиментальными воспоминаниями. — Маша прочла его и была возмущена, даже разгневана...

— И в этом я, признаться, не вижу ничего сверхъестественного, — пожал плечами премьер-министр. — Вспомни, ты чуть не залепила мне пощечину, когда я взялся за тобой ухаживать... И поделом! — Он засмеял-

ся. — Это была, вероятно, потрясающая картина — брачный танец влюбленного медведя.

— Я вижу, ты настроен чрезвычайно легкомысленно, — нахмурилась жена. — А я обеспокоена.

— Ну зачем же делать из мухи слона? — Петр Аркадьевич положил руку ей на плечо. — Все образуется, вот увидишь. А если тебя что-либо тревожит, не лучше ли спросить Машу обо всем напрямую?

— Я так и сделала! — воскликнула Ольга Борисовна. — И вдруг наша дочь, у которой никогда не было от нас тайн, сказала мне: «Мама, позволь мне не отвечать на твой вопрос».

— И после этого ты уверяешь меня, будто тут не кроется любовная интрига? — Столыпин расхохотался, и гулкое эхо пронеслось по залам.

— Да ведь сегодня же вся история повторилась! И снова Маша отказывается говорить о полученном письме. Потому я к тебе и обратилась. Ведь вы с нею очень дружны. И, может быть, дочь будет откровеннее с отцом, чем с матерью?

— Ладно, придется выступить в роли Шерлока Холмса, — все еще дурачась, отвечал Столыпин.

— Ну-с, барышня, как делишки? — как бы невзначай обратился он к Маше за ужином.

— Как обычно, — улыбнулась старшая дочь, довольная тем, что ее именуют барышней.

— А что за секреты у тебя завелись? Небось любовные записочки шлет какой-нибудь отвергнутый воздыхатель? — Петр Аркадьевич заговорщицки подмигнул Маше.

— Вовсе нет, — она покраснела. — Это... это совсем другое.

— Из какой же области, если не секрет?

— Это вовсе не секрет, папа!

— Ну в таком случае огласи полученное письмо! — полушутливо предложил отец.

— Я не знаю... — Маша скомкала салфетку и после минутного колебания согласилась. — Хорошо, я покажу письмо, только с условием, что... В общем, без обратного адреса.

— Ладно, — Петр Аркадьевич с недоумением переглянулся с женой. — Ничего не имею против.

Вернувшись из своей комнаты, девочка протянула отцу листок бумаги, исписанный крупным почерком.

— Можно вслух? — спросил Столыпин.

— Да, читай, — кивнула дочь.

— «Мария Петровна, — почтительно-официально начиналось послание, — обращаются к вам ваши друзья, которых заботит ваше будущее. Вы имеете несчастье воспитываться в семействе реакционера, мракобеса и обскуранта...» Это я, что ли? — хмыкнул Петр Аркадьевич. — «...Который верно служит тиранам и борется со всем живым и революционным в стране...»

— Что за чушь! — возмутилась Ольга Борисовна. — Не читай этот глупый пасквиль, Петя!

— Почему же? Так я хотя бы узнаю, что обо мне думает неизвестный поклонник нашей дочери. — И Столыпин продолжил чтение: — «Но дети не отвечают за грехи отцов, и среди нас есть немало выходцев из знатных, богатых и обласканных правителями фамилий. Мы пожертвовали собственным благополучием ради счастья всего народа, ради его будущего. Мы знаем вас, Мария Петровна, как человека смелого, умного и самостоятельного и считаем, что вам давно пора порвать цепи, связывающие вас с семьей. Поверьте, это только обуза, не позволяющая вам ступить на истинный путь революционной борьбы, стать полноправным членом нашей партии. Если вы найдете в себе силы решить вопрос положительно, ответьте по следующему адресу...» — Петр Аркадьевич вернул письмо дочери. — Дальше отрезано.

— И что же ты ответила? — Голос Ольги Борисовны звенел от возмущения.

— Я отказалась, — тихо произнесла Маша.

— А зачем отрезала адрес? — продолжала допытываться мать.

— Ну я же не доносчица, мама! — Дочь с упреком взглянула на нее. — Я показала вам письмо потому, что мы друг другу во всем доверяем... Но я не хочу подвергать опасности людей, которые обратились ко мне...

— И так ты делаешь после всего, что случилось? — Глаза Ольги Борисовны налились слезами. — Погибли

десятки людей, ранен Адя, твоя сестра... она стала калеккой...

— Вы меня так воспитали, — возразила Маша. — Дали представление о чести и порядочности. И, что бы ни происходило с нами и другими людьми, я не стану иной. Пойми это, мама, и не слишком сердись на меня.

— Она права, Олюшка, — неожиданно поддержал дочь Петр Аркадьевич. — Самое главное в любой ситуации — сохранять человеческий облик. Пусть даже нас попытаются загнать в ловушку. С завтрашнего дня я перестаю отсиживаться здесь под охраной и продолжаю работу.

— О Господи! — Ольга Борисовна совсем не ожидала такого поворота. — Но ведь на тебя устроят еще одно покушение! А если оно не удастся — другое, третье! И так будет до тех пор, пока тебя не убьют!

— Ну, положим, убить меня не так-то просто... — Столыпин поцеловал дочь в голову и вышел из-за стола. — Я приму меры предосторожности.

— Какие? — Жена с упреком взглянула на него. — Ты ведь даже охранникам не позволяешь тебя сопровождать!

— А вот какие! — Петр Аркадьевич принес свой министерский портфель и постучал по его стенке. — Сюда вложен стальной лист. И никакая пуля его не пробьет.

— А бомба? — Ольга Борисовна не могла не поражаться легкомыслию супруга.

— Эта штука и от осколков уберезет, — успокоил ее Столыпин. — Боевики, к твоему сведению, довольно редко попадают прямо в цель, — похлопал он себя по груди здоровой, левой рукой. — И вообще, волков бояться — в лес не ходить. А я, Олюшка, уже в такую чашу забрел...

— Папа, — подала голос Маша, — а ты правда реакционер, мракобес и обскурант?..

«Нужно теперь для успокоения народа не такие меры, которые увеличили бы количество земли таких или других русских людей, называющихся крестьянами (как смотрят обыкновенно на это дело), а нужно вековую, древнюю несправедливость, — писал Столыпину

Толстой. — Несправедливость состоит в том, что не может существовать права одного, какого бы то ни было человека, богатого или бедного, царя или крестьянина, владеть землей как собственностью. Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею».

— Папа, что, сам Лев Николаевич Толстой тебе письма пишет? — изумлялась Маша.

— Что же тут странного? — отвечал Петр Аркадьевич. — Он дружил с твоим дедом, Аркадием Дмитриевичем, был с ним на «ты». Видишь ли, мой отец и мать вместе с Толстым участвовали в Крымской войне, а когда ходишь с кем-то рядом под пулями, это очень сближает. Мой отец часто бывал в Ясной Поляне... И даже, в подражание Толстому, написал «Историю России» совсем простым языком, для народного и солдатского чтения...

— А я думала, дедушка был генерал от артиллерии... — растерялась Маша.

— Это не мешало ему писать книги, заниматься скульптурой и играть на скрипке, — засмеялся Столыпин. — Такой уж он был увлекающийся человек.

— И что тебе пишет Толстой? — с любопытством спросила девочка.

— В основном ругает меня нехорошими словами.

— Обскурант и мракобес?

— Почти так. Иногда упрекает, иногда дает советы и очень просит за кого-нибудь.

— А ты что? Что ты ему отвечаешь?

— Я? Оправдываюсь, извиняюсь за свою беспомощность — ведь я почти никогда не в силах удовлетворить просьбы Льва Николаевича. — Столыпин прошелся по кабинету. — Удивительное дело... Такой гигант, как Толстой, такой поразительный художник, который как никто глубоко понимает жизнь и знает человеческую душу... Но как только речь заходит о политике или экономике... — Петр Аркадьевич развел руками, — куда деваться? Стыдно читать этот детский лепет...

«Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие «собственности» на землю у крестьян создает все наше неустройство.

Природа вложила в человека некоторые врожденные инстинкты, как-то: чувство голода, половое чувство и т. п. и одно из самых сильных чувств этого порядка — чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обихаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землей.

Искусственное в этом отношении оскопление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному и, главное, к бедности.

А бедность, по мне, худшее из рабств.

Смешно говорить этим людям о свободе или свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным.

...Вы мне всегда казались великим человеком, я про себя скромного мнения. Меня вынесла наверх волна событий — вероятно, на один миг! Я хочу все же этот миг использовать по мере моих сил, пониманий и чувств на благо людей и моей родины, которую люблю, как любили ее в старину. Как же я буду делать не то, что думаю и сознаю добром? А вы пишете, что я иду по дороге злых дел, дурной славы и главное — греха. Поверьте, что, ощущая часто возможность близкой смерти, нельзя не задумываться над этими вопросами, и путь мой мне кажется прямым путем. Сознаю, что все это пишу вам напрасно — это и было причиной того, что я вам не отвечал...

Простите...

Ваш П. Столыпин».

— Ну и сынок, прости Господи, у покойного Аркадия Дмитриевича. — Яснополянский старец бросил распечатанное письмо на кипу других бумаг. — Отец был красавец, герой, бравый вояка... Да и матушка Петра Аркадьевича, помнится, под огнем ухаживала за

ранеными... Настоящие русские люди! А этот, прости Господи, какой-то немец с культурным землепользованием... И тоже ведь трусом не назовешь... Только жизнью рискует как-то бессмысленно и глупо, ради непонятных никому преобразований, противопоказанных русскому человеку... Ох уж эти молодые, да ранние! — так отозвался семидесятилетний писатель о сорокачетырехлетнем премьерe.

— Да что ты, Лева, все ворчишь да ворчишь! — не вникая в смысл его слов, отозвалась Софья Андреевна. — И всем-то ты недоволен, и все-то тебе не по нраву...

20. СТОЛЫПИНСКИЙ ГАЛСТУК

---

*20 августа 1906 года
Зимний дворец*

Ольга Борисовна с красными от слез и бессонницы глазами зашла в кабинет мужа. Петр Аркадьевич сидел за столом. Перед ним были разложены бумаги, но работать он не мог — невыносимо тяжело было окунаться в проблемы землеустройства, когда в соседней комнате кричала от боли его девочка.

— Уснула? — спросил он жену.

Ольга Борисовна кивнула.

— Надеюсь, она подремлет хотя бы два часа. Доктор дал ей успокоительное, но ты и сам знаешь — это мало помогает.

— А Адя?

— Тоже спит и тоже беспокойно. Я хотела просить тебя лечь нынче в его комнате. Там сиделка, но он испугался ее, проснувшись вчера ночью. Надобно, чтобы там был кто-то из нас.

— Хорошо. Но я пока не иду спать. А вот тебе бы не мешало прилечь. Поспи хотя бы, пока Наташа дремлет. Олюшка, ты так не выдержишь долго.

— Да, конечно... — Ольга Борисовна зябко куталась в шаль. — Конечно...

Петр Аркадьевич вышел из-за стола.

— Идем, я провожу тебя, милая. Идем, идем... Господи, сколько вам пришлось пережить из-за меня...

В дверях показался дежурный охранник:

— Петр Аркадьевич, к вам посетитель...

— Теперь? — Столыпин удивленно взглянул на часы. — Половина одиннадцатого. Что за срочность?

— Это святой старец Григорий Распутин. Говорит, его послала мама...

— Что за бред? Какая мама?

— Ее величество императрица Александра Федоровна. Говорит, он будет лечить ваших детей.

— Кто это, Петя? — спросила Ольга Борисовна.

— Есть тут один чудотворец...

— Нет-нет, — испугалась жена. — Никаких чудотворцев. Я не хочу беспокоить детей. Они только уснули. Я не хочу, чтобы к ним заходили посторонние. Я боюсь...

— Успокойся, Олюшка, успокойся... — Столыпин обнял жену за плечи. — Вы слышали? — обернулся он к охраннику. — Никого не надо. Здесь есть доктора, и я им верю как-то больше. Отправьте его.

— Петр Аркадьевич, боюсь, он не уйдет. Его и сразу-то впускать не хотели, но он настоял. Имя императрицы...

— В моей семье ее величество не указ, — отозвался Столыпин. Он вернулся к письменному столу и выгнул из ящика банкноту. — Заплатите чудотворцу за визит и передайте, что мы не нуждаемся в его услугах.

— Слушаюсь. — Охранник развернулся на каблуках и начал спускаться по лестнице.

— Ты слишком резок, Петя, — упрекнула жена. — Не надо было так. Он обидится.

— Ну и черт с ним. Пускай обижается. Развелось шарлатанов этих... А к Распутину у меня отдельные претензии. На него целое досье в департаменте полиции.

Сентябрь 1906 года

Санкт-Петербург и вся Россия

Шифрованная телеграмма № 1443 военному министру А. Ф. Редигеру:

«Довожу до вашего сведения, что по приговорам военно-окружных судов уже расстреляно 25 человек.

Почитаю своим долгом, однако, доложить вашему превосходительству, что подобные частые расстрелы производят крайне неблагоприятное впечатление на вверенные мне войска. Для оплаты палачам нужны средства. Прошу ваше превосходительство ассигновать мне на указанную цель денежный аванс. Командующий войсками Одесского военного округа генерал *Каульбарс*».

Военный министр безотлагательно поехал к главному военному прокурору Павлову.

— Ах, Александр Федорович, — вздохнул тот, — у меня от этих нововведений голова кругом идет. Я не понимаю, как мог Совет министров утвердить этот дикий указ о казни через сорок восемь часов после совершения преступления? Это незаконно, к тому же столько хлопот...

— И не говорите, господин прокурор, — отозвался Редигер. — Поверите ли, когда пришел циркуляр с резолюцией государя, я подумал, что произошла ошибка. Однако его величество развеял мои предположения. Он сказал, что заставлять осужденного на смерть месяцами ждать казни по меньшей мере немилосердно...

Павлов тонко улыбнулся. Редигер заметил его реакцию.

— Конечно же дело не в милосердии, — доверительным тоном продолжал он. — Я согласен, что бунтовщиков надо запугать. Но такая практика существует лишь у самых диких народов. В просвещенном обществе осужденный должен иметь право хотя бы подать прошение о помиловании. Как сделать это за сорок восемь часов?

— Государь неважно разбирается в уголовном и гражданском праве, — заметил прокурор. — Но меня удивляет премьер. Помнится, он ратовал за отмену смертной казни вообще.

— Да, после покушения господин Столыпин сильно изменился. Когда я напомнил ему о прежних его взглядах, он ответил: «Это было до взрыва на Аптекарском». 20 августа премьер без всяких колебаний подписал указ о военно-окружных судах. А мы теперь должны ломать себе голову, как при этом сохранить законность... Так

что вы скажете по поводу этой депеши? — Редигер кивнул на лежавшую на столе телеграмму от командующего войсками Одесского округа.

Павлов надел очки и еще раз прочел текст.

— Денег не дам, — заявил он. — Расстреливать должны солдаты, которым за их работу платят жалованье.

— Но Каульбарс говорит, что расстрелы производят неприятное впечатление на его подчиненных.

— Пусть привыкают. Осуществление казни через двое суток возможно лишь путем расстрела, так как для повешения осужденный должен передаваться в ведение гражданских властей и вся процедура затягивается. Кроме того, виселица требует лишних средств... Да и к тому же, Александр Федорович, гражданский исполнитель за неимением экзекутора и оборудования может не только сорвать кратчайший срок, назначенный для исполнения, но и вообще не выполнить поручения. Наше ведомство готовит циркуляр по порядку процедуры такой скорой казни.

— Так виселица вообще отменяется? — уточнил Редигер.

— Ничего не отменяется. Все только усовершенствуется. Мы не можем идти против царя и премьера, даже если они пытаются действовать противозаконно.

Несмотря на «лишние» расходы, которых требовала казнь через повешение, виселица при оглашении приговоров пользовалась не меньшей популярностью, чем расстрелы. В считанные месяцы была четко отработана процедура казней.

Каждый военный суд получил в свое распоряжение обслуживающую его тюрьму. Каждая тюрьма имела свой палаческий филиал.

Петропавловскую крепость обслуживали виселицами форт номер шесть. За столичными Крестами был закреплён Лисий Нос. Другие тюрьмы Петербурга пользовались услугами Шлиссельбурга. Площадки для виселиц имели московские Бутырки, Орловский каторжный

филиал, Александровская цитадель в Варшаве, Луцкая тюрьма в Киеве, Трокская в Вильнюсе и многие другие. Доставка смертников была четко отработана.

Так, зимой узников Петропавловской крепости по Каменноостровскому проспекту вывозили на железнодорожную станцию в Новой Деревне, а оттуда поездом переправляли в Лисий Нос. Летом использовался водный путь. В предрассветный час к Николаевскому мосту подавали пароход. Смертников сопровождали жандармские чины, священник, мастеровые и палач.

Пароход шел Невой и заливом. В шестом форте уже готова была площадка для виселицы. Мастеровые вытаскивали их из складского барака и устанавливали за полчаса-час.

После совершения казни с трупов снимали кандалы, виселицы разбирали и снова отправляли на склад. Мертвецов на лодках вывозили в море и там вместе с грузом сбрасывали на глубину.

Зачастую экзекуторами назначались другие заключенные, уголовники — чтобы сэкономить зарплату палачу. Бывали случаи, когда убитый и убийца проходили по одному и тому же делу. Особенно часто использовались «бесплатные казни» в армии и на флоте.

«Ревельскому генерал-губернатору.

Его императорское высочество главнокомандующий приказал:

Матросов, приговоренных к смертной казни, расстрелять на острове Карлос.

Для расстрела назначить матросов того же крейсера из числа приговоренных к другим наказаниям — по соглашению с контр-адмиралом Вульфом.

Если матросы, назначенные для исполнения приговоров, откажутся, пехотная часть должна заставить их силой оружия.

Тела расстрелянных похоронить на том же острове или предать морю с использованием матросов того же крейсера, присужденных к другим наказаниям.

Место погребения тщательно сровнять.

Других матросов из эскадры капитана 1-го ранга Бострема к участию в экзекуции не привлекать.

Подпись: *Раух*, свиты его величества генерал-майор, генерал-квартирмейстер округа».

20 июля 1906 года кронштадтский комендант генерал-лейтенант Адлерберг заставил приговоренных к смерти семерых матросов-минеров копать себе могилу.

— Копайте, копайте, — приговаривал он, следя за работами и потягивая трубочку. — Вы хотели земли, вот вам земля, а волю на небесах найдете.

Ровно через два месяца тот же самый Адлерберг приказал вывезти 19 матросов, приговоренных военным судом к расстрелу. На пароходах «Минер» и «Артиллерист» их доставили к месту казни, которой распоряжался полковник Турбин.

Вместо того чтобы, как положено, привязать каждого заключенного к столбу, полковник решил упростить процедуру. Он велел натянуть канат поперек площадки для казни. Каждый смертник был к тому же обмотан этим канатом вокруг пояса. Получилась цепочка из связанных между собою людей.

— Пли! — скомандовал Турбин.

Убито несколько человек. Несколько раненых. Живые рвутся в стороны, натягивая канат.

— Пли!

Растерянные солдаты били мимо цели. Осталось еще несколько раненых, но больше нет патронов: бережливый Турбин выдал экзекуторам всего по два заряда.

Полковник лично прошелся вдоль каната. Пристрелил из пистолета тех, кто еще подавал признаки жизни. И велел высвобождать трупы.

Вдруг зашевелилась на земле окровавленная фигура:

— Братцы, не закапывайте меня! Я живой, братцы!

Тремя выстрелами в упор полковник добил раненого.

Мертвых уложили в мешки, в каждый из которых добавили по полтора пуда груза, и вывезли за Толбухин маяк, где сбросили в воду.

В 1906 году казни совершались в 94 городах импе-

рии — губернских, областных и уездных. С 31 августа 1906 по 31 января 1907 года только 31 день никого не казнили. Число жертв за это время измерялось тысячами.

Кроме военно-окружных судов появились военно-полевые, где судебное разбирательство и казнь совершались немедленно, на месте.

В высших сферах, в народе и в революционной среде все эти нововведения связывались с именем Столыпина.

Декабрь 1906 года
Санкт-Петербург

Редактор журнала «Былое» Бурцев шел по Невскому. Был выходной, и проспект от заполнявшей его толпы походил на реку в многоводье. Лавируя между прохожими, Бурцев наткнулся на прилично одетую даму.

— Простите, сударыня, — пробормотал он, приподнимая шляпу, взглянул на женщину и обмер.

Перед ним стояла мадам Азеф под руку со своим мужем, руководителем Боевой организации эсеров, тем самым, с которым редактор уже встречался однажды в Женеве, и тем самым, за которым уже несколько лет безуспешно охотилась полиция. По глазам его жены Бурцев понял, что здороваться сейчас не стоит.

Редактор еще раз извинился и рванулся вперед. Дойдя до угла, он оглянулся. Дорогая шубка мадам Азеф и ее яркая шляпка выделялись среди серых одежд прохожих. Азефы шли по Невскому открыто, никого не опасаясь.

— Не может быть, — пробормотал Бурцев себе под нос. — Что-то тут не так. Его уже сто раз могли бы арестовать, коль он так открыто ходит по городу, однако... Хм, — задумался он. — Где, интересно, тот молодой человек? Как его там? Кажется, Михайловский...

*Декабрь 1906 года
Петербург*

Стана полулежала на кровати, укутавшись лоскутным ситцевым одеялом.

— Хорошо у тебя, Гриша, — вздохнула она. — Уютно...

— Угу. — Старец поскреб в спутанной бороде. Он был явно чем-то озабочен.

— Иди ко мне... — протянула княгиня к нему руки.

— Погодь маленько, — отстранил ее Распутин. — Слышь, чернавка, у меня тут дельце есть одно.

— Опять дельце, — капризно сказала женщина. — Не хочу я думать о делах.

— Надоть. Тут ко мне давеча просители приходили, твой-то Длинный, говорят, сильно зверствует в армии. Пятерых солдат сильно палками побил, один таперича издыхает. Я ему записочку-то напишу, ты передай.

— Умоляю тебя, Григорий, только не вмешивай меня в эти дела. Николай Николаевич и слышать о тебе не желает. Ты не представляешь, какие скандалы он мне устраивает, когда я езжу сюда. Ты ведь знаешь, что за твоим домом следят...

— Чаво ж не знать? Охранники енти мои ужо докладывали, что сильно им не ндравится ентот нищий, что у дома сидит. Я им сказал, пока его не трогать. Сам разберусь. И с Длинным твоим разберуся. Только ты записочку все равно передай.

— Гриша...

— Цыц! Делай, что говорю, не то получишь у меня.

Николай Николаевич брезгливо, двумя пальцами, взял засаленную бумажку, которую передала ему Стана.

— Что это? Мерзость какая!

— Читай, читай, это просили передать тебе.

Великий князь развернул нацарапанную карандашом записку:

«Ты ваше высочество ври да не завирайси потому как и на тебе управа найдется пошто солдатиков бьешь мне усе извесно а будеш еще ерепенится папе скажу григорий новых (распутин)».

— Ах ты, стерва! — Бросив записку на пол, Длинный подскочил к жене и ударил ее по лицу. — Опять туда шлялась? Я тебя предупреждал!

— Николай, Николай, — лепетала Стана, прикрывая лицо руками и отступая в угол. — Меня попросили, не надо, прекрати!

Но Николай Николаевич продолжал бить ее до тех пор, пока женщина без сил не упала на пол.

— Если еще раз услышу от тебя об этом мужике или узнаю что — убью, — пригрозил он, выходя из комнаты.

Стана рыдала, лежа на полу.

Николай Николаевич сел в пустой гостиной, закурил, пытаясь успокоиться. Выпил несколько рюмок вина и вызвал к себе секретаря:

— Пиши. Петербург, Ямская, тринадцать. Григорию Новых (Распутину). Еще раз посмеешь вмешаться в мои дела — повешу. Великий князь Николай Николаевич.

— Все? — спросил секретарь.

— Все. Отправь телеграмму немедленно.

*Декабрь 1906 года
Петербург*

— Очи черные, очи страстные... — томно выводила цыганка, — очи жгучие и прекрасные...

— Эх, хороша. — Распутин с размаху хлопнул ее по заду. — Дюже хороша...

— Ка-ак люблю я вас, ка-ак боюсь я вас...

Мунька Головина ревниво посмотрела на певичку и отхлебнула из бокала.

— Ничего особенного, — заметила она. — Никаких данных...

— Да? — удивился старец. — А мне ндравится...

Рубинштейн царственным жестом протянул цыганке рубль и махнул рукой: пошла вон.

— А что, Митяй, — Распутин налил себе полный стакан мадеры и одним махом отправил ее себе в глотку, — доволен ты, как я тебя с мамой свел?

— Доволен, — иронически отозвался банкир. — Однако эта связь получилась односторонней. Я маме

помог, две тысячи золотом переведено ее гессенским родственникам, что это, копеечка, что ли? А имею с этого одно только благорасположение, ничего более. Обратился к ее величеству с одной незначительной просьбой, касающейся Крестьянского банка, так она посоветовала мне обратиться к господину Коковцову, министру финансов. А ведь я и без ее совета поступил бы так, ежели б результат был... Мне протекция нужна высочайшая...

— Устроим, — пообещал Распутин. — С мамой еще раз поговорю. Чаво ж она так — благодетеля своего по министрам пускает, некрасиво...

— Ей бы еще намекнуть, чтобы премьера к рукам прибрала. — Рубинштейн наклонился к самому уху Григория. — Крепко Столыпин за дело взялся. Из-за его реформ убытки многие терпят. Из общины-то теперь разрешают мужикам выходить без выкупа — так мои клиенты воем воют.

— Да, крут старик, крут, — согласно закивал Распутин.

— Какой же он старик? — хохотнула Мунька. — Мужчина в самом расцвете лет. И очень даже симпатичный.

— Я те покажу симпатичный, — пригрозил пальцем Распутин. А Рубинштейну сказал: — Дык у меня самого зуб на него имеется. Вот только папа уперся — и ни в какую. Он, говорит, теперь мой первый помощник. Я, говорит, теперь спать могу спокойно. Чаво спокойно? У старика глаз нехороший. Глядеть, как сверлом человека просверливает. Ох, плохой наш премьер, опасный...

— А что тебе папа? — пожала плечами Мунька. — Ты и сам с ним расправиться можешь...

— Могу, — кивнул старец. — Да не хочу. Рано еще. Погодить нужно. Эй, — крикнул он цыганке. — Подька сюды! Спой, чтоб душа моя захолонулась!

*Декабрь 1906 года
Киев*

— Вернулся! — Володя радостно похлопал Богрова по спине. — Смотри какой взрослый стал... Замечательный молодой человек! Только что из-за границы... Ну, как там Мюнхен? Вас ис дас?

— Да ну тебя! — Митя, смеясь, вырвался из Володичьих рук. — У меня этот немецкий уже поперек горла... Я по русской речи истосковался... И по ридний украинский мови... Ну, что тут у вас происходит?

— Революция, мой милый, революция в полном разгаре! — с энтузиазмом сообщил Володя. — И такое, скажу тебе, противостояние, почти как во время гражданской войны. Сила идет на силу: кто — кого?

— Ну и кто — кого? — рассеянно переспросил Богров, искоса поглядывая в сторону дверей, за которыми легко прошумело женское платье.

— С переменным успехом... Но, разумеется, победят прогрессивные силы! — заверил приятель. — Постой, ты что это озираешься? А, сестра прячется, стесняется... Аленка, иди-ка сюда, посмотри на этого европейца, на этого денди мюнхенского... И ты, Митька, обрати внимание на эту кралю. Вчера еще была соплячка соплячкой, а сегодня — мадемуазель...

Лена, вошедшая в комнату, смущенно потупилась. Потом, осмелев, протянула Богрову руку.

— И в самом деле — ужасно выросла. — Митя поднес к губам узкую девичью руку и поцеловал ее. — И чудо как похорошела.

— Ой, что вы, — покраснела Лена. — У нас так не принято... Мы предпочитаем рукопожатие. А целование рук оскорбительно для женщины и унижает ее человеческое достоинство, — важно сказала она, явно с чужого голоса.

— Слыхал? — усмехнулся Володя. — То-то, брат! Это еще та штучка. Уже сейчас. А пройдет год-другой... Мама миа, долече фарниенте! Бедные твои поклонники, Аленка!

— Никаких поклонников, — отрезала девушка, сердито глядя на брата красивыми серыми глазами. — Я посвящаю свою жизнь революционной борьбе!

— Да ты гимназию сперва закончи, двоечница! — Володя без всякой почтительности щелкнул будущую революционерку по носу.

Она сердито отмахнулась.

— В самом деле, для женщины бросать бомбы вовсе не обязательно, — заметил Богров. — Ты... То есть вы... Вы, Алена, слишком красивы, чтобы отдавать вас в

лапы царских палачей. Представляете, что они могут с вами сделать в застенках?

— Ну, убьют, — Лена пренебрежительно передернула плечами. — Я к этому готова.

— Есть вещи похуже смерти. — Богров понизил голос. — Молодых заключенных женщин, Алена, насилюют стражники, притом скопом... Им мало отнять у человека жизнь — они во что бы то ни стало стремятся растоптать его достоинство!

— Типун тебе на язык, Митька, — прикрикнул на приятеля Володя. — Нашел о чем рассказывать молоденькой, к тому же романтически настроенной особе!

— Но такова реальность! — возразил Дмитрий. — Я знаю случай, когда революционерки, не в силах выдержать издевательств и насилий, предпочитали покончить с собой...

Володя взглянул на сестру, которая попеременно то бледнела, то краснела.

— В общем, рад был тебя повидать, — чуть ли не насильно стал он выпроваживать Богрова. — Заходи в любое время суток. Ты знаешь, где меня можно застать.

*Декабрь 1906 года
Киев, Бибиковский бульвар, 4*

— Ты только посмотри на этого барина, Герш! — Мадам Богрова возмущенно всплеснула руками. — Вырядился как попугай, да еще и заявляет, что ему мало денег, которые ты выделяешь на карманные расходы!

— Может быть, он думает, что мы стали тут миллионерами, пока он разъезжал по Европам? — иронически поднял бровь Григорий Дмитриевич. — Или надеется, что я печатаю по ночам фальшивые ассигнации?

— Ах, папаша! — Дмитрий с упреком посмотрел на родителей. — Я же не могу себе позволить одеваться, как какой-нибудь голодранец... А вдруг мне понадобится пригласить на чашку кофе хорошенькую мадемуазель? Что я ей скажу: «Извольте раскошеливаться, потому что у меня в кармане — вошь на аркане»?

— Ты пока еще, как я понимаю, бедный студент, —

заметил отец. — Вот и будь добр по одежке протягивать ножки, а не выпендриваться перед мамзелями... Кстати, откуда они взялись? Раньше ты что-то не заговаривал о своих подружках...

— Так он тебе и сказал, — хмыкнула мать. — За границей, судя по всему, наш сынок многому выучился...

— Вот что, Митя. — Григорий Дмитриевич сменил тон на более серьезный. — Дела в последнее время шли у меня неблестяще... Знаешь, вся эта свистопляска с революцией... Половина клиентуры обанкротилась, другая половина разъехалась... Подвяжи пояс потуже, сынок.

— Ясненько, — пробормотал Богров-младший. — Значит, напрасны все жертвы?..

— О чем это ты, Дувид? — встревожилась мать. — Какие жертвы? Уж не ввязался ли ты в какую-нибудь плохую историю?

— Ах, мамаша, — как всегда, с досадой отозвался Митя. — Я уже вышел из того возраста. И сколько раз я просил не называть меня этим ненавистным мне именем... Да, кстати... — обернулся он к отцу, — ходят слухи, будто бы новый премьер-министр — жуткий антисемит... Ты не в курсе, это правда?

— Похоже, что так, — пожал плечами Григорий Дмитриевич. — Будто бы это он сказал: «Если нельзя всех евреев России перетопить в Черном море, то надо дать им хоть как-то жить!»

— Ты все перепутал, Герш, — вздохнула мадам Богрова. — Это анекдот про Витте.

— Точно! — вспомнил отец. — Ну, это особой роли не играет. Как были мы жидами до Столыпина, так ими останемся и при нем, и после него...

*Декабрь 1906 года
Царское Село*

— Вы что же, всерьез надеетесь, — выгаращив глаза, спросил Курлов, — что этот закон пройдет?.. Сейчас? В России... — И, опомнившись, добавил: — Ваше высокопревосходительство...

— Ну, пройдет он или не пройдет — это еще бабушка надвое сказала. — Столыпин сильно потер ладонями лоб. — Но вы сами, Павел Григорьевич, не раз сообщали мне, насколько революционно настроена еврейская молодежь, с какой радостью она бросается в революцию — и гибнет в ней! Ну разве не логично было бы связать этот процесс с тем политическим, гражданским и экономическим неравноправием, в котором существуют русские евреи?

— Да-с, так точно, — Курлов закивал, — но, Петр Аркадьевич, это самоубийство... Вас не поймут ни правые, ни левые... Никто не любит слишком сильного крена... Позвольте уж провести параллель с морским делом... Даже если капитан делает маневр для спасения судна и пассажиров... Вот-с!

— Да вы поэт, Павел Григорьевич. — Столыпин скупно улыбнулся. — Естественно, я не стану пытаться прошибить стену лбом, а тихонько проведу этот законопроект по 87-й статье Основных законов... И невинность соблюдем, и Думу обойдем...

— Значит, вы не надеетесь ни на чью поддержку, как я и полагал, ваше высокопревосходительство, — невесело покачал головой Курлов.

— На этот счет я не заблуждаюсь. — Столыпин встал, взвесил на руке папку с документами. — Господи благослови! И пронеси! Ну, Павел Григорьевич, иду с докладом...

И двинулся по коридору, рослый и широкоплечий.

— Что это такое, господин премьер-министр? — Император брезгливо держал за уголок лист бумаги.

— Законопроект, ваше величество. — Петр Аркадьевич слегка склонил голову. — Об отмене излишних ограничений в отношении евреев... Их накопилось слишком много.

— Вы хотите сказать — *евреев* накопилось слишком много? — без улыбки поинтересовался Николай.

— Ваше величество изволит шутить, — быстро заметил Столыпин. — Слишком много ограничений, которые, к слову сказать, входят в противоречие с действующим законодательством... Так вот, эти ограничения особенно раздражают еврейское население...

— Надо же дать хоть какие-то привилегии русским

людям! — неожиданно громко произнес император. — А то эти жида без мыла во все дыры лезут.

— Ваше величество, — терпеливо объяснял Столыпин, — притеснения в отношении евреев не приносят русскому населению никакой реальной пользы. Ведь евреи, особенно те, у кого есть возможности, то есть богатые люди, постоянно обходят любые ограничения... Зато наши враги за границей пользуются подобной ситуацией для того, чтобы вести самую возмутительную антирусскую пропаганду.

— На кого это вы намекаете? — насторожился Николай. — Какие такие враги?

— Подразумеваю, ваше величество, Североамериканские Соединенные Штаты. Вам ведь известно, что это самый могущественный еврейский центр в мире...

— Америка нам не указ! — вдруг тонким голосом почти взвизгнул император. — И жить с оглядкой на них Россия не станет!

— Но есть и другая сторона медали, ваше величество, настойчиво продолжал Столыпин. — И она гораздо ближе, чем Америка... Здесь, у нас дома... Многочисленные и зачастую противоречащие друг другу ограничения и запреты, как ничто другое, питают революционное настроение еврейских масс, особенно молодежи... Получается, ваше величество, что мы своими руками готовим кадры в ряды террористов...

Николай молчал, о чем-то раздумывая.

— Ну не знаю, не знаю, — наконец с тоской пробормотал он. — С чего это вдруг вы, Петр Аркадьевич, настоящий русский аристократ, выступаете точно какой-нибудь либерал-юдофил? Может, у вас кормилица была жидовочка? — Он неприятно засмеялся. — Или какая-нибудь тайная возлюбленная?

Столыпин ожидал ответа с непроницаемым лицом.

— Гм. — Император взял со стола папку. — Я изучу подготовленный вами документ. И отвечу письменно.

Это означало конец аудиенции. Петр Аркадьевич молча поклонился и вышел.

Через некоторое время премьер-министр получил ответ Николая: «Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, внутренний голос все настойчивее твердит

мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям».

— После намеков на еврейскую кормилицу или любовницу я ничего другого и не ожидал! — бросил Столыпин, прочитав письмо.

Но попыток своих он не оставил и обратился к царю со следующим предложением:

«Прошу провести означенный указ общим законодательным порядком, через Думу».

«Согласен», — начертал свою снисходительную резолюцию император.

Но ни Вторая, ни Третья, ни Четвертая Государственная дума ни разу не рассматривали вопрос о еврейском равноправии. По-видимому, внутренние голоса их многочисленных депутатов были так же убедительны, как и у российского самодержца.

Декабрь 1906 года
Киев

— Вы начальник городского охранного отделения? — спросил франтовато одетый молодой человек. — Подполковник Кулябко?

— Точно так. — Кулябко внимательно изучал посетителя. — Чему обязан?

— Я мог бы предложить свои услуги... — немного развязно предложил молодой человек. — Позвольте представиться... Студент Киевского университета Дмитрий Григорьевич Богров.

— Очень приятно. — Но руки подполковник не подал, продолжая сверлить посетителя маленькими пронизательными глазками. — А по какому, позвольте полюбопытствовать, факультету?

— Я будущий юрист, — отрекомендовался Богров. — Пока университет был закрыт... гм... в связи с волнениями... продолжал курс за границей... Теперь вот снова здесь...

— А по каким причинам вы решили с нами сотрудничать? — допытывался Кулябко. — Насколько мне из-

вестно, в студенческой среде охранительные органы не слишком... не слишком популярны, я бы так выразился.

— Хочу принести посильную пользу обществу, — скромно сказал Митя. — Послужить, так сказать, родине.

— Надеюсь, вы искренни. — Подполковник что-то пометил у себя в бумагах. — А то, знаете... У нынешних молодых такая мода завелась: внедряться к нам с тем, чтобы поставлять сведения смутьянам и боевикам.

— Нет, что вы, — обиделся Богров, — у меня такого и в мыслях не было.

— Отраднo видеть настолько благонамеренный образ мыслей, — кивнул Кулябко. — Однако взглянем-те на вещи реально — что конкретно вы можете нам предложить?

— М-м-м, — задумался Митя. — Предположим, я буду делать сообщения о настроениях студентов...

— Фискалов в этой среде у нас не так уж много, но вполне достаточно, — ласково улыбнулся подполковник. — Охранное отделение интересуется по-настоящему опасными группами молодежи...

— Кем, например? — полюбопытствовал Богров. — Марксисты? Социал-революционеры? Социал-демократы? Кто вам нужен?

— Вы высказываете завидную осведомленность, — удивился Кулябко. — И предлагаете свои услуги... Следовательно, среди ваших знакомых есть и те, и другие, и третьи?

— Да, кое с кем я даже на короткой ноге, — важно ответил Митя. — Дадите задание — сумею внедриться в тот или иной кружок, войду к ним в доверие, а затем поставлю вас в известность...

— Только не мешало бы сменить стиль... — подполковник покосился на блестящие штилеты будущего осведомителя. — Они, знаете ли, этого щегольства не любят. Так что, господин студент, будемте сотрудничать?

— А сколько у вас платят? — неожиданно спросил Богров.

— Ага! — ухмыльнулся Кулябко. — Вот ваши истинные мотивы... Все зависит, милостивый государь, от ценности предоставляемых сведений и вашей оператив-

ности. Есть агенты, получающие до пятисот рублей ежемесячно. Вы, разумеется, пока не можете рассчитывать на подобную сумму. Дай вам Бог заработать на первых порах рубликов пятьдесят... Бывают и единовременные выплаты — как поощрение за отдельные действия. Ну что, устраивает вас цена... фигурально выражаясь, тридцать наших сребреников?

— Я никого не собираюсь предавать, — слегка передрнувшись при упоминании об Иудиной плате, возразил Митя. — Свои причины я уже объяснил. А, допустим, анархисты вас интересуют?

— И анархисты тоже, — подтвердил подполковник. — Ну, коли мы столковались, заполните бумаги, — придвинул он к Богрову лист. — Тут надо просто отвечать на указанные вопросы.

Богров обмакнул перо в чернильницу и быстро вписал в анкету свои данные.

— Тут только один пункт непонятный... — поднял он голову. — Псевдоним... Это наподобие клички, так, что ли?

— Кличка и есть, — кивнул Кулябко. — Какую предпочитаете? Что-либо литературное или попроще — Иванов, Петров, Сидоров? Бывает, что и от имени своего или чужого образуют...

— Пусть будет... — Мите вспомнились красивые серые глаза, — Аленский... Да, именно так — Аленский...

— Прекрасно, — восхитился подполковник, мягко, но настойчиво вынимая из рук Богрова исписанные листы. — Благозвучно и довольно изысканно... Почти как дворянская фамилия... Вы, к слову сказать, из каких сами будете, господин Аленский?

— Отнюдь не дворянин, — нервно подпрыгивая коленкой, ответил Митя. — Я еврей, сын присяжного поверенного...

— Как же, как же! — просиял Кулябко. — Григория Дмитриевича сынок... Знаем папашу вашего. Весьма опытный и умный адвокат.

— Ну, я пойду, — Богрову отчего-то было неловко, хотя он не раз и не два обдумывал этот шаг.

— Не смею вас задерживать, — склонил голову под-

полковник. — И милости просим! Разумеется, с ценными сведениями.

Митя с облегчением вышел на улицу. Не успел он пройти и двух кварталов, как кто-то тронул его за локоть. Богров резко обернулся.

— С приездом, господин студент! — Из-под надломленного козырька картуза на него смотрели наглые глаза Степы. — Давненько вас не видывал. Все по заграницам разъезжаете... А мы тут, с места не сходя, существуем помаленьку...

— А, на ловца и зверь бежит! — оправившись от неожиданности, небрежно сказал Митя. — Ты даже представить не можешь, Степа, до чего я рад нашей встрече!

Человек в картузе оторопело уставился на него.

— И впрямь рады? — недоверчиво переспросил он. — Не врете? Тогда есть о чем поговорить... — Дело-вито шмыгнув носом, анархист понизил голос. — Сами знаете, что нам нужно...

— Деньги? — снисходительно усмехнулся Богров. — Не рассчитывайте на это. Во-первых, я поиздержался за границей, во-вторых, папаша урезал мне содержание... Нет, мой милый Степа, звонкой монеты ты от меня не дождешься. Зато я хочу поработать для вас...

— Для нас? — Глаза у Степы полезли на лоб. — Вы?

21. ПОГОНЯ

---

*3 января 1907 года
Санкт-Петербург*

— Настоятельно советую вам не ездить на открытие нового отделения медицинского института, — предупредил Герасимов. — Буквально вчера я получил бесспорные подтверждения того, что там будет произведено покушение на вас.

— Но я уже дал обещание, — возразил Столыпин. — И сейчас не могу отказаться. Во-первых, уже поздно отменять торжественный молебен, во-вторых, манкировать своими обязанностями, по мне, — трусость.

— Ваше личное мужество, кажется, до сих пор не было под сомнением, — настаивал начальник охранного отделения. — И есть все-таки разница между трусостью и разумной осторожностью...

— Тем не менее, — Столыпин принялся повязывать перед зеркалом галстук, — я принял уже решение и отменять его не намерен.

— Это ваше последнее слово? — осведомился Герасимов. — В таком случае я снимаю с себя всякую ответственность. Но должен вам заметить, Петр Аркадьевич, что для главы государства вы чересчур легкомысленны и в то же время упрямы.

— Что ж поделать? Другим мне уже не бывать, — пожал плечами премьер.

— Ты готов, Петя? — вошла в комнату жена. — Дайка я на тебя взгляну... — Она с удовольствием оглядела фигуру мужа в ловко сидящем фраке.

— Ольга Борисовна, — собравшись с духом, обра-

тился к женщине полковник. — Повлияйте на вашего несознательного супруга. У меня есть данные, что на него готовится покушение и что оно должно произойти вот-вот... Я битый час упрашиваю его остаться сегодня дома, не ездить на освящение мединститута, а он и слышать ничего не желает.

— Как, Петя? — всполошилась Ольга Борисовна. — Если сведения достоверны, зачем рисковать жизнью? Александр Васильевич не стал бы запугивать тебя попусту...

— Но я обещал там быть, — мягко повторил Столыпин. — Люди ждут.

— Ты согласен подвергать себя опасности ради пустой формальности? — Ольга Борисовна строго сдвинула брови. Это был тревожный знак. За долгие годы совместной жизни Петр Аркадьевич убеждался в этом не раз. — Ну что ж, если ты не дорожишь ни собой, ни своей семьей, отправляйся куда угодно, под пули, под бомбы... Но домой можешь не возвращаться!

— Ну что ты, Олюшка... — Гнева жены Столыпин боялся куда больше, чем террористов. — Зачем же сразу ставить вопрос так резко...

— Я не хочу остаться вдовой с выводком детей на руках! — Женщина почувствовала, что всесильный премьер поддается и вот-вот готов уступить. — Подумай, что с нами со всеми будет, если с тобой что-нибудь случится!

Герасимов бросил взгляд на часы.

— Мне, пожалуй, пора...

— Куда же вы, Александр Васильевич! — бросился к нему Столыпин. — Это что же получается? Заговор! Самый настоящий антиправительственный заговор!

— Мавр сделал свое дело — мавр может уходить! — рассмеялся полковник. И оставил супругов разбираться друг с другом.

— Ну что, Адмирал, устроим сегодня фейерверк? — Василий Сулятицкий смеющимися глазами смотрел на Кудрявцева. — Эх, бомбочку бы бросить во всю эту публику! — показал он на нарядную толпу и экипажи, съезжавшиеся к подъезду медицинского института. —

Браунинг, что ни говори, оружие для нежных девичьих рук, а не для нас, — потряс он в воздухе своими здоровенными кулаками.

— Ничего, — возразил Евгений Кудрявцев — Адмирал, — я фон дер Лауница и из браунинга достану. Он от меня бежит аж с самого Тамбова... Он тогда был у нас губернатором. Сколько деревень утопил в крови, ты представить не можешь! Ну, наша группа его и приговорила, его и еще двух помещиков. Они просто конкурировали в жестокости... С помещиками живо разобрались. А Лауниц все ускользал от расправы. Вот как-то раз переоделся я в рясу...

— В рясу? Ха-ха-ха! — расхохотался Сулятицкий, представив Адмирала в обличье сельского священника. — Да, это картина! А дальше что?

— Ну, и честь по чести заявился к нему — якобы с благодарностью за усмирение бунтовщиков в моем приходе... И тут такая досада меня взяла! Выходит навстречу совсем другой губернатор! Фон дер Лауница-то в Петербург перевели... За особые заслуги! За поротые крестьянские задницы, за горы трупов и сожженные деревни! Так он у меня ушел в прошлый раз... Но на этот раз — шалишь! — не уйдет.

— Это плохо, когда во время акта примешивается личное отношение, — со знанием дела заметил Василий. — Все равно, симпатия или неприязнь. Ум должен быть холодным, а рука твердой — вот заповедь боевика. Слава Богу, я со Столыпиным не знаком и что он за человек — понятия не имею. Но уже за одно то, что он занимает такой пост, этот реакционер и мракобес заслуживает казни!

— Что-то не видать твоего Столыпина, — заметил Кудрявцев. — Видно, почувал, что ты, Вася, зуб на него точишь.

— Сейчас наведу справки, — ответил Сулятицкий и растворился в толпе. — А, черт, — воскликнул он, появившись через минуту, — не повезло мне. *Мой* не приехал и уж не приедет. Накладка произошла. Ничего, Жень, я выясню, где происходит утечка информации... А тебе, брат, счастливо!

Он крепко пожал Адмиралу руку, кликнул швейца-

ра, получил у него модное пальто, дал щедрые чаевые и уехал в наемном экипаже.

А Кудрявцев остался, ожидая появления своей жертвы.

На третьем этаже, в капелле института, заканчивалась торжественная служба. Гости, оживленно переговариваясь, начали спускаться по лестнице. Адмирал, побледнев от страшного напряжения, вглядывался в толпу.

— Да, сударыня, — раскатывая басом, самодовольно говорил петербургский градоначальник какой-то даме, — никак нельзя не оказывать покровительства всяческому наукам, искусствам и ремеслам...

Услышав этот характерный голос, Евгений сразу узнал своего врага. Он немного пропустил фон дер Лауница вперед по лестнице, подошел к нему сзади почти вплотную и трижды выстрелил из маленького браунинга в ненавистный затылок с жирными складками. Среди общего шума слабые хлопки остались незамеченными, и Кудрявцев, пряча оружие под нарядный фрак, хотел уже затесаться в толпу...

Но в этот момент страшно закричал смертельно раненный градоначальник. Люди переполошились, и в мгновение ока вся толпа отхлынула.

Адмирал, оказавшийся в одиночестве, не теряя времени, снова вытащил браунинг и поднес к виску.

Завизжали дамы. Ближайший полицейский бросился к террористу с обнаженной шашкой, размахнулся и нанес удар... И в тот же миг раздался выстрел. Залитый кровью Кудрявцев упал на ступени, для него уже все закончилось.

—Негодяй! Стервец! — Полицейский рубил шашкой, пока его не оттащили от искромсанного тела.

— Вот видите, Петр Аркадьевич, как верно вы поступили, послушавшись... э-э-э... супругу, — сказал озабоченный Герасимов. — Злодеяние совершилось. И вы могли бы стать жертвой безумных маньяков, называющих себя революционерами.

— А что, удалось установить личность покушавше-

гося? — хмуро спросил Столыпин. — В ваших досье числится что-нибудь на него?

— Увы! — полковник развел руками. — Медицина тут бессильна, простите мне невольный каламбур, ведь градоначальника убили при церемонии открытия дерматологического отделения экспериментальной медицины...

— Предпринимайте же что-нибудь, ради Бога! — не оценил его остроумия премьер. — Государь лично потребовал расследования, всем известно, как он был близок с фон дер Лауницем...

— Мы не боги, — помрачнев, сказал Герасимов. — Но кое-что уже придумали. Террорист, как вам известно, Петр Аркадьевич, застрелился на месте преступления, и допросить его оказалось невозможно. Потому-то ему удалили голову...

— То есть как это удалили? — воскликнул пораженный Столыпин. — Отрезали, что ли?

— Так точно, отрезали, — поправил себя полковник. — Вышеозначенную голову заспиртовали в стеклянной банке и выставили для публичного опознания перед зданием института...

— Господи, что у вас за странные методы! — содрогнулся премьер-министр. — Дикость какая-то!

— Мне и самому это не слишком нравится, — пожал плечами Герасимов, — однако таково было распоряжение судебных властей. Да и голова злоумышленника, несмотря на простреленный висок и рубленую рану, в неплохом состоянии. Чем черт не шутит? Авось кто-нибудь из прохожих и узнает убийцу фон дер Лауница...

— Маловероятно, — покачал головой Столыпин. — А толков эта мера наверняка вызвала уже множество.

— Есть у меня надежда, — задумчиво произнес полковник, — что мы все-таки узнаем, кто покушался на градоначальника. Через месяц-другой у меня назначена встреча с небезызвестным вашему высокопревосходительству агентом... лучшим нашим агентом, хотя и хитрым, двусмысленным дьяволом... я имею в виду Евно Азефа... Это тот самый человек, для которого нет невозможного. Он нам выложит полную информацию: чья голова, зачем стрелял, к какой группе принадлежал...

— И все же, Александр Васильевич, — возразил

Столыпин, — следует избегать подобных крайностей. Общественное мнение и без того взбудоражено сверх меры. И все его симпатии — на стороне наших противников. Так уж не добавляйте сияния к их ореолу героев и великомучеников!

— Странно, почему никому не приходит в голову внести в мартиролог того же Лауница, — пробормотал Герасимов. — Мерзавец он был, что правда, то правда... Заводил со мной разговоры... лично против вас. И прессу направлял... Помните публикации в «Русском знамени»?

Столыпин молча кивнул. Потом, поморщившись, сказал:

— Хуже всего то, что на деньги фон дер Лауница было организовано убийство депутата Госдумы Герценштейна... Это ведь доказано, не так ли, Александр Васильевич?

— Доказать можно что угодно... — Герасимов показал пальцем на потолок. — У фон дер Лауница было очень высокое покровительство. Но и оно не помогло. А ведь предупреждал я его... так же, кстати сказать, как и вас... чтобы поостерегся в тот злополучный день выходить из дому! Так не внял же!.. И вы, если бы не вмешательство супруги, весьма и весьма разумной женщины, полезли бы под пули... К слову, по имеющимся у нас агентурным донесениям, «максималисты» снова затевают что-то против вас... Но наш бесценный источник Азеф уже навел нас на след. Естественно, не бесплатно. Но его услуги окупаются сторицей. Так вот, кроме известной группы Карла, а точнее, Карла Трауберга, в Финляндии окопалась еще одна террористическая банда...

— И тоже существует на пособие из вашего ведомства? — с плохо скрываемой иронией осведомился Столыпин.

— Упаси Бог! — всплеснул руками полковник. — У социалистов-революционеров хватает источников и помимо тех жалких крох, которые подкидываем им мы... Я продолжаю: главарь банды — некто Николай Иванович, по-видимому, это кличка, по описаниям он очень напоминает боевика Льва Зильберберга... Обосновались они неподалеку от водопада Иматра... Весьма живопис-

ное, должен заметить, местечко... С вашего позволения, я изложу детали предстоящей операции по ликвидации этой группы...

«3 ДЕКАБРЯ 1907 ГОДА
ДОКЛАД ОТДЕЛЕНИЯ
ПО ОХРАНЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ И ПОРЯДКА В СТОЛИЦЕ

С о в е р ш е н н о с е к р е т н о .

13 августа прошлого, 1907 года на перроне станции Новый Петергоф был убит выстрелом из браунинга командир лейб-гвардии Семеновского полка свиты Его Величества генерал-майор Мин. Задержанный убийца, домашняя учительница Зинаида Коноплянникова, как на предварительном следствии, так и на суде, заявила, что она член летучей боевой дружины Северной области партии социалистов-революционеров и убила генерал-майора Мина по приговору этой партии.

Областные летучие боевые дружины организованы при каждом областном комитете, и, согласно постановлению последнего съезда партии социалистов-революционеров, на них возложено приведение в исполнение смертных приговоров, постановленных областными комитетами по отношению лиц, проживающих в районе областного комитета...

Принятыми мерами установлено, что организаторами всех политических убийств, выполненных летучей боевой дружиной Северной области, является некто Карл, он же носит конспиративную кличку Иван или Иван Иванович.

Проживая почти постоянно в пределах Финляндии, Карл организовал, кроме убийства свиты Его Величества генерал-майора Мина, следующие политические убийства, выполненные находящимися в его подчинении членами боевой дружины Северной области:

1. 2 декабря 1906 года было совершено покушение на убийство генерал-адъютанта Дубасова. Покушавшиеся на убийство Воробьев и Березин были задержаны и по приговору Санкт-Петербургского военного трибунала военно-окружного суда казнены.

2. 26 декабря 1906 года был убит главный военный прокурор генерал-лейтенант Павлов. Убийца, член бое-

вой дружины, матрос, дезертир Егоров, по приговору Спб. военно-окружного суда казнен.

3. 17 января сего года был убит начальник временной тюрьмы Гудима неизвестным, также боевиком боевой дружины. Убийца не был задержан.

4. 16 июля сего года предполагалось убийство военного министра генерал-лейтенанта Редигера. Убийство было предотвращено арестом лиц намеченного предполагаемого покушения. Были арестованы назвавшиеся: Файнбергом, Гольцем, Гуминским, Руссаком и Фабрикантом, которые по приговору Спб. военно-окружного суда приговорены к каторжным работам.

5. 13 августа сего года был убит начальник Санкт-Петербургской тюрьмы полковник Иванов. Задержанный неизвестный убийца, член боевой дружины, по приговору Спб. военно-окружного суда казнен.

6. 15 октября был убит начальник главного тюремного управления Максимовский. Убийца Евстолия Разозникова, член той же дружины, была казнена по приговору Спб. военно-полевого суда.

7. 19 октября при похоронах Максимовского на Волковом кладбище был задержан неизвестный с двумя браунингами. При допросе он заявил, что состоит членом летучей боевой дружины и командирован Карлом для убийства министра юстиции Щегловитова и в настоящее время Карлом подготовлялось покушение на жизнь господина премьер-министра П. А. Столыпина во время пребывания его на заседании Государственного совета...

В декабре Карл вместе с двумя неизвестными женщинами был арестован на даче в Колломяках...

Полковник Герасимов».

— Желаете облегчить свою душу исповедью? — скороговоркой спросил священник.

— Мне не в чем исповедоваться. — Зина Конопляникова гордо подняла голову и взошла на эшафот.

На шею ей накинули петлю. Зачитали приговор военно-окружного суда.

Зина прикрыла глаза, и на губах у нее заиграла странная улыбка.

Звезда пленительного счастья!
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена...

Январь 1907 года

Петербург

— ...И никаких поблажек, самые жесткие меры, самые жесткие, поняли меня? — прокричал Столыпин в телефонную трубку и утер платком пот со лба.

— Ваше превосходительство, вот сводки по губерниям за последние дни, — показал секретарь пухлую папку. — Желаете ознакомиться?

— Желая, — буркнул Столыпин. — Читайте.

Секретарь набрал в грудь побольше воздуха:

— «В Седлеце (Царство Польское) «Союзом русского народа» совместно с войсками местного гарнизона была проведена карательная операция в наказание за убийство революционерами полицмейстера. Операция вылилась в погром. Начальник полиции сначала приказал населению выдать революционеров, а затем велел стрелять из пушек. Убито тридцать человек, ранено сто пятьдесят. Масса случаев изнасилования. Одну девушку изнасиловали двадцать солдат, другую выкупила ее мать за шестьсот девяносто рублей. Многие бегут из города...»

— Уже закончено?

— Да, пришла телеграмма от губернатора, что «войска действовали энергично и самоотверженно. Начальник полиции получил благодарность от властей».

— Скоты, — вырвалось у Столыпина. — И те и другие скоты! Немедленно телеграфируйте, чтобы выявили зачинщиков погрома и отдали под суд!

— Но это же «Союз русского народа»... — изумленно произнес секретарь.

— Ну и что? По мне, хоть весь этот вонючий «Союз» под суд отдайте.

— Но этой организации покровительствует ее величество...

— Ее величество покровительствует убийцам... Впрочем, хватит болтать: телеграфируйте, как я сказал. Кто-то должен ответить за этот погром. Что еще?

— Бунтуют крестьяне в Воронежской губернии: двух мужиков, вышедших из общины, жестоко избили. Один скончался в больнице.

— Этого и следовало ожидать. Ну ничего, мужики побунтуют и привыкнут. Надо учиться жить самостоятельно.

— 108 крестьянских семей из Бессарабии выехали на освоение земель в Сибирь.

— Хоть единственное положительное известие.

— По деревням распространяются вот такие прокламации, которые поступают в губернские города из Москвы.

Столыпин молча взял из рук секретаря листок.

«Люди добрые, братья христиане! Все как один вставайте на защиту России! Не допустите, чтобы инородцы попали во Вторую Государственную думу, иначе ее разгонят так же, как и Первую. А не разгонят — так пролезут евреи, поляки, армяшки в высшие чины, подомнут под себя всю Россию. Вслед за ними поплетутся на хутора немцы, бельгийцы, англичане. Не забунтует, не забастует тогда батрак Иван, а не то губернатор-еврей пришлет генерала, своего же брата, еврея, и офицеров — евреев да поляков, так они расправятся с Иваном-батраком по-своему, и не у кого тогда просить заступы-защиты...»

— Мерзавцы, — вздохнул он. — Это у нас называется «предвыборной борьбой». Какая дикость...

Январь 1907 года

Царское Село

Анна Вырубова буквально влетела в покои императрицы.

— Сана, я привезла тебе записочку от друга.

Дрожа от нетерпения, Александра Федоровна развернула засаленную бумажку и с выражением крайнего благоговения на лице прочла:

— «Милая мама кланяется тебе друг григорий новых

(распутин) из гнезда птенца моего ани вырубовой ты пошто обидела митяя милая мама митяй плачет и сильно страдает он то к тебе с открытым сердцем хотел просьбу попросить а ты его по министрам посылала а ему очень надо скажи папе чтобы помог а не хочеш папе старику прикажи а митька уваж. Я буду молица за тебя папу и маленького чтоб жыли долга и не болели».

— Он чист и наифен, как дитя! — воскликнула императрица, поднимая к потолку глаза. — Майн готт! Как и я хотела бы жить так, как он — ф стороне от интриг и дфорцофых сплетникоф. Как фсе просто — пойди и скажи министру, пойди и скажи папе... Кстати, — глаза ее вновь забегали по строчкам, — а кто такой Митяй?

— Банкир Рубинштейн, — подсказала Вырубова. — Он пожаловался Григорию, будто ты ему отказала в какой-то просьбе...

— Да, — припомнила царица, — он обрасчался как-то ко мне... Я с удофольствием бы помогла ему, коль понимала бы, о чем речь. Это что-то сфязано с Крестьянским банком, какой-то заем...

— О, это сложно. Столыпин лично контролирует Крестьянский банк. Обратись к его величеству, возможно, он тебе посодействует.

— О нет! — испугалась Александра Федоровна. — Ники бутет недофолен, если узнает, что я перефошу деньги в Гессен родстфенникам. Он обитится, что я делаю это за его спиной. Но что мне есчо остается? Мы не так богаты, как кашется...

— Тогда свяжись со Столыпиным сама. В конце концов он обязан выполнять твои требования.

— О. — Государыня сморщилась. — Он такой неприятный тип... Однако ничего не остается.

Она вздохнула и сняла телефонную трубку.

*Февраль 1907 года
Петербург*

Бурцев рассчитал правильно.

Если Михайловский в Петербурге, он обязательно появится около Таврического в дни работы Второй Думы. Конечно, если еще не уволился из охранного отделения.

Сидя в ложе прессы, редактор «Былого» внимательно оглядывал присутствующих в зале. Конечно, много депутатов от крестьян — Бурцев усмехнулся. Он был ярким противником того, чтобы государством управляла кухарка. Он предпочитал образованных профессиональных политиков. Такие здесь тоже были — видные юристы, профессора права... А в основном, конечно, горластая масса.

— Владимир Львович! — послышался сзади чей-то голос.

Бурцев обернулся. Через ряд от него сидел Михайловский собственной персоной.

— Здравствуйте, — искренне обрадовался журналист. — А я вас искал... Отчего ж вы больше не заходите? Нам бы надо поговорить...

— Да уж как-то не хочется больше наталкиваться на ваше негостеприимство, — съязвил Михайловский.

— Простите великодушно, — без всякой обиды отозвался Бурцев. — Но войдите в мое положение...

— Да уж ладно, — махнул рукой агент охраны, — кто старое помянет, тому глаз вон...

— А кто забудет. — тому два, — дополнил Бурцев, и оба рассмеялись.

— А что, господин Бурцев, все-таки заинтересовали вас мои сведения?

— Отчасти, — уклончиво ответил журналист. — Мне хотелось бы поговорить с вами тет-а-тет. Как вы смотрите на то, что я приглашу вас в ресторан?

— Положительно. А когда?

— Да хоть сейчас... Или вы хотите еще послушать?

Михайловский взглянул на трибуну. Там кричал что-то, потрясая кулаком в воздухе, очередной оратор.

— Вообще-то я теперь сотрудник газеты «Новое время», — сообщил Михайловский. — И мне нужно дать репортаж в номер.

— Мы что, репортаж не напишем? Все интересное уже закончилось. Столыпин также сказал свое слово. Пойдемте, здесь сидеть становится скучно.

По Невскому мела поземка. Бурцев и Михайловский вышли из экипажа и отправились в ресторан «Астория» — один из самых дорогих в столице.

— Однако, — заметил Михайловский. — Вот вам и бедные русские журналисты...

— Считайте, что я заглаживаю вину за неласковый прием при нашем первом знакомстве, — отозвался Бурцев.

Выпив и немножко разомлев, Бурцев перешел к тому, что его интересовало больше всего:

— А вот скажите, Михаил, помните ли вы тот разговор, с которого началось наше знакомство?

— Еще бы. Я говорил вам об Азефе, а вы не стали меня слушать.

— Вы по-прежнему думаете, что он провокатор?

— Я вообще ничего не думаю. Я лишь поделился с вами мнением покойной Веры Павловны Розановой.

— Давайте еще выпьем, — поднял Бурцев стопку. — Ваше здоровье.

— Взаимно, — отозвался Михайловский, закусывая балычком. — Но теперь я больше не думаю, что Азеф провокатор, — внезапно заявил он.

— Вот как?

— Видите ли, среди наших охранников есть человек по имени Раскин. Иван Раскин. Придя на работу в охранное отделение, я поначалу был приставлен следить за ним. Я думал сначала, что это революционер, и, лишь когда он исчез из поля моего зрения и мне дали другое задание, я выяснил, что этот человек — сотрудник охранного отделения, чем-то не угодивший начальству.

Бурцев расхохотался.

— Помилуйте, Михаил, где логика? Так всякого, кто не угодит начальству, можно назвать революционером и провокатором!

— Да нет же, — загорячился Михайловский. — Мне говорили о донесениях Раскина: все они связаны с деятельностью эсеров. По моим сведениям, именно он раскрыл деятельность эсеровской типографии, томскую группу и еще кое-какие акции, не столь нашумевшие. Но самое интересное то, что Раскин сообщил охранке о тайном съезде революционных партий, где присутствовал от партии эсеров. Я справлялся у участников съезда: никакого Раскина они не знают!

— Естественно, не знают, — пожал плечами Бурцев. — Это псевдоним...

— У нас в охранке это называется кличкой. Кстати, позвольте представиться вам подлинным моим именем: Михаил Бакай.

Бурцев снова рассмеялся:

— О, значит, я о вас слышал уже.

— От кого же?

— От большевиков.

— И что они говорят?

— Говорят, вы здорово бомбы делаете.

— Вообще-то по образованию я химик... Но, Владимир Львович, рассчитываю на вашу порядочность. Вам ведь известны причины, которые привели меня в охранку...

— Об этом можете не беспокоиться. Тем более если вы поможете разоблачить провокатора Раскина... Слушайте, — вдруг осенило Бурцева, — а Раскин не может быть Азефом? Или наоборот? У меня, знаете ли, была странная встреча...

И он склонился поближе к Михайловскому...

*Январь 1907 года
Царское Село*

— Фидите ли, — сказала императрица, — по некоторым неизвестным мне причинам господин Рубинштейн не может получить заем у Крестьянского банка. Он обратился ко мне. Однако я, зная, сколько фы сделали для укрепления Крестьянского банка, перетресофала фопрос не господину министру финансов, а фам...

— Благодарю вас за проявленное ко мне доверие, — поклонился Столыпин. — Но уточните, пожалуйста, одно обстоятельство: почему сам господин Рубинштейн не обратился ко мне с подобною просьбой? Зачем обременять вас, ваше императорское величество, такими мелкими поручениями?

Аликс фальшиво улыбнулась:

— О, господин премьер, о фас ходит такая слафа...
Фы на фсах нафодите страх...

— Ну уж не думаю, чтобы господин Рубинштейн меня испугался...

— О, есчо как! Он боится, что фы ему не позфолите фзять заем у Крестьянского банка.

— Конечно, не позволю, — кивнул Столыпин. — Временно Крестьянский банк выдает ссуды только тем, кто занимается землеустройством. Например, фермерам, организовывающим хутора...

— Но для господина Рубинштейна сделайте исключение, — обращаясь с просьбой к премьеру, Аликс пересиливала себя.

— Извините, — Петр Аркадьевич развел руками, — и рад бы, да не могу. Теперь такой порядок, такой закон...

Как всегда в минуты ярости, на щеках Александры Федоровны выступили ярко-красные пятна. Она порывисто поднялась с одного стула и тут же пересела на другой.

— А если я фам прикашу? — хриплым голосом спросила она.

— Я не советовал бы вам этого делать. Ваше величество, не думаю, что император останется доволен, узнав, каким образом и куда перекачиваются деньги из России. Простите великодушно, но здесь я вам не помощник.

Забыв об этикете, императрица вышла из зала, не попрощавшись и громко хлопнув дверью.

— Врага себе нажил, — вздохнул Столыпин, оставшись в одиночестве.

*Февраль 1907 года
Москва*

Пока в Петербурге с трибуны Второй Государственной думы гремели обличительные речи, в Москве был убит депутат Первой Думы, сотрудник газеты «Русские ведомости» Г. Иоллис. В газете «Рассвет» писали: «Из ворот дома, где помещается правление

«Союза русского народа» и редакция черносотенной газеты, выбежал неизвестный человек и произвел два выстрела. Смерть наступила почти мгновенно. Убийца скрылся».

Как выяснилось впоследствии, убийцей оказался петербургский рабочий Шатохин, который совершил покушение по наущению члена «Союза русского народа» Пустового.

Всю эту информацию Азеф, который жил теперь в Москве под фамилией Филипповский, получил от самого Пустового, члена партии эсеров. В полиции провокатор выправил убийце фальшивый паспорт. Пустовому удалось бежать за границу. Но перед отъездом он посоветовал своему благодетелю сделать то же самое.

— Мой петербургский товарищ сказал, что подозревает вас в провокаторстве, — без обвиняков заявил Пустовой. — Он сообщил также, что у него есть доказательства из департамента полиции. Будьте предельно осторожны.

Март 1907 года

Петербург

— Пода-айте, пода-айте копеечку, — канючил калека-нищий на Ямской.

Из дома Сазонова вышли двое — Распутин и его телохранитель. Из-под надвинутой на лоб шапки нищий видел, что они направились в его сторону.

— Пода-айте, Христа ради! — взвыл он с новой силой.

Теперь он видел только ноги прохожих. Проплыла, шурша юбками, благоухающая дама в туфельках со скошенными каблуками, протопали крестьянские опорки, а лакированные сапоги остановились как раз перед нищим. В его протянутую ладонь полетела копеечка, но сапоги оставались рядом.

— Чаво ж у тебя неможет, калечный? — ласково спросил чей-то голос.

Нищий задрал голову. Голос этот принадлежал его

поднадзорному — Распутину, или Темных, как он числился в полицейских донесениях.

— Ох, батюшка, спаси вас Бог, — закивал нищий, осеняя себя крестным знамением. — Здравия вам и деткам вашим... Да ваше милосердие...

Распутин присел перед ним на корточки:

— Чаво, говорю, болит? — Голос был по-прежнему ласковым, но серо-голубые глаза смотрели настороженно и пронизательно, будто сверлили насквозь.

— Ой, калека я, несчастный, горемычный...

Распутин провел рукой по покрытой язвами ноге нищего.

— Лепо, — похвалил он, отколупывая кусочки краски и канцелярского клея. — Чистая работа. Да меня ить не поведешь...

Нищий умоляюще взглянул на него и быстрым шепотом заговорил, оглядываясь по сторонам:

— Простите, господин хороший, не по своей воле... Работы лишился, дома дети плачут... Не губите, я больше никогда здесь не сяду, никогда...

— Ладно языком-то молоть, поганка. — В голосе старца прозвучали металлические нотки. — Я-то все вижу, все знаю... Давно на тебя засматриваюсь... Кто подослал, говори!

— Да я, отец мой, только деткам на хлебушек...

— Цыц, паскуда! — Распутин схватил нищего за грудки. — Шпиёнить за мною задумал? Кто подослал?

Нищий беспомощно огляделся по сторонам. В двух шагах от них стоял верзила телохранитель.

— Ну... — Распутин хорошенько встряхнул филера.

— Пусти. — Ловким приемом нищий вывернулся из хватки Распутина и поднялся на ноги. Он даже мог бы убежать, если б дорогу ему не преградил все тот же телохранитель.

Распутин тоже встал.

— Лучше добром скажи, не то я тябе из-под земли достану, — пригрозил он. — Ты мене знаешь.

30 марта 1907 года
Петербург

Письмо было отправлено из Парижа полторы недели назад:

«Господин Герасимов!

Мне стало известно, что некий господин Бакай, который проходит в охранном отделении под псевдонимом Михайловский и которого, как я теперь догадался, вы приставили следить за мною, ведет двойную игру. Все сведения, полученные им в департаменте полиции, он передает редактору журнала «Былое» господину Бурцеву, который покупает документы, компрометирующие охранное отделение, с целью их перепродать.

Иван Раскин».

— Ах, каналья! — Герасимов ударил кулаком по столу. — Мерзавец! А я-то хорош: жалованье ему увеличил! Да я его уничтожу! На каторгу отправлю! На виселицу!

Бакай взяли на следующий же день утром. У него были обнаружены документы, связанные с работой варшавской охранки, перлюстрацией писем членов правительства, а также список с псевдонимами некоторых сотрудников охранки.

Без суда и без огласки Михаила шесть месяцев продержали в Петропавловской крепости. Затем на три года сослали в Обдорск.

Обо всем этом Бурцев узнал в Финляндии.

— Дайте мне честное слово, — сказал он главе «Северного летучего отряда эсеров» Траубергу, — что наш разговор останется между нами.

— Естественно, — набивая табаком коротенькую трубочку, ответил Трауберг.

— У меня есть подозрения, что Азеф работает на царскую охранку.

— Как, и у вас тоже?! Я долгое время не верил подобным разговорам, но недавно получил письмо от наших товарищей из Саратова. Вот. — Из груды бумаг на столе Трауберг выудил голубоватый конверт, в котором лежала короткая записка. Надев очки, руководитель «Северного отряда» пробежал глазами по строчкам. — Где тут? Вот, слушайте... «Передайте друзьям,

что Павел Иванович близко сошелся с Александром Васильевичем и часто бывает у него в гостях. Здоровье у него хорошее, велел всем кланяться...» Как вы понимаете, это шифровка...

— Надеюсь, что уже что-то предприняли? — спросил Бурцев. — Было бы глупо, занимаясь конспиративной работой, позволять провокатору...

— Владимир Львович! — в сердцах прервал его Трауберг. — Не стыдно ли вам? Или мы производим впечатление наивных младенцев? Едва получив письмо, я отправил одного из наших людей в Париж, где, по нашим сведениям, теперь находится предатель. Со дня на день полицейские сводки пополнятся еще одним сообщением об убийстве...

— Бог мой! Как спокойно вы об этом говорите! Но я имел в виду совершенно другое — громкое разоблачение, суд... Мы вскроем язвы царского режима! — патетически воскликнул редактор «Былого».

— Вскрывают на ком-нибудь другом, — парировал Трауберг. — Мы уж как-нибудь тихо, по-семейному разделяемся с ним своими силами.

*5 мая 1907 года
Петербург*

— Кровавая история в Париже! Смерть революционеров! Бомба в портфеле! Разоблачено покушение на членов Государственного совета!

Мальчишки бегали по Невскому, размахивая свежим выпуском «Санкт-Петербургских новостей».

— Дай сюда. — Песчаный бросил монету, взял номер газеты.

— Кровавая история в Париже! — побежал дальше мальчишка.

Песчаный на ходу развернул газету, просмотрел заголовки. «Кровавая драма в Париже» — гласил один из них.

«В одной из самых феешенебельных французских гостиниц был обнаружен труп русского коммивояжера, прибывшего в Париж в середине марта с коммерческими целями. Швейцар и горничная рассказывают, что накануне вечером к господину Чернову явился прилично одетый господин с портфелем. Он пробыл у господина Чернова около полчаса и ушел из гостиницы

примерно в половине десятого. Утром, по просьбе господина Чернова, горничная пришла его разбудить. Однако, несмотря на то что она стучала в дверь его номера так громко, что проснулись гости в других номерах, господин Чернов не отзывался. Это вызвало у горничной беспокойство, и она обратилась к швейцару с вопросом, не покинул ли русский коммивояжер отель до того, как она постучалась к нему в номер. Швейцар ответил отрицательно, и тогда в присутствии управляющего была вскрыта дверь номера. Чернов лежал на полу у самого входа, в луже крови, его голова была разможжена каким-то тяжелым предметом. Приехавший врач констатировал, что смерть наступила около половины десятого вечера предыдущего дня. У следствия есть все основания полагать, что убийца — тот самый господин, который приходил в гости к убитому. Швейцар не смог подробно описать посетителя, он запомнил только, что «человек был грузен, и брови у него были косматые». По сведениям из конфиденциальных источников, госп. Чернов принадлежал к партии социалистов-революционеров, и он появился в Париже с целью встретиться с кем-то из членов его партии, находящихся на нелегальном положении. Следствие продолжается».

Песчаный перевернул страницу:

«В Териоках (Финляндия) арестованы члены «Северного летучего отряда эсеров» — террористической организации, на счету которой ряд кровавых убийств на территории Финляндии. Ее руководитель Трауберг, известный в рядах революционеров под именем Карл, готовил очередное покушение на членов Государственного совета. По его плану один из иностранных корреспондентов, В. В. Кальвино-Лебединцев, должен был принести в Государственный совет бомбу в портфеле и взорвать ее на очередном заседании. Ведется следствие».

— Чисто сработано, — заметил вполголоса Песчаный и, смяв газету, бросил ее на тротуар. — Эй! — окликнул он извозчика. — На Ямскую!

Распутин пребывал в веселом расположении духа. На столе стояло несколько пустых бутылок из-под мадеры.

— Ну, чаво, калечный, нога-то не болит? — поинтересовался он у гостя.

— Да будет вам, — отмахнулся Песчаный. — Все уж быльем поросло.

— Все, да не все, — заметил старец, мгновенно став серьезным. — Сдается мне, Песок, нечисто ты со мною игру ведешь, ох нечисто...

— Ошибаетесь, Григорий Ефимович. Это с полицией я нечистую игру веду благодаря вам.

— Чаво, перед жандармом стыдишься? Ишь, совестливый какой! Ничаво, срам не укус, зенки-то не выест... Ну, докладай...

Песчаный пожал плечами:

— Да все то же. Вот только Герасимов стал чаще к премьеру наведываться. Только передам сведения о вас, сразу едет. Сдается мне, что-то они затевают против Рубинштейна.

— Против Митька? — расхохотался Распутин. — Кишка тонка. А станут ерничать — маме скажу. У меня мама вот где, — сжал Распутин кулак. — Не, Митяя в обиду не дам. Пушай и не надеются. Еще что?

— Все.

— Не может такого быть. Время-то течет, каждый день все по-новому оборачивается...

— Да правда все...

Распутин задумался:

— Да, Песок, не выходить у нас с тобою... Аль я табе жалованья мало положил? Аль обидел как?

— Григорий Ефимович! — вдруг взмолился Песчаный. — Отпустите вы меня, ради Бога! Не могу я на двух господ работать, не умею! Надоело все, противно. Кабы не этот земельный закон, кабы не крайне стесненные обстоятельства, я и в охранку бы не вернулся. А так мужикам отдали землю, и остался я без средств к существованию, вспомнил о прежнем ремесле. Христом-Богом молю, оставьте меня в покое, я и из полиции уйду, слово даю. Уеду, Григорий Ефимович, за границу уеду сына лечить... Ну прошу вас...

— А чаво с сыном-то? — участливо поинтересовался старец.

— Больной он у меня с рождения. Паралич. И рука правая трясется...

Распутин задумался.

— Вот что, сынка твоего я вылечу...

Песчаный махнул рукой.

— Бросьте, чего только я не перепробовал...

— Сынка вылечу, — повторил Григорий. — Привезешь его ко мне завтра утром, разбудишь меня, но только так, чтобы я тебе не видал. Мальчишку оставишь в ентот комнате и будешь ждать яво на улице... Ты только привези. А не привезешь завтра утром, сынок твой померет вскоре.

22. КОШКИ-МЫШКИ

---

6 мая 1907 года
Петербург

В половине шестого утра на Ямской около дома Сазонова остановился наемный экипаж. Песчаный, невыспавшийся, с черными кругами под глазами, зашел в подъезд, неся на руках бледного, болезненного мальчика лет десяти. В комнате, которая служила Распутину гостиной, он усадил ребенка в покрытое нечистым покрывалом кресло.

— Папа, я боюсь. — От волнения мальчик заикался, его била дрожь.

— Не бойся, Саша. — Отец хотел казаться бодрым и спокойным, но это у него плохо получалось. — Ты здесь посидишь, подождешь дядю. Этот дядя хороший, он доктор. Он дурного тебе не сделает.

— Останься со мной...

— Саша, Сашенька. — Песчаный опустился перед ребенком на колени, обнял его, прижал к себе. — Дядя не велел. Но я далеко не уйду, на улице буду ожидать...

— Я не хочу, папа. — По лицу мальчика покатались слезы. — Не уходи, пожалуйста...

— Ну-ка прекрати, — прикрикнул отец, чтобы самому не расплакаться. Он порывисто поднялся с колен и громко постучал в комнату, которая служила Распутину спальней. — Григорий Ефимович!

Слышно было, как закричал и заворочался старец.

— Григорий Ефимович, я сына привез...

— Убирайся прочь, — донеслось из-за двери. — Пошел вон, говорю.

— Папа! — отчаянно крикнул ребенок вслед спускающемуся по лестнице отцу.

Песчаный не обернулся.

— Чаво сопли-то распустил? — Распутин, растрепанный, в одной сорочке, вышел из спальни. — Чаво воешь, как над покойником?

Мальчик испуганно взглянул на него и мгновенно успокоился.

— Чаво, страшный я, да?

Распутин взял стул и сел перед мальчиком.

— Н-нет... Вы доктор?

— Дохтур, — усмехнулся старец, глядя ребенка по голове. — От ентих дохтуров одна беда. Не дохтур лечит, а Господь Бог. Ты в Господа-то веруешь?

— Верую...

— Молился-то нынче?

— Да...

— А папа твой?

— И папа, и мама, и сестра... Они все тревожатся, как бы мне хуже не стало...

— Не верют, значит... А ты-то веришь? Мне веришь?

— Да... — Мальчик опустил голову.

— В глаза мне гляди, в глаза. — Распутин положил руки на Сашины плечи и крепко их сжал. — В глаза гляди!

Внезапно старец задрожал. Он все крепче сжимал Сашины плечи и все сильнее трясся. Голова мальчика беспомощно моталась из стороны в сторону.

— Больна-а! — кричал он, но Распутин будто не слышал.

Глаза у Саши налились кровью. И тут дрожь стала ослабевать, но Распутин держал ребенка за плечи, пока совсем не успокоился. Несколько минут в комнате стояла гробовая тишина. Наконец старец поднялся со стула, поднял Сашу на руки и осторожно поставил его на пол.

— А ну, поганец, пошел! — скомандовал он.

Саша сделал неуверенный шаг. Потом другой. Покачнулся и схватился за кресло.

— Иди, иди. — Распутин оторвал его руку от подлокотника и подтолкнул вперед.

Через два часа Песчаному надоело ждать. Он бросил

на тротуар недокуренную папиросу и решительно зашел в подъезд: будь что будет.

— Папа! — навстречу ему по гостиной шел Саша. — Папа, я иду!

— Ну, — спросил Распутин, — хорошо ль я заплатил тебе за работу?

*Июнь 1907 года
Петербург*

Здание Государственного совета напоминало растревоженный улей. Внутри пропускали только членов Госсовета и журналистов. Снаружи солдатское оцепление с трудом сдерживало возбужденную толпу.

— Петр Аркадьевич, боюсь, как бы стрелять не пришлось, — озабоченно заметил секретарь, выглянув в окно.

— Попробуем обойтись без крови. — Столыпин встал из-за стола. — Но это уму непостижимо. Будто нарочно. Что, газетчики собрались?

— Полно. Вас ждут.

— О Господи. — Столыпин размахисто перекрестился и двинулся к выходу из кабинета.

В зале заседаний яблоку негде было упасть. Когда появился премьер-министр, шум усилился.

— Тихо, господа! — Столыпин вышел на трибуну, поднял вверх большую правую руку и побледнел от резанувшей боли. — Тихо!

Кое-как народ утомился.

— Господа, — продолжал премьер, дождавшись относительной тишины. — То, что произошло сегодня в Таврическом дворце, иначе как досадным недоразумением не назовешь...

— Хорошенькое недоразумение! — послышался ломкий юношеский голос. — Крыша рухнула!

— Возможно, я неправильно выразился. К счастью, как вам известно, был перерыв между заседаниями и никто не пострадал, так как в зале не оставалось ни единого человека.

— А если бы пострадали, то это были бы левые, господа, — выкрикнул тот же голос. — Скамьи левых

разбиты в щепки, зато все места правых загадочно уцелили. Что вы на это скажете, господин премьер? Это тоже недоразумение?

— Да, это тоже недоразумение, — твердо ответил Столыпин.

В зале снова поднялся шум.

— А позвольте с вами не согласиться, — сквозь толпу протиснулся плюгавый мужичонка с отсутствующими передними зубами. — Я сотрудник газеты «Рассвет» и ровно год назад, передавая репортаж с открытия Первой Государственной думы, написал следующее... секундочку, — он лихорадочно перелистывал потрепанный блокнот, — вот: «В коридорах и залах пахнет свежей краской, кое-где валяются опилки: ремонт в Таврическом дворце закончился только вчера...» Что вы на это скажете, господин премьер-министр?

Столыпин пожал плечами:

— Что год назад дворец действительно ремонтировали, обновляли...

— Ага! — с полемическим задором воскликнул плюгавый, многозначительно подымая вверх указательный палец с обкусанным ногтем. — Если его, как вы говорите, только подновляли, каким же образом мог рухнуть потолок? Да еще на скамьи, где сидели депутаты от левых партий? А, господа? — обернулся он к залу. — По-моему, это больше смахивает на диверсию...

Журналисты снова зашумели.

— Вот документы! — премьер-министр потряс над головой увесистой папкой. — Каждый желающий может заглянуть в них и убедиться, что средства, отпущенные на ремонт дворца, по большей части ушли на другие цели, попросту были разворованы. Это заключение специальной ревизионной комиссии, здесь все написано.

— Контора пишет! — крикнул кто-то из толпы, а следом раздался пронзительный свист.

— Виновные привлечены к ответственности, — повысив голос, продолжал Столыпин. — Если господа журналисты хотят ознакомиться с ходом процесса, они могут получить информацию у обер-прокурора синода.

— Все вы заодно! — злобно выкрикнул плюгавый. —

Бойтесь народа, бойтесь перемен. А между тем грядут великие потрясения...

— Мне не нужны великие потрясения, мне нужна великая Россия, — парировал Столыпин.

Собрание продолжалось до позднего вечера. А наутро во всех левых газетах появились злобные карикатуры и статьи, направленные против премьера. Он прочел многие из них по дороге в Петергоф, куда ехал с докладом к его величеству.

Но Николай Александрович был совсем не расположен к решению проблем, связанных с происшествием в Таврическом дворце и роспуском Второй Государственной думы. Он пребывал в философском расположении духа.

— Ах, Петр Аркадьевич, Петр Аркадьевич, — вздохнул он, вполуха выслушав доклад. — Ну почему мне не удастся ничего из того, что я предпринимаю? Мне фатально не везет, к тому же человеческая воля так бессильна... Знаете вы, когда день моего рождения?

— Это известно всем, ваше величество, — удивленно ответил премьер. — Шестого мая...

— Вот видите, — с некоторой укоризной в голосе сказал царь. — А какой святой праздник в этот день?

— Ей-богу, не помню...

— Иова Многострадального.

— В таком случае есть надежда, что царствование вашего величества завершится со славой. Преодолев самые ужасные испытания, Иов был вознагражден Божьим благословением.

— О нет, Петр Аркадьевич, у меня иное предчувствие, даже глубокая уверенность, что, обреченный на страшные испытания, я не получу награды на земле... Увы, увы. — И государь развел руками и вновь погрузился в задумчивость.

Уходя, в одной из галерей премьер-министр столкнулся с государыней.

— Добрый день, ваше величество, — склонился он в почтительном поклоне.

Александра Федоровна прошла мимо, будто не видя.

— Чернов? — У Бурцева глаза чуть не выкатились из орбит. — Но вы же... Но вы же убиты... — Он начал лихорадочно перетряхивать многочисленные папки с рукописями и вырезками из газет. — Я собственными глазами читал... Мне товарищи сказали... Вот... — он взял вырезку из майского номера «Санкт-Петербургских новостей», — здесь написано...

— Знаю, — засмеялся Чернов, пыхтя папиросой. — Если б вы знали, как писали о моем убийстве французские газеты! Какие трогательные телеграммы с соболезнованиями присылали моей жене товарищи по партии! Поверите ли, даже меня слеза прошибала...

— Но как же... — Бурцев ничего не понимал.

— Очень просто. Трауберг отправил меня в Париж с заданием разыскать и убрать со сцены Азефа. Я отправился во Францию... Ах, Франция... А Париж... А женщины... А вина... Вы бывали в Париже?

— Естественно. Но, пожалуйста, ближе к делу...

— Я не кровожаден по натуре. И никогда никого не убивал. Честно говоря, мне не очень верилось в то, что Азеф работает на охранку. Я знаю его как человека малосимпатичного, но дельного. К тому же все эти игры в революцию мне порядком надоели. В партию социалистов-революционеров я попал по молодости и неопытности. Но, ближе познакомившись с этими господами, я понял, что нам не по пути. Однако вы же знаете, как все обставлено? Раз попав в, простите, дерьмо, оттуда никогда уже не выбраться. Я говорю это вам как литератору, даю, так сказать, материал для изучения психологии. Так вот, мне некуда было деваться, и я отправился охотиться за Азефом. По дороге мне пришла в голову блестящая идея: а не воспользоваться ли мне этой командировкой для того, чтобы самому, так сказать, вырваться из лап эсеров. Что для этого нужно? Только умереть. И мы с Азефом разыграли комедию...

— С Азефом?! Невероятно.

— Да, — произнес Чернов, наслаждаясь произведенным впечатлением. — Именно с Азефом. Я разы-

скал его без особого труда на одной из конспиративных квартир и прямо выложил, кто и зачем меня послал.

— Значит, вот почему Трауберга и прочих членов «Северного летучего отряда» арестовали вскоре после вашего отъезда?

— Ну конечно. Азеф не идиот, чтобы играть с эсерами в кошки-мышки. Благодаря ему арестовали и Бакая.

— Это я уже понял. А что было дальше?

— А дальше Азеф разработал план покушения на меня. Он велел мне подкупить одного бродягу из спившихся русских матросов и объяснить ему, что нужно сыграть роль коммивояжера Чернова, которому некий господин должен передать полтора миллиона незаконно полученных рублей. Самого Чернова якобы убили, но тот, кто должен передать, этого не знает, и, кроме того, он никогда не видел коммивояжера в лицо. После получения денег я обещал разделить их с бродягой побратски. Верите ли, Владимир Львович, даже уговаривать не пришлось.

— Да, — философски вздохнул Бурцев. — Это, как я понял, убитый. А кто убийца?

— Это протеже Азефа, если, конечно, можно так выразиться. В свое время он в России убил двух человек, и Азеф помог ему бежать за границу. Фамилия этого благодарного господина Пустовой. Он из эсеров. Не знаю уж, каким образом он узнал, но именно после его предупреждения Азеф уехал за границу. Азеф сказал Пустовому, что в такой-то гостинице поселился человек, который покушается на жизнь руководителя Боевой организации. У террориста с собой крупная сумма денег, добавил Азеф и намекнул, что Пустовому они не помешают. Все остальное вы уже знаете из газет.

— Ну и ну, — развел руками Бурцев. — Прямо детектив какой-то. Где теперь убитый бродяга, мне понятно. А Пустовой?

— Понятия не имею. Той же ночью он с паспортом бельгийского подданного отбыл в Швейцарию.

— А почему бы вам не разыграть сцену с убийством Азефа?

— А зачем? Я хотел начать новую жизнь, Азеф нет. Ах, Владимир Львович, сколько уж людей говорят о

том, что он провокатор, но его авторитет в партии так велик, что еще больше народа не верит. Это обстоятельство и позволяет ему разгуливать на свободе и работать на два фронта.

— Понятно... — Бурцев задумчиво потер рукой подбородок и вдруг поднял на Чернова изумленный взгляд. — Пойдите, но вы ни слова не сказали о цели своего визита! Зачем вы пришли ко мне?

— Чтобы помочь вам в разоблачении провокатора Евно Азефа, — по-военному четко доложил Чернов.

— Вы... — Бурцев тряхнул головой, пытаясь сбросить наваждение.

— Именно я. Видите ли, Владимир Львович, — Чернов прикурил новую папиросу. — Хочется какого-то разнообразия, приключений... Жизнь так буднична. Не хватает красок... А что, вы не нуждаетесь в моей помощи?

— Конечно, помощь мне необходима... Но почему бы вам не обратиться в Центральный комитет и не рассказать о том, о чем рассказали мне сейчас?

Чернов хохотнул:

— Чтобы меня вздернули вместе с Азефом? Благодарю покорно. Тем более мой рассказ еще не доказательство. Вернее, его недостаточно... Вот если бы к нам в руки попали его донесения из охранки... Или какой-нибудь солидный чин подтвердил, что Азеф провокатор. Ах, какое громкое бы дело получилось! Вы согласны со мной, Владимир Львович?

— Но кто может это подтвердить? Столыпин? Герасимов? Вы в своем уме?

— Если бы заставить сделать это начальника заграничной агентуры Ратаева... Или Рачковского, который с Азефом накоротке... Но у меня тут на досуге созрел план...

*5 декабря 1907 года
Петербург*

Наемный экипаж остановился у одного из домов на Обводном канале. Оттуда вышли две женщины, обе под густыми вуалями, и, расплатившись, тороп-

ливо прошли в подъезд. Поднявшись по скрипучей лестнице на четвертый этаж, они позвонили в одну из квартир. Дверь долго не открывали.

— А ты уферена, что мы попали куда следует? — шепотом поинтересовалась одна. — Фу, здесь так турно пахнет, у меня началось голофокружение.

— Адрес точный, — тоже шепотом ответила другая. — Потерпи, Сана. Нас ждут. — И она снова нажала кнопку электрического звонка.

На этот раз дверь открылась сразу.

— Мама пришла! — обрадованно воскликнул Распутин. — А я уже подумал, не придете...

— Здрафствуй, милый. — Императрица откинула вуаль, крепко обняла и поцеловала Распутина. — Здрафствуй, ротной...

— Представляешь, Гриша, с какими приключениями мы добирались сюда. — Вырубова сняла пальто и шляпку. — Уму непостижимо. Сана, наверное, уж несколько лет не выходила на улицы. Идет, бедная, шарается от всего. Мы пешком прошли до самого Исаакиевского. И вдруг к нам подходят двое молодых людей... Ха-ха-ха! Таких молодых, прилично одетых... Ой, не могу!

Вырубова вновь залилась смехом, а императрица, напротив, сделала серьезное, даже оскорбленное лицо.

— Ха-ха-ха! Гришенька, ты не поверишь! Они приняли нас за женщин легкого поведения, за демимонде-нок! И сделали очаровательное гнусное предложение! Ой, сейчас умру!

— Аня, — укоризненно сказала Александра Федорова.

— Не буду, ха-ха-ха, не буду! Нет, Сана, согласишься, это забавно! А все знаешь из-за чего? Из-за твоей вызывающей красной накидки и шляпки!

— А что им моя шляпка? Между прочим, это оччень дорогая вещ, ее носила сфекрофь, когда была ф моем возрасте...

— Сана, но ведь теперь таких не носят! Купила бы себе что-нибудь попроще и незаметнее.

— Но я ее натела, чтобы никто меня не узнал! И зачем ше деньги тратить, если ф доме есть...

В комнате за накрытым столом сидели черносотенец

отец Иллиодор и банкир Рубинштейн. После церемонии приветствия Александра Федоровна и Вырубова заняли свои места.

— Енто тебе, мама. — Распутин руками оторвал ножку от лежавшей на его тарелке курицы. — А енто тебе, — протянул он другую ножку Вырубовой. — Кушайте, не стесняйтесь. Вот яичко ишшо. Репка...

— Благодарю, — умилилась императрица и двумя пальчиками поднесла мясо ко рту.

— Ваше величество, — обратился к ней Рубинштейн. — Я исполнил ваше поручение в точности, переведя в Германию еще две тысячи рублей. Однако мы с вами люди деловые. И я хочу покорнейше спросить вас, каким образом я смогу возратить эти деньги?

— Мною отдано распоряжение министру финансов Коковцофу принимать фас в любую минуту. Если фам понадобится заем, фы смошете получить его через госпотина Кокофцофа.

— Покорнейше благодарю. Однако не стану скрывать, что Крестьянский банк для меня поистине золотая жила...

— Уфы... Наш премьер самый тфердый орешек из фсех, которых я фстречала... Он дерско отказал мне... Как фы понимаете, с этим деликатным фопросом я не могу обратиться к его величестфу...

— Ох, старик плохо кончит, ох, плохо кончит старик, — вдруг по-бабьи запричитал Распутин, схватившись за голову. — Вижу кровь, много крови вижу, и народу тьма, а старик-то лежит посредине, бледный весь, страшный...

— Господь с тобой, Григорий, — испугался Иллиодор. — Это о ком ты?

— О Столыпине, — побледнев, произнесла Вырубова.

— Да Господь с тобою, Гриша, перестань, — попросил Иллиодор.

Банкир нервно забарабанил пальцами по столу.

— Однако мы собрались здесь тайно вовсе не для того, чтобы прорицать. Ваше величество, вы хотели о чем-то поговорить со мною?

— Да-да, — закивала императрица. — Я хочу просить вас оказать мне есчо небольшую услугу...

— С превеликим удовольствием. — Однако на лице у Рубинштейна большой радости не выразилось.

— Я получила письмо от кузины из Германии. Ах, они так бетстфуют, так бетстфуют...

— Речь идет о деньгах, ваше величество?

Александра Федоровна кивнула.

— Но фы поймите меня прафильно, гошподин Рубинштейн. Я не могу обрасчаться к его величеству не потому, что он мошет отказать, о нет! Фокруг так много нетопрошелателей... Любое его сношение с моими родственниками мошет стать крахом для нашей семьи. Меня уше отнашты пытались обфинить в шпионаше в пользу Германии. Прафда, тогда шла война с японцами... Но фсе рафно этот случай меня многому научил...

— Сколько, ваше величество?

— О, немного. Фсего десять тысяч руплей...

На лице у Рубинштейна выразилось смятение. Но он заставил себя улыбнуться...

— Видите ли, ваше величество, теперь, пока я не получил еще займа...

— Пять, — императрица быстро сбавила цену вдвое.

— Хорошо... Но и я хотел обратиться к вам с нижайшей просьбой. Видите ли, у меня есть дальний родственник... Он очень славный мальчик. Закончил университет, физико-математический факультет, с отличием... Я всеподданнейше прошу составить ему протекцию, скажем, в министерстве внутренних дел... По моим сведениям, там приличное жалованье.

Александра Федоровна улыбнулась:

— Фы фсегда хотите нефозможного. Министерство внутренних дел — это тот же Столыпин. Но с этим фопросом я могу обратиться к мужу, и он фам помошет...

13 декабря 1907 года

Петербург

— Что-о? — Герасимов метнулся к дверям кабинета, открыл их, выглянул наружу, убедился, что никто не подслушивает, и вновь вернулся к своему месту, предварительно заперев дверь и проверив

замок. — Вы знаете это наверняка? Видели собственными глазами?

— В том-то и дело, Александр Васильевич. Я лично видел, как императрица и ее фрейлина Вырубова выходили поздним вечером из дома на Обводном, где, как я вам уже докладывал, Распутин снимает конспиративную квартиру для конфиденциальных встреч.

— Уму непостижимо! Нет, ну ты посмотри, как он, подлюка, окрутил ее величество. Она уже много лет ни шагу из дворца и вдруг — без мужа и без охраны...

— В том-то и дело. Распутин находится под ее опекой. И мой вам добрый совет — оставить его в покое и не вмешиваться.

Герасимов возмущенно посмотрел на Песчаного.

— Что значит не вмешиваться! Да это же государственное дело! Надо немедленно поставить в известность императора.

— Вы совершите непоправимую ошибку, — заметил Песчаный. — Кроме того, что это дело, как вы изволили выразиться, государственное, оно еще и семейное. Императрица, естественно, станет отнекиваться и еще, чего доброго, скажет, что вы ее оклеветали. Александр Васильевич, вы же сами прекрасно знаете, под чью дудку пляшет государь... Ох, простите...

— Ничего, ничего, — махнул рукой генерал. — Мы с вами прекрасно понимаем друг друга. Разговор наш останется в тайне.

— Во всяком случае, сообщив государю, вы наживете себе сразу двух могущественных врагов. Чего доброго, лишитесь и места, и погон...

Герасимов задумался.

— Да, — наконец вздохнул он. — Ситуация щепетильная. Но Столыпин...

— И Столыпину тоже ничего не говорите. Он со свойственной ему прямоотой и горячностью немедленно доложит все царю. А пострадаете опять-таки вы...

— Но что же делать, что же делать? — Герасимов схватился за голову.

— Ничего. Главное — не паниковать. Пусть себе этот Распутин...

— Э нет, так не пойдет. Грязный мужик, выскочка,

з вхож в какие сферы, пройдоха! Значит, так, слезку не прекращать...

— Но...

— Миленький, голубчик, никаких «но». Ежели вас не устраивает жалование, кладу триста рублей, четыреста, пятьсот... Будете получать как чиновник шестого разряда, к тому же и льготами пользоваться... Умоляю, не откажите...

Песчаный молчал.

— Значит, договорились, — не то спросил, не то подтвердил Герасимов. — Тогда продолжайте. И вот еще что, — он понизил голос, — особо отмечайте те дни, когда у Распутина будет появляться фрейлина Мария Головина...

*Декабрь 1907 года
Швейцария, Лозанна*

Савинков распечатал письмо Созонова, долгим, кружным путем, с разнообразными оказиями доставленное из Сибири.

«Сознание греха никогда не покидало меня», — бросились ему в глаза трижды жирно подчеркнутые строчки.

— Ах, Егор, Егор! — с горечью воскликнул Борис Викторович. — Все ж таки сказывается твое происхождение из старообрядцев. Отважный член боевой организации, без колебаний вышедший на смертный бой с царизмом, бросивший бомбу в негодя Плеве... И вдруг — этот устаревший словарь: «грех»... Согласен, вечная каторга — не сахар! — воскликнул он вслух, как бы полемизируя с далеким товарищем. — Да ведь и в Горном Зерентуе можно бороться и побеждать! Но при условии, что ты уверен в своей правоте революционера и не собираешься проливать слезы над каждым поверженным тобой врагом...

Безмерно огорченный преступной слабостью Созонова, он отложил его письмо в сторону. Там уже лежало другое послание из Сибири. Час назад, вскрыв конверт, Савинков узнал, что родной брат Егора, также сосланный в места не столь отдаленные, покончил с собой.

Нет, террорист должен быть сделан из более жесткого материала. Как, например, железный Иван Николаевич — дорогой, любимый брат по борьбе Азеф.

Борис придвинул к себе чистый лист бумаги. Обмакнул перо в чернильницу и выписал эпитафией к будущему роману строки из Евангелия:

«Кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, ибо тьма ослепила ему глаза».

И с наслаждением перечитал слова из вечной книги. Только в предсмертном бреду Гоц мог оскорбить Азефа страшным подозрением.

*Декабрь 1907 года
Финляндия, Гельсингфорс*

— Где его искать, этого черта лысого? — ворчал Букашкин. — В Куоккале шли по горячему следу... И — на тебе!

— Да будет тебе бубнить, — миролюбиво огрызнулся Канашкин. — Никуда от нас не денется. Любит, однако, РСДРПа эта здесь, у чухонцев, прятаться. И от столиц невядалеке, и от нашего брата подальше в то же время. Знаешь что? Давай в местный участок заглянем, может, по описанию кто узнает...

Из участка филеры вышли успокоенные. Преследуемый ими большевик, судя по всему, переехал из Куоккалы в Огльбю.

— Ну и названьица! — ругался Букашкин. — Язык сломаешь. А где эта Огльбю? Может, вообще у черта на куличках?

— Ну, вечно ты всем недоволен! — рассердился наконец на напарника Канашкин. — Чего проще зайти на вокзал да взять билет...

Выяснилось, что до Огльбю можно быстро добраться. Железнодорожная станция с таким названием, точнее, полустанок была расположена неподалеку от Гельсингфорса, в получасе езды.

— Ишь вагоны какие удобные, — продолжал бурчать Букашкин уже в поезде. — Почти как за границей. Эти финны, как я погляжу, тоже не дураки... Себе на

уме, небось спят и видят, как бы от России отделиться. Потому и смутьянов наших поддерживают. Вольготно им тут у них...

— Огльбю! — объявил кондуктор. И добавил что-то непонятное, наверно по-местному.

Остановка была короткой, филеры едва успели соскочить на перрон.

— Да, был здесь такой, — подтвердили в участке, куда обратились за помощью напарники. — Может, и сейчас еще живет. Да вы поспрашивайте на квартире...

Квартирная хозяйка «лысого» долго подозрительно рассматривала петербургских гостей.

— На, смотри! — наконец не выдержал Букашкин и сунул женщине под нос удостоверение агента по особым поручениям. — На службе мы, по казенной надобности. Не окажешь содействия — арестуем по всем правилам.

Только после этого почтенная дама взяла лампу и проводила филеров к двери комнаты, которую занимал срочно понадобившийся им постоялец.

— Алло! — деликатно постучала она согнутым пальцем по косяку. — Господин Карпов!

Никто не ответил.

Хозяйка снова постучала, на этот раз сильнее. Выражение лица у нее стало озабоченным.

— Сбежал, что ли? — громким шепотом осведомился Канашкин. — Вот ловок! — добавил он чуть ли не с восхищением.

— Не мог господин Карпов сбежать! — обиделась за постояльца дама. — Это приличный, интеллигентный человек, не то что некоторые.

— Да что рассуждать-то? — удивился Букашкин. — Дверь ломать надоть.

— Я не позволю! — Хозяйка грудью заслонила вход в комнату. — Здесь частный дом! Это произвол! Я буду жаловаться! Не имеете права!

— Жалуйся кому хочешь. — Канашкин отодвинул даму в сторону и приналет на дверь. Он чуть не свалился: так легко она поддалась — замок был не заперт.

В комнате было пусто. На полу скомканная бумажка.

— Сбежал! — ахнула хозяйка квартиры. — И не заплатил!

— Скорее, товарищ Карпов, — торопил Ленина финский товарищ. — Филеры идут за вами прямо по пятам.

— Жаль уезжать отсюда.— Владимир Ильич оглядел пустынный берег. — Хогошо! Кгасивые места!

— Зачем уезжать? — удивился финн. — На пароходе будете поплыть. Это безопасно есть.

— Не думаю, — усомнился Ленин. — В погту навегняка дежугит пагочка филегов с моими пгиметами. А может быть, и фотогафией разжились уже.

— Зачем в порт? — снова удивился финн. — Это не есть умно. Мы пойдем другим дорога.

— Какой же? — удивился в свою очередь Владимир Ильич. — В лодке газве что? Но далеко, да и погода отнюдь не погулочная.

— Видите во-он тот островок? — показал финн рукой куда-то вдаль.

— Что-то газличаю, — прищурился Ленин. — Только не совсем уж остговок, а довольно большой остгов.

— То-то и оно-то, — засмеялся финн. — И на тот островок есть пристань. Понимаете, товарищ Карпов?

— Неужели там останавливается пагоход! — Владимир Ильич даже не поверил неожиданной догадке.

— Вот именно, — подтвердил финн, весело смеясь, как будто очень удачно пошутил. — Там вы и будете сесть на пароход, и никакая собака не придумается взять вас в арест.

— Отличная идея! — восхитился Владимир Ильич. — Но как же добгаться до пгистани?

— Ногами, — объяснил финн. — По леду будете ходить. Но осторожно очень, чтобы не быть утопленник. Ну, счастливая дорога, товарищ Карпов. Не напоминайте лихом.

— Спасибо вам за все, товагищ! — сердечно поблагодарил финна Ленин. — Если бы не ваша помощь, сидеть бы мне сейчас в кутузке.

— Это не есть хорошо, — кивнул финн. — У меня брат сидеть тюрьма.

— Политический? — с сочувствием поинтересовался Владимир Ильич.

— Нет, не за политика. Жена топором зарубил. — Финн посмотрел на небо. — Скоро стать темно. Тогда будешь ходить. До свиданья, товарищ Карпов.

И он затопал обратно к станции Огльбю.

Смеркалось. Ленин поглядел на ледяной путь. Дорога, которая при дневном свете показалась ему короткой и не слишком опасной, теперь представлялась совсем иной.

— Пога двигаться! — бодро сказал он сам себе. — Иначе опоздаю на пагоход!

И ступил на замерзшую воду. Лед под ногой угрожающе затрещал. Ильича охватил озноб. Но он стиснул зубы и сделал следующий шаг. Лед прогнулся, наверх выливалась вода, ноги быстро промокли.

— Агхисквегно! — произнес Ленин. — Ну и погода в Финляндии... Декагбь, а хогошего могозца не было ни газу!

Постепенно он продвигался вперед. Ему показалось, что, когда он идет быстрее, лед не успевает прогнуться и треснуть. Ильич ускорил шаг, сам с собою разговаривая вслух, чтобы не упасть духом. Вдруг лед стал расходиться под ногами. Ботинки заскользили. Ильич беспомощно взмахнул в воздухе руками.

Кричал он в предчувствии смерти тонко и надрывно, как воеет зимний волк.

*Декабрь 1907 года
Санкт-Петербург*

— Вот, ваше высокопревосходительство! — Побледневший Герасимов положил Столыпину на стол папку. — Покушение на государя императора!

Петр Аркадьевич тоже побледнел.

— Когда? Что? Государь жив? — забормотал он, теряя над собой контроль. — Ранен? Убит?

— Еще жив, — многозначительно сказал полковник. — Покушение не совершено.

— Ну можно ли так, Александр Васильевич... — Столыпин с облегчением уселся в кресло. — И так нервы никуда не годятся... А вы так сразу, без подготовки...

— Простите, если напугал вас, — извинился Герасимов. — Но, поскольку дело чрезвычайной важности, я торопился ознакомить с ним ваше высокопревосходительство.

— Понятно... — Премьер-министр открыл папку. — Ну, что тут такое?

«Сегодня в Киев из Севастополя приехала Мержеевская и остановилась в доме № 5 по Трехсвятительской улице. Мержеевская рассказала, что отколовшаяся от Центрального комитета группа соц.-рев. командировала из Парижа в Севастополь отряд для совершения террористического акта против государя в день прибытия его в Севастополь. В состав этого отряда вошла будто бы и Мержеевская, которая должна была находиться в числе публики с букетом цветов с вложенной внутри него бомбой, предназначенной для метания в день высочайшего проезда...»

— Ничего не понимаю. — Столыпин покрутил листок, перевернул, заглянул на оборот. — Что за Мержеевская? Отряд какой-то из Парижа, да еще в Севастополь... Букет с бомбой... Да он здоров ли, этот ваш... — Петр Аркадьевич взглянул на подпись под донесением, — ...этот ваш Аленский?

— По сообщению подполковника Кулябко, — доложил Герасимов, — Аленский — надежный, проверенный агент. Правда, до сих пор он был задействован больше по мелочам: студенты, анархисты... К делу подобного масштаба привлечен впервые.

— Странно, — после паузы заметил премьер. — У меня этот материал не вызывает почему-то никакого доверия. Может быть, он все выдумал, этот ваш Аленский? Несерьезно как-то все, не по-настоящему... Что он сам за фигура? У вас есть на него данные?

Герасимов порылся в папке.

— Сейчас, Петр Аркадьевич... Сейчас... О, вот! Сопроводилочка от Кулябко.

— Дайте-ка сюда. — Столыпин взял записку начальника Киевского охранного отделения и принялся ее

изучать. — Все равно ничего не ясно. Ну и что, что ему двадцать лет? Да, юридический... да, еврей... Что с того? «Жаден до денег». Помилуйте, разве это характеристика? Какой-то человек сообщает о возможном покушении на государя, а я не могу узнать, кто этот бдительный господин! Да может быть, он сумасшедший? Или подослан террористами?

— Я не могу понять ваших сомнений, — осторожно заметил Герасимов.

— А я не могу понять, какую опасность для общества представляет барышня, с букетиком цветов встречающая его величество среди прочей публики! — неожиданно вспылил Столыпин. — Как вы это представляете, Александр Васильевич? Да там же будет сотня барышень, и все, как одна, с цветочками! Что же, вы всех их схватите?

— Нет, конечно, — смутился Герасимов. — Но ведь существует розыск, есть опытные агенты, они сумеют определить, кто боевичка, кто нет... Например, девица нервничает, волнуется...

— А вдруг она волнуется при виде его величества?

Полковник недовольно засопел.

— Нет, Александр Васильевич, как хотите, воля ваша, — Столыпин вернул ему донесение, — но этот Аленский никакого доверия у меня не вызывает. Что-то тут не так. Концы с концами не сходятся. Следует, конечно, принять все меры по обеспечению безопасности государя... Но на вашем месте я прощупал бы заодно и этого Аленского: что он за птица...

Герасимов с недовольным видом собрал бумаги в папку и откланялся, буркнув напоследок:

— Будет исполнено.

— Как, Олюшка, ты не спишь? — спросил Столыпин, увидев, что жена в накинутой на плечи шали нервно расхаживает по гостиной.

— Ты прекрасно знаешь, Пьер, что я не могу заснуть, пока ты не вернулся, — с раздражением ответила Ольга Борисовна. — Мерещатся Бог знает какие ужасы, и вообще... — Она заплакала.

— Ну что ты, ей-богу?.. — растерялся муж. — Иди,

пожалуйста, в спальню... Успокойся... А я еще немного поработаю у себя в кабинете.

Петр Аркадьевич обнял жену за плечи и, утирая ей слезы, повел в спальню и там почти насильно уложил в постель.

— Пьер, скажи мне правду... — Ольга Борисовна взяла себя в руки и перестала плакать. — Только, пожалуйста, не лги, как мы не лгали друг другу на протяжении всей жизни...

— Ну разумеется, родная моя, — рассеянно отвечал Столыпин, думая в это время о бумагах в портфеле и непостижимости женских капризов. — Ты сразу же меня разоблачишь...

— Пьер, — Ольга Борисовна взяла лицо мужа обеими руками и заглянула ему прямо в глаза, — у тебя есть... другая женщина?

— Что?.. — Глаза у Петра Аркадьевича расширились от изумления. — Что ты сказала?

— Пьер, не обманывай меня! — потребовала Ольга Борисовна. — Минутная это слабость, или увлечение, или сильная страсть — расскажи мне все как есть!

— Да ведь мне нечего рассказывать... Пусти. — Столыпин попытался освободиться, но жена держала его мертвой хваткой. — Пусти, Олюшка, у меня и так затылок ломит...

— Вот так оно и бывает, — зловеще посулила жена, — когда в твои годы человек забывает о своем возрасте и начинает волочиться за молоденькими девицами...

— С букетами в руках... — автоматически продолжил Петр Аркадьевич. — Скажи, Олюшка, ты можешь вообразить такую картину: в город прибывает государь, а среди встречающих его ждет барышня, у которой в букете цветов спрятана бомба?

— Ты мне басни не рассказывай, — сурово сказала Ольга Борисовна. — Если это порядочная женщина и вас связывает настоящее чувство, я отпущу тебя к ней... Но ты должен рассказать мне все!

— Господи, да о чем ты говоришь! — Столыпин засмеялся, повалившись на подушки. — Ой, как хорошо! — Он расстегнул сюртук, скинул ботинки и с удовольствием потянулся. — Забыл уже, что такое спать

по-человечески. Бесконечные заседания, дискуссии, донесения, доклады, выступления... А вспомни, как мы славно жили в Колноберже! И у тебя не было оснований меня подозревать в шашнях с какими-то девицами...

— Значит, они все-таки существуют? — сухо спросила Ольга Борисовна. Но уже на всякий случай, чтобы не признавать, как она сглупила.

— Честно говоря, я не отказался бы взглянуть на какую-нибудь даму, — зевая, сказал Петр Аркадьевич, — просто чтобы вспомнить, как она выглядит... И чтобы ей было меньше семидесяти... — Он обнял жену левой, здоровой рукой, и глаза у него стали закрываться.

— Нет, не спи! — Ольга Борисовна легонько толкнула мужа в бок. — Давай уж договаривай.

— А что договаривать? — Столыпин честно таращил глаза, чтобы не заснуть ненароком. — Завтра придется встать на час раньше, чтобы разобраться с бумагами. Ох, если б ты знала, как мне все это надоело! Работаешь, работаешь, как раб на галере, как каторжный... И все это куда-то проваливается, в какую-то черную яму... Министры бестолковые, в Госсовете сидят старые ма-разматики, выжившие из ума... В Думе на одного толкового человека десять кретинов или негодяев... Я еще рта не успеваю открыть, а они уже кричат: «Нет!» Не знаю, надолго ли меня хватит... Невозможно вот так делать дело в полном одиночестве... Целый день я мечтаю, как приду домой, а вокруг дети и — ты... А когда добираюсь сюда, уже не остается сил ни на что... Прости меня, Олюшка...

— И ты меня прости... — Ольга Борисовна погладила мужа по щеке. — Сама не знаю, что на меня нашло... Кругом такой разврат и эти разговоры о половом вопросе... Поневоле начинаешь сомневаться... И потом, согласишься, это неестественно, чтобы человек всю жизнь прожил с одной женщиной и ни разу ей не изменил... Пьер, да ты не слушаешь меня!

Столыпин уже спал, постанывая во сне, и лицо у него было измученное.

23. СВОБОДНЫХ МЕСТ НЕТ

Январь 1908 года

Финляндия, лесная гостиница для туристов

— Господин Спрениус! — Старый швейцар был взволнован. — Там у входа какие-то люди...

— Ну и что? — Хозяин отеля оторвался от увлекательного романа. — Ты разве не знаешь, что нужно делать в этом случае? Скажи им, что свободных номеров нет.

— Я уже сказал... — Швейцар поскреб затылок. — Но ведь только... им некуда деваться, господин Спрениус. Отправились на лыжную прогулку и заблудились в лесу...

— Вот незадача! — Хозяин отложил книгу в сторону. — Мы не имеем права впускать сюда посторонних... За это, старый, нам и деньги платят. И хорошие деньги! А много этих... заблудившихся?

— Всего двое. Девушка, совсем молоденькая... иззябла, промокла... И с ней парень. А на дворе метель, — воззвал швейцар к человеколюбию хозяина. — Что же их, на верную гибель бросать?

— Может, они пароль знают? — с надеждой спросил Спрениус. — Или знали, да забыли?

— Да какое там! Я уж их и так расспрашивал, и эдак... Они совсем дети и слыхом не слыхивали о том, чем мы тут занимаемся.

— Я не могу один решить, как поступать в такой ситуации. — Хозяин отеля сунул ноги в теплые тапочки. — Надо посоветоваться с Николаем Ивановичем.

Вместе со швейцаром Спрениус направился на второй этаж в комнату Зильберберга.

— Нет, нет и еще раз нет, — выслушав их, отрезал руководитель группы «максималистов». — Я не могу, поддавшись минутному порыву, пусть даже благородному, ставить под удар весь отряд и порученное нам задание.

— Да, революция важнее, — со вздохом согласился хозяин гостиницы.

— А если они погибнут? — Голос швейцара дрогнул. — Обратной дороги не знают, замерзли, обессилели...

— Может быть, кто-то из вас проводит их до ближайшей деревни? — предложил Николай Иванович.

— Да вы взгляните, что на дворе делается! — Спрениус кивнул за окно, где свирепо кружились снеговые волны. — В такую погоду хороший хозяин и собаку за порог не выгонит, не то что человека...

— Что же делать? — Зильберберг начинал нервничать. — Риск очень большой.

— А вы посмотрите на них, — сказал швейцар. — Совсем дети. При чем здесь политика? Несчастные заблудившиеся дети. Гензель и Гретель.

Лев взял у хозяина лампу, спустился на первый этаж и открыл дверь. Сразу же налетел порыв ветра, намело снега. Туристы, прижавшиеся друг к другу на крыльце, превратились уже в сосульки. Девушка тихонько скулила, юноша утешал ее, бережно обнимая.

— Да заходите уж, — с сердцем произнес террорист. И, повернувшись к старому швейцару, определил: — Не Гензель и Гретель. Скорее, Ромео и Джульетта.

— Спа-па-сибо, — лепетали молодые люди замерзшими, непослушными губами. — Про-с-стите... Мы только обогреемся и переночуем... Хоть в уголке... А наутро отправимся искать обратную дорогу...

— Возлюби ближнего своего, — подняв глаза к потолку, сказал чувствительный хозяин, любитель сентиментальных романов.

— Доброе дело, Николай Иванович, зачтется вам и на земле, и на небесах. Проводи гостей, старый, в свободную комнату. И дай им какие-нибудь вещи, чтобы

могли переодеться. А потом, милостивые государи мои, приглашаю вас на ужин. Он совсем не будет лишним.

— Нет-нет, мы и так злоупотребляем вашим гостеприимством, — запротестовал юноша. — Единственное, что я осмелюсь попросить у вас, — немного спирта, чтобы растереть Тане руки и ноги. Как бы не обморозила...

— О, какая похвальная забота! — И Спрениус выдал молодой паре бутылку водки из собственных запасов.

Зильберберг внимательно наблюдал за непрошеными гостями. Они были ужасно милые, трогательные и незащитные. Похоже, так все и было на самом деле, как они рассказывали. И никакой провокацией это дело не пахнет.

— Марта! — позвал хозяин горничную. — Позаботься о молодой особе.

Девушка плакала от боли, когда Марта переодевала ее. Вместе с Виктором — так звали юношу — горничная растерла ей руки и ноги хозяйской водкой. Выпив глоток чаю, Таня мгновенно уснула. Виктор целомудренно устроился на другом краю широкой кровати.

— Они не муж и жена, — важно сообщила горничная Спрениусу.

— Просто друзья. Коллеги по университету. Из Петербурга... Шли к водопаду и заблудились...

— Студенты? — обрадовался Василий Сулятицкий. — Лев, да это же здорово! Мы здесь сидим, отрезанные от всего мира, устали друг от друга, как черти, и вдруг к нам врывается ветер, снег, молодость!.. Завтра же расспросим этих ребят и узнаем все петербургские новости...

— Просто не знаем, как вас всех и благодарить, — сердечно сказала девушка за завтраком. — Если бы не вы... Это все Виктор виноват и его самонадеянность... «Я знаю дорогу, можешь на меня положиться!» — передразнила она. — Просто счастье, что мы набрали на жилье... Да еще и на гостиницу! Да еще и с русскими постояльцами!

— Признаю свою ошибку, — добродушно улыбался парень, с завидным аппетитом уминая завтрак. — Где он, этот знаменитый водопад?

— Здесь, неподалеку, — успокоил молодых людей Зильберберг. — Минут десять — двадцать ходу.

— Только без провожатых мы вас не отпустим, — засмеялся Сулятицкий. — А то снова не обойдется без приключений.

— Извините, — смутилась девушка от множества устремленных на нее взглядов. — Из-за нас у вас сплошное беспокойство. Честное слово, мы только во-допад посмотрим — и домой. Чтобы не обидно было...

— Да оставайтесь здесь, поживите, — неожиданно для себя самого предложил Лев. — Вы нам нисколько не помешаете. Ну, что там нового в Петербурге?

— У меня есть приятель, медик, — оживился Виктор. — Так он рассказывал презабавнейший случай...

— Что ты о них думаешь? — спросил Зильберберг Галину, высокую, молчаливую женщину в черном платье, пока Сулятицкий хохотал над историей Виктора.

— Я им завидую. — Ее суровое лицо немного смягчилось. — Хотелось бы снова стать вот такой... юной, беззаботной... ничего не знать о грязи, жестокости, крови... не помнить, что жизнь имеет обыкновение прерываться...

Лев, как никто другой, понимал Галину. Лишь он один знал, что муж ее был расстрелян по приговору военно-полевого суда, а ребенок умер, пока сама она сидела в тюрьме. Теперь эта словно бы навек окаменевшая женщина постепенно оттаивала, оживала, и все потому, что случай занес в Богом забытую лесную гостиницу юную пару. И все остальные товарищи, жившие до сих пор в вечном напряжении и ожидании арестов и казней, помолодели и как бы снова превратились в студентов, которыми были совсем еще недавно.

— Ну что ж, я рад, что к нам пожаловали гости, — сказал Зильберберг, и в его глазах Галина увидела отражение той, другой жизни, о которой все они почти забыли.

— Ты что пялишься на постояльцев, Марта? — засмеялся Спрениус. — Влюбилась в студента?

— Типун вам на язык, хозяин! — рассердилась горничная. — Такие приличные молодые люди, сам Господь послал их сюда. А Танечка вот что мне подарила, — похвасталась она, вытягивая из-за ворота скром-

ный медальон. — В благодарность за то, что я ей помогла. А еще она сказала: «Марта, теперь мы как сестры!»

— Да, славная девочка, — усмехнулся в усы старый швейцар. — Уже три раза назвала меня дедушкой, — растроганно сообщил он.

— А Виктор мне неплохо заплатил, — вполголоса поделился хозяин. — Хотя Николай Иванович запретил брать с этих гостей деньги.

После обеда, когда утихла метель, решено было отправиться на Иматру. Только Галина, сославшись на головную боль, хотела уйти в свою комнату.

— Нет-нет, — запротестовал Зильберберг. — Проветриться необходимо всем, а тебе — особенно, — сказал он, намекая на то, что женщина работает с динамитом.

Все встали на лыжи и пустились в путь.

— Я покажу дорогу, — ревниво предложил Сулятицкий, заметив, что мужское внимание целиком отдано хорошенькой Тане. — Как и обещал.

Девушка тоже бросала на белокурого гиганта заинтересованные взгляды.

— Мы думали вчера, что найдем водопад по шуму воды, — объяснила она Василию. — Но из-за ветра и бурана так ничего и не слышали. Потому и сбились с пути.

— А мы здесь все окрестности облазили. — Сулятицкий помог Тане надеть отстегнувшуюся лыжу. — Ориентируемся почти как дома... А летом такая тут благодать! Ягод полно... Вот только комары заедают...

— Зато тепло! — рассмеялась девушка, вздрогнув при воспоминании о том, как они с Виктором чуть не замерзли насмерть. — Как я вам завидую, Вася, — со вздохом добавила она. — Ваша жизнь отдана благородному делу, у нее есть цель... А мы порхаем, как бабочки, и ничего не смыслим в важных и нужных вещах.

— А мне бы не хотелось, чтобы вы работали в организации, — Сулятицкий с нежностью оглядел ее хрупкую фигурку. — Вы, Танечка, похожи на цветок, так же естественны и прекрасны... А наша жизнь — суровая борьба... Мы еще живем, но уже мертвы, ибо каждый из нас обречен на гибель.

— Вы — герои, — прошептала девушка, и губы у нее задрожали. — Я восхищаюсь вами, преклоняюсь...

— О чем это вы секретничаете? — Взмахивая палками, их нагнал Зильберберг. — Некрасиво, Васька, вмешиваться в историю Ромео и Джульетты. Тем более что ты вовсе не граф Парис!

Таня обернула к Льву прелестное, румяное от легкого морозца лицо.

— Мы с Виктором не жених и невеста, — смущенно призналась она. — У него есть девушка, только они поссорились... И он по-дружески просил меня помочь разыграть влюбленных, чтобы она стала ревновать... Глупо, конечно, но я сперва согласилась, а потом было поздно передумывать... Ах, что это за невероятный грохот?

— Иматра, — торжественно объявил Сулятицкий.

Революционеры десятки раз бывали уже на водопаде, но сейчас увидели его словно заново глазами этих юных восторженных созданий.

— Черт знает что! — пожаловался вечером Зильбербергу совершенно влюбленный Сулятицкий. — Никогда не был сентиментален, а тут... в душе расцветают розы!

— Мы не каменные, Вася, — помедлив, ответил Николай Иванович, болезненно переживающий разлуку с женой и малолетним сыном. — Мгновения радости и счастья для нас коротки, но именно поэтому надо дорожить ими.

И, взяв в руки гитару с повязанным на грифе бантом, этот красивый темноволосый человек запел приятным баритоном:

Накинув плащ, с гитарой под полою...

Потом тихо пели хором революционные песни.

На следующий день были назначены стрельбы. Сулятицкий взял с собой Таню.

— Да смелее, смелее! — хохотал он, глядя, как испуганно и неуверенно держит она револьвер. — Крепкая рука и прицел — вот и все секреты меткости!

Девушка стиснула рукоятку браунинга, зажмурилась и выстрелила наугад.

— Молодец! — похвалил ее Василий. — Только глаза закрывать не нужно, а то пуля в цель не попадет.

Три счастливых дня пролетели незаметно. Прощаясь, все долго обнимались и назначали новые встречи. Старый швейцар прослезился, когда Таня расцеловала его в морщинистые щеки. Марта получила в подарок еще несколько безделушек, а Спрениус — деньги за постой и щедрые чаевые от Виктора.

Даже суровая Галина, расчувствовавшись, вручила новым друзьям на память собственноручно связанные шарфы — чтобы не замерзли в дороге. Сулятицкий на лыжах проводил их до ближайшей станции. Когда он вернулся, в двухэтажной деревянной гостинице царила легкая грусть.

Надо было снова приниматься за нелегкое дело.

*Февраль 1908 года
Санкт-Петербург*

— Невероятно! — Герасимов никак не мог прийти в себя. — И они впустили вас только потому, что была метель? Глубоко законспирированные боевики? Ну, ребята... Я догадывался, что вы отличные агенты, но не знал, что вы еще и гениальные актеры!

— Возглавляют группу, — скромно улыбнувшись, продолжала докладывать Таня, — Николай Иванович, то есть Лев Зильберберг, и Малютка — Василий Сулятицкий... Зильберберг небольшого роста, изящный брюнет, Василий — высокий, широкоплечий, светлорусые волосы, глаза голубые, веселые... Галина — она готовит бомбы — рослая, строгая, молчаливая, волосы каштановые, глаза карие...

— Вот схема подходов к гостинице, — набрасывал легкие линии на листке бумаги Виктор. — Вот план самого отеля. Тут они хранят динамит. В случае захвата следует иметь это в виду...

— Горничную можно считать завербованной, — продолжала девушка. — Зовут ее Марта, она старая дева, любит подарки и деньги. Мы договорились, что она станет отвечать на мои письма и сообщать новости о «товарищах». Швейцар, Ян, тоже, ни о чем не дога-

дываясь, выложил немало ценных сведений. Думаю, работу с ним следует проводить весьма осторожно, чтобы не спугнуть...

— Братъ Зильберберга и Сулятицкого лучше всего на вокзале, когда они приедут из Финляндии по делам террористической группы, — опытной рукой рисовальщика Виктор набрасывал карандашные портреты Николая Ивановича и Малютки. — Это можно размножить и раздать агентам. Да и мы сами в случае необходимости их опознаем...

Герасимов на этот раз заплатил щедро, не экономя. Прodelанная молодыми агентами работа стоила того.

*20 июля 1908 года
Санкт-Петербург*

По приговору военного суда Лев Зильберберг и Василий Сулятицкий были повешены 20 июля 1908 года. До последнего мгновения, пока петля не затянулась у них на горле и не хрустнули шейные позвонки, они не подозревали, что славная юная пара, которая так им понравилась, выдала их и обрекла на неизбежную смерть.

Остальным постояльцам удалось уйти. О грозящей им опасности они узнали от финского полицейского, сочувствующего борьбе с царским режимом. Но и они не догадывались, кто был причиной провала хорошо замаскированной группы.

— Приличная сумма, — заметила Таня, пересчитывая деньги, выданные в охранном отделении. — Если так пойдет и дальше, мы сможем пожениться.

— Ну, не каждый день так везет, — возразил Виктор.

В. И. Ленин, статья «Новая аграрная политика»:

«Окончательный переход правительства царя, помещиков и крупной буржуазии (октябристов) на сторону новой аграрной политики имеет огромное историческое значение. Судьбы буржуазной революции в России — не только настоящей революции, но и возможных в дальнейшем демократических революций — зависят больше всего от успеха или неуспеха этой политики...

И вот правительство контрреволюции поняло это положение. Столыпин правильно осознал дело: без ломки старого землевладения нельзя обеспечить хозяйственного развития России. Столыпин и помещики вступили смело на революционный путь, ломая самым беспощадным образом старые порядки, отдавая всецело на поток и разграбление помещикам и кулакам крестьянские массы...

Что, если столыпинская политика продержится действительно долго?.. Тогда добросовестные марксисты прямо и открыто выкинут вовсе всякую «аграрную программу», ибо после «решения» аграрного вопроса в столыпинском духе никакой иной революции, способной изменить серьезно экономические условия жизни крестьянских масс, быть не может. Вот как стоит вопрос о соотношении буржуазной и социалистической революции в России».

Сентябрь 1908 года
Киев

Из показаний арестованного Богрова на допросе:

«В охранное отделение я ходил два раза в неделю и между прочим сообщал сведения о готовящихся преступлениях, как, например, Борисоглебской организации «максималистов» об экспроприации в Киевском политехническом институте, лаборатории в Киеве, на Подоле, по которой была привлечена Р. Михельсон, разъяснил дело Мержеевской, подготовлявшей покушение на жизнь государя, и много других замыслов анархистов».

— Ты куда собрался, Митя? — настороженно спросила мать.

— Да так, прогуляюсь немного. — Не глядя ей в глаза, сын надел шляпу и вышел.

— Не нравится мне все это, — заявила мадам Богрова мужу. — Наш сын живет какой-то загадочной жизнью. Тебе так не кажется, Герш?

— Дело молодое, — уклончиво ответил Григорий Дмитриевич. — Что, ему уже нельзя пройти по Крещатику, поглазеть на хорошеньких девушек?

— Я тебе серьезно говорю, — настаивала жена. — Если бы тут были замешаны девушки, ты бы слова не услышал, Герш. Нет, что-то происходит... У меня сердце кровью обливается, когда я думаю, что это может быть...

— Ты, как всегда, склонна все преувеличивать. — Григорий Дмитриевич раскуривал сигару. — Обычные для его возраста шалости и приключения.

— Да? — с сомнением спросила мадам Богрова. — Почему же тогда Дувид больше не просит у тебя денег? Может быть, его содержат эти самые девушки?

Сентябрь 1908 года
Киев

— У вас есть свежие сведения? — Подполковник Кулябко был немного рассеян. — Но ведь Тыша и Филиппа мы по вашему донесению уже заключили под стражу.

— Господин подполковник, готовится новая акция... — Митя полюбовался игрой света на гранях камешка на новом перстне. — Их собираются освободить оставшиеся на воле товарищи. Могу назвать конкретные имена...

— Но таким образом вы подставляете и себя. — Кулябко насторожился. — А я не хотел бы потерять такого добросовестного помощника, как вы, Дмитрий Григорьевич.

— Я знаю выход из этого щекотливого положения, господин подполковник. — Богров торжествующе посмотрел на Кулябко. — Вместе со всеми арестуйте и меня!

— А что? Это совсем недурная мысль...

— Сатрапы! Тираны! Придет и ваш час! — Митя изо всех сил тряс руками решетку. — Всех не пересажаете!

— Успокойся, ты что! — Шерстюк с трудом усадил

товарища на табуретку. — Нужно держать себя в руках, иначе схлопочешь большой срок.

— Я не могу... — Богров весь дрожал от негодования. — Изверги!

— Скажи еще спасибо, что нас держат в участке, — кивнул на стены Шерстюк. — А в тюрьмах что делается! Боже мой, о каких только ужасах говорят!

— Несчастный Тыш... Бедняга Филипп... Как они страдают, как мучаются... — Митя вскочил с табурета и нервно зашагал из угла в угол.

— Ничего, недолго осталось, — понизив голос до шепота, успокоил его Шерстюк. — Скоро, совсем скоро они окажутся на свободе! А нас схватили просто по недоразумению... Так что ты поменьше кричи... Иначе задержат за хулиганство и нарушение общественного порядка.

— Богров! Шерстюк! — За решеткой замаячила уса-тая физиономия охранника. — На выход!

— Ну, как вам понравилось у нас в Старокиевском участке? — Кулябко с улыбкой оглядел измятый костюм Богрова. — За прошедшие две недели, Дмитрий Григорьевич, лоску у вас заметно поубавилось.

— Что ж, если так нужно было для пользы дела... — Митя пожал плечами.

— Ваши страдания будут хорошо вознаграждены, — заверил подполковник. — Вот вам сто пятьдесят за сентябрь... Да еще шестьдесят — за работу в условиях заключения.

— Благодарю вас. — Богров спрятал деньги, не пересчитывая, в карман. — Счастлив работать с вами, господин подполковник. Всего хорошего!

Он надел шляпу и вышел из участка.

— Ну, старик, ты герой! — бросился навстречу Володя. — Слава Богу, что все обошлось... А мы уж боялись, как бы не запахло Сибирью...

— Митя, Митенька. — Лена гладила его по заросшему щетиной лицу. — Побледнел-то как, Господи, поху-дел...

— Родные мои! — Богров счастливо улыбался. — Если бы вы знали, как я соскучился...

Сентябрь 1908 года
Киев, Бибиковский бульвар, 4

— Скажи спасибо отцу! — кричала мадам Богрова. — Если бы не его связи, не его деньги, ты пошел бы на каторгу или на виселицу! Паршивец! В могилу меня загонишь!

— Ах, мамаша... — морщился Митя. — Какая каторга? Какая виселица? Просто недоразумение... Судебная ошибка... Ведь выпустили же...

— Я тебе покажу судебную ошибку, — страшным голосом пообещал Григорий Дмитриевич. — Был бы ты поменьше — снял бы с тебя штаны и выпорол! Все нервы нам измотал, негодяй! Мать море слез пролила из-за тебя... С сегодняшнего дня ни шагу за дверь без моего разрешения! И чтобы духу твоего Степы здесь не было! Появится — я собственноручно спущу его с лестницы...

24. КУТЕЖ

Выборы по новому избирательному закону, подписанному Столыпиным после разгона Второй Государственной думы, увеличили число депутатов из дворян, духовенства и крупных землевладельцев и способствовали созданию правого большинства. Тон здесь задавали Н. Марков и основатель черносотенного «Союза Михаила Архангела» В. Пуришкевич, заявивший с думской трибуны: «Правее меня только стена!»

С конца 1907 года прекратились политические демонстрации на улицах городов, не бастовали уже студенты и рабочие, не было волнений в городах.

Газеты писали: «Революция закончилась». Революционная пресса вновь ушла в подполье, профсоюзы практически прекратили свое существование, в тюрьмах ввели строгий режим с телесными наказаниями и подавляли любые протесты заключенных. Военные суды продолжали выносить суровые приговоры, однако количество их постепенно уменьшалось: в 1908 году казнили около семисот человек, в 1909-м — пятьсот сорок пять, в 1910-м — сто тридцать. Административные высылки также пошли на убыль: в 1908 году выслали без суда и следствия около десяти тысяч человек, в 1909-м — три тысячи.

Казалось, наступает мир...

*Январь 1908 года
Териоки*

План Чернова по разоблачению Азефа был чрезвычайно прост: связаться с прежним директором департамента полиции Лопухиным, который лично

знал провокатора и, по сведениям того же Чернова, относился к нему без особой симпатии. Бурцев бомбардировал письмами Лопухина, но получал лишь вежливые отписки, что да, институт провокаторства в России чрезвычайно распространен и многие сведения полицейские получают из рук этих наигнуснейших представителей человеческого рода.

— М-да, — огорченно заметил Бурцев. — Опять письмо от Лопухина и опять ничего нового...

— Иван Сусанин, — хмыкнул Чернов. — Плутает вокруг да около, в лес заманивает, а Москву не показывает...

— Но эдак мы никогда подлеца за руку не схватим.

— Схватим, — пообещал Чернов. — Вот увидите. — Он протянул Бурцеву последнее письмо Лопухина. — Поглядите, откуда отправлено сие послание?

— Да и глядеть-то нечего, — пожал плечами тот. — Лопухин теперь в Швейцарии, у него больна жена. Только я не понимаю, какое отношение это имеет к делу?

— Самое прямое. Известно ли вам, где теперь старшая дочь Лопухина?

— Зачем это мне? Вероятно, в Эстляндии, где они живут...

— Значит, неизвестно... — Чернов прошелся по комнате туда-сюда. — А между тем его старшая дочь в Петербурге, в Смольном...

Бурцев почувствовал, что начинает раздражаться.

— Послушайте, прекратите морочить голову! Какое отношение имеет дочь Лопухина к делу, которым мы сейчас занимаемся?

— Я предлагаю выкрасть ее!

Бурцев остолбенел. Чернов спокойно закурил папиросу и уселся в кресло, закинув ногу на ногу.

— Вы плохо поняли? Я предлагаю похитить дочь Лопухина и шантажировать его!

— Но это же... это же преступление!

— Да что вы говорите? — притворно удивился Чернов. — Ай-ай-ай, я и не знал... Но разве, Владимир Львович, это единственное ваше преступление? Разве не преступление то, что вы якшаетесь с агентами охран-

ки и подкупаете их с целью добыть те или иные интересные сведения?

— Но это совсем другое дело, — уверенно возразил Бурцев.

— То же самое! — воскликнул Чернов. — Только здесь немножко другие средства. Но согласитесь, цель оправдывает их, не так ли? Впрочем, не хотите — не надо. Есть немало журналистов с весьма громкими именами, которые ради столь скандального материала согласятся на любые, как вы говорите, преступления. Арцыбашев, Дорошевич... Даже высоконравственный Короленко...

— Я согласен, — перебил Бурцев. — Но только так, чтобы без крови.

— А зачем кровь? Уверяю вас, для нас это совершенно безопасно, а девица будет только рада: представляете, какое приключение после этих унылых дам из Смольного.

— Да, логика есть, — вынужден был согласиться редактор «Былого». — Но только каким образом это совершить? Ни вы, ни я в России появляться не можем.

— Есть один человек, — таинственно сказал Чернов, — там, в Петербурге. На заре своей юности он примкнул к партии эсеров, которая в те времена еще не была столь кровавой. Одновременно он, как и многие революционеры, работал на охранку. У него свои счета с Азефом. Говорили, они женщину не поделили, и Азеф разоблачил его перед эсерами. Каким образом этому человеку удалось избежать казни товарищей по партии — один Бог ведает. Но он сумел скрыться от них и одновременно ушел из охранки. О, это очень странный господин. Никто не знает его настоящего имени, всем он известен под псевдонимом Песчаный.

— А вы откуда его знаете? — подозрительно поинтересовался Бурцев.

— Не спрашивайте. Не через эсеров и не через охранку. История нашего знакомства чересчур долгая, чтобы тратить на ее пересказ драгоценное время. Достаточно того, что Песчаный — человек верный и, коль дело касается Азефа, он нам поможет.

— Но как ему сообщить?

— Сегодня из Финляндии отбывает мой институт-

ский товарищ. Я отправлю с ним письмо. Ах, Владимир Львович, в самом скором времени события начнут развиваться стремительно.

*Март 1908 года
Петербург*

— Ах ты, цыпа. — Жирными губами Распутин чмокнул Головину в макушку. — Цацка моя!

Он обернулся к переодетому в цивильное платье Иллиодору:

— А ну налей, святой отец! Чавой-то ты взгрустнул, как погляжу. Выпей!

— И выпью! — Иллиодор плеснул себе водки, а Распутину налил мадеры. — За здоровье нашей дорогой мамы!

— Красиво говоришь! — Распутин выпил и утер губы рукавом рубахи. — Давай теперь за папу.

— Дело. — Иллиодор снова наполнил посуду. — За здоровье его величества. Ур-ра!

Головина деликатно чокнулась с обоими и пригубила из своего бокала.

— Нет, так не пойдет, — заявил Распутин. — До конца давай, до конца!

Очень скоро вся компания опьянела. Григорий начал выгаскивать из карманов карамельки, пряники, шелковые ленты, дешевые гребешки и пудреницы, которые всегда брал с собою, собираясь на «банкет», и принялся раскидывать их по залу.

— Эй, цыгане! — орал он. — Обирайте меня до ниточки, воруйте, наживайтесь!

— Гриша, хочу танцевать! — капризно произнесла Мунька.

— Че-е-век! — Иллиодор шелкнул в воздухе пальцами, подзывая официанта. — Дама плясать хочет. Вели оркестру «Барыню» играть. Держи, — добавил он, засовывая в руку официанту купюру.

— Сию минуту-с... — поклонился официант и проворно побежал к музыкантам.

— Йех! — воскликнул Распутин. — Пляши, Мунька! Покажи им усем, как ногами выкаблучивать надо-то!

Здрав юбки, фрейлина ее величества носилась вокруг стола.

— Гоп! Гоп! — аплодируя, подбадривал ее старец.

— Барыня, барыня, сударыня-барыня! — прихлопывал в такт Иллиодор.

Мунька вертелась волчком. Распутин не выдержал и тоже пустился вприсядку. Иллиодор притоптывал на месте, аплодируя и вскрикивая.

— Йех! — Одним рывком Распутин сдернул со стола скатерть. Послышался звон разбитой посуды. Дамы, сидевшие за соседними столиками, завизжали. Официант выронил поднос.

— Пляши, пляши! — орал пьяный Распутин, помогая Муньке взобраться на стол. — Гоп! Гоп!

— Пшел вон! — Иллиодор сунул официанту сотенную.

— Но, господин хороший...

— Во-он, — рывкнул Иллиодор, следом за Мунькой взбираясь на стол. — Давай, Маня! Пляши!

Распутин, оглядевшись по сторонам, схватил за руку даму за соседним столиком и рывком поднял ее.

— Тоже пляши, — велел он. — А то ишь, морду кривит, расфуфыренная какая! А ну, крутись!

— Позвольте! — сидевший с дамой сублильного вида юноша вскочил и принялся оттаскивать свою пассию от Распутина.

— Сиди, шибздик! — оттолкнул его старец. — Чаво лезешь, сопляк? Давай, красавица, шибче ногами-то дергай, шибче!

Обалдевший кавалер повалился на стул, но тут же вскочил снова. Его дама истерически визжала. Над столом порхали юбки Головиной и взлетали ноги Иллиодора. Перепуганный официант привел с собой усатого швейцара.

— Господа, — пробасил было швейцар.

Но в этот момент незадачливый кавалер налил в свой бокал водки и в два прыжка оказался около пляшущего Распутина.

— Так вот же вам! — объявил он, выплескивая водку в лицо старцу.

Глаза у Распутина налились кровью. Он набросился на молодого человека с кулаками. Несмотря на свою

субтильность, тот владел приемами рукопашного боя, по крайней мере, ловко уворачивался от мощных кулаков «святого человека». Швейцар и официант бросились их разнимать. Увидев такое дело, прямо на дерущихся прыгнул со стола Иллиодор. Рыдающая дама едва успела отскочить в сторону.

— Наших бьют! — завопил кто-то в зале, и подвыпившая публика ринулась на помощь неизвестно кому.

Падали столы, билась посуда, летали над головами стулья и скатерти. Выскочили из кухни повара. Кто-то догадался вызвать полицию.

Когда прибыл наряд, в зале творилось нечто невообразимое. Поломанная мебель, искореженные музыкальные инструменты и не менее искалеченные музыканты, вдребезги разбитые витрины и остатки еды на листьях пальм в кадках.

Зачинщиков драки, Головину и еще нескольких нетрезвых посетителей доставили в участок. Следом приехал красный от гнева владелец ресторана с трясущимся от страха управляющим. Начали оформлять протокол. Протрезвевшая Головина кусала от стыда губы. Иллиодор стал кротким и благостным. И только Распутин вел себя на удивление нагло.

— Пиши, пиши, — с издевкой сказал он полицейскому. — Ну-ка-ть, я завтра погляжу на тебе, когда на коленях станешь прощения себе вымаливать, паскудник.

— Фамилия? — не обращая внимания на его угрозы, спросил блюститель порядка.

— Новых я. Григорий, Ефимов сын, из крестьян, слышал обо мне?

Полицейский пожал плечами.

— Че ты, Шаляпин, что ли? Год и место рождения?

— Чаво ты мне тут допрос учиняешь, козьявка зеленая? Ничаво я тебе не скажу!

— Скажешь, — с угрозой в голосе произнес полицейский, — еще как скажешь!

— А вот не скажу! — Распутин хлопнул ладонью по

столу так, что взлетела и опустилась на место чернильница.

— Ах ты, сволочь! — полицейский перегнулся через стол и схватил старца за грудки. — Сейчас нагайку получишь, вмиг шелковым сделаешься!

— Я царю нажалуюсь! — Распутин хрипел от гнева.

— Хоть царю, хоть царице! — внезапно полицейский расхохотался. — Слышь, Ерофеич, — окликнул он второго дежурного, который как раз оформлял протокол с Головиной, назвавшейся мещанкой Надеждой Яковлевой. — Царю он нажалуется, скажите пожалуйста! Да тебе, скотина неграмотная, до царя, как до Господа Бога.

— Не веришь? — Старец пришел в ярость. — Да я с царем из одной посуды кушаю, а царица мне, а не Спасителю молится, и я верчу ею как хочу! Я ей завтра скажу, она тебя, курвеца, в порошок сотрет!

— Ц-ц-ц, — издевательски зацокал языком полицейский. — Скажите пожалуйста, какие важные люди у нас сидят — царицыны полюбовники...

— Да, — Распутин уже не помнил себя. — Ежели я того пожелаю, она сама ко мне с превеликим удовольствием ляжет да исчо спасибо скажет!

Второй полицейский бросил допрашивать Головину и внимательно поглядел на Распутина. Потом он поднялся, подошел к своему напарнику и что-то прошептал ему на ухо.

— Да ну? — тот с недоверием поглядел на старца.

— Точно, — подтвердил Ерофеич. — А еще говорят, будто бы... — И он снова склонился к оттопыренному уху.

Несколько мгновений оба полицейских молча смотрели на Распутина. Наконец тот, который его допрашивал, вынес вердикт:

— Ладно. Отведи их, Ерофеич, в холодную. Пусть посидят ночку, подумают над безобразиями своими, а утром разберемся, тот или не тот.

— Да лучше б сразу... — заикнулся Ерофеич. — А то Бог его знает...

— Вот именно, Бог его знает. А вдруг это не он?

Февраль 1908 года
Петербург

Семнадцатилетняя Маша Лопухина влюбилась. Это произошло еще на рождественских каникулах, когда она ездила к родителям. Там, на балу, который давал ее отец, губернатор Эстляндии, она познакомилась со студентом физико-математического факультета Петербургского университета Мишей Духовенским. Он тоже заинтересовался красавицей Машей, и целых две недели они встречались каждый день. Когда начались занятия и они оба вернулись в Петербург, свидания прекратились: педагоги Смольного института очень строго следили за своими воспитанницами. Маша страдала и рыдала по ночам в подушку.

— Очень глупо, — фыркнула соседка по дортуару Катя, ближайшая Машина подруга. — Ну разве можно так раскисать?

— Ну что же, что мне еще остается делать? — спросила зареванная Маша.

— Бороться. Настоящая любовь не знает преград. Если любишь человека, если хочешь посвятить ему жизнь, тебя не остановят никакие классные дамы.

— Хорошо тебе говорить, — вздохнула Маша. — Но как ты себе это мыслишь реально?

— Разве ты не заметила, что вчера я не пела в хоре?

— Да, ты сказалась больной.

— Погляди на меня, разве я нездорова?

Маша внимательно оглядела подругу.

— Не похоже...

— Потому что дело вовсе не в болезни.

— Ты солгала? Но, Катя...

— Я солгала, но это святая ложь! — торжественным тоном сообщила девушка. — Поклянись, что никому не скажешь!

Маша перекрестилась:

— Клянусь...

Катя сделала круглые глаза и сообщила:

— Я была на свидании!

— Да что ты! — ахнула Маша. — А кто он?

— О-о, — Катино лицо приняло мечтательное выражение, — ты не представляешь себе, Маша, что это за

человек! Настоящий Чайльд Гарольд. Такой смелый, мужественный, независимый, сильный... Я тебе скажу еще более важную тайну. — Она склонилась к Машинной кровати и страшным шепотом выдала: — Он революционер!

— Ах, — всплеснула Лопухина руками. — Не может быть! Но ведь это опасно, Катя.

— Да, это опасно. Но это меня и привлекает. Посвятить свою жизнь такому человеку — значит посвятить ее борьбе за народное счастье!

— Но как тебе удалось вчера с ним встретиться?

— Дождавшись, пока все ушли, я тихонько прошмыгнула через коридор к выходу. А уж там умолила швейцара выпустить меня, заплатив ему пять рублей.

— Пять рублей! Но ведь это же большие деньги!

— Любовь стоит того. Александр подждал меня за углом. Ах, как я была счастлива вчера... Мы гуляли по Невскому целых два часа, а потом я незаметно вернулась. Слушай, — вдруг осенило ее, — ведь и ты можешь так встретиться со своим студентом. Надо ему дать знать через Александра, ведь он тоже учится в университете. Бог мой, как я сразу не сообразила! — От возбуждения она захлопала в ладоши. — Напиши записку. В субботу при встрече я передам ее Александру, а потом мы точно так же подкупим швейцара, чтобы ты могла встретиться со своим возлюбленным!

Во вторник Маша Лопухина внезапно почувствовала себя плохо. У нее поднялась температура как раз тогда, когда начиналась репетиция хора. Катя перед уходом быстро шепнула ей на ухо:

— Выйдешь тогда, когда убедишься, что в коридоре никого нет. И смотри не задерживайся. С Богом!

Перекрестив напоследок подругу, она убежала.

Все шло как по маслу. Конфузясь, Маша сунула в руку швейцару рубль и выскочила на улицу. Добежав до угла, она остановилась. К ней подошел высокий симпатичный молодой человек и представился:

— Меня зовут Александр. Я друг Кати. Это я передал вашу записку Михаилу и получил от него устный ответ, который вам пересказала Катя.

— Но где Михаил? — Маша растерянно оглядывалась по сторонам.

— Не беспокойтесь, пожалуйста. У него сейчас экзамен, и профессор мучил его до последнего. Миша очень боялся опоздать и потому вынужден был просить меня, чтобы я приехал за вами...

— Что значит, за мной?

— Как, разве вам Катя не передала? Ах, как досадно, я же ее предупреждал... Видите ли, у нас сегодня студенческая вечеринка в трактире, тут неподалеку... Миша приглашал вас: он хочет познакомить вас с друзьями...

Маша замялась.

— Право, не знаю... — неуверенно сказала она. — Нам запрещено посещать рестораны, а тем более бывать в трактирах...

— Послушайте. — Александр взял ее за руку. — Но ведь вам запрещено и покидать здание Смольного института... Если уж вы сказали «А», скажите и «Б». Михаил очень огорчится, если я вас не привезу, не говоря уж о том, что он страшно разозлится на меня. Поедем, не бойтесь. Ничего дурного с вами не случится. И ровно через два часа Миша доставит вас обратно. Поедем, не лишайте его удовольствия...

Маша раздумывала.

— Да, — наконец выдохнула она. — Поедем. Только обратно я должна вернуться вовремя, а то будет скандал.

— Об этом не беспокойтесь. — Александр остановил экипаж.

Ехать и правда пришлось недолго. Они остановились у какого-то большого серого дома. Александр расплатился и, галантно взяв Машу под руку, вошел с нею в темный подъезд.

— Разве здесь есть трактир? — удивленно спросила девушка, подымаясь по пропахшей кошками лестнице.

— Да, — коротко ответил Александр.

Маша почувствовала неладное. Она остановилась.

— Это не похоже на трактир, — с дрожью в голосе заявила она. — Куда вы меня привезли? Я не пойду дальше.

Вместо ответа Александр зажал ей рот и втолкнул в бесшумно отворившуюся дверь. Маша пыталась вырваться — но куда там: у Катиного знакомого была железная хватка. Он заволок девушку в комнату и только там убрал ладонь с ее рта.

— Не вздумайте кричать, — холодно сказал он. — Здесь все равно вам никто не поможет.

Машу била дрожь.

— Вы... вы будете меня насиловать?

Александр усмехнулся:

— Помилуйте, разве я похож на насильника? Нет, коли вы будете хорошо себя вести, с вами ничего худого не случится. Просто поживете здесь несколько дней, а потом вернетесь в ваш институт благородных девиц.

— Что вам от меня надо? — спросила девушка.

— От вас — ровным счетом ничего. Пока. Ежели ваш папенька вздумает ерепениться, вам придется написать ему письмо — только и всего.

— При чем здесь мой отец?

— Ах, милая, вас это совершенно не касается. Ваше дело — не паниковать и не пытаться совершить над собой что-нибудь эдакое. Располагайтесь, отдыхайте. Голодом вас морить не будут, в чтении тоже недостатка нет, — кивнул он на ровную стопку книг на столе. — Есть и прислуга...

— А Михаил? — Маша все еще не верила, что вся эта дикость происходит именно с ней.

— Михаил? Не будьте так наивны! Знать не знаю никакого Михаила... Дарья! — крикнул он куда-то в глубь квартиры.

Из кухни явилась пожилая женщина в крестьянской одежде.

— Глаз с нее не спускай, — старательно артикулируя и показывая на Машу пальцем, проговорил Александр. — Никуда не отлучайся ни на одну минуту. Поняла?

Дарья согласно кивнула.

— Она все слышит, — пояснил он, поворачиваясь к Маше, — только не говорит. Если вам что-то понадо-

бится, смело обращайтесь к ней. А я зайду завтра утром. И имейте в виду — без истерик и без глупостей.

Дойдя до телеграфа, Александр дал шифрованную телеграмму в Териоки:

«Маша доехала благополучно. Немножко волнуется. Ждем в гости папу. *Песчаный*».

*14 марта 1908 года
Петербург*

Полковник Герасимов пришел на службу злой и невыспавшийся. Вчера он до поздней ночи ждал Головину в ее доме, но вместо любовных утех с Мунькой вынужден был предаваться нудным беседам с ее мамашей, которая явилась к дочери с визитом. Самое интересное, что ни он, ни мамаша так Муньку и не дождались. Старая карга, охая, вздыхая и жалуясь на нездоровье и дороговизну, убралась домой только в половине одиннадцатого, а Герасимов прождал свою любовницу до половины первого ночи, а потом тоже плюнул и отправился спать к законной супруге. Утром он первым делом наорал на своих подчиненных, а потом заперся в кабинете, велел никому не беспокоить. Однако отдохнуть ему не пришлось.

— Ваше превосходительство! — раздался из-за двери взволнованный голос секретаря. — Откройте, пожалуйста. Беда!

— Тыфу, черт, что за день нынче! — в сердцах сплюнул Герасимов, гремя замком. — Что еще?

В приемной рядом с секретарем стоял навытяжку бледный от волнения и от ответственности унтер-офицер жандармерии.

— Здравия желаю, ваше превосходительство! — гаркнул он так громко, что с потолка в углу посыпалась штукатурка. — Разрешите доложить...

Герасимов поморщился: от жандарма воняло борщом.

— ...задержанный Григорий Ефимов Новых, уроженец села Покровское Тобольской губернии, — докладывал унтер-офицер, — ...учинил дебош в ресторане «Вар-

шавский» с причинением ущерба его владельцу на сумму одна тысяча сорок три рубля двенадцать копеек.

— Ай да старец! — Герасимов хлопнул себя по бедрам. — Вот так удружил!

— ...при составлении протокола он позволял себе высказывания в адрес государя императора и государыни императрицы...

Плохое настроение Герасимова мгновенно улетучилось.

— И что ж он говорил?

Унтер-офицер замялся:

— Ваше превосходительство, я не могу повторить... вслух...

— Скажи на ушко. — Полковник, не чувствуя более кислого запаха борща, склонился к унтер-офицеровским усам. — Вот что, братец, — сказал он, внимательно выслушав весь доклад, — ты здесь сядь и изложи все подробно на бумаге. А ты, — обратился он к секретарю, — немедленно свяжись со Столыпиным и проси его сей же час принять меня. Скажи, дело государственной важности. Да вели приготовить мой автомобиль.

25. РАЗОБЛАЧЕНИЯ

---

*14 марта 1908 года
Петербург*

— Лучше бы он был террористом! — патетически воскликнул Герасимов. — Ей-богу лучше, Петр Аркадьевич. Во всяком случае, у нас с вами хлопот бы поубавилось. По крайней мере, знаешь, чего от него ждать. А с этим... И то, что он говорил в участке о царской семье...

— Сволочь, — выругался Столыпин. — Надо сообщить государю... Вы привезли это известие кстати, Александр Васильевич, я как раз собираюсь с докладом к царю...

— Но вмешиваться в личную жизнь государя, — сомневался директор департамента, вспомнив недавний разговор с Песчаным. — Может, просто отдадим Распутина под суд, и дело с концом? Тем более в участке его записали под фамилией Новых... Якобы мы понятия не имеем, в чем дело, а?

— Нет. Его величеству нужно знать, кого он пригрел в своем доме. Царь не имеет права ронять моральный авторитет, жизнь его семьи должна быть чиста, как хрусталь. Пускай история с Распутиным послужит ему уроком. А то наша экзальтированная императрица еще кого пригреет...

— Как знаете, — пожал плечами генерал. — Но, Петр Аркадьевич, можно ли просить об одолжении, чтобы в вашем докладе не фигурировало мое имя?

— Бойтесь? — усмехнулся премьер-министр.

— Боюсь, — честно признался Герасимов. — Скажу

прямо: вам есть чем заняться в случае отставки, а меня только карьера и кормит.

— Спасибо за доверие. Хорошо, я государю не скажу, откуда у меня эта информация, будьте покойны.

Через час, отчитавшись о текущих событиях, Столыпин перешел к тому, ради чего приезжал к нему утром полковник Герасимов.

— Ваше величество. — Премьер пристально глядел царю в глаза. — Вы когда-то слышали эту фамилию — Распутин?

Николай заметно смутился.

— Распутин, Распутин... — он щелкнул пальцами и поднял глаза к потолку, — Распутин... ах да, государыня рассказывала мне, что несколько раз встречала человека с такой фамилией на даче у фрейлины Вырубовой. Кажется, это странник, он много ходил по святым местам, хорошо знает Писание...

— А ваше величество с ним не встречались?

— Нет. — По тому, как закуривает царь папиросу, было видно, что он нервничает.

— Простите великодушно, ваше величество, но мне докладывали иное.

— Вот как? — Николай криво улыбнулся. — И кто же, позвольте узнать, вам докладывал?

— Я не могу назвать вашему величеству имени этого человека, меня сдерживает данное слово, но смею вас заверить, что это человек весьма достойный и он имеет верные сведения.

Николай отвел взгляд. Столыпин понял, что он колеблется.

— Хорошо, — сказал наконец государь. — Если так, не буду оспаривать. Действительно, государыня уговорила меня познакомиться с этим старцем, я видел его... я видел его... два раза. Но объясните мне, Петр Аркадьевич, почему вас это интересует? Это моя личная жизнь, ничего общего с политикой не имеющая. В конце концов, господин Столыпин, я тоже человек. Разве у нашей семьи не может быть личных знакомств?

Царь смущенно, как ребенок, опустил голову.

— Ваше величество, — как можно мягче начал Столыпин, — конечно же у вашего августейшего семейства могут быть личные знакомства, как у любых других

людей. Разница лишь в том, что вы всегда на виду, у вас власть, а следовательно, должна быть и соответствующая репутация. Однако Распутин-Новых то ли из глупости, то ли из каких-то неведомых нам целей бросает тень на вашу семью. Не стану скрывать: полиция давно уже взяла под наблюдение этого человека. Я располагаю огромным количеством сведений, связанных с его безобразным поведением. Его квартира в доме Сазонова на Ямской превратилась в самый настоящий притон с развратными оргиями, проститутками, пьяными дебошами... Но это было бы еще полбеды, и я, возможно, не стал бы беспокоить ваше величество своими бестактными расспросами. Он на каждом шагу говорит о своей близости к вашей семье и ежедневно принимает просителей, среди которых есть, к сожалению, и члены кабинета министров, и представители высшего света. Это не просто безнравственно, ваше величество, это опасно!

— Никакой опасности я не вижу, — возразил Николай. — Напротив, то, что простой деревенский мужик вхож в наш дом, говорит скорее в мою пользу. Коль уж завязался такой разговор, будем откровенны до конца. Меня обвиняют в консерватизме, в том, что я совершенно отдалился от народа и закрыл глаза на его беды? Так вот же вам, господа левые: народ запросто приходит ко мне в гости, я ем за одним столом с народом... Что до просителей — отвечу то же самое: чиновники не могут попасть ко мне на аудиенцию, зато простой мужик может! Ну а оргии, притон и прочее, это вы, господин Столыпин, перегнули палку. Распутин не пьет, а его женщины меня не касаются...

— А что вы скажете на это? — Премьер вынул из папки и протянул царю рапорт унтер-офицера. — Взгляните на число. Это получено нынче утром. И внимательно прочтите, что там написано.

От шеи ко лбу царя медленно поднималась краснота. Дочитав, он не посмел поднять на Столыпина глаза. Ему было душно, и Николай впервые в присутствии посторонних позволил себе расстегнуть верхнюю пуговицу гимнастерки.

— Ваше величество, вы должны знать правду, — тихо сказал Петр Аркадьевич.

— Да. — Государь упал головой на руку, закрыв ла-

донью глаза. — Но вы-то, надеюсь, понимаете, что все, что здесь сказано о государыне, — неправда?

— Конечно, ваше величество, у меня нет и капли сомнения в том, что это самая грязная, гнусная клевета. Но... — Он запнулся.

— Что? — Царь поднял голову. — Договаривайте до конца.

— Но не все так думают, ваше величество, — тихо договорил Столыпин.

— Что вы предлагаете?

— Я предлагаю немедленно, сегодня же, убрать негодяя с глаз долой, — заявил премьер. — В Петербурге ему оставаться нельзя.

— Куда? — слабым голосом спросил Николай Александрович.

— Еще не знаю. Нужно найти соответствующую статью в кодексах.

— Хорошо, — махнул царь рукой. — Хорошо...

14 марта 1908 года

Петербург

Герасимов снова приехал к премьер-министру только к концу дня.

— Нашел, ваше превосходительство! — радостно воскликнул он, потрясая над головой фолиантом в кожаном переплете. — Статья 106 Гражданского кодекса от 1862 года! Параграф третий. Читайте. — Он открыл нужную страницу и протянул фолиант Столыпину.

«Министерство внутренних дел имеет право вмешиваться в личную жизнь граждан, ежели они ведут образ жизни, несообразный с нормами принятого поведения в обществе, и тем самым оскорбляют нравственное чувство других членов общества либо причиняют им какой-то другой вред. Лица, в отношении которых замечено подобное поведение, возможно без суда, в административном порядке высылать в Сибирь, в области, указанные в списке А. К вышеназванным лицам относятся: безработные, бездомные, мелкие мошенники, проститутки, содержатели притонов, развратники...»

Пробежав глазами весь список до конца, Столыпин заметил:

— Лихо! Какой разряд ни возьми — наш старец подходит. Однако, Александр Васильевич, вы и сами понимаете, каково влияние сего негодяя на петербургское светское общество и сколько защитников у него найдется. Чтобы не все шишки свалились на наши с вами бедные головы, его выселение следует хранить в строжайшей тайне. Подготовьте постановление...

Герасимов уже взялся за ручку двери, когда Столыпин окликнул его вновь:

— Совсем забыл, Александр Васильевич. Следует предупредить в участке, чтобы глаз с него не спускали и никому никаких сведений о нем не давали. Да предупредите их еще раз, чтобы хранили важную государственную тайну. Хоть судом пригрозите.

Выйдя из здания Государственного совета, полковник Герасимов решил лично съездить в участок, где уже почти сутки томились Распутин и лица, которые вчера гуляли с ним в ресторане. Он не мог отказать себе в удовольствии увидеть старого развратника за решеткой.

*28 марта 1908 года
Баден-Баден*

— Милая, я должен уехать ненадолго, — за обедом сообщил жене губернатор Эстляндии Лопухин.

— Как?! — изумилась супруга. — Ты же обещал...

— Ненадолго. — Алексей Александрович был явно чем-то озабочен. — Я вернусь, наверное, на следующей неделе, а может быть, еще раньше.

— А в чем дело?

— Да так... Ничего страшного... Вызывают в Петербург.

— В Петербург? — заволновалась женщина. — О Господи! Зачем? Что, с Машей что-то?

— Да что с ней может произойти? — деланно удивился Лопухин. — С ней все в порядке. Ради Бога, успокойся. Доктор запретил тебе волноваться...

— Нет, ты мне скажи прямо, — настаивала супру-

га. — Честно, я все перенесу, я сильная. Если с Машей что-то...

— Да не с Машей, не с Машей... Вызывают к государю с докладом.

— А-а, — успокоилась жена. — А я, признаться, подумала... Хуже нет, когда ребенок далеко.

— Да, — согласился с ней Лопухин, у которого в кармане пиджака лежали две телеграммы. Одна из Петербурга, из Смольного, полученная нынче утром, — о том, что Маша пропала. Другая из Кельна — с инструкциями, что надо сделать, чтобы вернуть дочь обратно.

— Но ты же с ней встретишься? — полуутвердительно спросила супруга.

— Конечно же, — Лопухин в этом сомневался.

— А когда ты едешь?

— Сей же час, после обеда.

— О Господи! Так скоро? Но ты же... но я же... но ведь ничего не собрано!

— Ничего, я возьму с собой только самое необходимое. — Лопухин промокнул губы салфеткой и поцеловал жену. — Прости, дорогая, но я боюсь опоздать на поезд.

— С Богом, — махнула вслед женщина кружевным платочком.

На следующий день на вокзале в Кельне он купил билет в спальный вагон берлинского поезда, как и требовали неизвестные похитители, и устроился в третьем купе.

Раздался гудок, и мимо поплыли унылые здания вокзальных построек, затем их сменили фермерские домики, потом начались рощи... С каждой минутой волнение Лопухина все росло. А что, если Маши уже вообще нет в живых? Или если похитители потребуют невероятную сумму за выкуп — где ее достать? И, Господи, на что им сдалась Маша? И каким образом она покинула пределы института, где все так строго, что ни одна воспитанница не выходит на улицу без сопровождения воспитателя? Он курил папиросу за папиросой и пытался отогнать от себя черные мысли. Он даже попробовал сосредоточиться на газетах, но когда обнаружил, что в десятый раз читает одну и ту же строчку, но

никак не может понять, что в ней написано, отбросил и это занятие.

В дверь его купе деликатно постучали.

— Да-да, войдите! — откликнулся Лопухин.

Дверь открылась, и на пороге возник редактор журнала «Былое» Бурцев, с которым Лопухин уже встречался однажды в Петербурге.

— Владимир Львович! — удивился он. — Какими судьбами? Вы же, кажется, в Финляндии?

— Да, пока что я в Териоках, но приехал в Кельн специально для встречи с вами.

— Ах, если вы по тому же делу о провокаторах, — Лопухин устало откинулся на спинку дивана, — то, ей-богу, не ко времени. У меня возникли некоторые личные проблемы, и мне пока не до воспоминаний...

— Вы имеете в виду исчезновение дочери? — уточнил Бурцев.

Лопухин так и подпрыгнул:

— А вам откуда это известно?

Бурцев усмехнулся:

— А знаете, что нужно для ее возвращения? Только одно слово. Вернее, имя...

— Так это вы! — Бывший директор департамента полиции трясся от негодования. — Это вы... Да как вы смели вмешивать мою девочку в ваши грязные игры? Это... это... я вас под суд отдам!

— Не отдадите, — спокойно парировал Бурцев. — Иначе не получите обратно дочь. А если решите донести на меня постфактум, то сядете сами. Раскрыв имя провокатора, вы совершите преступление. Итак, — Бурцев закинул ногу на ногу и раскинул руки на спинке дивана, — я жду...

Лопухин попытался успокоиться.

— Владимир Львович, что вам даст мое слово? Вы все равно его ничем не сможете подтвердить. Вы не сможете доказать, что я вам скажу...

— Смогу...

Из книги В. Бурцева «Погоня за провокаторами»:

«В своем разговоре с Лопухиным я ни разу не назвал ему Азефа по имени, в продолжение четырех часов в мельчайших подробностях рассказывал ему о тех путях,

которыми дошел до обвинения Азефа в провокации, и всех тех мучительных, сложных перипетиях, которые мне пришлось пережить во время борьбы с этим провокатором. Я привел ему все доказательства моих обвинений, рассказал о своих спорах с защитниками Азефа, познакомил со своими аргументами, точно и во всех деталях с хронологическими данными восстановил деятельность Азефа как охранника, назвал его департаментские псевдонимы, указал квартиры, где он имел свидания.

После каждого нового доказательства я обращался к Лопухину и говорил:

— Если позволите, я вам назову настоящее имя этого агента. Вы скажете только одно — да или нет.

На такой вопрос Лопухин каждый раз отвечал молчанием.

Интерес к рассказу у него, видимо, возрастал.

Я видел, что он совершенно был потрясен неожиданным для него рассказом об Азефе как о главном организаторе убийства Плеве.

С крайним изумлением, как о чем-то совершенно недопустимом, он спросил меня:

— И вы уверены, что этот агент знал о приготовлении к убийству Плеве?

— Не только знал, — отвечал я, — он был главным организатором этого убийства...

Далее я сообщил Лопухину об участии того ж агента в деле убийства великого князя Сергея. Затем... сообщил ему, что совсем недавно, всего лишь несколько месяцев тому назад, агент, о котором я говорил, организовал покушение на Николая Второго, которое если и не удалось, то только помимо его воли...»

— Ну, — спросил Бурцев. — Достаточно ли вам доказательств?

Потрясенный Лопухин молчал.

— И ради этого человека вы готовы пожертвовать своей дочерью?

— Да поймите же, — в отчаянии воскликнул Лопухин, — я не имею права разглашать служебную тайну! Я связан словом!

— Да какая ж это тайна, если и вы, и я знаем, о ком

идет речь? Нам нужно только ваше подтверждение. Только одно слово — и ваша дочь окажется на свободе. Итак, речь идет о человеке, который в полицейских донесениях фигурировал как Раскин и еще, наверное, под другими фамилиями. В действительности же его зовут...

— Евно Азеф, — не выдержал бывший директор департамента полиции.

— Вот видите, как славненько! — Бурцев потирал руки. — Прошу вас, напишите это имя, только имя. — Он предупредительно пододвинул к Лопухину листок бумаги. — Вот спасибо! Замечательно! И подпись свою поставьте, и число, а то мне товарищи не поверят...

*14 марта 1908 года
Петербург*

Дежурный в полицейском участке глазам своим не поверил, когда подкатил черный блестящий автомобиль и из него вышел сам директор департамента полиции полковник Герасимов.

Начался обычный в таких случаях переполох. Околоточный надзиратель был одновременно горд и обеспокоен — с чего бы это сам Герасимов пожаловал, да еще без всякого предупреждения?

Узнав, в чем дело, околоточный облегченно вздохнул:

— Да-с, ваше высокопревосходительство, вчера буйствовал и вел себя самым дерзким образом, а сегодня утихомирился. И все молится, молится, поклоны отбивает...

— Не выпускать его отсюда до моего особого распоряжения, — строго сказал полковник.

— Да-с, ваше превосходительство. А с остальными двумя что делать прикажете?

— Ах, черт, забыл про них... Дайте-ка их бумаги.

Пробежав глазами протоколы задержания вчерашних спутников Распутина, Герасимов вернул бумаги полицейскому:

— С этими поступите так, как положено в подобных случаях. Где они теперь?

— Со вчерашнего дня в холодной так и сидят.

— Проводите меня к ним.

Околоточный надзиратель лично сопровождал директора департамента к задержанным. Увидев Герасимова, дежурный полицейский вытянулся в струнку и прогаркал все, что полагается в подобных случаях, затем отворил дверь камеры и отступил на шаг назад, пропуская вперед высшие чины. Герасимов вошел и...

— Саша! — завопила продрогшая и издерганная Головина, бросаясь к нему на шею. — Сашенька! Я знала, знала, что ты меня вызволишь! Ты не представляешь, в каком я состоянии! Провести сутки в участке — это ужасно, ужасно! Господи, что я пережила!

— Маша... — ошеломился Герасимов. — Как ты здесь оказалась?

Околоточный надзиратель и охранник недоуменно переглянулись.

— Саша, я тебе дома все расскажу! Ах ты, Господи! Увези нас поскорей отсюда! У меня чувство, будто на нас опрокинули ушат грязи!

— А я тебе что говорил? — обратился к надзирателю довольный Распутин. — А ты, подлюка эдакий, ня верил!

Иллиодор благостно улыбался, обнажая шербатый рот.

Не переставая возмущенно рассказывать, Головина вцепилась в спасительную руку. Герасимов не знал, куда деваться от стыда. Его подчиненные с интересом наблюдали всю эту сцену. Околоточный надзиратель деликатно кашлянул. Полковник вздрогнул и попытался высвободиться из железной Мунькиной хватки:

— Э-э-э... простите, Марья Васильевна, но я совершенно не ожидал увидеть вас в этом месте... э-э-э... вышло какое-то недоразумение... конечно, вы можете считать себя свободной... м-да... подождите меня в моем автомобиле...

Мунька с готовностью подцепила под руки Распутина и Иллиодора и с гордо поднятой головой направилась с ними к выходу. Охранник засеменил за троицей, сопровождая ее до самого полковничьего автомобиля. Околоточный надзиратель, оставаясь с Герасимовым, сделал вид, будто ничего особенного не произошло.

— Э-э... — Герасимов промокнул лоб носовым платком. — Видите ли... сия особа... госпожа... — он запнулся, — не буду обнародовать ее имени, имеет весьма высокое покровительство, и...

— Да-да, — ваше высокопревосходительство, — с готовностью закивал околоточный, — как не понять-с... воля ваша...

— Я, право же, не знал, что она находится здесь...

— Конечно, ваше высокопревосходительство...

Герасимов немного подумал:

— Но если вы считаете, что она моя близкая знакомая, то ошибаетесь...

— Что вы, ваше высокопревосходительство, ни-ни...

— Ее покровитель, весьма высокое лицо...

Генерал совсем запутался и замолчал. Околоточный выжидательно смотрел на него.

— М-да... Надеюсь, вы понимаете, что сей казус не подлежит огласке?

— Конечно, ваше высокопревосходительство.

— И я попрошу у вас все документы, касающиеся вчерашнего задержания.

— Мы даже аннулируем имена в учетной книге.

— Предупредите своих, что за разглашение можно пойти под суд. И кстати, как ваша фамилия?

— Трусевич, ваше высокопревосходительство.

— Я запомню. — Герасимов благосклонно улыбнулся и проследовал к выходу.

Застыв у дверей участка, околоточный надзиратель и охранник долго глядели вслед удаляющемуся автомобилю.

— Небось полюбовница, — почесывая себе затылок, глубококомысленно заметил охранник.

— Молчи, — приказал надзиратель. — Никому не слова без моего на то позволения.

26. ПРОРОЧЕСТВА

---

*Март 1908 года
Тюмень*

Тюремный доктор отложил в сторону фонендоскоп и принялся что-то записывать в истории болезни. Михаил Бакай терпеливо ждал, сидя на краешке стула и смиренно сложив руки на коленях.

— Ну-с, батенька. — Врач наконец закончил свои записи и протянул ему рецепт. — Пойдете с этим в аптеку и получите лекарство.

— Доктор, что у меня?

— Вы здоровы как бык, — шепотом сказал врач и тут же повысил голос, чтобы слышал стоящий за дверью конвойный: — И пусть ваша супруга подержит вас на диете хотя бы несколько дней. И никаких прогулок!

Уходя, Михаил заговорщически подмигнул эскулапу. Тот слегка улыбнулся в ответ.

Несколько дней назад Бакай получил с оказией записку от Бурцева:

«Наши с вами подозрения подтвердились. Мы должны увидеться. К вам выехал человек, женщина. Это ваша супруга. Вы должны на несколько дней любым способом выбраться из тюрьмы для получения инструкций».

К записке прилагались двести рублей, сто из которых Михаил заплатил тюремному врачу за «диагноз».

Соня Савинкова, сестра Бориса, ждала его на съемной квартире.

— Я здесь по поручению Бурцева, который нашел способ вызволить вас отсюда, — заявила она. — Вот

заграничный паспорт на имя мистера Стивенсона, протестантского пастора. Вот деньги. Вам следует выехать завтра вечером и далее отправляться в Лондон, где вы встретитесь с Владимиром Львовичем. Будете свидетелем в суде.

— В каком? — ахнул Бакай. — Неужели...

— Вот именно, — кивнула Соня. — Читайте. Это, естественно, копия.

Заявление Бурцева в ЦК партии эсеров занимало добрый десяток страниц. Бакай рассеянно скользил глазами по строчкам:

«Более полугодом уже, как существует комиссия, образованная Центральным комитетом для расследования петербургских провалов конца того и начала этого года. В этой комиссии я все время категорически заявлял, что, по моему глубокому убеждению, причина всех бывших провалов — провокация, и все время указывал на Азефа как на провокатора.

Я давно уже просил Центральный комитет вызвать меня на третейский суд по делу Азефа. Сколько мне известно, решение вызвать меня на суд со стороны Центрального комитета состоялось более месяца, но оно мне не объявлено до сих пор. Разумеется, на третейский суд я явлюсь по первому требованию, но события происходят в настоящее время в России ужасающие и кровавые, и я не могу ограничиться ожиданием разбора дела в третейском суде, который может затянуться надолго, — и гласно, за своею подписью, беру на себя страшную ответственность обвинения в провокаторстве одного из самых видных деятелей Партии социалистов-революционеров».

— Наконец-то, — выдохнул Бакай. — Когда же суд?

— В самое ближайшее время.

— Насколько я понял, в провокаторство Азефа до сих пор не верят.

Соня пожала плечами:

— Он столько сделал для партии...

— И для охранки тоже. Ну а вы как считаете?

— Не знаю. Брат мой целиком на стороне Азефа. Еще бы — они столько лет дружат. Борис верит в него, как в Бога. А я... — Соня вздохнула. — Слишком много совпадений. К тому же Бурцев раздобыл сенсационные

сведения у какого-то высшего полицейского чина. Говорит, эти сведения заставят эсеров поверить.

Весь следующий день прошел в сборах. Соня сбегала за покупками и принесла «мужу» элегантный костюм и шерстяной клетчатый шарф.

— Все англичане носят клетчатые шарфы, — безапелляционно заявила она. — А чем вы хуже, мистер Стивенсон?

В эту минуту в дверь постучали:

— Откройте, полиция!

Бакай замер.

— Тс-с-с, — приложила Соня палец к губам и одними глазами указала на кровать.

Михаил, не раздумывая, укутал горло новым шарфом и нырнул под одеяло. Соня, ни капли не стесняясь, сбросила платье и осталась в одном белье. Она взбила себе волосы и накинула на плечи халат.

— Открывайте! — стучали в дверь.

Соня прошаркала к выходу, вполголоса причитая:

— И чего пришли? Есть официальное разрешение... Не дают человеку с женой встретиться... поболеть не дают...

Увидев полуодетую женщину, два молоденьких полицейских смутились.

— Здесь остановился заключенный Михаил Бакай?

— Проходите. — С выражением явного недовольства на лице Соня пропустила их в комнату. — Михаил тяжело болен. Есть заключение тюремного врача.

— Мы должны обыскать квартиру, — просящим тоном сказал один полицейский.

— Обыскивайте, — пожала плечами Соня, усаживаясь на стул около постели «больного». — Вон мои вещи, — кивнула она на чемодан.

Полицейские подняли крышку и принялись перекладывать на стол платья. Женщина холодно наблюдала за ними. Ничего не обнаружив, блюстители порядка велели подняться Михаилу.

— Не делай этого, — повелительным тоном сказала Соня. — Господа, если вы столь бессердечны, что не уважаете больного человека, останьтесь хоть мужчинами и уважайте женщину. Я не позволю, чтобы вы осматривали мое постельное белье... теперь... — Она дер-

нулась вперед, и шелковый халат пополз вниз, обнажая ее полноватое белое плечо. — Ох, простите.— Она поправила халат на плече, но теперь обнажилась грудь.

Полицейские переглянулись.

— Но мы обязаны...

— В таком случае, господа, я попрошу вас выйти, чтобы хотя бы дать мне возможность одеться и убрать... кое-что... Но предупреждаю: я обязательно сообщу о творящихся здесь беззакониях в Петербург; да, у моего мужа статус заключенного, и вы обязаны следить за ним, но для того, чтобы исследовать мою постель, вы обязаны предъявить ордер, которого, как я понимаю, у вас нет.

Полицейские о чем-то пошептались.

— Хорошо, — наконец сказал один. — Но имейте в виду, госпожа Бакай, вашего супруга выпустили под полную вашу ответственность, поэтому, если с ним что-то произойдет, вам придется объясняться. Будьте готовы к тому, что мы можем прийти в любой момент и даже с ордером на обыск. Доктор разрешил вашему мужу находиться на городской квартире до выздоровления, но не позднее. Помните, что в противном случае ему грозит увеличение срока.

В тот же вечер Соня Савинкова и Михаил Бакай выехали из Тюмени. Чтобы замести следы, Соня отправилась дальше в Сибирь, а протестантский священник мистер Стивенсон сел в московский поезд.

15 марта 1907 года
Петербург

— Да вы понимаете, что вы натворили? — Столыпин стукнул кулаком по столу. — Это должностное преступление! Как могли так поступить вы — человек, который понимает всю опасность Распутина! Вы же сами, господин Герасимов, поставили меня в известность о творимых им безобразиях, я взял на себя ответственность перед императором, и в каком положении я нахожусь по вашей милости?

— Но, ваше высокопревосходительство, — лепетал

красный как рак Герасимов. — Я не мог поступить иначе... Фрейлина Головина...

— Фрейлине Головиной надо было всыпать на полную катушку, чтобы впредь неповадно было! Закон для всех один — и для государя, и для последнего мужика! А вы позволяете себе вертеть им так, как удобно фрейлине Головиной! Ваш департамент и так стал притчей во языцех, а теперь весь Петербург станет говорить о том, что полковник Герасимов позволяет своей любовнице... ох, простите...

На Герасимова было жалко смотреть. Он поднял на Столыпина страдающие глаза.

— Ваше превосходительство, я готов тотчас же подать рапорт об отставке, — с трудом выдавил он.

— Об отставке... — проворчал Столыпин, чувствуя себя крайне неловко. — А семья, о которой вы так печетесь? Ладно, повинную голову меч не сечет... Но вы должны исправить положение. Вы должны в самое скорое время выслать Распутина из Петербурга. Ищите его где хотите.

— Спасибо, ваше высокопревосходительство, — расцвел генерал. — Не извольте беспокоиться. В самое ближайшее время... Все будет тихо и незаметно...

*16 марта 1908 года
Царское Село. Дача фрейлины Вырубовой*

— Его величество явно о чем-то подозревает. Вчера, когда Сана завела разговор о тебе, Николай нахмурился и пробормотал что-то вроде того, что ты бы мог вести себя и поскромнее. Он очень нравственный, наш Ники, и не любит, когда в ресторанах устраивают пьяные дебоши.

Анна Вырубова причесывалась, сидя у туалетного столика. Распутин, развалившись в кресле у окна ее спальни, рассеянно наблюдал за ее действиями.

— Ентот мерзавец донес. — Он громко высморкался в полу рубахи.

— Какой мерзавец? — не поняла Вырубова.

— Старик, подлюга, премьер ваш.

— Столыпин?

— Ну... Ентот подлюга только и ждет, чтобы мене на чем-то подловить. Я чуем чую, он копаеть под мене, копаеть... Да не обломится ему, окаянному.

— Почему ты думаешь, что Столыпин? — пожалала плечами Анна, откладывая гребень в сторону. — Есть много других недоброжелателей.

— Он, он, зараза... — Распутин чихнул. — Застудился я, однако, надо бы баньку истопить.

— Я уже отдала распоряжение. А как ты думаешь расплачиваться с владельцем ресторана? Его нужно заставить молчать. Если этот слух дойдет до Саны, начнутся истерики.

— Ничаво. Пушай поплачеть, душу облегчить...

— Ты, видимо, не понимаешь всей серьезности ситуации. Не хотела тебе говорить, но так уж и быть. Елизавета, комнатная девушка, которая смотрит за великими княжнами, и мсье Жильяр, их гувернер, в два голоса зудят Сане, чтобы она запретила тебе общаться с детьми. Дескать, дочери уже взрослые, а ты их лапашь и как бы чего не вышло.

— Ай да суки! — скривился Распутин. — Твари подкожные. Ну ничаво, клопов не бойся, ежели кусают — чешись. А насчет мамы не беспокойся — кто под мене попал, тот на мене никогда не вскочит.

Поздно вечером, около одиннадцати, к Вырубовой явилась взволнованная Аликс:

— Как хорошо, что я застала тебя одну. Боялась, здесь гости. А позфонить никак не могла — дело чресфычайно фажное!

— Сана, милая, да ты вся дрожишь! Успокойся! — Вырубова обняла подругу за плечи, проводила в гостиную, усадила на диван. — Я велю чай подать...

— Нет-нет, — запротестовала Аликс. — Я не в состоянии... Аня, ты не предстафляешь, что происходит! Приехал Длинный один, без Станы. Он фообсче не фыпускает ее из дому. Она мне зфонила, гофорила что-то нефнятное, я ничефо не могу понять! У Длиннофо была беседа с Ники. Аня, он настраифает моефо мужа против труга! И самое поразительное, что Ники, который фсегда засчисчал Гришечку, теперь фо фсем соглашается со сфоим дядей! Длинный гофорит, что труг шарлатан и у него есть доказателстфа!

— Какие такие доказательства? — слышался из дверей голос Распутина.

Аликс вздрогнула и обернулась. Через гостиную шел к ней распаренный после бани Распутин в чистой розовой рубашке и атласных штанах.

— Здравствуй, мама! — Он перекрестил императрицу и поцеловал ее в лоб. — Чаво ты так испужалася?

— Друг! — государыня встала и схватила его за обе руки. — Объясни мне, что произошло между тобой и феликим князем Николаем Николаевичем? Почему он гофорит такие ужасные весчи? Он называет тебя... ах, нет, я не могу пофторить... Он называет тебя разфратником!

— Ты, мама, успокойси. — Распутин прижал ее к груди и погладил по волосам. — Язык на то и дан, чтобы им воздух молоть. Дурак он, Длинный ентот. Ну погляди на мене. — Он разжал объятия и отступил на шаг. — Рази я похож на бабника? Да и чаво им на мене льститься? Чаво я им дать-то могу? Ни денег, ничаво у мене нетуть. Одно только слово Божие. Кто хочеть — тот слушает, кто не желаеть — и не надо. А вход в Царство Божие не всем открыт. Только кающимси. Так своему Длинному и передай: мол, обижаешь неповинного, наговариваешь на него — сильно тебе Бог покараеть. Ну, успокоилася уже?

— Да, да. — Аликс в восторге принялась целовать руку старцу. — Только с тобой, труг, мне покойно, только твоим слофом дышит моя страдаюсчая душа!

— Вот и хорошо, мама, вот и ладненько... Как там маленькай наш? Здоров ли?

— Слафа Богу, — перекрестилася государыня.

— И ладненько... Я, мама, за него кажний день молюся. Молитвы мои необыкновенныя. Покуда я рядом — ничаво с маленьким не случитси. Даст Господь яму здоровья, цесаревичу нашему...

В половине первого ночи, когда, проводив императрицу, Вырубова вернулась в гостиную, она заявила:

— Плохо дело, отец. Ежели Ники слушает Длинного... Дурак ты, не надо было тебе Стану трогать.

— Ничаво, — беспечно махнул рукой Распутин. — Мама мене в обиду не даст: ночная кукушка дневную перекукуеть...

— Я вот все тебя спросить хотела, — Анна распустила волосы и принялась готовиться ко сну, — на властолюбца ты не похож, да и до денег не особо жаден... Хвастлив — да какой же в этом грех? Зачем тебе около Романовых тереться? Царская любовь — дело опасное. С огнем играешь.

— А ты сама чаво ж с царицей дружбу-то водишь?

— Я... я — дело другое. Я выросла при дворе... Я другой жизни и другого пути не знаю. Не в революционерки же идти, в самом деле. Могла бы ребеночка завести — по-другому бы жила. А ведь у тебя и дети есть... Но ты мне не ответил.

Распутин долго молчал.

— Я-тоть? — наконец сказал он. — А я-тоть не по своей воле. — Он поднял палец к потолку. — Он мене послал... Эх, Аня, ничаво-то ты не ведаешь, во тьме пребываешь... А я вижу наперед.

— И что же ты видишь?

— Петербург вижу. Огонь и кровь. Много крови, и мертвцы везде — прямо на дорогах валяются... А по Зимнему мужики ходють страшные, с ружьями да с пистолетами... А командуеть ими плешивый да картавый, его сам сатана послал... — Распутин начал дрожать, горящие глаза его смотрели на Аню и не видели ее, на виске вздулась жилка. — А мама с папою да усе детки их мертвые в землю закопаны, как собаки, и могила та травкою поросла, и никто об ней ничаво не знает...

— Прекрати! — закричала Анна. — Прекрати немедленно! Замолчи!

Распутин словно очнулся. Он с изумлением поглядел на кричащую женщину и вяло добавил:

— Енто все будет после моей смерти...

— Пощади, Гриша, — взмолилась Вырубова. — Ты говоришь такие страшные вещи, я спать не смогу. Не надо, давай ложиться... — Она опустилась на колени у ног Распутина. — Я помогу тебе разуться...

Позже, лежа в постели и прижимаясь к его груди, Анна кокетливо сказала:

— И что только в тебе женщины находят?

Русский психиатр Бехтерев:

«Все, что известно о Распутине в этом отношении, говорит за то, что его сила заключалась во властном характере его натуры и умении поставить себя сразу до фамильярности близко ко всякой обращающейся к нему особы женского пола... Всякую входящую даму «набожный» старец встречает в передней, прежде всего обводя своими «нежными» ручищами по всем линиям ее тела, как бы исследуя ее формы. Этим приемом старец Распутин сразу достигает близости к входящей даме, которая становится с этих пор кандидаткой на его обладание... Кроме обыкновенного гипнотизма есть еще и половой гипнотизм, которым обладал в высшей степени старец Распутин... А великосветское дамское общество, его окружавшее, представляло ту извращенную дегенерацией среду, в которой распутинский половой гипнотизм пожал обильную жатву».

*Апрель 1908 года
Лондон*

Третьейский суд эсеров шел над Бурцевым третью неделю. Редактора «Былого» обвиняли в клевете на одного из самых преданных делу революционеров — Евно Азефа.

— Вы шпиономан, — категорично заявила Вера Фигнер, назначенная судьей. — Вы ничем другим и не занимаетесь, кроме как погоней за провокаторами. Азефа вы видели всего несколько раз в жизни, все ваши доводы ничем иным не подкреплены, только слухами...

— Позвольте, позвольте! — запальчиво выкрикнул Бурцев. — Я вам представил неоспоримое доказательство — собственноручную записку Лопухина, в которой бывший директор департамента полиции написал имя многолетнего сотрудника царской охранки. Я опубликовал этот документ!

— Положим, это не документ, — парировала Фигнер. — Лопухин написал только имя, и это имя вы сами ему назвали. Нет, Бурцев, у нас доказательства повесомей. — И она протянула ему заявление Савинкова.

«Азеф состоит членом партии с самого ее основания... Он был членом Центрального комитета и принимал участие во многих крупных революционных пред-

приятнях, в обсуждениях всех без исключения планов, в том числе планов московского, свеаборгского и кронштадтского восстаний. Полиции было выгодно, конечно, бросить тень на одного из вождей революции и тем лишить его возможности продолжать свою деятельность. Такого мнения держалось большинство товарищей. Меньшинство товарищей, не веря, однако, в полицейскую интригу, тем не менее далеко было от подозрений. К последним принадлежал и я. Быть может, не все одинаково любили его, но все относились к нему с одинаковым уважением. Было бы невероятным, чтобы все товарищи могли ошибаться!»

— Могли! — Бурцев бросил заявление Савинкова на стол. — И ошибались, как вы теперь заблуждаетесь! Вызовите в свидетели Бакаю, он все расскажет!

Бакай явился на следующее заседание суда. После того как он полчаса с пеной у рта доказывал двойную игру Азефа, его прервали вопросом:

— Кто помог вам бежать из тюрьмы?

— Это сделал я! — гордо ответил за Михаила Бурцев.

— Каким же образом?

— Ну... — Бурцев виновато взглянул на Савинкова. Соня просила не рассказывать брату о том, что именно она ездила освобождать обвинителя его близкого друга. — Я послал к нему одного человека...

— Какого?

— Я не могу вам этого сказать.

— Еще бы, — с усмешкой заметил Савинков. — Бакаю не удалось бы так просто бежать, если бы в дело не вмешались агенты охраны, одного из которых вы и командировали в Тюмень. Согласитесь, господин Бурцев, смог бы беглый заключенный беспрепятственно проехать через всю страну и добраться до Лондона, если б за ним не стояла могущественная сила в лице департамента полиции?

— Это ложь!

— Если это ложь, назовите имя человека, который помог ему бежать.

— Черт с вами, — сплюнул Бакай. — Это была Софья Савинкова.

— Соня! — ахнул Савинков. — Не может быть...

— Спросите у нее сами, — пробурчал Бурцев.

Судебное заседание снова было закрыто.

27. ИСЧЕЗНОВЕННЕ

---

*20 марта 1908 года
Петербург*

— Распутин дома не появлялся... — Каждый день Герасимов лично приезжал с докладом к премьер-министру и каждый день привозил все то же неутешительное известие.

— Из-под земли, — рычал разъяренный Столыпин, — из-под земли достать!

И наконец агенты сообщили департаменту полиции, что поднадзорный Темных обнаружен на даче фрейлины ее величества Вырубовой.

Герасимов вызвал Песчаного:

— Это дело сугубо важное и должно храниться в строжайшем секрете. Наблюдайте за дачей Вырубовой денно и ночью. Мы должны взять его тепленьким.

Песчаный отправился в Царское Село и первым делом выложил все известные ему сведения самому старцу.

— Ах, Гриша, я чувствовала, что против тебя замышляется недоброе, знала! — разрыдалась Вырубова. — Тебе нужно бежать, скрыться!

— Да, пожалуй, это единственное верное средство, — подтвердил агент охраны. — Герасимов хитер как лиса. Кроме меня он, возможно, подослал сюда и еще кого-то, кого я не знаю. Уезжайте нынче же.

— Поезжай, поезжай, — засуетилась Анна. — Через полтора часа будет поезд. Возвращайся в Петербург, а я позвоню великому князю Павлу Николаевичу, чтобы он ожидал тебя на вокзале и спрятал до той поры, пока все успокоится. Ни он, ни Милица тебя не выдадут. Слава

Богу, они не верят ничему, что говорят о тебе, не доверяют ни одному слову Длинного...

Через полтора часа Распутин и Песчаный в разных вагонах ехали в столицу. Поезд уже проплывал мимо вокзальных строений, когда Песчаный из окна заметил в толпе встречающих нескольких человек из числа герасимовских шпионов. Да и полицейских в форме заметно прибавилось. Недалеко от путей стоял новенький черный автомобиль. Песчаный перекрестился: удастся ли Распутину бежать?

Тяжело вздохнув, паровоз замедлил ход и наконец совсем остановился. Но Песчаный не спешил к выходу из вагона. Он застыл у окна, наблюдая за происходящим на вокзале.

Опытный агент Песчаный наметанным взглядом выделял из толпы людей, служивших в департаменте полиции. Он видел, как один такой господин подошел к выходу из его вагона и выжидательно уставился на прибывших пассажиров. Другой господин караулил Распутина у соседнего. Вдоль поезда по перрону с важным видом прогуливались полицейские.

И вдруг среди них произошло замешательство. Три или четыре блюстителя порядка одновременно кинулись в ту сторону, где стоял новенький черный автомобиль. К нему, путаясь в полах длинной шубы, неловко задирая ноги, как заяц, бежал святой старец. Взревел мотор. Один из полицейских поймал Распутина за полу, но тот на ходу сбросил шубу и запрыгнул на сиденье. Автомобиль рванул с места и, отчаянно пища клаксоном, распугивая прохожих, выехал с вокзала.

Ошалевший полицейский с распутинской шубой в руках глядел ему вслед.

Песчаный дождался, пока толпа полицейских и агентов в штатском рассосалась, спокойно вышел из вагона и отправился напрямик в департамент полиции докладывать Герасимову о постигшей его неудаче.

*28 декабря 1908 года
Петербург*

Поздно вечером в дверь постучали. Азеф открыл. На пороге стоял Савинков.

— Что с тобою? — поинтересовался хозяин, пропуская гостя в комнату. — На тебе лица нет.

Борис поднял на него тяжелый взгляд. Неторопливо закурил.

— Послушай, не томи, — сказал Азеф. — Случилось что?

— Случилось. — Савинков тяжело опустился на стул. — Я так верил в тебя...

Азеф побледнел:

— Если ты имеешь в виду сплетни, распускаемые Бурцевым, то я тебя не понимаю. Ты же сам говорил, что он больной человек... мания преследования и тому подобное... Так называемый третейский суд я похерил не потому, что боюсь товарищей, а из-за того, что мне оскорбительно даже рожу эту бурцевскую видеть. К тому же сам посуди, как я мог терять время на бесплодные разбирательства, когда здесь работы невпроворот. Я мотался несколько раз в Саратов...

— После чего взяли всю саратовскую организацию... Перестань, Евно... Мне все известно. Я знаю, что ты встречался с Лопухиным... А Соня видела тебя выходящим из департамента полиции...

— Это гнусная ложь! — взвизгнул Азеф, чувствуя, что теряет контроль над собой.

Савинков невесело усмехнулся.

— Соня знает, как мы с тобою дружны. У нее не было никакой корысти клеветать на тебя, равно как и у меня нет никаких оснований не доверять моей родной сестре. Вынужден признать, приятель, что я осел. Я давно слышал разговоры о тебе, но, как и многие другие, был слеп и глух. Однако я явился сюда вовсе не для того, чтобы разбирать нравственные вопросы. Несмотря ни на что, ты — большая часть моей жизни, и я считаю своим долгом предупредить тебя о том, что суд Центрального комитета партии социалистов-революционеров объявил тебя провокатором и приговорил к смерти. Не далее чем завтра здесь, в Петербурге, появится человек, который обязан привести приговор в исполнение. Если ты немедленно не скроешься, можешь считать себя покойником. — Борис открыл крышку старинного серебряного брегета. — Теперь половина одиннадцатого. У тебя в запасе двенадцать часов. Решай.

У Азефа дрожали губы.

— Но это же... А жена, дети? Я не знаю, как...

— Ты сам выбрал себе путь. Я ничего не могу посоветовать. Единственное, за что я могу поручиться, так это за то, что, если ты их оставишь здесь, я переговорю с товарищами, чтобы их не трогали. Прощай.

Савинков поднялся и тяжело, словно нес на плечах груз, направился к выходу.

— Борис... — бросился за ним растерянный Азеф.

Дверь захлопнулась.

Несколько мгновений он молча стоял перед закрытой дверью. Затем спохватился и начал лихорадочно собираться. Побросав в чемодан кое-какие вещи на первое время, он вытащил из тайника в стене внушительную пачку денег и разбудил в спальне жену.

— Чего тебе? — недовольно спросила заспанная супруга.

— Послушай, — свистящим шепотом сказал ей Азеф, — я должен уехать немедленно, сейчас... Не могу тебе сказать, куда и надолго ль... На меня вышли шпионы охранки... Они работают под видом товарищей по партии. Ежели кто придет и станет спрашивать обо мне — говори, ничего не знаешь... Тебе лучше забрать детей и переехать к родителям в Киев. Когда я устроюсь, разыщу вас... Вот деньги. На первое время хватит. Писем не жди. Поцелуй мальчиков...

Была уже половина второго ночи, когда Азеф явился на Фонтанку, прямо на квартиру к Герасимову. Охраннику он объяснил, что имеет к его превосходительству неотложное дело государственной важности.

— Подождите до утра, — посоветовал охранник, представляя, какой разнос устроит ему полковник, если разбудить его посреди ночи.

— Утром может быть слишком поздно. Передайте, что меня зовут Иван Раскин.

С опухшим от сна лицом Герасимов в одном халате спустился к посетителю.

— Ваше превосходительство, я разоблачен по милости господина Лопухина. — Азеф с мстительным видом протянул Герасимову последний номер «Былого» со статьей Бурцева. — Здесь вы прочтете также о том, что ваш предшественник выдал еще несколько государственных тайн, касающихся работы вашего департамента. Надеюсь, это вам будет любопытно. Кроме того,

ваше превосходительство, я должен бежать, и вы обязаны мне в этом помочь. Ежели вы откажете, я ради сохранения собственной жизни и спокойствия в моей семье вынужден буду раскрыть эсерам известные мне имена других агентов охранного отделения, которые работают в партийных организациях. Надеюсь, вы понимаете, чем это вам грозит?

Ни слова не говоря, Герасимов снял телефонную трубку.

— Алло? Барышня, соедините меня с охранным отделением...

Еще перед рассветом в кармане у Азефа лежали заграничный паспорт, внушительная сумма денег и билет на поезд до Германии.

Германия, Испания, Южная Италия, Греция, Египет — за несколько лет Азеф объездил все эти страны, скрываясь от товарищей по партии. Наконец в 1910 году он поселился в Берлине под фамилией Неймейер. Во время первой мировой войны он открыл в провинции модную мастерскую. Однако остаться инкогнито ему не удалось. В 1915 году германской полиции все-таки стало известно его настоящее имя и род занятий. Его арестовали как русского шпиона, и никакие заявления Азефа о том, что он не имел сношений с русской полицией уже с 1908 года, действия не возымели. Не помогло также вмешательство испанского посольства, взявшего во время войны функции защитника интересов русских граждан в Германии. Последние военные годы Азеф провел в тюремной больнице, откуда был освобожден только после подписания Брест-Литовского мирного договора в 1917-м. Он вышел на свободу смертельно больным. В чистенькой берлинской квартирке закончились дни самого талантливого провокатора охранного отделения департамента полиции и блестящего подлеца Азефа-Неймейера. Но на могиле не указано ни одно, ни другое имя. Только порядковый номер на аккуратной табличке. И даты — 1870 — 26 апреля 1918 года.

Владимир Львович Бурцев после революции 1917 года эмигрировал в Париж, где продолжал заниматься поисками шпионов и литературной деятельностью. Он

редактировал журнал «Общее дело» и писал простран-
ные и нудные воспоминания. Он пережил Азефа почти
на тридцать лет и умер в 1942 году, окруженный родны-
ми и близкими.

Июнь 1908 года
Царское Село

— Ах, Аня, я счастлифа, я так счастлифа! —
Лицо императрицы светилось радостью. — Я получила
сегодня фесточку от друга! На, читай, а то я плохо
разбираюсь ф его потчерке... Вслух!

Страдающая дальноркостью Анна отодвинула
листок на расстояние вытянутой руки и с выражением
прочла:

«Милая мама кланяюся тебе из далекой сибери со-
общаю что сильно уж соскучилси и не даждуся кады
внов объму тебе и маленьково чавой-то папа на мене
обозлилси да я ня гордый злоба ента ни ат няво исходит
но ат злых языков николашки князя длинава и старика
премера столыпина каторыйи мене погубить хотели да
господь бог не дал своево птенца погубить я таперича
дома в гнезде моем да усе молюся за тебе да усю твою
родню а николашке длинаму воздастси и весь род яво
будет проклят кады папа успокоитси сообчи мене и я
возвернуси Григорий новых-распутин».

— Надо благодарить Господа и великого князя
Павла Николаевича за то, что не дали Григорию по-
пасть в лапы полиции. — Вырубова вернула письмо
государыне. — Однако, Сана, ты должна быть предус-
мотрительной: вся почта, приходящая на имена членов
вашего семейства и чиновников, занимающих высшие
государственные посты, перлюстрируется лично мини-
стром внутренних дел.

— Как? — побледнела Аликс. — Но это ше опять
Столыпин! Теперь он знает, где искать друга!

— Будем надеяться, пока Григорий дома, в Покров-
ском, его не тронут. Для них главное, чтобы он нахо-
дился подальше от Петербурга. При всей своей наглости
Столыпин далеко не дурак: у него хватит ума не объяв-
лять тебе открытую войну.

— Ты так считаешь? — задумчиво переспросила императрица. — А мне кашется, он уже пошел ва-банк. Только Ники не хочет фидеть, что премьера народ уже боится больше, чем самого царя. О, если бы его феличестфо согласился убрать Столыпина!

— Теперь даже императору это трудно сделать, — заметила Вырубова. — Слишком много власти у этого выскочки...

— Ну нет. — Александра Федоровна гордо выпрямилась. — Я не позволю самозфанцу отнимать у императора то, что принадлежит ему по прафу! Я сама пойду фойной на премьера!

*29 декабря 1908 года
Петербург*

— Вот, полюбуйтесь. — Герасимов положил на стол перед премьер-министром пахнущую типографской краской книжку «Былого». — За разглашение сведений, которые представляют важную государственную тайну, моего предшественника мало отправить на виселицу!

— О ком вы говорите? — рассеянно переспросил Столыпин, подписывая документы.

— Как это — о ком? О нынешнем губернаторе Эстляндии генерале Лопухине. По его милости мы лишились блестящего агента, а международные организации революционеров получили возможность еще раз облить нас грязью перед всем миром. Кроме того, и это самое важное, рушится вся наша работа, весь отлаженный десятилетиями механизм...

Столыпин открыл нужную страницу и углубился в чтение. Он курил одну папиросу за другой.

— Ах, Алексей... — прошептал он, закрывая журнал. — Ну и кашу ты заварил...

— Что вы сказали? — не расслышал Герасимов.

— Ничего... это я так... мысли вслух...

— Что теперь делать будем?

Столыпин провел рукой по лицу, будто сбрасывая задумчивость.

— Судить, — негромко сказал он. — За совершение

должностного преступления... Делать все, что полагается в таких случаях...

— В таком случае, ваше превосходительство, я тотчас же приготовлю приказ.

— Готовьте, — махнул рукой Столыпин.

После ухода директора департамента полиции он вызвал к себе секретаря.

— Велите подать автомобиль. — Голос Столыпина звучал глухо. — Я чувствую себя неважно... Буду дома... Беспокоить только в случае крайней необходимости...

Увидев вернувшегося в неурочный час мужа, Ольга Борисовна встревожилась:

— Петя, что с тобой? Тебе нездоровится?

— Беда, Оля. Я вынужден арестовать и отдать под суд Алешу Лопухина за разглашение государственной тайны.

Ольга Борисовна ахнула и опустилась на стул.

— Ты с ума сошел... Татьяна не переживет... Она и так на ладан дышит, второй год почти не встает...

— Оля, прости, я не могу поступить иначе.

— Петя, ты обязан поступить иначе. Во имя вашей дружбы... Со студенческой скамьи... Петя, подумай, Алеша наших девочек крестил...

— Оля, не рви душу! — воскликнул Петр Аркадьевич. — Он совершил серьезнейшее должностное преступление! Оно получило широкую огласку. Но дело даже не в этом: Алеша — мой самый близкий, самый верный друг. Мы вместе были и в радости, и в горе. Но теперь я не частное лицо, пойми. За моей спиной вся Россия. Я не могу за одно и то же преступление жестоко карать одних и прикрывать других. Это безнравственно!

— Патетические речи оставь для Государственной думы, — вспыхнула жена. — Петя, я всегда была против того, чтобы ты занимал высокие посты. За твое премьерство мы уже слишком дорого заплатили — здоровьем собственных детей. А теперь ты хочешь переступить через труп друга. Подумай, сколько преступлений страшнее того, что совершил Алеша, совершали и совершают другие. И сколько остаются безнаказанными из-за того, что они либо родственники, либо близкие друзья людей, занимающих определенное положение в обществе. Так было испокон веков. Петя, — она

подошла к мужу, прижала его голову к себе, — прости, если я чересчур резка... Я никогда не обращалась к тебе с просьбами, но теперь даже не прошу — требую: оставь Алешу в покое!

Столыпин высвободился из ее объятий и скорбно покачал головой:

— Нет...

Ольга Борисовна молча отвернулась и пошла вон из комнаты. В дверях она на мгновение остановилась:

— Ты страшный человек, Петр, страшный...

Бывший директор департамента полиции Алексей Александрович Лопухин был отдан под суд. Особым присутствием сената присужден был к пяти годам каторги, которую впоследствии заменили ссылкой в Сибирь и лишением всех прав. Но указом Николая Второго от 4 декабря 1912 года он был помилован и восстановлен в правах. До революции 1917 года Лопухин жил в Москве, служил вице-директором Сибирского торгового банка. В советское время работал рядовым бухгалтером в одном из московских учреждений. Жена его, Татьяна, скончалась еще в 1908 году, не выдержав известия об аресте мужа.

Январь — ноябрь 1909 года

— Ах ты, дьявол! — Столыпин в сердцах отбросил зашифрованное донесение из Саратова. — Наш пострел везде поспел!

— Вот вы, Петр Аркадьевич, ратуете за законность, — укорил его лидер октябристов Гучков, с которым премьер в последнее время заметно сблизился. — А зря. Святошу надо было еще несколько лет назад подкараулить да пристрелить. Вашим орлам из охраны это не составило бы труда. А теперь... — Гучков отхлебнул остывшего чая. — Позвольте полюбопытствовать, если, конечно, это не государственная тайна, что сообщают?

— Какая уж там тайна, — невесело усмехнулся Столыпин, — ежели и Царицын, и Саратов гудят. Распутин там объявился еще несколько месяцев назад. Вместе с

дружком своим Иллиодором дебоширят. В свое время сей служитель святой церкви уже натворил делов.

— Что-то припоминаю, — задумался Гучков. — Кажется, создал черносотенную организацию?

— Еще какую! Он и его сатрапы взяли в лапы весь Царицын. Что они там вытворяли — непередаваемо! Поверите ли, Иллиодор своей властью даже менял расписание движения судов на Волге. По ночам его весельчаки врываются в публичные дома и поднимают клиентов с постелей в самые пикантные моменты. А наутро они публиковали в газетах имена обнаруженных там чиновников и представителей городской администрации. Сей «праведник» самолично шлялся по улицам и мазал прохожим лица...

— Как это — мазал лица? — не понял Гучков.

— Очень просто. Как увидит кого с интеллигентной физиономией — в очках или с портфелем, — так и мажет их малярной кистью...

— Бог ты мой...

— Дело дошло до того, что его деятельностью заинтересовался Святейший синод. Ему запретили проповеди — не подчинился. Запретили печатать в газетах свои гнусные статейки, направленные против власти, — хоть бы что... Можете представить себе, что он выгнал из города саратовского губернатора Татищева! Узнав об этом, я тотчас же дал распоряжение арестовать Иллиодора, то бишь Сергея Труфанова. В тот день в городе был настоящий погром. Его банды разгромили все полицейские участки в городе, а лица всех приставов вымазали какой-то особой краской, которая не снималась даже с помощью скипидара!

— Петр Аркадьевич, хоть убейте, никогда не поверю, что вы не смогли найти управы на хама и наглеца!

— Не смог, — развел руками премьер. — Представьте себе... Император один за другим выпустил два указа, повелевших взбунтовавшемуся монаху немедленно выехать в Минскую епархию и сидеть там тихо. Не подчинился! Зато через дружка Распутина вышел на ее величество, и уж императрица за него похлопотала! Вот результат — что в Царицыне, что в Саратове опасно стало на улицу выходить. Мужики, вместо того чтобы

работать, бьют морды прохожим. Теперь вот и Распутин к ним пристал...

— М-да, влияние этого мерзавца на Александру Федоровну просто удивительно, — вздохнул Гучков.

— Да уж... Хотели было отправить его в Сибирь, все делалось в строжайшей тайне — так нет, какая-то сволочь его предупредила. Месяца четыре посидел тихо у себя дома в Покровском, мы уж думали, успокоился — и на тебе!..

— А все дело в том, любезнейший Петр Аркадьевич, что вы со своими революционными взглядами действуете консервативными методами. Нужно шум поднять, нужно всенародно компрометировать негодяя...

— Я уже думал об этом. Однако поливать грязью Распутина, не затрагивая при этом царской четы, невозможно. Есть соответствующие законы...

— Опять законы, — укорил его Гучков. — Да черт с ними! В конце концов, по закону за публикации в газетах отвечаете не вы, а редакторы соответствующих изданий. Да и какая там ответственность? Штраф. Любой редактор будет рад уплатить пятьсот рублей штрафа, другой рукой при этом загребая пять тысяч рублей за увеличение тиража. А тиражи увеличатся — слово даю! Любой самый просвещенный и интеллигентный читатель не откажет себе в удовольствии похихикать над чем-нибудь желтеньким и жареным. А хотите, — Гучков подался вперед, — я это устрою? Есть у меня один журналист, подлец редчайший, за деньги маму родную продаст — Манусевич-Мануйлов, слышали?

— Как не слышать? Есть подозрение, что он работает сразу на несколько разведок, да вот только за руку цапнуть невозможно.

— И не надо пока. Пусть вам послужит.

— Да ведь, по имеющимся у меня сведениям, он с Распутиным дружбу водит...

— Дружба дружбой, а денежки врозь. Я поговорю с ним, хотите?

Немного подумав, премьер кивнул:

— По рукам!

28. ЗАГОВОР

---

*Сентябрь 1909 года
Царское Село*

У государя раскалывалась голова. Он готов был уехать на край света, провалиться под землю, только бы оставили его в покое. Ему было не до государственных дел: женщины замучили Николая Александровича, женщины — мать и жена.

Камнем преткновения был председатель Совета министров Петр Аркадьевич Столыпин.

— Мне не нравятся твои отношения с премьером, — укоряла его вдовствующая императрица Марья Федоровна. — Мне не нравится, что ты отдалил его от себя. Он должен быть твоею правою рукой, твоими глазами и ушами. Ничего страшного, что его называют русским Бисмарком: при твоём характере необходим рядом такой человек. Посмотри на кайзера Вильгельма: он отстранил премьера от дел и чего добился? У них там кризис власти...

— Претстафляешь, милый, — ластилась к императору жена, — Столыпин возомнил себя царем! На его зфаном ужине присутствоваали офицеры с оружием! Испокон фекоф фооруженные офицеры сидели только за столом у государя. Ах, Ники, у нас теперь отин царь и целых три царицы.

Николай вздыхал и закатывал глаза: Александра Федоровна намекала на себя, вдовствующую свекровь и Ольгу Борисовну Столыпину, жену премьера.

— И потом, как он мог позфолить такую гнусную

трафлю друга на страницах русских газет. Фот смотри, что я обнаружила сегодня ф газете «Нофое фремя».

«Святой» старец затеял в Царицыне создание женского монастыря, который и по контингенту, и по царящим там нравам проще и честнее было бы назвать публичным домом. На «монашенках» клейма негде ставить, чего уж говорить про настоятеля, который до того так наизгонялся бесов из жительниц Саратовской губернии, что потом ему пришлось лечиться от известных заболеваний, связанных с удовольствиями, у самых высокооплачиваемых поволжских медиков...

...А прием в «монастырь» происходит примерно таким образом: «настоятель» садится на один стул с молодой, красивой и здоровой кандидаткой в «божьи невесты», целуется с нею, гладит ее за лопатки, а потом и гораздо ниже лопаток, и говорит примерно следующее: «А не люблю я этой Х., больно она толста, а ты куды покрепче да покруглее».

— Нет, ф каком тоне фсе это написано, ф каких гнуснейших фырашениях! А подпись? «Маска»! Нет, Ники, ты обязан призвать Столыпина к порядку!

— При чем здесь Столыпин?

— Не надо лгать. Фсе эти мерские статейки делаются по его наусчению. Он ненафидит меня фсем сердцем и хочет уязфить мою гордость таким низким, ушасным способом!

*15 октября 1909 года
Царское Село*

— Ваше величество! Ваше величество! — Через коридор бежал перепуганный дядька-матрос, который теперь ухаживал за наследником. — Ваше величество! — без стука ворвался он в кабинет к Аликс. — У его высочества кровь носом пошла!

Императрица сорвалась с места, словно ее ошпарили. Следом за ней выбежала из кабинета неразлучная Вырубова. Женщины прибежали в детскую, где лежал на ковре разом побледневший цесаревич Алексей. Немедленно вызвали его лечащего врача Дервянко. Ре-

бенка уложили на кровать, с каждой минутой ему становилось все хуже.

И как всегда, доктор в беспомощности развел руками и произнес свою обычную фразу:

— Остается надеяться на Господа...

Аликс билась в истерике. Бледный Николай Александрович метался от сына к жене. И только Вырубова сохраняла самообладание.

— Я только что дала телеграмму Распутину, — сообщила она царю. — Велела немедленно выехать сюда!

Государь молча кивнул. Он был готов на все, лишь бы это спасло жизнь его мальчику.

Через полтора часа Вырубова ворвалась в спальню подруги с сияющим лицом:

— Сана, замолчи же наконец! Пришла телеграмма от друга! У Алексея прекратилось кровотечение!

Не веря своим ушам, императрица выхватила из Аниных рук депешу:

«Мама ты не убивайси я помолился и маленькому сей же час полегчает выеду первым поездом твой григорий новых-распутин».

Александра Федоровна соскочила с кровати и поспешила в детскую. Николай сидел у постели наследника.

— Слава Богу, все обошлось, — сказал он жене.

— Я знаю, — спокойно ответила императрица, протягивая мужу телеграмму от Распутина. — Ты оччень неблаготарно пофел себя...

Государь взял телеграмму и прикоснулся к ней губами.

— Да простит меня Бог, — прошептал он.

Распутина встретили в царском дворце как величайшего благодетеля. Аликс была в восторге. Царь принимал старца необыкновенно тепло, прислушивался к его зачастую бессвязным религиозным речам и даже взял за обыкновение советоваться с ним, в том числе и по делам государственным.

Узнав о возвращении Распутина, Столыпин рвал и метал, ведь столица наводнилась новыми весьма пикантными слухами об отношениях «святого» с императрицей. А тут еще назревал кризис. Окрепшая после японской войны армия требовала новых и новых средств, тем более что дальновидные политики предпри-

кали скорую войну с Германией, несмотря на то что сейчас между двумя странами существовали весьма дружественные отношения. Военный министр Редигер с пеной у рта доказывал и с думской трибуны, и в отчетах царю необходимость немедленной военной реформы, для которой требуются деньги. Только на закладку новых крейсеров необходимо было 11 миллионов рублей.

— Россия не переживет второй Цусимы! — надрылся на думской трибуне депутат-монархист Пуришкевич. — Пусть сначала министры дадут нам гарантии, что Цусима не повторится, что больше не будет броненосца «Потемкин» с его бунтовщиками, а без таких гарантий, господа, мы не дадим на флот ни копейки!

А Гучков — тот вообще пошел ва-банк, прилюдно заклеив председателю Государственного совета обороны великого князя Николая Николаевича:

— Постановка неответственных лиц во главе ответственных отраслей военного дела является делом совершенно ненормальным. Государственный совет обороны во главе с великим князем Николаем Николаевичем является серьезным тормозом в деле улучшения нашей армии и нашего флота!

После критики Романовых с трибуны Думы Столыпин со дня на день ожидал отставки — уж императору-то не знать, с чьего голоса поет Гучков? Но ее почему-то не последовало. Зато вместо военного министра интеллигента и профессионала Редигера был назначен престарелый киевский генерал-губернатор Сухомлинов, вывезший из дома чемодан с вещами и деньгами и молодую красавицу жену. Только не свою, а чужую.

Очень скоро любовница Сухомлинова сделалась своим человеком в доме Распутина, и через нее старец следил за деятельностью военного министерства все предвоенные годы.

Вместо министра иностранных дел Извольского был назначен протеже премьера, его родственник Сазонов, который в свою очередь был родственником другого Сазонова, того самого, что поселил Распутина в своей квартире на Ямской.

Словом, в верхах шла полная чехарда. И только Столыпин оставался на своем посту.

Ноябрь 1909 года
Петербург

Антиреклама — тоже реклама. Газетная шумиха вокруг Распутина сделала его одним из популярнейших людей России. Даже те, кто прежде не знал о существовании старца, теперь узнавали его на улицах. Депутаты Третьей Государственной думы Гучков и Родзянко собирали компромат: возмущенные думцы — и правые и левые — затребовали запрос на Распутина.

К государыне Александре Федоровне явился ректор Петербургской духовной академии отец Феофан.

— Ваше величество, — вкрадчиво начал он, — я принес весьма и весьма неприятную весть.

Аликс удивленно подняла брови.

— Ваше величество, в последнее время в печати появились материалы, компрометирующие ваше величество и вашу семью. Все эти публикации связаны с именем Григория Распутина. Чувствуя себя виновным за то, что именно я когда-то приютил сего странника и познакомил его с семейством великого князя Николая Николаевича, я сделал запрос в село Покровское, на родину Распутина. Мне сообщили, что и вы, и я заблуждались относительно его благочестия: долгое время Григорий состоял членом секты так называемых хлыстов, которые проповедуют свальный грех...

Императрица поднялась. Глаза ее сверкнули гневом.

— Фон!

— Простите, ваше величество... — растерялся священник.

— Пошел фон! — Государыня указывала пальцем на дверь. — Прочь отсюда!

— Они погубят его! — рыдала ночью Аликс. — Они затрафили его! Ники, если ты сейчас же не фоспользуешься сфоей фластью и не останофишь премьера, я... я заболею и умру!

28 ноября 1909 года
Петербург

Столыпин вернулся от государя обозленный и расстроенный:

— Хоть кол на голове тещи — все одно и то же: «На

Распутина напрасно клеветают, это и в самом деле святой человек, я уже убеждался в этом не раз»... И даже, представляете, что он мне предложил? Ближе познакомиться с этим пройдохой.

Адъютант расхохотался. Столыпин тоже улыбнулся.

— А что? — вдруг сказал он. — Я так и сделаю. Приглашу его в полицию для беседы и посоветую обратиться подобра-поздорову. Прямо сейчас отправлю за ним. А вас попрошу вызвать генерала Курлова: пусть он посидит здесь, в кабинете, как свидетель, чтобы потом святоша от своих слов не отрещивался.

Об этом свидании сохранилась запись самого Столыпина:

«Распутин бегал по мне своими белесоватыми глазами, произносил загадочные и бессвязные изречения из Священного писания, как-то необычно разводил руками, и я чувствовал, что во мне пробуждается непреодолимое отвращение к этой гадине... Но я понимал, что в этом человеке большая сила гипноза и что он производит на меня какое-то довольно сильное, правда отталкивающее, но моральное впечатление. Преодолев себя, я прикрикнул на него. Я сказал ему прямо, что на основании документальных данных он у меня в руках и я могу раздавить его в прах, предав суду по всей строгости закона, ввиду чего резко приказал ему немедленно, безотлагательно и притом добровольно покинуть Петербург, вернуться в свое село и больше здесь никогда не появляться».

После этого свидания Распутин в село не поехал.

*Январь 1910 года
Париж*

Савинков взял трех женщин: худую смуглую брюнетку с нахальными глазами, пышную блондинку — по контрасту с ней — и рослую рыжеволосую девушку.

— Какой мсье затейник, — равнодушно протянула блондинка.

— Что он будет делать сразу с нами со всеми?

— Импотент, наверно, — дерзко усмехнулась брю-

нетка. — У этих аристократов одни только причуды, а толку от них никакого. Только намучает нас...

— Зато хорошо заплатит, — возразила молчавшая до сих пор рыжая.

Не вслушиваясь в их болтовню, Борис Викторович заказал в номер шампанского и водки и велел лакею накрыть на стол. Тот покосился на живописно одетых дамочек, но, хорошо вышколенный, как всякий французский слуга, воздержался от комментариев.

— А этому я бесплатно бы дала, — стрельнула в него глазками брюнетка. — Смотри, Мими, какой красавчик. И, держу пари, в постели молодец.

— Зато кошелек у него тощий, — пренебрежительно хмыкнула рыжая.

— Нам раздеваться, мсье? — без энтузиазма спросила блондинка.

Савинков налил себе водки и ничего не ответил. Приняв его молчание за согласие, девицы проворно скинули с себя платья и остались в потрепанном, но с претензиями на шик нижнем белье.

Борис Викторович налил им шампанского и залпом выпил водку.

— Лихо! — восхитилась брюнетка. — Нет, Мими, он не англичанин, как я сперва подумала... Те так не пьют. И не немец, поверь моему слову. Немец берет одну — и на время, а не на всю ночь.

— Может, американец? — зевнув, предположила блондинка. — Янки любят кутнуть.

— Нет, этот из России, — неожиданно высказалась рыжая. — О! Я понимаю... Загадочная русская душа...

— Что ты там толкуешь о русских? — Савинков методично накачивался водкой. — Мы и сами-то себя понимаем с трудом... — Сам того не замечая, он говорил на родном языке. — Погибла Россия, погибло все... Иван...

— Точно, русский! — обрадовалась рыжая. — Слышали, как он сказал «Иван»? Это славянское имя.

— Иван... — бормотал Борис Викторович. — Он был настоящий революционер. Ум, холод в сердце, трезвый расчет... А его затравили как полицейскую ищейку... Такое дело пропало! Сейчас ничего не ладится... без Ивана... Меня обвинять вздумали! Мол, транжирю пар-

тийные деньги... Вино, женщины, скачки... Но лучше так, чем бессмысленно... на виселицу... посылать товарищей...

Блондинка решительно подошла к странному клиенту.

— Мы разделись, мсье. — Она бесцеремонно забрала из рук Савинкова бокал и поставила его на стол. — У, какой ты милашка! — звонко чмокнула его в лысину. — У тебя какие-то неприятности? Сейчас ты о них забудешь! Мими! Жужу! — позвала она товарок. — Вы что расселись? Давайте работать, девочки, а то он нам ничего не заплатит!

Девушки подсели поближе и принялись ласкать русского.

— Эх, все кончено... — бормотал Савинков, развязывая галстук и с трудом ворочая языком. — Иван, Иван, друг единственный, Азеф, на кого ты меня покинул...

*Март 1910 года
Баку*

— Попрошу слова, Алеша-джан, — обратился Шаумян к Джапаридзе. — У меня есть ряд вопросов к Кобе.

— К товарищу Кобе, Степан, — мягко поправил Джапаридзе.

— Нет! — бледнея, воскликнул Шаумян. — Я не могу назвать товарищем человека, с которого не снято подозрение в предательстве!

— За оскорблэниэ ответиш, — стиснув зубы, ответил Джугашвили. — Тэм болээ что твои слова ничэм нэ подкрэплэны.

— Я могу привести доказательства! — выкрикнул Шаумян. — И не только я, другие тоже! Почему после встреч с тобой были арестованы...

— Я, между прочым, тожэ сидэл! — вскипел Коба. — Вволю хлэбнул тюремной баланды!

— Да?! — усмехнулся Степан. — Только тебя почему-то через месяц-другой, самое большее — через полгода, отпускают! За какие такие заслуги?

— Нэправда! — Оспины на лице Джугашвили стали отчетливо видны. — Я убэгал! Потому что моя жизнь нужна партии!

— Врешь! — Шаумян отчаянно завращал своими крупными армянскими глазами. — На тебе кровь наших товарищей... Совести у тебя нет, вот что! Бога у тебя в душе нет, семинарист-недоучка!

— Я нэ только сэминарист. — Коба поднялся с места и стоял — маленький, злой, напряженный. — Мэжду прочым, я еще и в астрономии работал — вычислитэлэм-наблюдатэлэм... Так вот, к твоему свэдэнию, Бога дэйствитэльно нэт!

— Кацо! Генацвале! — Джапаридзе схватился за голову. — Товарищи, успокойтесь... Это же скандал! Мы не имеем права бросать даже тень подозрения на такого заслуженного борца с царизмом, как Коба! Пойми это, Степан!

— Борец! — презрительно бросил Шаумян. — Нет, Алеша-джан, это не борец, а хулиган! Не гордость партии, а провокатор, да? Пусть ответит по существу на вопросы или уходит из наших рядов к себе в охранку.

— Погоди, клэвэтник, ты еще пожалээшь о своих словах! — прищурившись, пригрозил Джугашвили. — Жизнью мнэ отвэтишь за них!

— Я тебя не боюсь. — Брови Степана сошлись на лбу домиком. — Мы и так все смертники, да? Только вся разница в том, как умирать — как человек или как последняя собака... Я хочу умереть как человек. А ты, предатель, умрешь как собака, и никого не будет рядом с тобой в твой последний час, понимаешь?

— Да прекратите вы, наконец, этот базар! — закричал на них разгневанный Джапаридзе. — И всех присутствующих попрошу молчать обо всем, что они здесь только что слышали... Мы должны заботиться о чистоте партии. Никто не должен знать о наших внутренних разногласиях! Попрошу всех разойтись. Собрание закрыто.

— Какая муха тебя укусила, Степан? — Михаил Кудрин-Медведев уводил возмущенного Шаумяна. — Ну сам посуди, чего ты добился? Только разозлил Алешу и восстановил против себя Кобу. А ты же знаешь, какой он злопамятный и мстительный. Он это так

не оставит. И в самый неожиданный момент нанесет ответный удар.

— Ничего, — все еще кипя, сказал Шаумян. — Кто-то должен был сказать предателю, что он предатель. Вот увидишь, через день-другой семинарист исчезнет из города...

Степан как в воду смотрел: вскоре Кобу арестовали.

Май 1910 года

Санкт-Петербург

— Ваше высокопревосходительство, это самоубийство! — Герасимов выразительно скрестил руки. — Что у вас за страсть такая — совать голову в пасть зверю?

— Но, Александр Васильевич, меня интересует авиация, — возразил Столыпин. — Как знать, возможно, у нее большое будущее.

— Бессмысленное и вредное, с вашего позволения, занятие! — проворчал Герасимов. — Какое-то воздухоплавание выдумали мошенники! А сами господа авиаторы — бездельники и позыры, рискующие жизнью ради минутного удовольствия поболтаться в облаках... Да это кощунственно, в конце концов! Небеса — епархия Господа Бога, а не человеков.

— И все же я хочу взглянуть на аэропланы, — настаивал на своем Петр Аркадьевич. — И ближе познакомиться с этими, на ваш взгляд, бездельниками. Вот, к примеру, Лев Мацевич... Отважная личность...

— Он-то как раз и есть самый опасный преступник, — убежденно заявил Герасимов. — Член организации социал-революционеров. И мне докладывали, что этот самый Мацевич готовит покушение на вас, зная о вашем интересе к авиации...

— Он, кажется, штабс-капитан? — спросил Столыпин. — Понимаете, Александр Васильевич, я никогда не поверю, что офицер, смельчак, замахивающийся на епархию, как вы выразились, самого Господа Бога, может поступить низко и нанести удар из-за угла... На меня уже покушались, и не раз. А я почему-то до сих пор жив... Так что не уговаривайте, все равно поеду на Комендантское поле...

Из воспоминаний генерала П. Г. Курлова:

«В 1910 году я находился за границей, где прочитал в газетах, что П. А. Столыпин совершил в С.-Петербурге полет на аэроплане, пилотом которого был штабс-капитан Мациевич, известный член партии социалистов-революционеров. Я не допускал мысли, чтобы П. А. Столыпин мог решиться на этот шаг, если бы партийное значение Мациевича было ему известно, и телеграммой поставил в вину директору департамента полиции, что он не предупредил об этом министра. Этот упрек я повторил директору по возвращении в С.-Петербург и, к удивлению, узнал от него, что министр был ознакомлен со всеми имевшимися о Мациевиче данными. При беседе с П. А. Столыпиным в тот же день я не удержался, чтобы не высказать ему моего мнения о такой неосторожности. Министр ответил, что его уже достаточно по этому поводу упрекали, но он не в силах был выдержать «вызова» со стороны Мациевича».

— Много наслышан о вас, ваше высокопревосходительство, — весело сказал Лев Михайлович.

— А я — о вас, — в тон ему отвечал Петр Аркадьевич. — Но встречаться нам пока не доводилось. Что ж, я рад знакомству. Только люди безумной отваги и безрассудства могут осмелиться подыматься в воздух на столь ненадежной конструкции. — Премьер провел ладонью по крылу шаткой фанерной «этажерки».

— Одной отваги тут маловато. — Мациевич опустил на глаза очки-«консервы» и стал похож на лягушку. — Требуется еще и точный инженерный расчет, и холодная осмотрительность, чтобы не разбиться в лепешку. — Он улыбнулся, глядя в лицо Столыпину. — Говорят, Петр Аркадьевич, что вы тоже не из робкого десятка. Вы решились бы совершить со мной полет или нет?

— Разумеется, да, — быстро, без паузы, ответил Столыпин. — Конечно, если я не стану для вас обузой, — добавил он.

— Не каждый день доводится подымать в воздух главу правительства, — засмеялся Мациевич. — Что ж, в таком случае — прошу в кабину, — указал он рукой на

второе сиденье, находившееся позади места пилота. — И привяжитесь ремнями как следует, иначе вывалитесь.

Столыпин закрепил ремни и с любопытством смотрел, как помощник Мациевича заводит мотор.

Закрутился пропеллер.

— От винта! — крикнул штабс-капитан. Помощник отскочил в сторону.

Фанерная «этажерка» вся затряслась, и в какое-то мгновение показалось, что она сейчас рассыплется. Но этого не случилось, аэроплан покатился по газону аэродрома все быстрее и быстрее и наконец с некоторым усилием оторвался от земли. Столыпин как зачарованный смотрел вниз. Толпа людей за ограждением, сараи, другие аэропланы стали далекими и маленькими. В ушах свистел ветер.

— Страшно? — перекрывая шум пропеллера, прокричал Мациевич. — В первый раз все пугаются.

— Нет! — крикнул в ответ Петр Аркадьевич. — Это изумительно! Потрясающе! Я вам завидую!

Аэроплан сделал круг над Комендантским полем.

— Еще полетаем? — напрягая голос, спросил пилот. — Или достаточно?

— Я бы с охотой продолжил, — откликнулся Столыпин. — Но рука разболелась! Наверно, от тряски... Я был ранен!

— Я тоже был ранен в руку! — крикнул Лев Михайлович. — В правую!

— И я в правую... Во время покушения!

Мациевич оглянулся, в его увеличенных очками «лягушачьих» глазах было странное выражение.

— Держитесь! — Он нажал на какую-то ручку. — Идем на снижение!

Аэроплан ухнул вниз. Петр Аркадьевич вцепился левой рукой в какую-то штангу. Потом падение приостановилось, и «этажерка» плавно опустилась на траву, дернулась, покатилась вперед... Остановилась!

Столыпин выдохнул. Потом стал развязывать ремни.

— Ну как, понравилось? — Мациевич вылез первым, снял очки и шлем и снова превратился в обычного человека.

— Теперь у меня еще больше оснований уважать

летунов. — Премьер-министр с чувством пожал ему руку. — Благодарю вас. И... Берегите себя!

— И вы себя... тоже... — Усталой походкой пилот направился к сараю-ангару.

Там его поджидал помощник.

— Ты что, сдрейфил? — спросил он пренебрежительно. — Или тебе что-то помешало?

— Мне не нравится твой тон, товарищ, — спокойно ответил Мациевич. — А по существу ответу так: Столыпин вовсе не такой негодяй, как ты его описывал. Он мне даже понравился. Не каждый вел бы себя так достойно во время первого в жизни полета.

— А мне не нравится твое поведение, — заявил помощник. — Партия дала тебе задание — убрать премьер-министра, а ты не воспользовался уникальной возможностью это сделать, не привел приговор в исполнение. А ты знаешь, что бывает за неисполнение приговора?..

— Ну что, Александр Васильевич, ваши прогнозы не сбылись? — Столыпин чувствовал легкость в душе и теле. — Зато мои предчувствия меня не обманули. Я не знаю, террорист ли этот летун или нет, но он отличный пилот и славный человек. По-моему, мы испытали друг к другу необъяснимую симпатию. Я даже не прочь с ним подружиться.

— А я, Петр Аркадьевич, сделаю все, чтобы не допустить такой нежелательной и опасной дружбы, — последовал ответ Герасимова.

Через два дня все российские газеты были наполнены извещениями в траурных рамках. Лев Михайлович Мациевич разбился насмерть, выпав из аэроплана при выполнении показательного полета. Печать приводила официальное заключение экспертов:

«...Лопнула диагональная растяжка, проволока попала в пропеллер, растяжки порвались, аэроплан резко качнуло вперед, вследствие чего летчик вывалился наружу».

— Вот несчастье! — сказал Столыпин жене. — Такой человек погиб! Жаль, мы с ним не успели сойтись покороче.

— Александр Васильевич утверждает, что это не

может быть несчастным случаем, — заметила жена. — Эти самые растяжки, он говорит, сами по себе не лопаются. Они вроде бы рассчитаны и на большие нагрузки...

— Неужели его убили? — нахмурился Петр Аркадьевич. — Неужели — из-за меня? Снова я приношу несчастье тем, кто становится мне дорог...

— Это не ваших рук дело, полковник? — напрямую спросил он Герасимова при встрече. — Вы что-то двусмысленное говорили по поводу нежелательности нашей дружбы с покойным Мациевичем...

— Его убили эсеры, — не обижаясь, высказал предположение Герасимов. — Или он покончил с собой по их решению. Такое бывает.

На похороны пилота Столыпин послал венок. По черной ленте вилась надпись: «От друга».

А поэт Александр Блок, потрясенный гибелью Льва Мациевича, написал стихотворение «Авиатор», где тоже высказал свои версии причины этой безвременной смерти:

Зачем ты в небе был, отважный,
В свой первый и последний раз?
Чтоб львице светской и продажной
Поднять к тебе фиалки глаз?

Или восторг самозабвенья
Губительный изведаль ты,
Безумно возалкал паденья
И сам остановил винты?

Иль отравил твой мозг несчастный
Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?

Из воспоминаний генерала П. Г. Курлова

«Был ли это несчастный случай или наказание за то, что видный член партии социалистов-революционеров не воспользовался столь удобным случаем для террористического акта в отношении председателя Совета министров, останется навек тайной покойного».

А интерес Столыпина к нарождающейся авиации продолжался. Он расспрашивал пилотов, отчего могли лопнуть растяжки на аэроплане Льва Мациевича. И гордился своим знакомством с этими бесстрашными людьми. И даже высказался о них в печати:

«К счастью, славянская раса, отличающаяся смелостью самой беспечной, дает к этому превосходный материал; хотя именно эта беспечность и удасть очень часто идут в ущерб холодной осмотрительности, столь необходимой для воздухоплавания».

Октябрь 1910 года
Киев

Подходя к дому, Митя вдруг увидел, что на фасаде выбиты стекла. Около двери ему бросилась к глаза крупная размашистая надпись, сделанная красной краской: «Жи́ды». Рядом была пририсована шестиконечная звезда.

Еще из прихожей он услышал вопли и причитания матери. В гостиной на диване лежал отец с окровавленной головой, под глазом у него темнел синяк.

— Мама, что случилось? — Митя кинулся к раненому Григорию Дмитриевичу. — Папа!

— Боже мой, ну почему мы не уехали в Палестину? — раскачиваясь, кричала мать. — Или в Америку? Что держит нас на этой проклятой земле? Как бы мы тихо ни жили, сколько бы добра ни делали, все равно останемся жидовскими мордами!

— Перестань, — морщась от боли, с трудом выговорил Григорий Дмитриевич. — Погромщики тут ни при чем. Со мной просто сводили счеты... После того проигранного процесса...

— А выбитые стекла? — спросил Митя. — А антисемитские надписи — все это тоже ни при чем? Так, по-твоему?

— Одно к другому не касается... Чем голосить, вызовите лучше врача...

— Я уже звонила... — подала голос мать. — Господин Розенблюм сейчас приедет. Герш, мой бедный муж,

давай уедем отсюда! Куда угодно, только б не оставаться в Киеве.

— А кому мы нужны в Палестине или Америке? — Богров-старший покачал окровавленной головой. — Нет уж, здесь я родился, здесь и умру...

— Я пойду, — стал лихорадочно собираться Митя, — я потребую у властей ответа, почему нас никто не защищает от произвола, от погромщиков и бандитов.

— Ты куда, Дувид? — вцепилась в него мать. — Сиди лучше дома, а то с тобой случится то же самое, что с папой...

— Со мной? — надменно усмехнулся сын. — Со мной, мама, они не посмеют так обращаться...

— Ты думаешь, тебе помогут твои картузники? — иронически подмигнул подбитым глазом отец.

— При чем здесь они? — Митя решительно надел шляпу. — Я воспользуюсь своими связями совсем в другом месте...

Когда он вышел, мать встревоженно обернулась к Григорию Дмитриевичу:

— Ты слышал, что он сказал? Говорила я тебе, тут дело нечисто... Ой, как бы новой беды не вышло...

— Господин подполковник! — Богров тяжело дышал от возмущения. — Я много раз просил вас позаботиться о безопасности моего семейства... Предупреждал, что после проигранного процесса отцу не раз угрожали... Вы, господин подполковник, обещали помочь... И ничего, решительно ничего не предприняли... Мой отец серьезно ранен, его избили...

— Вы сначала успокойтесь, молодой человек. — Кулябко показал на стул. — Садитесь. А теперь поговорим. Нашей вины в происшедшем нет. От случайностей никто не застрахован, поймите... Я глубоко уважаю вашего батюшку и сожалею, что он пострадал в результате нападения... Заверяю вас, Дмитрий Григорьевич, мы расследуем это дело и непременно накажем виновных...

— Я вам не верю! — Митя вскочил со стула. — Вы всегда бываете заблаговременно осведомлены о готовящихся погромах против евреев, студентов, интеллигенции — и никогда не препятствуете им, хотя это не толь-

ко в ваших силах, но и прямо входит в ваши служебные обязанности!

— Свои служебные обязанности я знаю, — ласково ответил Кулябко. — А вот ваша горячность, Дмитрий Григорьевич, не делает вам чести. Ай-ай-ай, как же вы переживаете за своего батюшку! Но, между нами, он немного сам виноват в том, что случилось. Григорий Дмитриевич взял с господина Покобатько очень приличный гонорар, и тот, естественно, рассчитывал, что за такие деньги его освободят от стражи прямо в зале суда. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает... Ваш батюшка очень редко проигрывает процессы, но и на старуху бывает проруха...

— Вы мне зубы не заговаривайте! — грубо оборвал его Митя. — Все это я и сам знаю. Речь идет о другом: вы обещали помочь и ничего не сделали. Больше на меня не рассчитывайте!

— Это означает, что вы отказываетесь сотрудничать с охранным отделением? — уточнил подполковник. — Жаль, молодой человек, жаль, иногда ваши данные оказывали нам неоценимую услугу... А денежки как же? Они что, не нужны вам больше?

— Я работал не из корысти! — гордо воскликнул Митя. — Меня привели к вам идейные соображения. И плата ваша меня не интересует. Это грязные деньги!

— Однако же вы их брали, Дмитрий Григорьевич, — мягко заметил Кулябко. — За все эти годы наберется немалая сумма, не правда ли? Любопытно, как отнеслись бы ваши родные к тому, что их единственный сынок подрабатывал агентом охранного отделения? А товарищи по партии что сказали бы? Да нет, не пугайтесь, я пошутил, может быть, не слишком удачно. Я не прощаюсь, надеюсь еще не раз увидеться с вами...

*25 июля 1911 года
Петербург*

— Ваше высокопревосходительство, — сказал министр финансов Коковцов. — Скандал! Ко мне явился Сазонов — ближайший друг Распутина — и попросил выделить ссуду на организацию Хлебного банка.

— Какого-какого? — переспросил Столыпин. — Что это еще за банк?

— В том-то и дело, что неизвестно. Вместо учредительных документов, устава, списка членов правления он принес записку от Григория Распутина: «Министер как друга прошу устрой усе маяму приятелю шtbody бес провалочки распутин-новых». Каково?

— Опять Распутин, — в сердцах сказал премьер.

Коковцов деликатно промолчал.

— Вы дали денег? — поинтересовался Петр Аркадьевич.

— Конечно, нет. У нас огромный дефицит в бюджете. Не знаешь, какие дыры латать...

— И не вздумайте давать. Никому вообще. Ни по каким запискам. Только с моего ведома и с моего разрешения.

— Но, с другой стороны, ваше высокопревосходительство, Сазонов намекнул, что в этой ссуде заинтересована императрица...

— Это дела не меняет. Я поговорю с ее величеством.

На другой же день Столыпин попросил аудиенции у Александры Федоровны. Государыня встретила его холодно.

— Фы пока что не император, — заявила она, выслушав премьера. — И я не позволю фам отменять мои распоряжения и фмешиваться ф мои частные дела. Фелите Коковцофу фыдать ссуду. Это приказ. — Государыня, не прощаясь, направилась к дверям.

— Ваше величество, — окликнул ее Столыпин. Императрица остановилась, всей своей спиной выражая ненависть к нему. — Ваше величество, в таком случае ставлю вас в известность, что эта ссуда будет фигурировать в отчете государю и я буду вынужден объяснить его величеству, на какие цели она выдана.

— Она фыдана на организацию Хлебного банка, — по-прежнему не оборачиваясь, сухо сказала Александра Федоровна.

— Она пойдет на помощь вашим германским родственникам, — дерзко возразил Столыпин. — И переправит ее банкир Рубинштейн. Увы, и этот факт я не смогу скрыть от его величества.

Аликс обернулась.

— Фы не посмеете этофо сделать! — с ненавистью прошипела она.

— Я вынужден буду это сделать, если не прекратятся поборы из государственной казны!

— Я фам не просчу этофо никокта!..

*2 августа 1911 года
Петербург*

— Подонки... — прошептал Столыпин, просматривая газеты.

Не было ни одного издания, которое не выливалось бы на премьера ушаты грязи. Его называли временщиком и мздоимцем, писали, что даже царедворец Витте был лучше нынешнего главы правительства. На Столыпина разом ополчились и правые и левые.

В «Новом времени» была опубликована разоблачительная статья, направленная против премьера:

«...Супруга премьера, мадам Столыпина, появилась на этом вечере в бриллиантовом колье, стоимость которого определяется в миллион рублей. Таких драгоценностей нет у самой императрицы. Как сказала в беседе с приятельницами обладательница сего сокровища, это подарок мужа. А думцы все ломают себе головы — на что идут народные деньги? Да на побрякушки для госпожи премьерши!»

На карикатуре был изображен сам Столыпин с закрученными кверху усами, который алчно рылся в мешках с золотом.

Премьер-министр вызвал к себе Гучкова:

— Как вы думаете, чьих это рук дело?

— Манусевича-Мануйлова, — ни секунды не колеблясь, ответил лидер октябристов. — Надеюсь, вам не надо говорить, под чью диктовку это писано? Переполюх поднялся, Петр Аркадьевич. В Думе требуют запроса на вас лично...

— Все. — Столыпин устало откинулся на спинку стула. — Это последняя капля. Подаю в отставку.

— Ваша отставка вызовет развал власти, — слабо возразил Гучков.

— Ничего она не вызовет...

— Но Марья Федоровна не позволит сыну устранить вас!

— Дело зашло так далеко, что ничто не вернет моего прежнего положения... Но хуже другое... меня убьют скоро...

— Что вы такое говорите? — всполошился Гучков.

— Помяните мое слово, Александр Иванович, меня убьют. И сделают это не революционеры...

*2 августа 1911 года
Петербург*

— Ваше величество. — Рубинштейн потер большой и указательный пальцы. — Время разбрасывать камни и время собирать камни. Я нахожусь в весьма затруднительном положении и хотел бы всеподданнейше попросить ваше величество возместить последнюю сумму, отправленную мною в Гессен...

— Сейчас это нефосможно. — Александра Федоровна заметно нервничала. — Фам притется потопштать...

— Увы, ваше величество, — дерзко усмехнулся банкир, — деньги мне нужны немедленно...

— Ах, это фсе Столыпин. Он дал распоряжение министру финансов никому денег не дафать... Он шантажирует меня! Умоляю, отсрочьте, — императрица помассировала пальцами виски, — платешки... Фопрос со Столыпиным бутет решен в самом скором фремени. Я позабочусь об этом...

*14 августа 1911 года
Ковенский уезд, имение Столыпиных,
Колноберже*

П. А. Столыпин:

«Каждое утро, когда я просыпаюсь и творю молитву, я смотрю на предстоящий день как на последний в жизни и готовлюсь выполнить все свои обязанности, уже устремляя взор в вечность. А вечером, когда я опять возвращаюсь в свою комнату, то говорю себе, что дол-

жен благодарить Бога за лишний дарованный мне в жизни день. Это единственное следствие моего постоянного сознания близости смерти как расплаты за свои убеждения. И порой я ясно чувствую, что должен наступить день, когда замысел убийцы наконец удастся».

— Нет, ты только подумай! — Петр Аркадьевич взволнованно ходил по комнате. — Я узнаю о назначении директора департамента полиции последним! Меня просто поставили об этом в известность, сообщили как о свершившемся факте! Нет, при таких обстоятельствах нет другого выхода, как отставка. Лучше разрубить весь клубок разом, чем мучиться месяцами, распутывая интриги...

— А что государь? — Ольга Борисовна перематывала пряжу. — Он подпишет? Ведь в прошлый раз ты тоже считал, что тебя уже освободили от должности... Но вмешалась вдовствующая императрица, и тебя вернули...

— Нет, второй раз ничего подобного не будет! — решительно сказал Столыпин. — Есть предел человеческой выносливости и терпению. Пять лет я тащу на себе этот груз, не встречая ни с чьей стороны ни поддержки, ни понимания... Его величество не доверяет мне... У него полно советчиков, которые всегда подскажут, как поступать в том или ином случае... А я устал и хочу отдохнуть!

— Ну и слава Богу, — заметила Ольга Борисовна. — Все, что ни делается, все к лучшему. Тебе пора всерьез заняться своим здоровьем... Больше времени будешь проводить с детьми, они будут счастливы... Все равно твоих усилий никто не оценит.

— Пойми, я не ради наград и отличий работаю! — снова распалился Петр Аркадьевич. — Ты-то знаешь, насколько я нетщеславен. Но ведь невозможно делать дело в такой атмосфере...

— Извиняюсь, барин. — В дверях показался Гришка. — Там фельдъегерь с пакетом от ихнего царского величества...

— Ну вот, — грустно произнесла Ольга Борисовна. — Снова ты понадобился...

Из письма Николая Второго Столыпину:

«Боюсь, я был недостаточно искренен с Вами, с своим помощником и опорой. Но, благодарение Господу, моя матушка передала мне свое глубокое убеждение в том, что Вы один имеете силу и возможность спасти Россию и вывести ее на верный путь. Я сознаю, что ошибался. Только дружная работа вместе с Вами, Петр Аркадьевич, может поднять страну на ту высоту, которую она заслуживает. Сожалею о том, что Вы были вынуждены подать прошение об отставке. Прошу Вас сопровождать меня в поездку на юг.

Начиная с конца августа я намерен посетить Белгород, где предстоит открытие мощей святого Иоасафа, Киев — для присутствования на маневрах, Чернигов и Овруч, а затем отправлюсь в Крым, где буду иметь пребывание до начала декабря. Надеюсь, у нас будет время обсудить все насущные вопросы».

— Что-то мне не хочется ехать, — хмуро сказал Столыпин. — Чем больше императрица Марья Федоровна оказывает давление на сына, тем больше он недолюбливает меня. Государь никогда ничего не забывает и не прощает.

21 августа 1911 года

Петербург

Из воспоминаний Арона Симановича:

«Однажды я нашел Распутина в большом волнении и заключил из этого, что с ним происходит что-то особенное и опять проявляется его «сила». Он меня действительно удивил ошеломляющим сообщением:

— Слушай, Арон, в Киеве готовится еврейский погром. Ты должен принять меры.

Можно себе представить, насколько меня такое сообщение поразило. Я имел в Киеве много родственников, нападки на евреев мне и так причиняли много хлопот. На мою просьбу о сообщении подробностей Распутин ограничился еще более неясным намеком.

— Нужно будет кончить со стариком, — сказал он.

Прозвище «старик» нами всегда употреблялось для

председателя Совета министров. В то время эту должность занимал Столыпин. Намек Распутина я мог понять только в том смысле, что Столыпин скоро умрет. Ближайшие подробности о предстоящем несчастье мне не были сообщены.

Я старался разузнать у Распутина, почему Киеву угрожает еврейский погром и каким путем можно его предотвратить. В случае необходимости я хотел послать в Киев предупреждение. К моему удивлению, Распутин объяснил мне, что избежать погрома можно лишь в том случае, если царь при своей поездке в Киев не возьмет с собой Столыпина, так как Столыпина в Киеве убьют и он больше не вернется в Петербург.

Несколько дней спустя Распутин рассказывал мне, что он имел с царем беседу по поводу его предстоящей поездки в Киев. Результатом беседы он был очень недоволен. Он предупреждал царя и советовал ему не брать с собою Столыпина. Хотя он и не предупреждал самого Столыпина о грозящей ему опасности, ибо он не был его другом, но так как царь в нем нуждался, то нужно было его щадить.

— Столыпин меня не трогает, — пояснил Распутин, — и я не хочу подставлять ему ногу.

Царь также не обратил особого внимания на это предсказание Распутина. Он не хотел отказаться от сопровождения его Столыпиным.

Когда я впоследствии рассказывал этот случай моим знакомым из придворных кругов, то некоторые из них высказали мысль, что царь, может быть, потому и взял с собой Столыпина, что верил предсказаниям Распутина».

Во время той самой беседы, о которой упоминает Симанович, Песчаный по указанию Распутина уже трясся в киевском поезде. Через день следом за ним отправился и сам старец.

29. ХРОНИКА ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ

---

15 августа 1911 года
Киев

— Вот она, мать городов русских! — Распутин встал на колени перед Софийским собором и несколько раз поклонился, осторожно стучаясь головой о мостовую. — Святость, милая, так и прет! Хорошее тут место, силы много имеет... Ты вот что, сходи-ка в охранку здешнюю, потолкуй с начальством...

— Да станут ли они меня слушать, Григорий Ефимыч? — испугался Песчаный. — Кто я такой?

— Ты? — Распутин порылся в карманах и вытащил оттуда замусоленную бумажку. — Ты, милай, полномочный представитель... И тебе велено оказывать всяческое содействие. На, держи! — сунул он бумажку Песчаному. — Надоть всенепременно енто дельце провернуть. Оттягивать более нельзя. А то ентот барин... Петька... больно много воли взял, все норовит по-своему воротить... И сколько уж раз в его, сердешного, стреляли! Да все мимо... А мы уж позаботимся, чтоб не было промашки в нынешний раз...

15 августа 1911 года
Киев

— Кто вы такой? — Кулябко подозрительно оглядел Песчаного. — И по какому делу?

— Вот... — агент, робея, протянул бумажку, выданную Распутиным. — Там написано.

— Особые полномочия? — Подполковник не верил собственным глазам. — Но мы готовы к приезду государя! В чем же заключается ваша роль?

— Обязан проследить, чтобы не было покушений на его величество, — сообразил Песчаный. — У вас имеются надежные агенты? Из среды студентов, анархистов и прочих террористов? Которым полное доверие?

— Был один... — замялся Кулябко. — Богров, Дмитрий Григорьевич. Да уж с год, как перестал поставлять сведения.

— Надо, чтоб снова начал, — веско сказал Песчаный, входя в роль. — Ведь вся ж эта сволочь как пить дать активизируется. А мы их — к ногтю!

— Насильно я его не заставлю... — Подполковник развел руками.

— Зачем же насильно? Вы слушок пустите: так, мол, и так, господа партийцы, ваш товарищ — наша агентура... Он и прибежит как миленький.

— Ладно, будь по-вашему, — согласился Кулябко. — Только уж больно скоры на расправу господа революционеры...

— А это не страшно, — успокоил его Песчаный. — Нам главное, чтобы приезд государя прошел тихо... А там хоть трава не расти. Как, говорите, зовут этого вашего осведомителя? Богров? Он не из сибирских ли купцов?

— Да нет, он здешний, из евреев.

— Еврей? — задумчиво произнес Песчаный. — Это хорошо, коли еврей. Сговорчивей будет. Вы мне адресок черкните на всякий случай...

17 августа 1911 года

Киев

— Ты что это, гад, служишь и нашим и вашим? — Степа прижал Митю к стенке. — У нас с предателями разговор короткий!

— Да ты что! — искренне возмутился Богров. — За кого ты меня принимаешь! Да я... Да я в тюрьме сидел... А сколько денег я тебе для партии передал? Забыл уже?

— Докажи, что ты с нами, — потребовал Степа. — Сделай акт на царя.

— Ты что, с ума сошел? Да к нему же близко не подпустят, — ахнул Митя.

— Ты уж постарайся, — зловеще посоветовал Степа.

17 августа 1911 года

Киев

Митя долго звонил у входа. Никто не открывал. Наконец дверь отворилась. Прислонясь к косяку, стоял бледный Володя. Губы его были плотно сжаты.

— Как хорошо, что я тебя застал, — обрадовался Богров. — Ты только представь: меня заподозрили в связях с охранным отделением!

— Уходи, — без всякого выражения сказал приятель. — Забудь сюда дорогу. Я с провокаторами дела не имею.

— Меня оклеветали! — Митя ударил себя кулаком в грудь. — Ты же знаешь меня с детства! Неужели поверишь каким-то чужим людям?

Володя колебался.

— Уходи, — повторил он. — И к Елене не смей приближаться. А я... я подам тебе руку тогда, когда ты сумеешь доказать, что был и остаешься честным человеком.

— Я докажу! — поклялся Богров. — Я такое совершу... Ты увидишь... поймешь, что заблуждался на мой счет... Да поздно будет!

Дверь захлопнулась.

Песчаный следил за агентом до самого Бибиковского бульвара. И быстро заскочил за ним следом в подъезд дома номер четыре.

— Кто вы такой? — испугался Митя, увидев незнакомого человека. — Вас послали... свершить приговор? Но я же обещал, что совершу акт... Я застрелю царя, — бормотал он, как в горячке. — Я докажу...

— Зачем же царя? — пожал незнакомец плечами. — Это, милейший, нереально. Выберите цель доступнее и проще...

— Какую же? — спросил сбитый с толку Богров.

— Застрелите председателя Совета министров Столыпина, — спокойно сказал Песчаный. — Душителя гражданских свобод, вешателя, гонителя евреев... И вас оправдают, потому что его ненавидят все без исключения. А даже если не оправдают... Что ж, вы умрете в ореоле героя и мученика, а не с клеймом презренного провокатора.

— Кто вы? — еще раз спросил Митя. — За что меня так мучаете?

Но Песчаный уже выскользнул из парадного.

*18 августа 1911 года
Киев, Бибиковский бульвар, 4*

— Дувид, ты не заболел? — послышался за дверью встревоженный голос матери. — И с чего вдруг ты заперся?

Митя поспешно сунул браунинг под скатерть.

— Я работаю, мамаша, — крикнул он, раскрывая папку с бумагами. — Взял на дом одно дело... Сложный, но довольно интересный случай.

— Ну работай, работай, — успокоилась мать. — Только не сиди голодный, хотя бы к ужину приходи к нам, а то мы с отцом беспокоимся...

Ее голос звучал все глуше и глуше, удаляясь по коридору. Митя передохнул и снова вынул браунинг. Он осматривал его со всех сторон, поглаживал поблескивающие металлические грани. Потом, словно на что-то решившись, сунул в рот дуло и нажал на собачку.

Щелкнул затвор, Митина голова откинулась на спинку кресла.

— Бум! — сказал Богров. — Наповал?

Револьвер был не заряжен.

— Нет, не дождетесь, господа хорошие, — едко сказал Митя неизвестно кому. — Я не собираюсь умирать раньше срока.

Из воспоминаний генерала П. Г. Курлова:

«...Подполковник Кулябко доложил мне, что накануне, совершенно неожиданно, к нему явился бывший сотрудник Киевского охранного отделения Богров, ко-

торый еще ранее от работы отошел, но сведения которого были всегда очень ценны и не возбуждали никакого сомнения...

По словам Кулябко, Богров сообщил ему, что на днях к нему явился известный партийный работник, которого он знал только по имени и отчеству, и, подтвердив намерение партии совершить крупный террористический акт в последние дни пребывания государя в Киеве, когда чины охраны будут несомненно утомлены, просил Богрова от имени партии содействия. Далее Богров передал, что отряд боевиков должен был, в целях безопасности, приехать в Кременчуг, а оттуда по Днепру в Киев. На обязанности Богрова лежало приготовление для приезжих речной моторной лодки и подыскание в Киеве безопасного для них помещения.

Я, безусловно, воспретил содействовать подысканию моторной лодки и разрешил лишь предоставить для помещения приезжих квартиру, принадлежащую кому-либо из служащих охранного отделения...

Приведенные данные и принятые в целях освещения их меры я доложил П. А. Столыпину на другой день по приезде его в Киев, причем министр сказал мне, что, по его мнению, все эти страхи преувеличены...

Не успел я заснуть, как меня разбудил мой секретарь с докладом, что меня желает видеть по экстренному делу подполковник Кулябко. Тотчас же я его принял и узнал от него, что вечером явился к нему Богров с заявлением, что член партии социалистов-революционеров, приезжавший к нему за несколько до того дней с просьбой облегчить прибытие из Кременчуга боевиков, сообщил ему об изменении террористической группой своих планов относительно путешествия в Киев, что группа эта уже прибыла и что в составе ее находится неизвестная даже ему женщина, имеющая при себе разрывные снаряды. Она должна была явиться на другой день в 12 часов на квартиру Богрова, где остановился приезжий, для совместного обсуждения дальнейшего плана действий. По его словам, боевая группа не имела в виду царевубийство, а покушение на жизнь председателя Совета министров П. А. Столыпина и министра народного просвещения Л. А. Кассо. Я приказал Кулябко обставить немедленно квартиру Бог-

рова филерским наблюдением, командировав для этой цели опытнейших агентов... В восемь часов утра я просил по телефону секретаря министра доложить П. А. Столыпину о необходимости безотлагательного с ним свидания и в 9 часов был уже у него и передал ему подробно сущность доклада Кулябко, добавив, что, если к полудню я не получу больших подробностей, мне придется прибегнуть к экстраординарным полицейским мерам, чтобы обеспечить возвращение государя с маневров, его поездку на ипподром, поездку и возвращение из театра.

За самый театр я был относительно спокоен, так как билеты выдавались комиссией только известным людям, а в театре для тщательного контроля было назначено 15 офицеров и 92 агента дворцовой охраны и Киевского охранного отделения. Тем не менее я просил министра не занимать в этот вечер своего кресла в первом ряду, а сесть в генерал-губернаторскую ложу, от чего он категорически отказался...

Я приказал усилить охрану генерал-губернаторского дома, где проживал П. А. Столыпин, и поручил жандармскому офицеру тщательно проверять лиц, которые пожелали бы видеть министра.

...На мое указание, что по возвращении в Петербург я буду просить его разрешения сделать несколько перемен в личном составе розыскных учреждений, П. А. Столыпин сказал:

— Это вам придется делать уже без меня.

И на выраженное мной удивление продолжал:

— По здешней обстановке вы не можете не видеть, что мое положение пошатнулось и я после отпуска, который я испросил у государя до 1 октября, едва ли вернусь в Петербург председателем Совета министров и министром внутренних дел.

...Я поспешил в гостиницу, чтобы поскорее узнать от подполковника Кулябко сведения о предполагавшемся в полдень свидании. Меня ожидало полное разочарование: женщина, которая, по словам Богрова, должна была прийти на его квартиру, не явилась, а Богров получил известие, что свидание группы боевиков назначено в 7 часов вечера на Бибииковском бульваре. Сделав распоряжение наблюдать за этим новым

предполагавшимся свиданием и ни на минуту не оставлять без наблюдения квартиру Богрова, я решился прибегнуть к исключительным полицейским мерам...»

Торжества по случаю открытия в Киеве памятника царю-освободителю — Александру II — шли полным ходом. Прибыл на них и Столыпин.

Петр Аркадьевич почитал Александра Второго не только как монарха, освободившего крестьян от ига крепостного права... Этот российский император учредил в стране первый Совет министров (1861) и сам же вел его заседания. Таким образом, дед Николая стал первым признанным и законным премьер-министром в своей стране. Столыпин считал его самым выдающимся своим предшественником и внимательнейшим образом изучал реформы Освободителя. Среди них — военная (были отменены шпицрутены, которыми солдат забивали насмерть за малейшие провинности, исчезла рекрутчина), судебная (Александр ввел суд присяжных), земельная (крестьян открепили от земли) и административная (в зародышевой форме появились земства)... Еще бы чуть-чуть, и без революций, без страшных потрясений Россия получила бы конституцию.

Взрыв бомбы 1 марта 1881 года, брошенной народо-вольцами, оборвал и жизнь царя-премьера, и надежды на развитие страны...

31 августа 1911 года. 1 час дня

Киевляне приветствовали своего монарха с редким воодушевлением. Полицейские наряды с трудом удерживали толпу, которая каждую минуту могла их смять, несмотря на расставленные шпалерами воинские части.

Государь император изволил заехать в Софийский собор, затем посетил Киево-Печерскую лавру. Когда Николай подъехал к воротам, навстречу ему вышел с крестом Киевский митрополит Флавиан. Люди, желая видеть ближе царскую семью, прихлынули слишком близко и даже прорвали оцепленный охраной полукруг. Поэтому пришлось вызвать эскадрон жандармов. А цар-

ские экипажи подать к выходу из малых пещер и уже оттуда следовать на главную улицу.

Последующие торжества протекали в полном порядке. Особо благоприятное впечатление на государя произвел прием со стороны городского управления в Купеческом саду. Сад этот был расположен на правом, крутом берегу Днепра, и открывающийся с террасы вид при блестящей иллюминации был поистине великолепен.

А у подножия Купеческого сада, в конце Крещатики, был воздвигнут памятник деду Николая Александру Второму — для его освящения император и прибыл в Киев.

1 сентября 1911 года
Киев

С утра император отправился смотреть маневры. За каретой Николая следовали придворные экипажи. Столыпин ехал отдельно, в наемном экипаже.

— Ваше высокопревосходительство, — обратился к нему генерал Курлов. — Не лучше ли вам присоединиться ко всем?

— Как видите, для меня не нашлось места, — усмехнулся Столыпин. — Вот что такое опала.

— Но это значительно затрудняет охранные мероприятия в отношении вас, — настаивал Курлов.

— Ничего, — хладнокровно заметил Петр Аркадьевич. — Если начнут стрелять, по крайней мере, никто из посторонних не пострадает.

— Я пришлю из охранного отделения закрытый автомобиль для вас, — немного помявшись, предложил генерал.

— Как вам будет угодно... Хотя это похоже уже на арест, — невесело пошутил премьер.

После возвращения с маневров Столыпин решил воспользоваться перерывом в обязательной программе и потихоньку от приставленного к нему капитана Есаулова отправился погулять по городу. Он шел по улицам в обычном сюртуке, а не парадном мундире и ничем не отличался от остальных прохожих, разве что ростом и

осанкой. Его никто не узнавал, и он наслаждался этой неожиданной анонимностью...

— Тыфу, бес! — сплюнул Распутин, забегая за угол. — Ты, милай, — попенял он Песчаному, — глазато разуй. Чуть на самого Петьку не наскочили. А он не должен знать, что мы тута... Вдруг опять промашка выйдет... Или старуха на Колю надавит, чтоб не пускал его... Нет, милай, только пуля остановит эдакого бугая... Прется напролом, глянь-ко, и сам черт ему не брат!

— Да, он не трус, — подтвердил Песчаный, выглядывая из-за угла. — Все, Григорий Ефимыч, миновала опасность. Выходите на свет Божий. Ничего, его песенка все одно спета. Сегодня успокоится.

— А ты-то чего радуешься? — недовольно спросил Распутин. — У меня с Петькой свои счеты, твое дело маленькое. Вот что лучше скажи: Богров твой надежен али нет?

— Живой человек, — пожал плечами обиженный Песчаный. — Вроде б согласился, а может и передумать.

— А ты помоги ему... Снова сходи туда... Попугай... Рядом будь, чтоб не передумал... Понял меня?

— Как не понять, Григорий Ефимович? Сделаем-с все в полном ажуре.

— Ну то-то же...

3 часа дня

— Уволю, к чертовой матери! — орал Курлов на выгнувшегося в струнку капитана Есаулова. — Куда смотрел, растяпа? Если с его высокопревосходительством что-нибудь случится, голову с тебя сниму!

— Не ругайте капитана, Павел Григорьевич, — заступился за Есаулова подошедший Стольпин, веселый и румяный после прогулки. — Он ни в чем не виноват. Я нарочно вышел с черного хода.

— Петр Аркадьевич, но так же нельзя! — плачущим голосом произнес Курлов. — Умоляю вас быть осмотрительней. Вы же сами подставляетесь под пули.

— Напротив, Павел Григорьевич! Террористы, зная, что я буду присутствовать на официальных мероприятиях, ждут меня там, а на улице, в толпе, в обычном

платье, я в полной безопасности... Чудесный, доложу вам, город. Очень тепло к тому же...

— Дайте мне хотя бы честное слово, что на ипподром поедете в закрытом автомобиле, — потребовал генерал.

— Обещаю... — И Столыпин ушел переодеваться.

4 часа дня

На ипподроме в Печерске уже выстроились в шахматном порядке киевские гимназисты в белых рубашках. Это были так называемые «потешные» — подростки, занимающиеся военной подготовкой.

Петр Аркадьевич отпустил автомобиль и поздоровался с киевским губернатором Гирсом:

— Здравствуйте, Алексей Федорович! Что это вы нервничаете? Совсем запугали вас наши службы!

— Быстрее, ваше высокопревосходительство! Тут опасно! Пройдемте в ложи! — торопил Гирс.

— Да вы посмотрите — кругом полно переодетых полицейских, — успокаивал его Столыпин. — Лучшая охрана его величества задействована.

— Добрый день, господин Столыпин! Здравия желаю, вашество! Салют, Петр Аркадьевич! — приветствовали премьер-министра со всех сторон.

Столыпин останавливался, отвечал на приветствия, махал рукой знакомым. Гирс мучился.

Возле одной из лож Петр Аркадьевич встал и с кем-то заговорил. Пожилая дама, сидевшая рядом, указала веером на ордена, украшавшие парадный мундир Столыпина, и довольно бестактно спросила:

— А что это за крест у вас на груди, точно могильный, Петр Аркадьевич?

— Да что вы такое городите! — возмутился Гирс, утрачивая терпение. — Еще беду какую накличете!

— Да что с вами, Алексей Федорович? — улыбнулся Столыпин. — Ничего особенного не произошло. Госпожа Н. просто интересуется знаками отличий. Так вот, — объяснил он даме, — этот орден получен мной за организацию Саратовского управления Красного Креста... Я возглавлял его во время японской войны.

Дама победоносно взглянула на Гирса и сильнее замахала веером.

Премьер-министр дошел до специальной ложи, предназначенной для царской свиты и Совета министров, но, миновав ее, двинулся дальше.

— Почему? — поразился Гирс. — Почему вы не входите в ложу?

— А вы разве не знаете, Алексей Федорович, что я в немилости? — усмехнулся Столыпин. — И без разрешения министра двора войти сюда не могу.

Он неторопливо спустился на площадку перед трибунами, выгороженную барьерами. И тотчас же десятка два жандармов, переодетых в штатское, стали полукругом возле барьеров.

— Алексей Федорович, — Столыпин повернулся к Гирсу, и губернатор увидел вдруг, что у него усталое, погасшее лицо, — будьте добры, ответьте на один вопрос... Почему вчера, во время освящения памятника Александру Освободителю, евреям-учащимся было запрещено идти наравне с другими с крестным ходом?

— Видите ли, Петр Аркадьевич, — растерялся Гирс. — По-моему, таково было распоряжение попечителя киевского учебного округа Зилова... Он велел исключить из церковной процессии нехристиан... м-м-м... то есть евреев и мусульман...

— Зачем же возбуждать страсти? — спросил Столыпин. — Мало того что подобные рассуждения нелепы — они вредны, потому что рождают рознь между детьми.

— Совершенно согласен, — поспешно ответил Гирс, и разговор иссяк.

К премьер-министру подходили знакомые, но он был удивительно немногословен, и постепенно маленькая толпа вокруг него рассосалась сама собой.

5 часов дня

— Его величество запаздывает, — Гирс озабоченно посмотрел на часы. Он чувствовал себя неловко и попытался отвлечь Столыпина от мрачных мыслей. — Как я уже имел честь докладывать вашему высокопревосходительству, губернские учреждения...

Премьер слушал невнимательно, вертел головой, глядя по сторонам.

Богров стоял за барьерами, но не мог подойти. Потной рукой он сжимал в кармане браунинг. Стрелять Митя не мог: далековато, к тому же все время мешали люди.

Один вид Столыпина вызывал в нем ненависть: это из-за него, председателя Совета министров, его мучают Степа и неизвестный человек, назвавшийся Песчаным, из-за него не подает руки Володя и невозможно встретиться с Аленой... Это из-за него в стране разгул реакции, из-за него бьют стекла и пишут на стенке: «Жида»... Столыпин был как глубокий нарыв в душе, и вскрыть его можно было только одним способом — выстрелить.

— Назад, назад! — Богрова теснил, наступая на него, жандармский офицер в штатском. — Осади! Не положено!

Здесь же, на ипподроме, Митя вдруг придумал, как обмануть Кулябко и проникнуть в театр.

В какое-то мгновение глаза Столыпина, блуждавшие по толпе, столкнулись с глазами Богрова ..

— Барин! — разжигая в себе ненависть, пробормотал Митя. — Аристократ! — Но глаза опустил.

— Ну наконец-то вас задело за живое! — обрадовался Гирс. — Знал бы я — давно завел бы разговор о выборах в земство.

— И кого же избирают? — заинтересованно спрашивал Столыпин. — Дельных, толковых людей? Или же по прежнему принципу — хорошей фамилии, по протекции? Не знаю, поймете ли вы меня, Алексей Федорович, но я глубоко убежден, что настоящему местному самоуправлению мешает косная, устарелая дворянская иерархия. Она давно пережила себя... Земство давно следовало ввести здесь, разумеется с некоторыми ограничениями в отношении крупных землевладельцев...

Прибыл император с детьми. Ипподром стоя встречает их восторженными криками. Среди встречающих — премьер-министр. Царь занимает ложу, рядом, в соседней, согласно протоколу находится Столыпин.

Смотр «потешных» завершился к 8 часам.

К 9 часам в Киевском городском театре намечался съезд приглашенных и публики. Вся Театральная площадь и все прилегающие улицы от холма до Крещатика охранялись полицией. У входа в театр стояли жандармские офицеры и проверяли билеты у всех без исключения. Еще утром в театре были прочесаны все подвалы и чердаки. Начала прибывать публика: военные в белых парадных кителях, дамы в белоснежных нарядных платьях, благоухающие духами. Среди этой сияющей толпы резко выделяются штатские в черных фраках.

Из воспоминаний П. Г. Курлова:

«Подполковник Кулябко доложил мне, что Богров приезжал к нему в театр, чтобы сообщить, что свидание на Бибииковском бульваре не состоялось и отложено на завтра. Я высказал Кулябко свое крайнее неудовольствие подобными путешествиями Богрова и приказал принять меры, чтобы он не смел отлучаться из квартиры и оставлять приезжего хотя на минуту одного. Затем я предложил Кулябко после театра приехать ко мне для обсуждения дальнейших мер».

— Господин подполковник, — спросил Митя вкрадчиво, — а что, если та женщина уже проникла в здание театра?

— Это невозможно, — сухо ответил Кулябко. — Вы видите, какие заслоны? Тут и мышь не проскочит...

— Ну что ж, в таком случае я снимаю с себя всякую ответственность, — почти с облегчением сказал Богров. — И еду домой.

— Погодите-ка... — задержал его Кулябко. — Вы говорили, будто знаете ее в лицо?

— Да, — неохотно признался Митя. — И я единст-

венный, кто может опознать ее... Если бы вы, господин подполковник, выписали мне пропуск...

— Да, ничего другого не остается, — подумав, согласился Кулябко. — Только смотрите у меня, без фокусов. На все про все у вас только время первого акта. Затем вы отправляетесь домой, чтобы не упустить приезжего, живущего у вас на квартире... Вы меня поняли?

— Отлично понял, господин подполковник.

Богров взял из рук полицейского билет в театр.

Впечатление очевидца убийства Петра Аркадьевича Столыпина:

«Нет более неудобного места для террористического акта, чем театр. Особенно если на спектакле присутствует Государь Император с августейшими дочерьми. Билеты были расписаны между видными и всем известными людьми. Контроль был очень строгий. В коридорах толпились мундиры и кители. Мы, фрачники, были в заметном меньшинстве. Минут за десять до приезда Государя в зале появились министры. Наконец прошел к своему креслу председатель Совета министров. Взоры всех были устремлены на него. Он стоял лицом к публике. Его румяное лицо было ясно и, по-видимому, спокойно. Около девяти часов приехал Государь с двумя августейшими дочерьми: Ольгой и Татьяной. Государь сел в выступ генерал-губернаторской ложи и был весь открыт театру. После троекратного гимна начался первый акт «Сказки о царе Салтане». Постановка была прекрасной, голоса тоже недурны. Я видел, как Столыпин во время первого действия раза два взглянул на Государя. Лицо его по-прежнему оставалось внешне спокойно. Так же прошел второй акт, после которого все присутствовавшие в царской ложе ушли в свое фойе».

Из воспоминаний П. Г. Курлова:

«...Я ни одной минуты не предполагал, что Богров может быть в театре, так как не допускал мысли, чтобы на такую экстраординарную меру подполковник Кулябко не испросил моего предварительного разрешения. Я вернулся в партер к началу второго акта и тотчас после его окончания опять подошел к П. А. Столыпину,

чтобы передать ему свой разговор с Кулябко, а засим не отходить от него ни на шаг, как делал это всегда, когда министр присутствовал в каком-либо публичном месте. На этот раз П. А. Столыпин, сильно обеспокоенный неопределенностью поступавших сведений, несмотря на мои возражения, приказал мне еще раз проведать Кулябко. Как потом оказалось, состоявший при министре капитан Есаулов во время этого антракта находился в фойе. Войдя в коридор, я начал говорить с Кулябко, который подтвердил, что отданное мной в первом антракте приказание о безотлучном пребывании Богрова в своей квартире исполнено. Между тем, как выяснилось впоследствии, Кулябко сказал приезжавшему в театр Богрову уехать домой перед самым началом второго акта, не потрудившись, однако, наблюдать за действительным исполнением Богровым этого распоряжения».

Закончился второй акт. Оставался третий, совсем короткий. Было около...

11 часов вечера

Царская ложа снова опустела. Столыпин встал, повернулся лицом к залу, оперся на барьер, отделявший партер от оркестровой ямы. К нему подошли Сухомлинов и граф Потоцкий. Затем к ним присоединился министр финансов Коковцов — проститься. Ему необходимо было завершать роспись бюджета на будущий год.

— Как я вам завидую, что вы едете в Петербург! — неожиданно сказал Столыпин. — Возьмите меня с собой.

— Сделайте одолжение! — улыбнулся Коковцов, приняв его слова за шутку. — У меня здесь лошадь, милости просим!

Он откланялся и уехал. Публика покидала зал.

Богров сидел далеко, в восемнадцатом ряду. Он не сводил глаз с премьера, которого то и дело окружали люди. Наконец Столыпин остался один. Его белый па-

радный мундир ярко выделялся на фоне красного бархата занавеса, барьера и кресел.

— Отличная мишень! — вполголоса пробормотал Митя, нащупывая браунинг.

Он небрежно прикрыл оттопыривавшийся карман брюк с револьвером театральной афишкой и уверенно пошел по проходу. Дойдя до второго ряда, вытащил браунинг. Столыпин смотрел прямо на него. Но на этот раз Митя не отвел глаз.

Из дневника Николая II:

«Мы только что вышли с Ольгой и Татьяной из ложи, так как в театре было очень жарко. В это время мы услышали два звука, похожие на стук падающего предмета; я подумал, что сверху кому-нибудь на голову свалился бинокль, и вбежал в ложу. Справа от ложи я увидел офицеров и людей, которые тащили кого-то, несколько дам кричали, а прямо против меня в партере стоял Столыпин. Он медленно повернулся лицом ко мне и благословил воздух левой рукой. Тут только я заметил, что он побледнел и что у него на кителе и на правой руке кровь. Он тихо сел в кресло и начал расстегивать китель. Фредерикс и профессор Рейн помогали ему. Ольга и Татьяна вошли со мной в ложу и увидели все, что произошло. Пока Столыпину помогали выйти из зала, в коридоре рядом с нашей комнатой происходил шум, там хотели покончить с убийцей, по-моему — к сожалению, полиция отбила его от публики и увела в отдельное помещение для первого допроса. Все-таки он сильно помят и с двумя выбитыми зубами...»

Впечатление очевидца убийства Петра Аркадьевича Столыпина (продолжение):

«Когда избитого убийцу выволокли из зала, я перевел взгляд на Столыпина. Он сидел, склонившись на бок, закрыв глаза. Его поддерживали. В газетах писали, что после выстрелов находившиеся вблизи премьеры лица побежали от него прочь. Это неверно. Все остались здесь и окружили раненого. Его подняли человек восемь и насколько можно осторожно вынесли из зала. Этот перенос, видимо, усилил боль — гримасы бледно-

го лица выдавали мучительные страдания. Министр сжал зубы, чтобы не стонать и не кричать. Процессия с раненым еще не вышла из зала, как в ложе появился Государь. Открыли занавес. Вся труппа в костюмах во главе с антрепренером Брыкиным и режиссером Гецевичем стояла на сцене. Запели гимн. Вместе с артистами запел весь театр. Подъем был необычайный. Некоторые артистки стояли на сцене на коленях и протягивали руки к Государю. Государь кланялся. Театр кричал «ура». Гимн был повторен три раза. Когда Государь ушел, кто-то на верхах запел «Спаси, Господи». Его поддерживали артисты и весь театр. Молитву пропели три раза».

Из воспоминаний генерала П. Г. Курлова:

«Вдруг раздался выстрел из браунинга, столь характерный по своему звуку. В зале поднялось смутение и послышались крики. Я бросился в залу, встретив у входа какого-то офицера, который выбежал оттуда с обнаженной шашкой и кричал, что убили Столыпина. Проникнуть в залу я не мог, так как в проходе публика избивала какого-то человека. Попытки прекратить избиение были тщетны. Издали я видел опускавшегося на кресло министра и стоявшего около царской ложи с обнаженной саблей полковника Спиридовича. Тогда я бросился назад, чтобы проникнуть к П. А. Столыпину с другой стороны, и наткнулся на совершенно бледного подполковника Кулябко.

— Это Богров, ваше превосходительство, — пробормотал он, опираясь о стену, — я виноват, мне остается только застрелиться.

Я крикнул на него, что застрелиться он всегда успеет и не об этом надо думать, когда Государь — в театре. Не имея возможности войти в театральную залу и кружным путем, так как коридор был запружен народом, я бросился к выходу около царской ложи и просил встретившегося генерал-адъютанта Дедюлина удержать Государя в театре, пока я не доложу, что путь свободен.

Подскочившему ко мне командиру эскадрона жандармов я приказал немедленно очистить весь проезд от публики, оставив около театра один взвод, чтобы со-

проводить карету «скорой помощи», вызванную для перевозки П. А. Столыпина в больницу. Чтобы приблизиться, наконец, к министру, я прошел к главному входу. Около него стояла уже вызванная карета, в которую при мне укладывали находившегося в беспомощности П. А. Столыпина. Это был последний раз, когда я видел министра живым».

«Правительственный вестник» (Срочная. Киев, 1 сентября, 11 часов 52 минуты):

«В Киевском городском театре во втором антракте оперы «Царь Салтан» председатель Совета министров Столыпин ранен выстрелами из револьвера. Одна пуля попала в ногу скрипачу Берглеру. Задержанный на месте преступления назвался помощником присяжного поверенного Богровым. Председатель Совета министров стоял у рампы, повернувшись лицом к публике, и беседовал с подходившими к нему людьми».

«Правительственный вестник» (2 сентября 1911 года):

«По доставлении в лечебницу председатель Совета министров просил передать Государю Императору, что он готов умереть за него, просил успокоить жену и пригласить священника. Констатированы две огнестрельные раны — одна в правой стороне груди, другая — в кисти правой руки. Первая половина ночи проведена тревожно. К утру наступило улучшение. Температура 37, пульс 92. Академик Рейн, профессор Волкова, профессор Яновский, доктор Афанасьев, приват-доцент Дитерикс».

«Новое время» (3 сентября 1911 года, Киев):

«В лечебнице, где помещается раненый председатель Совета министров, находится следователь по особо важным делам Фоненко. С 1 сентября начались допросы Богрова».

*Ночь на 2 сентября 1911 года
Киевский городской театр*

Жандармский подполковник с отвращением оглядел террориста. У того были выбиты зубы, лоб рассечен, фрак разорван. Все лицо — в ссадинах.

— Мало тебе дали, — процедил подполковник сквозь зубы и приступил к рутинной процедуре.

Допрашиваемый вел себя спокойно и на вопросы отвечал вполне хладнокровно, несмотря на то что слегка пришепетывал из-за выбитых передних зубов.

— Зовут меня Дмитрий Григорьевич Богров, — показал он. — Вероисповедания иудейского, от роду имею двадцать четыре года... Звание — помощник присяжного поверенного... Проживаю в Киеве, Бибиковский бульвар, дом четыре, в собственном доме своего отца, но в отдельной квартире номер семь...

Секретарь усиленно строчил по бумаге, записывая показания.

— К решению убить Столыпина я пришел давно и только искал способ, как совершить покушение. Для этого я вошел в доверие к начальнику городского охранного отделения Кулябко. Обратился к нему с вымышленными сведениями, будто бы некий молодой человек со своей сообщницей собираются убить министра и в настоящее время мужчина проживает в моей квартире... Кулябко был введен в заблуждение и стал содействовать мне в надежде, что я помогу разоблачить злоумышленников... Он дал мне пропуск в театр на парадное представление оперы «Сказание о царе Салтане»...

Покушение на жизнь Столыпина произведено мною потому, что я считаю его главным виновником наступившей в России реакции, то есть отступления от установившегося в 1905 году порядка: роспуск Государственной думы, изменение избирательного закона, притеснение печати, инородцев, игнорирование мнений Государственной думы и вообще целый ряд мер, подрывающих интересы народа...

С середины 1907 года я стал давать сведения охранному отделению относительно группы анархистов, с которыми имел связи. В охранном отделении состоял до октября 1910 года, но последние месяцы никаких сведений не давал. В сентябре 1908 года я предупредил охранное отделение о готовящейся попытке освободить заключенных в тюрьму Тыша и Филиппа. Необходимо было срочно принять меры, и я предложил Кулябко арестовать и меня. Я был арестован и содержался в Старокиевском участке две недели.

В охранном отделении я шел под фамилией Аленский и сообщал сведения о всех вышеприведенных лицах, о сходках, о проектах экспроприаций и террористических актов, которые и рассматривались Кулябко. Получал я сто — сто пятьдесят рублей в месяц, иногда одновременно по пятьдесят — шестьдесят рублей. Тратил их на жизнь...»

2 сентября 1911 года

Светало. Охранники у дверей клевали носом.

— Узнаете ли вы это оружие? — устало спрашивал подполковник.

— Да, это браунинг, из которого я стрелял в председателя Совета министров, — так же устало отвечал Митя.

В 5 часов утра допрос закончился. Арестованного усадили в полицейскую карету и отправили в Киевскую крепость. С одной стороны от него сидел жандармский подполковник, который вел допрос, теперь он держал в руках взведенный револьвер, с другой — киевский полицмейстер полковник Скалон. Карету сопровождал настоящий кортеж — три экипажа, битком набитые жандармами.

Богрова поместили в Косом капонири, в одиночной камере. Он с наслаждением вытянулся на тощей подстилке и закрыл глаза.

Из воспоминаний П. Г. Курлова:

«В шесть часов утра мне передали, что П. А. Столыпин просит меня в лечебницу, и, когда я поспешил туда, меня встретило категорическое запрещение В. Н. Кокковцова допустить к раненому министру кого бы то ни было, в том числе и меня».

«Правда» (еврейская газета, издававшаяся в Нью-Йорке на идише):

«Мы надеемся, что пуля, угодившая в Столыпина, верно попала в цель, что она выполнила свое назначе-

ние, что мудрая пуля освободила Россию от ее несчастья, мир — от гнусного создания, человечество — от великого позора».

«Аванти» (орган итальянской социалистической партии):

«Русская революция предложила Столыпину пять лет перемирия, чтобы ввести реформы. Столыпин принял его для того, чтобы убивать, вешать, ссылать, организовывать погромы, разогнать Думу, закрывать школы, университеты, уничтожать газеты. Столыпин в течение пяти лет был бичом Святой Руси. И вот один встал и говорит: этому должно положить конец».

«Знамя труда». Заявление Центрального комитета партии социал-революционеров:

Мы не знаем, кто такой Богров. Допуская даже, что он анархист, решивший поступить на службу в охранку с революционными целями, мы все же не имеем никаких данных для сведения о том, что привело его к такому решению. Легкомыслие? Недостаток моральной чуткости? Наклонность к авантюризму? Или, может быть, безрассудная уверенность, что при наличии царящей кругом апатии и разрухи человеку с революционным темпераментом остается лишь одно: действовать на свой личный страх и риск?»

«Современное слово» (Киев. 4 сентября 1911 года):

«В состоянии здоровья Премьер-министра Столыпина наступило ухудшение. Явления воспаления брюшины продолжают. Положение очень серьезное».

Ольга Борисовна, прижав руки в груди, подошла к профессору Волковой. Почему-то к женщине ей было легче обращаться, чем к прочим медикам.

— Ну как? — спросила она пересыхающими от волнения губами. — Есть надежда?

— Надежда? — Волкова отвела глаза в сторону. — Надежда, многоуважаемая, всегда уходит последней.

— Он... мой муж будет жить? — совсем тихо спросила Столыпина. — Вы можете смело сказать мне правду.

Обещаю вам, что не закачу истерики и ничем не покажу раненому, что знаю правду, какой бы горькой она ни была.

Волкова сняла и протерла очки.

— Гарантий никаких нет, — наконец дрогнувшим голосом произнесла она. — Мы с профессором Яновским надеялись, что положение хотя бы удастся стабилизировать, но — увы... — развела она руками. — Ваш муж производит впечатление крепкого, сильного, здорового человека. С более легкими ранениями его организм справился бы без усилий. А сейчас его состояние очень серьезное, даже, я бы сказала, угрожающее...

— Благодарю вас, — Ольга Борисовна с трудом совладала с собой, — за то, что вы ничего от меня не скрываете.

Она несколько минут постояла перед дверью палаты, собираясь с духом, потом вошла.

Столыпин лежал на подушках. Бросалась в глаза желтизна его лица, резко выделялись розовые оспины. Сердце у Ольги Борисовны сжалось при виде его бесильно распластанного тела. Даже глаза, которые она так любила, яркие, неизменно горящие, «огненно-черные», пригасли и как бы подернулись пеплом.

— Здравствуй, мой дорогой. — Ольга Борисовна попыталась улыбнуться, но не сознавала, что губы ее лишь болезненно искривились. — Как ты себя чувствуешь?

Она подошла к постели и села рядом на стул.

— Не могу сказать, что хорошо... Терпимо... Ну да что об этом говорить, — отмахнулся Столыпин. — Зато отдохну теперь... — Он взял своей крупной, красивой лепки рукой дрожащие пальцы жены. — Ну-ну, Олюшка, не надо... Крепись. Тебе понадобится много сил.

— Да, я знаю. — Ольга Борисовна кивнула, стараясь не расплакаться. — Не перестаю молиться...

— Я сделал все распоряжения, — продолжал Петр Аркадьевич. — Оставляю в порядке и государственные, и private дела. Обещай мне, что сразу же... после всего... уедешь с детьми в Колноберже.

— Да. Все будет, как ты хочешь. — Женщине удалось совладать с волнением, и голос ее звучал почти как обычно. — Мы уедем и там станем жить.

— Прости... — Столыпин поднес к губам руку жены

и поморщился от боли, которую вызвало это незначительное усилие. — Прости за то, что причиняю тебе... беспокойство. Жизнь со мной была не самой сладкой...

— Я ни минуты, ни секунды никогда не сожалела о том, что стала твоею женой, — быстро сказала Ольга Борисовна. — За все эти годы ты не давал мне для этого повода.

— Но ведь ты не любила меня, верно? — с тоской произнес Петр Аркадьевич. — И связала свою жизнь с моей только потому, что выполняла данное моему брату обещание.

— Это не так, Петя. — Женщина покачала головой. — Хотя в одном ты прав: когда мой жених умирал и соединил наши руки, требуя, чтобы мы не разлучались с тобой, я дала эту клятву, чтобы успокоить, утешить его. Тогда — верно — я тебя не любила. *Еще* не любила, — поправила она себя.

— А я влюбился в тебя с того мгновения, как увидел, — признался Столыпин, и по его лицу пробежала слабая тень бывшего воодушевления. — И ужасно мучился оттого, что ты должна была принадлежать другому... И не какому-нибудь постороннему человеку, а моему обожаемому братцу. То, что случилось, стало для меня полнейшей неожиданностью... И клятва, которой он нас связал навсегда, и его смерть...

— Я не знала, что ты был в меня влюблен, — поразились Ольга Борисовна. — Ты казался таким же растерянным, как и я... и ты не торопился делать предложение.

— Я боялся, что ты меня ненавидишь. — Петр Аркадьевич слегка усмехнулся. — Ну, может быть, это слишком сильное слово... Что я для тебя — нежеланный заместитель того, кого ты любила по-настоящему.

— Я не помню той любви. — Ольга Борисовна погрустнела от нахлынувших воспоминаний. — Помню боль от утраты... А потом был только ты.

— Ты притерпелась, привыкла... — с горечью сказал Столыпин. — Глупо было надеяться на нечто большее.

— Меня никто не принуждал выходить за тебя, — возразила жена. — Я сделала это добровольно, хотя и без особой охоты. И конечно, тогда я не пылала к тебе ни безумной страстью, ни трепетным романтическим

чувством... Но ты, Петя, был достаточно деликатен, и я не могла этого не оценить. Я привязалась к тебе, я родила тебе детей, и мы прожили жизнь в согласии и взаимопонимании. Разве этого мало?

— Но ты не любила меня, — упрямо повторил Столыпин. Боли у него усиливались. — Ну не смешно ли — быть всю жизнь влюбленным в собственную жену, к тому же — без взаимности?

— Ну как же я могла тебя не любить? — мягко произнесла Ольга Борисовна. — Другое дело, что, может быть, я не умела проявлять своей любви... Или она не была такой же всеобъемлющей и большой, как твоя... Но я тебя любила и люблю.

— Разве можно обманывать умирающего? — шутивым тоном осведомился Петр Аркадьевич, но на лбу у него, жена видела, блестят капли пота. — Мне легче прощаться с жизнью, если ты меня не любила... Понимаешь?

— Нет. — Ольга Борисовна покачала головой. — Боюсь, этот разговор утомителен для тебя, Петя. Ты лучше отдохни...

— Поцелуй меня, — сказал муж.

Женщина прикоснулась к его влажному лбу губами.

— Не так, — сказал Столыпин. — По-настоящему.

Они поцеловались.

— А теперь иди. — Петр Аркадьевич устало прикрыл глаза. — Я немного отдохну. А потом хочу проститься с детьми. Ты приведешь их...

— Хорошо, Петя. — Ольга Борисовна перекрестила мужа. — Постарайся заснуть.

Она вышла, тихонько притворив за собой дверь.

— Ну как папа, мама? — бросилась к ней Маша.

— Он очень измучен. — Ольга Борисовна дала наконец волю слезам. — Маша, Маша, неужели мы его потеряем?

Дочь обняла мать за плечи:

— Мама, мамочка, не надо, моя родная! Будем надеяться, что Бог услышит наши молитвы и папа выздоровеет...

— Как ты счастлива, что у тебя такой отец, — вздохнула Ольга Борисовна. — Он необыкновенный человек. Другого такого нет и не будет.

— А о чем вы так долго беседовали? — спросила Маша и удивилась, услышав в ответ:

— О любви.

«Новое время» (Киев. 6 сентября 1911 года):

«В десять часов двенадцать минут Петр Аркадьевич Столыпин тихо скончался. В истории России начинается новая глава».

От Петербургского телеграфного агентства (Киев. 9 сентября):

«Сегодня в день погребения председателя Совета министров статс-секретаря Петра Аркадьевича Столыпина повсеместно в империи были совершены заупокойные литургии и отслужены панихиды в присутствии местных административных властей, гражданских и военных чинов, представителей общественных учреждений, учащихся и при громадном стечении народа».

— Сынок, не могу понять, почему ты это сделал? — горько вопрошал Григорий Дмитриевич. — Ну скажи мне, чего тебе не хватало?

— Ты был таким хорошим, ласковым мальчиком, — всхлипывала мать. — Ну, показывал иногда характер... Но убить человека? Да еще такого большого начальника...

— Зачем вы пришли? — скучающим тоном произнес Богров. Ему было стыдно. И жалко родителей, которые вдруг резко постарели, стали маленькими и беспомощными. Но ни в коем случае нельзя было подавать виду, будто ему свойственны обычные человеческие чувства. Олимпийское спокойствие и пренебрежение к жизни — вот отныне его девиз. — Я сделал то, что сделал и что считал необходимым. И без страха смотрю в грядущее.

— Какое грядущее? — с недоумением спросил Григорий Дмитриевич. — Тебя казнят, Митя, тебя повесят, рядом с преступниками и негодьями. Ты это называешь грядущим? За что? За что ты обрушил на наши седые

головой этот невыносимый позор, эту ужасную боль? За что ты убил Столыпина? Он порядочный человек...

— Он реакционер, — возразил Богров. — Обскурант и мракобес.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — покачала головой мать. — Разве мы учили тебя убивать людей? Даже если ты с ними не согласен...

— А ты подумал, что будет завтра? — Григорий Дмитриевич показал в сторону зарешеченного окна. — Какая толпа пойдет громить евреев за то, что ты выстрелил в премьер-министра?

— Я стрелял в него не как еврей, — напыщенно возразил Митя, — а как революционер.

— Они, — отец еще раз ткнул пальцем в решетку, — разбираться не станут... Они будут убивать всех подряд...

— Против этого я и боролся, — устало возразил Митя. Он чувствовал, что силы его на исходе. Еще немного — и он расплчется, как мальчишка. — Против несправедливости и бесправия, за равенство всех перед законом.

— Где ты боролся, сын? — Отец заглянул Мите к глаза. — Там, в театре? Или на этих ваших сходках? Или, может быть, в охранном отделении?

Богров был неприятно поражен.

— При чем здесь охранка? — возмущенно запротестовал он. — В чем ты меня подозреваешь?

— Ах, сынок, — вздохнула мать, — ты совсем запутался... Лучше бы все нам рассказал... раньше...

— Господин Кулябко сказал нам, что ты сотрудничал с его ведомством, — сухо объяснил Григорий Дмитриевич. — Ты что, начитался шпионских книжек и решил, что ты можешь сыграть роль двойного агента? Да посмотри на себя! Тебя обманули, провели, использовали, как дурака! А ты еще героя из себя корчишь!

— Не ори на него, — вступилась за Митю мать. — Ну сглушил, ну с кем не бывает... Если б за это еще не вешали...

— Уходите, — глухо сказал Богров. — Я хочу остаться один.

Из воспоминаний генерала П. Г. Курлова:

«...Я думаю, что в партии знали или догадывались о прежней деятельности Богрова, а потому могли потребовать от него той или иной услуги. Я не сомневался в его сведениях, сообщенных подполковнику Кулябко, как не сомневаюсь в том, что, может быть, за час до покушения на министра он не предполагал, что ему придется совершить этот террористический акт. Требование застало его врасплох, и он подчинился воле, от которой зависела его собственная жизнь. Это предположение не возбуждало бы во мне никаких сомнений, если бы убийство П. А. Столыпина было принято какой-либо революционной организацией на свой счет, но убийство это было встречено молчанием, хотя в революционной печати появлялись необыкновенно хвалебные гимны по поводу всякого, даже незначительного политического убийства. Возможно допустить, что сведения, сообщенные Богровым Кулябко, были вымышлены и он, пользуясь доверием к нему охранного отделения, решил выполнить террористический акт. Мероприятия по охране и в этом положении не подлежали никакому изменению, так как игнорировать эти сведения, по сложившейся в Киеве обстановке, не представлялось допустимым. Личных счетов с покойным министром у Богрова, конечно, быть не могло, а потому у него не могло быть и инициативы совершить это убийство с риском для своей жизни. Приходится, таким образом, прийти к убеждению, что этим преступлением руководила какая-либо иная, неведомая нам сила...

Следствию ее обнаружить не удалось, да, по-видимому, оно к этому и не очень стремилось. На мое заявление, что не следует торопиться предавать Богрова суду, а тщательно, путем политического розыска, расследовать мотивы преступления и возможных сообщников, мне было отвечено, что нежелательно вмешивать в судебное следствие политическую полицию...»

11 сентября 1911 года
Киев, Лысая гора

— Куда идти? — спокойно спросил Митя.

Полицмейстер удивленно покосился на него и указал рукой на виселицу.

— Да, простите, не заметить ее трудновато, — хладнокровно сказал Богров. — Какая, однако, ирония: казнь совершается на Лысой горе!

Он произносил свои реплики громко и отчетливо, как актер на сцене. И знал, что сегодня же присутствующие на казни будут пересказывать их своим знакомым, те — своим, и уже через неделю весь Киев узнает, как мужественно он, Богров, вел себя во время казни.

Читали приговор. Митя скучающим взглядом скользил по публике. Кое-кого он узнавал. И небрежно кивал знакомым.

— Может быть, вы желаете исповедаться? — обратился к нему помощник секретаря окружного суда. — Здесь присутствует общественный раввин.

— Мы будем говорить с ним наедине? — поинтересовался Богров.

Помощник секретаря пошептался с товарищем прокурора. Тот отрицательно замотал головой.

— Это невозможно, — развел руками помощник секретаря. — При исповеди в обязательном порядке должен присутствовать полицейский.

— Я своих тайн полиции не доверяю, — важно сказал Митя. — И отказываюсь от исповеди.

— В таком случае, — сконфузился помощник секретаря, — мы вынуждены приступить к... исполнению приговора.

— Приступайте, — равнодушно разрешил Богров.

Ему накинули на голову мешок, и он почувствовал, как шею захлестнула веревка.

— Сюда пожалуйста, — шептал на ухо сквозь ткань палач и нежно, как возлюбленную к постели, подталкивал осужденного к скамье, на которую нужно было подняться.

Митя влез на скамью и в то же мгновение почувствовал, как ее выбивают у него из-под ног, а сам он взмывает в воздух. Он хотел крикнуть: «Да здравствует

революция!» — но петля затянулась на горле, хрустнули шейные позвонки, и все исчезло.

Когда тело провисело пятнадцать минут, как того требовал закон, палач снял его с виселицы. Стояла полная тишина. Только шипели, чадая, горящие факелы в руках стоявших вокруг околоточных и городских.

К лежащему на земле телу Богрова подошел городской врач. Он пощупал пульс, оттянул веко и заглянул в глаз.

— Можно констатировать смерть, — громко сказал он.

Все сразу зашевелились, задвигались, заговорили.

— Быстро мы управились, — взглянув на часы, обратился один помощник полицмейстера к другому. — На все про все потратили три четверти часа. Мы с вами еще успеем к Киселеву на партию в вист...

— Не рассчитывайте на меня, — отозвался, позевывая, коллега. — Я домой, под теплый бочок к жене, и спаточки...

Было 10 часов 45 минут вечера 11 сентября 1911 года.

*12 сентября 1911 года
Санкт-Петербург*

— Надеюсь, вы не станете заслонять меня так, как это делал Столыпин, — сказал император вновь назначенному председателю Совета министров Владимиру Коковцову.

Слышавшие эти слова были неприятно поражены. Николай невольно скаламбурил: многие считали, что выстрел в Киевском городском театре был направлен в высочайшую грудь и покойный Петр Аркадьевич буквально, а не в переносном смысле своим телом заслонил царя. Впрочем, при дворе привыкли и к крутым переменам привязанностей его величества, и к интригам, и к злословию. Шокировало лишь то, что император изволил прилюдно признаться в своей нелюбви к покойному премьеру над его свежей могилой...

По завещанию Столыпина его похоронили там, где

он умер, — в Киеве. Ольга Борисовна, сильно похудевшая, уехала с детьми в Колноберже.

Канашкин с Букашкиным были снова командированы за границу на очередной съезд РСДРП(б).

Российская жизнь покатила своим чередом. И вскоре великие реформы Петра Аркадьевича были преданы забвению.

Эдмон Тэри, экономический обозреватель (Франция):

«Я должен констатировать со всей беспристрастностью, что Россия понесла большую потерю в лице Столыпина, убитого в Киеве в сентябре 1911 года».

Из воспоминаний П. Н. Милюкова:

«П. А. Столыпин принадлежал к числу лиц, которые мнили себя спасителями России от ее «великих потрясений». В эту свою задачу он внес свой большой темперамент и свою упрямую волю. Он верил в себя и свое назначение. Он был, конечно, крупнее многих сановников, сидевших на его месте до и после Витте. Для заслуженных сановников Государственного совета он был чужим, выскочкой, пришельцем со стороны — и болезненно чувствовал свою изоляцию. Он был призван не на покой, а на проявление твердой власти; власть он любил, к ней стремился и, чтобы удержать ее в своих руках, был готов пойти на многое и многим пожертвовать. Не чуждый идеологий, которые были традицией в его семье, он был не чужд и интриги. Своих союзников он склонен был трактовать как очередные орудия своего продвижения к власти и менять их по мере надобности. Если принять в расчет его нетерпение победить и короткий срок его взлета, эта быстрая смена могла легко превратить вчерашних друзей в соперников и врагов — раздражать покровителей сменой внезапных капризов. А главным покровителем был царь, не любивший, чтобы им управляла чужая воля. Такова история возвышения и падения Столыпина, вернувшая его в конце к одиночеству, из которого он вышел, и к трагической

развязке... После мартовского кризиса Столыпин, по показанию Коковцова, стал «неузнаваем». Он «как-то замкнулся в себе». Что-то в нем оборвалось, былая уверенность в себе куда-то ушла, и сам он, видимо, чувствовал, что все кругом него, молчаливо или открыто, настроены враждебно...

Приехав в Киев 28 августа, Коковцов застал Столыпина в мрачном настроении, выразившемся в его фразе:

— Мы с вами здесь совершенно лишние люди.

...Во втором антракте Коковцов подошел к Столыпину проститься, так как уезжал в Петербург, — и выслушал просьбу Столыпина взять его с собой:

— Мне здесь очень тяжело ничего не делать.

...Столыпина выносили из театра на кресле; толпа повалила преступника на пол, потом полиция увела его. Начался разъезд. Коковцов вместо вокзала поехал в клинику и автоматически принял на себя обязанности Столыпина. Ему сообщили, что готовится еврейский погром, и он распорядился вернуть в город три казачьих полка, которые готовились к смотру следующего дня, так как программа торжеств ни в чем не была изменена. На молебствие в соборе, назначенное в полдень 2 сентября, «никто из царской семьи не приехал, и даже из ближайшей свиты государя никто не явился». А один член Государственной думы подошел к Коковцову и выразил сожаление, что он своей мерой пропустил «прекрасный случай ответить на выстрел Богрова хорошеньким еврейским погромом». Царя Коковцов нашел «совершенно спокойным»; он только «заметил, что полкам, конечно, было неприятно не быть на смотре после маневров». На опасения Коковцова относительно исхода покушения Николай ответил упреком в «обычном пессимизме».

4 сентября вечером, соблюдая программу, Николай отплыл в Чернигов... Столыпин был еще жив, но уже терял сознание, и царь, прямо с пристани, поехал в лечебницу поклониться его праху. Вернувшись во дворец, Николай вызвал к себе Коковцова и предложил ему, уже формально, пост председателя Совета министров».

5 октября 1911 года

Крым. Ливадия

— Поше мой, какая плакотать! — Императрица с наслаждением любовалась морским простором. — Флатимир Николаевитш, што фы такой мрачный? Ну, феселей ше! Феть сефодня тень именин моефо сына... Прошу фас, улыпнитесь!

— Ах, ваше величество. — Коковцов тоже не отрывал взгляда от катившихся далеко внизу валов. — У меня из головы нейдут ужасные пророчества покойного Петра Аркадьевича... Еще недавно, весной, он в свойственной ему образной манере говорил, что накопленным его реформами «жиром» страна может продержаться еще лет пять... А потом? Неужто нас ожидают новые тяжкие испытания?

— Владимир Николаевич! — Царь с упреком взглянул на свежеепеченного премьер-министра. — Могли бы воздержаться хотя бы сегодня. Все образуется, если вы не ступите на путь этих ужасных политических партий, которые спят и видят, как бы захватить власть или поставить правительство в роль подчиненного их воле.

— Но, ваше величество, — ответил пораженный до глубины души Коковцов, — я всегда был вне партий... Однако в данном случае мое положение гораздо труднее положения покойного Петра Аркадьевича в смысле работы с законодательными учреждениями...

— Я фишу, што фы фсе телаете срафнения мешту сопою и Столыпным, — переглянувшись с мужем, вмешалась Александра Федоровна. — Мне кашется, што фы отшен чтите ефо память и притаете слишком мноко сначения ефо теятельности и ефо личности...

— Он был крупной фигурой, — в растерянности пробормотал Коковцов, — реформатором, каких мало в истории...

— Оставьте историю историкам, — нахмурился Николай. — Она сама рассудит, кто чего заслуживает.

— Ферьте мне, не нато шалеть тех, кофо не стало, — желая загладить грубость супруга, мягко сказала императрица. — Я уферена, што каштый исполняет сфою роль и сфое насначение, и если кофо нет срети нас, то

это потому, што он уше окончил сфю роль и толшен стушеваться, так как ему нечефо больше исполнять.

— Но, ваше величество... — Коковцов неловко развел руками и в поисках поддержки оглянулся на государя. Но Николай отошел к парапету и закурил папиросу.

— Фы не толшны стараться слепо копирофать то, что телал фаш предшестфенник, — продолжала между тем Александра Федоровна, не обращая внимания на смятение Владимира Николаевича. — Путье самим сопою. Не исчите поттершки в политических партиях: они у нас так несначительны. Опирайтесь на тоферие государя. Я уферена, што Столыпин умер, штопы устуть фам место. Это тля блага России...

В 1906 году только что назначенный на пост министра внутренних дел Столыпин говорил:

«Мне рисуется волшебный круг, из которого выход, по-моему, такой: применять существующие законы до создания новых, ограждая всеми способами и по мере сил права и интересы отдельных лиц. Нельзя сказать часовому: у тебя старое кремневое ружье, употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних; брось ружье. На это честный часовой ответит: покуда я на посту, я буду стараться умело действовать старым».

Он был прекрасный оратор. Его даже упрекали за словоохотливость и за красоту слога. Но он не просто краснобайствовал. Он так думал. И так поступал.

Он был искренен. Он был недостаточно грязным для реальной политики. Он не играл по дозволенным правилам игры. И за это его убили.

«Власть не может считаться целью. Власть — это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка» (Петр Аркадьевич Столыпин).

О Г Л А В Л Е Н И Е

1. Выстрел в театре	3
2. Художник в деле террора	9
3. Рождественская пастораль	23
4. Натура чисто аферическая	46
5. Погром в Кишиневе	60
6. Заседание продолжается	71
7. Бомба для министра	88
8. Смерть министра	110
9. Наследная болезнь	121
10. Кровавое воскресенье	133
11. Смутное время	155
12. «Не ведают бо, что творят»	175
13. «Отречемся от старого мира»	195
14. Манифест	212
15. «Мертвым — свобода, живых — под арест»	224
16. Новое назначение	248
17. Покушение на ангела	259
18. Русский Бисмарк	271
19. «Я не торгую кровью своих детей»	282
20. Столыпинский галстук	302
21. Погоня	321
22. Кошки-мышки	343
23. Свободных мест нет	364
24. Кутеж	376
25. Разоблачения	389
26. Пророчества	400
27. Исчезновение	410
28. Заговор	421
29. Хроника последних дней	444

Литературно-художественное издание

Петр Юрьевич Самбурский
Юрий Юрьевич Самбурский

ВЫСТРЕЛ В ТЕАТРЕ

Редактор

М. К. Холмогоров

Художественный редактор

О. Н. Адакина

Технический редактор

Н. В. Сидорова

Корректор

О. В. Селиванова

Сдано в набор 26.02.97.
Подписано в печать 19.03.97.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 24,0.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 275.

«Олимп».
Изд. лиц. ЛР № 07190 от 25.10.96.
123007, Москва, а/я 92

ООО «Издательство АСТ».
Лицензия ПИМ № 01372 от 16.04.96.
366720, РИ, г. Назрань, ул. Фабричная, 3

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России.
144003, г. Электросталь Московской обл.,
ул. Тевосяна, 25.

OCR - Давид Титиевский, февраль 2017 г., Хайфа

РУССКИЕ ТАЙНЫ

Впервые!

Правда о ключевых моментах истории России!

Величайшие преступления XX века, без тайн и искажений!

Подлинные документы спецхранов и советских архивов!

За каждой тайной – новые, за каждым преступлением – цепь других. История нашей страны – впервые без прикрас.

История, полная безжалостных сражений за власть, изощренных интриг и кровавых секретов...

ВЪ ГОРОДСКОМ ТЕАТРЪ

1-го сентября 1911 года